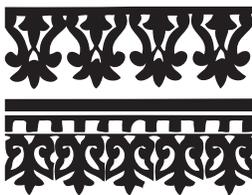

томская
классика

Владимир Обручев

Избранное

Томск-2015

УДК 821.161.1-32 Владимир Обручев
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
0-24

Владимир Обручев. Избранное. Книжная серия «Томская классика» — Томск, 2015. — 304 с. Составитель и автор послесловия Николай Серебренников.

Книжная серия «Томская классика»
выходит при поддержке губернатора Томской области
Сергея Анатольевича Жвачкина

Томская писательская организация благодарит
руководителей ООО «Межениновская птицефабрика»
Андрея Андреевича Чуркина,
Леонида Викторовича Ющенко,
Владимира Николаевича Хорошилова,
Фёдора Николаевича Халецкого
за финансирование издательского проекта
«Томская классика»

ISBN 5-902350-01-8
ISBN 5-902350-10-7

© Н. Серебренников: составление, 2015
© Томская писательская
организация: переиздание, 2015

На Столбах

Часть I. Богиня Любви

I

На правом берегу могучего Енисея, немного выше города Красноярска, расположена живописная местность, носящая название «Столбы». Здесь над волнистой поверхностью высоких грив и увалов, покрытых ещё густым лесом несмотря на соседство большого города, в разных местах поднимаются утёсы разнообразной формы и высоты. Одни имеют вид громадной кучи глыб, набросанных друг на друга, другие представляют мощные гранитные массивы, только рассечённые более или менее многочисленными трещинами на крупные части. Эти массивы имеют различные формы, а трещины, превращённые вековым выветриванием в более или менее широкие щели, придают утёсам ещё более разнообразия. Местное население дало отдельным столбам различные названия: Токмак, Голубки, Перья, Львиная пасть, Старик, Дитя. Всего насчитывают двенадцать столбов. Некоторые из них поднимаются так высоко над лесом, что их можно видеть издалека, с другого берега Енисея, даже из Красноярска; другие скрываются в лесной чаще, и их найдёт только тот, кто хорошо знает все тропы в этой местности.

Одни гранитные утёсы гордо подставляют свою крепкую каменную грудь ветрам и непогодам, другие уже покрылись серыми и красными лишаями, разъедающими постепенно самый прочный камень; третьи поросли зелёным мохом, а в трещинах уже укрепились кусты, молодые и старые деревья. Иногда высоко на голой отвесной стене видно молоденькое деревце, словно прилипшее корнями к утёсу, растущее прямо из камня; ветер треплет его беспощадно, но не может вырвать, и оно будет расти и крепнуть, одинокое на своём посту, словно часовой, поставленный высоко над лесом.

Глыбы, оторванные временем от утёсов и скатившиеся вниз, лежат порознь, кучами или валами у подножия столбов, более или менее скрываясь под мхами, кустами и лесом. Вокруг столбов расстилается тайга, хотя и топтанная и порченная людьми, но всё-таки ещё густая, с травой до пояса или даже в рост человека; поэтому вне торных тропинок проби-

---

раться сквозь неё нелёгкий труд, в особенности летом, когда мошка, комары, слепни и оводы не дают ни минуты покоя и когда испарения влажных долин после обильных дождей делают воздух тяжёлым.

Вперемежку растут здесь красные сосны и бурые могучие лиственницы, белые берёзы и серые стройные осины, а на дне долин и на северных склонах гор к ним присоединяются ещё тёмные ели. Кусты черёмухи, боярки, калины, шиповника, таволги, болиголова, малины образуют высокий или низкий подлесок, переплетаясь местами со жгучей сибирской крапивой, достигающей человеческого роста.

«Столбы» хорошо известны горожанам Красноярска как самое живописное место окрестностей. Как только наступит полная весна, сгонит снега в лесах и оденет деревья и землю молодой зеленью, к Столбам начинают тянуться пары, группы и целые десятки экскурсантов, навьюченных одеялами, котелками, чайниками и провизией; идут большею частью пешком, редко кто едет верхом. Громадное большинство экскурсантов состоит из зелёной молодёжи, зрелые и пожилые люди составляют исключение. И это понятно, потому что экскурсия требует затраты немалого времени и порядочных сил: из города можно проехать несколько вёрст на пароходике к устью речки Лалетиной, но затем нужно идти пешком по тропе, вёрст десять лесом, поднимаясь всё выше и выше, иногда по грязи или под дождём, отмахиваясь от комаров и прочего гнуса; да ещё нужно тащить на себе походную утварь, постель и провизию, потому что в тот же день вернуться назад не успеешь, и приходится провести по крайней мере одну ночь в лесу. Конечно, можно нанять в городе верховую лошадь с проводником, но это обходится дорого и доступно тем, кто вообще уже не находит удовольствия в том, чтобы ночевать в лесу, подвергаться укусам насекомых, лазить по гранитным утёсам, рискуя сломать себе шею.

Но для юношей и девушек, не знающих, куда девать избыток сил и восприимчивых к очарованию дикой, девственной природы, Столбы представляют заманчивую цель, и их посещают по нескольку раз в лето, не ограничиваясь прогулкой и ночлегом в лесу; цель многих экскурсантов — взбираться на сами столбы. Некоторые из них доступны и для неопытных, но на большинство нельзя подняться без помощи верёвок, поэтому восхождение на них представляет задачу нелёгкую и небезопасную. Нужно карабкаться по голым и гладким стенам гранита, пользуясь малейшей впадиной, чтобы поставить ногу, малейшим выступом, чтобы зацепиться рукой,

---

каждой трещиной, чтобы засунуть в неё колышек и сделать себе ступеньку. Нужно быть совершенно свободным от головокругения, обладать крепкими мускулами, быть уверенным в себе и иметь опыт в лазании. Поэтому далеко не все посетители Столбов совершают восхождения на самые трудные утёсы и далеко не все заслуживают названия «столбистов», которым в Красноярске обозначают всех любителей этой экскурсии.

И теперь ещё таких настоящих столбистов, отправляющихся в экскурсию с верёвками, длинными палками и железными зубьями, подвязываемыми к подошве сапог, насчитывается немного, а тридцать лет тому назад, когда не было сибирской железной дороги и Красноярск представлял собой маленький городок, их было гораздо меньше. Тогда не было и пароходика по реке к Лалетиной, и приходилось идти пешком весь путь от города, переправляясь на двух паромах через оба рукава Енисея.

II

История, которую мы описываем, случилась именно около тридцати лет тому назад, когда Красноярск был глухим сибирским городком, отрезанным огромными расстояниями и плохими путями сообщения от культурных центров. Жизнь текла однообразно, интересы её сосредоточивались на транзите товаров — на восток в Иркутск и на запад в Томск, на юг в Минусинск и на север в Енисейск, да на золотопромышленности в тайге, особенно енисейской.

Среди столбистов того времени выделялась своей ловкостью и отвагой одна молодая парочка — гимназистка старших классов Варвара Гавриловна Громова и студент Казанского университета Антон Иванович Ваньковский. Она была дочерью золотопромышленника средней руки, проживавшего большую часть года на своих приисках в южноенисейской тайге и доверившего воспитание дочери хозяйке ученической квартиры, своей дальней родственнице. Ваньковский был сыном городского врача, сосланного в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года, устроившегося в Красноярске, приобретшего хорошую практику и не помышлявшего больше о возвращении на родину; Антон кончил местную гимназию и поступил на юридический факультет Казанского университета, в то время ближайшего к Красноярску, но всё-

---

таки настолько далёкого, что юноша мог приезжать домой только во время длинных летних каникул.

Антон познакомился с Варей ещё на гимназической скамье, и, когда оба достаточно возмужали и окрепли, они сделались страстными столбистами. Каждую весну, как только лесные тропы становились проходимыми, они начинали восхождения на столбы и за лето успевали облазить все по нескольку раз. Постоянная близость среди молчаливого леса, преодоление общими силами трудностей и опасностей восхождений создали в молодых людях прочные взаимные симпатии; чувство обнаружилось и окрепло во время первой разлуки, когда Ваньковский уехал почти на целый год в Казань. На следующее лето, во время первой же совместной экскурсии, на вершине самого высокого и трудного столба произошло объяснение, и целое лето молодая парочка опьянялась очарованием взаимной любви и мечтала о том недалёком уже будущем, когда оба уедут учиться в столицу и поженятся. Материальные средства не составляли для них препятствия, так как довольно состоятельные отцы могли уделить им достаточно денег для скромной жизни в столице. Нужно было переждать только год, необходимый Варе для окончания гимназии.

Этот год пролетел. Стояли чудные дни первой половины июня, когда Ваньковский приехал опять в Красноярск на каникулы и встретился с Варей, отлично окончившей курс и ожидавшей с нетерпением своего жениха, чтобы начать экскурсии на милые столбы. Природа уже меняла свой ярко-зелёный весенний наряд на более тёмный летний, но лесные прогалины и лужайки на дне долин ещё пестрели разнообразными яркими цветами и травы ещё не успели вырасти до пояса и не давали приюта мошке и оводам, преследующим путника в более позднее и жаркое летнее время. Пока одни только комары пели в тени лесов и собирались перед закатом целыми столбами на лужайках.

На следующий день по приезде Антона молодая парочка уже отправилась в экскурсию: каждый нёс одеяло, дождевой плащ, консервы и сухари, сахар и чай; к поклаже Вари был ещё привязан чайник, а Антон нёс кольцо тонкой, но крепкой верёвки и железные зубья. Снаряжение дополнялось охотничьим ружьём и револьвером, так как в то время окрестности города не были вполне безопасны: вместе с летом начиналась тяга разных бродяг — беглых каторжан и поселенцев, — возвращавшихся вдоль Московского тракта на родину, за Урал; встреча в тайге с бродягой не всегда могла кончиться благополучно для безоружного человека.

III

На заре молодые люди уже вышли из дома, миновали улицы сонного города, подошли к Енисею, катившему ещё избыток мутной, бурой воды, переехали на первом пароме через левый рукав, пересекли широкий галечный остров, заросший густым талом, и вышли ко второму парому. По правому берегу реки шли лугами мимо деревушки Базаихи и далее между опушкой леса и зеленеющими пашнями до речки Лалетиной. Возле речки в роще сделали первый привал, вскипятили чайник и позавтракали.

Далее дорога пошла вверх по долине Лалетиной, то по густому лесу, то по цветникам лужаек. С обеих сторон уже поднимались крутые горные склоны, иные зелёные, поросшие травой, иные с красноватыми скалами, но большею частью одетые лесом, взбегавшим кудрявыми волнами, пронизанными щетиной елей до самого гребня.

Постепенно долина становилась уже, склоны выше, леса гуще и старше, а ходьба по тропе труднее; в тени вековых деревьев в глубоких ямах между корнями ещё не просохла грязь от последних дождей, а глинистая почва тропы оставалась ещё влажной и скользкой. Время от времени тропа пересекала устья боковых долин, где лужайки вдоль русла ручьёв были напитаны водой, а из густой травы, встревоженные путниками, поднимались рои комаров.

Вскоре подъём сделался круче, тропа пошла в гору по левому склону долины, по густому лесу, извиваясь между толстыми стволами могучих лиственниц или прорезывая узким коридором чащу молодого ельника или осинника. Антон шёл впереди, прочищая дорогу, отбрасывая в сторону сучья, нагромождённые по тропе зимними бурями, отгибая молодые поросли, мешавшие пройти. По временам путники останавливались, чтобы перевести дух, полюбоваться зелёной поляной, залитой солнечным светом и пестреющей яркими цветами, или взглянуть на ближайший столб, открывающийся иногда при поворотах тропы над вершинами леса и казавшийся снизу таким высоким и неприступным. При таких остановках молодые люди прислушивались к пению лесных птичек, к крику кукушки, раздававшемуся то совсем близко, то чуть слышно.

— Загадаем шутки ради, сколько лет нам осталось жить, — предложила Варя во время одной остановки, слушая кукушку. Её жених, конечно, согласился, и, когда кукушка замолкла, он спросил громко:

— Кукушка, скажи, сколько лет проживёт моя Варюша?

Птица, немного погодя, стала опять кричать и кричала так долго, что молодые люди сбились со счёта; Варя говорила, что она насчитала тридцать девять, а Антон утверждал, что сорок два.

— Во всяком случае, твой век будет долгий, — сказал он, смеясь. — А про мой век спрашивай ты!

Варя задала вопрос. Кукушка долго не отвечала, а затем прокуковала четыре раза и хрипло засмеялась.

— Ах ты негодная! Ещё смеётся! — вскрикнула Варя, искренне возмущённая и огорчённая ответом, неблагоприятным для её планов о долгой совместной жизни с любимым человеком.

Но Антон быстро поборол неприятное чувство, охватившее его при ответе птицы, и спросил её, сколько у них будет детей. Когда ответ получился «одиннадцать», Варя шумно протестовала, заявляя, что она совсем не желает заниматься одним рожанием и кормлением детей. Антон успокоил её, сказав, что ведь ему, по пророчеству той же кукушки, осталось жить только четыре года, и потому одиннадцать ребят едва ли возможно им иметь, разве по тройне каждый год. Эта перспектива очень развеселила Варю, которая долго хохотала, пробираясь вслед за своим спутником по густому ельнику, в который завела их тропа.

— Знаешь, Варя, нужно задать кукушке ещё один вопрос, в данное время для нас самый интересный.

— Какой же, Тоня?

— Через сколько дней мы поженимся? Ведь от этого зависит возможность иметь одиннадцать ребят в четыре года; нам нужно торопиться!

— Это я знаю лучше кукушки, — ответила Варя, немного рассердившись. — Но тебе не скажу и могу сделать так, чтобы ответ кукушки оказался неверен.

В это время кукушка очень близко прокричала один раз и захлопала крыльями, очевидно, перелетая на другое место.

— Ты слышала, Варя? — торжествующе спросил Антон.

— Но вопрос не был ещё поставлен, и ответ не имеет значения, — возразила девушка, зардевшись.

— Я поставил его про себя, пока ты порочила кукушку.

— Ну ладно, там видно будет. Идём дальше, — сказала Варя нетерпеливо.

Пошли дальше. Тропа повернула влево и, извиваясь по густому молодняку, перевалила через плоский гребень, за которым сразу открылась небольшая поляна у подножия первого

столба. За поляной среди красных стволов высоких сосен и между двумя крупными глыбами гранита, давно уже свалившимися сверху, был устроен шалаш, по-сибирски — балаган, в котором обыкновенно ночевали столбисты. Поверх жердей, упиравшихся одним концом в землю, другим — в гранитную глыбу, были положены большие куски коры, содранные с толстых лиственниц, так что получилась достаточная защита от дождя и солнца. Правда, защищённая площадь могла поместить только несколько человек, но в те годы число столбистов, ночевавших одновременно в шалаше, редко превышало трёх-четырёх; в крайнем же случае устройство второго балагана потребовало бы не более получаса дружной работы.

IV

Время было уже около полудня, когда Варя и Антон подошли к балагану, так что пора было подумать об обеде после длинного пути. Скинув свою ношу в тени сосен возле балагана, молодые люди занялись приготовлением пищи. Варя быстро набрала сухого валежника и начала разжигать костёр, а Антон с чайником пошёл в соседний широкий лог, где среди высокого осинника и густых зелёных трав сочился маленький ключ чистой воды, известный опытным столбистам. Не будь этого ключа, столбистам приходилось бы ходить за водой больше версты, спускаясь глубоко вниз, в долину, а затем поднимаясь опять наверх.

Когда Антон вернулся с чайником, возле балагана уже весело потрескивал небольшой костёр, а Варя раскладывала на салфетке, заменявшей скатерть, ветчину, варёные яйца, домашние румяные булочки и аппетитные пирожки с мясом, с вареньем и с толчёной черёмухой. Пока чайник закипал на огне, молодые люди плотно закусили, а затем напились чаю из плоских деревянных чашек, употребляемых сибирскими крестьянами и инородцами. После обеда они разложили свои одеяла на опушке сосняка, чтобы ветер отгонял докучливых комаров, и легли отдыхать, вдыхая пряный аромат сосен, разогретых летним жаром, и перебрасываясь отдельными фразами, пока сон не сомкнул их уста.

Они проспали спокойно часа два, и на балаган легла уже густая тень ближайшего столба, когда шишка, сброшенная белкой с сосны, упала прямо на лицо Антона и разбудила его. Он взглянул на часы, потом потянулся к чайнику, чтобы глот-

---

нуть холодного чая, но чайник был пуст; приходилось идти за водой, тем более что и Варя, проснувшаяся раньше, но лежавшая ещё тихо с закрытыми глазами, чтобы не будить спутника, выразила желание попить ещё раз чайку прежде чем лезть на ближайший столб, которым они хотели ограничиться на этот день после далёкого пути из города.

После второго чаепития молодые люди собрали свои пожитки и сложили их в углу балагана, а сами, захватив верёвку и нарубив десятка два коротких колышков разной толщины, отправились на столб. Антон лез впереди, цепляясь за выступы и засовывая в трещины гранита в более трудных местах колышки, которыми затем пользовалась Варя, чтобы поставить ногу или держаться рукой. Верёвка оставалась пока без употребления — она должна была облегчить обратный путь вниз, более трудный, чем подъём, даже для опытного столбиста.

Минут через двадцать молодые люди взобрались на вершину столба, представлявшую небольшую ровную площадку, со всех сторон круто обрывавшуюся в бездну. С площадки открывался великолепный вид во все стороны до отдалённого горизонта, и глаз мог блуждать с места на место, долгое время не утомляясь, находя всё новые и новые картины. Вблизи из зелёного моря деревьев тут и там, словно скалы из волн, поднимались красноватые столбы, одни выше, другие ниже, рассечённые чёрными трещинами, местами широко зиявшими; иные столбы напоминали развалины стен и башен рыцарских замков средних веков. На соседнем к югу столбе, самом высоком, самом массивном и труднодоступном, с почти отвесными боками, на половине высоты обрыва виднелась площадка, казавшаяся издали маленькой, но занятая целой рощицей довольно крупных деревьев. На этот столб предстояло карабкаться на следующий день, почему молодые люди внимательно осмотрели его в бинокль, чтобы убедиться, не произошли ли за истекший год какие-либо заметные изменения, препятствующие восхождению.

Вокруг столбов шумело и волновалось зелёное море леса, местами светлого и кудрявого, где преобладали берёза и осина, местами тёмного и щетинистого, где в изобилии росли ель и сосна. Такой же лес расстилался и дальше по гребням и склонам плоских гор во все стороны, и только кое-где над этим зелёным морем поднимались красные скалы более далёких столбов. Лесистые склоны сбегали на дно глубоких долин, где, часто исчезая между кустами зелёного тальника или тёмными колоннами елей, серебрились ленточки рек

или выделялись своей более яркой и ровной зеленью луговые прогалины.

Такие же лесистые широкие гривы виднелись и дальше, одна за другой, без конца до самого горизонта, и только местами где-нибудь выделялась более высокая вершина или более узкая и мрачная долина. Невдалеке на севере в промежутках между плоскими горбами гор широкой полосой блестел Енисей, за ним чернели и зеленели пашни, а вдали большим светлым пятном белел Красноярск.

— Какая благодать, какой простор! — восторженно воскликнул Антон, сидевший на краю площадки, уперев голову на подогнутые колени. — Где мы найдём такую свободу, такую тишину?

— Уедем в тесный и душный город, будем видеть перед своим окном серую и грязную стену соседнего дома вместо зелени лесов, будем дышать копотью фабрик вместо воздуха, напоённого ароматом сосны, будем слушать грохот колёс по мостовой и свистки вместо шёпота ветерка в листьях и хвое, вместо плеска горных ручьёв, пения птиц, — заметила грустно Варя.

— Что же, оставайся здесь, тебя никто не гонит в столицу.

— А тебя кто гонит?

— Меня? Я должен учиться, добиваться собственного дела и места в мире. Отец стар и наследства мне не оставит.

— Получу ли я что-нибудь, тоже неизвестно. Говорят, золотой промысел — та же картёжная игра; сегодня пофартило, нашёл много золота и стал богачом, а завтра в надежде на большее закопал свои деньги в песок и остался ни с чем. Поэтому и мне лучше надеяться на себя, а не на отцовские деньги. Кроме того, — немного помолчав, продолжала Варя, — я хочу учиться, чтобы приносить пользу родине и людям. Вспомни, что мы уже два года тому назад вот на том столбе дали клятву жить и, если придётся, умереть ради пользы Сибири и ради всех угнетаемых, обираемых, истребляемых коренных жителей её. Поэтому я тоже должна ехать учиться в столицу, чтобы вернуться на родину знающим и полезным работником, а не дармоедом. А летом, каждое лето, мы ведь будем приезжать сюда, чтобы отдохнуть, набираться новых сил на могучей груди милых Столбов! — закончила она патетически.

Долго просидели молодые люди на вершине, любуясь видом сибирской тайги, обсуждая детали своей предстоящей жизни в столице. Постепенно солнце склонилось к закату, и длинные тени столбов вытянулись по зелёному морю. Пора

было подумать о спуске, который в сумерки становился даже опасным.

Антон вскочил, развязал круг верёвки, принесённой с собой, сложил её вдвое, заложил за выступ гранита на краю площадки и опустил оба конца вниз; таким образом снизу, после спуска, легко было снять верёвку со столба, отпустив один конец и дёрнув за другой. Первой начала спускаться Варя, ухватившись за верёвку одной рукой, а другой цепляясь за выступы или упираясь в обрывы, чтобы верёвка не начала раскачиваться. Когда она благополучно достигла нижней площадки под стеной, откуда спуск не представлял уже больших затруднений, полез вниз Антон, пользуясь той же верёвкой; догнавши Варю на площадке, он сдёрнул веревку с выступа, свернул её в круг, и далее молодые люди спустились легко по глыбам и уступам гранита к основанию столба, и к закату солнца вышли к балагану.

V

Возле балагана они застали уже других столбистов; это были три гимназиста последнего класса, немного знакомые Антону и Варе; они уже обошли и облазили все столбы и остановились на последний ночлег в балагане, чтобы на следующий день идти назад, в город.

Костёр уже горел, освещая красные стволы сосен. Последние лучи заходящего солнца пылали огнём на обрывах второго столба, который был виден с поляны у балагана, поднимаясь, словно массивная башня, и резко выделяясь над зелёным лесом на потемневшем фоне неба. Розовые перистые облака, тянувшиеся несколькими полосками на север, предвещали на завтра хорошую погоду.

В котелке гимназистов весело бурлила вода, и клубы пара вырывались из-под крышки; это варился суп из рябчиков, застреленных во время экскурсии. Антон, сбегавший за водой, подвесил и свой чайник рядом с котелком на берёзовую палку, воткнутую другим концом в землю. Обе партии столбистов соединились, уселись кружком вокруг одеяла, на котором были разложены припасы, и с молодым аппетитом принялись уничтожать закуски, затем похлебали деревянными ложками горячий суп, обглодали рябчиков и напились чаю.

За время ужина сумерки сгустились, и стало довольно свежо, на потемневшем небе заблестели звёзды. Пламя костра

освещало стройные стволы деревьев, окруживших поляну подобно высоким колоннам храма, капители которых то погружались в темноту, то озарялись красным светом вспыхивавшего огня. Иногда по вершинам сосен проносился порыв ветра, и хвоя начинала волноваться и шуметь. За ближайшим кольцом освещённых костром колонн выступали колонны второго кольца, за ними — третьего, четвёртого, освещённые всё слабее и слабее, пока последние колонны не исчезали уже во мраке ночи, окутывавшем лес.

Когда стихали молодые звонкие голоса у костра и на короткое время воцарялась тишина, можно было различить сквозь слабый шёпот сосен и другие ночные звуки: иногда заунывный крик совы, иногда глухой гул ветра в трещинах столбов, иногда лёгкий треск словно ломающихся под ногой сухих веток. Люди, непривычные к ночным голосам тайги, могли бы подумать, что это гуляет «хозяин» леса — медведь; но столбисты знали, что медведь чует человека издалека и никогда не подойдёт к костру так близко, чтобы слышны были его шаги.

Постепенно оживлённая беседа, вертевшаяся сначала вокруг местных городских и особенно школьных новостей и происшествий, а затем, под влиянием обстановки, вокруг приключений разных столбистов и охотников, начала затихать, и молодёжь стала устраиваться на ночь. Костёр передвинули ближе к входу в балаган и положили на него две толстые коряги полуистлевшего бурелома, который горит медленно, больше тлеет и дымит; огонёк должен был охранять балаган от хищных зверей, а дым — от комаров. На сухие листья, покрывавшие почву в балагане, набросали свеженарезанных молодых ароматных веточек лиственницы, покрыли их одеялами и улеглись: три гимназиста — ближе к выходу, а Варя и Антон — в глубине балагана.

Гимназисты, утомлённые трёхдневным карабканьем по столбам, сейчас же заснули, но Варя и Антон, возбуждённые близостью друг друга, необычной обстановкой, ночной тишиной, теплотой балагана, согретого костром, не могли уснуть и шёпотом разговаривали, а в паузах беззвучно целовались. Постепенно эти паузы становились длиннее и длиннее, ласки Антона начали принимать всё более страстный и настойчивый характер, так что Варя пришлось серьёзно защищаться, чтобы удержать возлюбленного на известной границе дозволенного.

— Ведь мы же решили соединиться на всю жизнь, — уговаривал её Антон прерывающимся от волнения голосом. — Когда кончится Петровский пост..

— Тогда и будем принадлежать друг другу, милый, — шептала Варя, зажимая ему рот поцелуем.

— Непременно после церковного и родительского благословения, — не унимался Антон. — Только тогда, когда это будет дозволено и даже одобрено законом и древним обычаем предков, — поддразнивал он её.

— Древние обычаи не всегда плохи, — защищалась она.

— Но меня возмущает это «с дозволения начальства» в таком интимном деле! Не лучше ли теперь, здесь, в этой таинственной обстановке, в балагане, среди дикой тайги, у подножия вечных столбов, под покровом звёздного неба...

— Ну пусть будет по-твоему, дикарь! Но только не сейчас, не здесь, а завтра, когда мы будем совершенно одни. И пусть свидетелями будут действительно только молчаливые столбы, зелёная тайга и голубое небо родины!

Антон ответил ей горячим поцелуем; оторвавшись от её губ, он сказал со смешком:

— А кукушка, значит, правильно предсказала!

— Нет, это я не пожелала осрамить её, — возразила Варя, заворачиваясь в одеяло. — Спокойной ночи, мой дорогой, желаю тебе райских сновидений!

Немного погодя она расхохоталась над своими мыслями.

— Тоня, я сейчас обдумывала свой брачный наряд. Он будет сделан наперекор древним обычаям и совершенно не согласно взглядам начальства... И обстановка бракосочетания будет самая необыкновенная!

— Ну скажи же, Варя, голубчик, скажи!

— Молчи, молчи, любопытный, и спи. Больше я ничегошеньки не скажу.

VI

Ночь прошла спокойно, но Антон и Варя поднялись уже чуть свет, чтобы воспользоваться утренней прохладой для восхождения на самый трудный столб, который возвышался в полуверсте от балагана. Молодые люди успели уже закусить и выпить чаю, когда проснулись гимназисты. Простившись со своими случайными соседями, возвращавшимися в город, Антон и Варя направились ко Второму столбу. Дорога шла сначала через густой и высокий лес, огибая лог с ключом, ближе к подножию столба начали попадаться заросли кустов, скатившиеся сверху крупные глыбы. Узкая тропа извивалась

по росистой траве, усеянной яркими цветами, и Варя, подоткнувшая юбки, чтобы не замочить подол, набирала по пути букет. Солнце ещё не взошло, но было уже совершенно светло, и на востоке разгоралась золотистая заря; лёгкий ветерок проносился по вершинам сосен и лиственниц, обдавая путников холодком и заставляя их ёжиться.

Вскоре тропа поднялась на восточный склон столба, довольно пологий внизу и поросший мелким лесом и кустами в промежутках между глыбами гранита; по этому склону молодые люди легко поднялись на первый уступ, над которым вздымалась крутая и высокая стена, казавшаяся на первый взгляд неприступной. Но, разглядывая её внимательнее, можно было заметить и небольшие карнизы, и ниши, дававшие возможность поставить ногу, и широкие трещины, горизонтальные и вертикальные, в которые легко было всунуть колышек, и отдельные кустики и корявые деревья, за которые можно было ухватиться рукой. Но всё-таки лезть на эту стену без помощи верёвки было слишком рискованно, верёвку же приходилось забрасывать очень искусно, стараясь зацепить её за кривой ствол толстой сосны, нависшей над обрывом; для этого служила тонкая бечева с привязанным к её концу камнем, подобная чалке, употребляемой на судах.

Свернув эту бечеву кольцами, Антон бросал её вверх; после нескольких неудачных попыток камень перелетел через ствол сосны и упал назад, к ногам юноши, которому уже не стоило большого труда передёрнуть верёвку вслед за бечевой через сосну. Тогда он полез, придерживаясь одной рукой за верёвку, а другой втыкая колышки в расселины гранита в тех местах, где не было выступа или впадины для опоры ноги. Достигнув сосны, Антон очутился на небольшой площадке, на которой можно было перевести дух после трудного лазанья по обрыву; он обвязал верёвку покрепче вокруг ствола, и тогда уже полезла вверх Варя, для которой колышки были уже приготовлены а верёвка закреплена.

После отдыха на площадке, с которой молодые люди приветствовали солнце, поднимавшееся жёлто-красным диском из-за щетинистого гребня далёкой горы, пришлось отвязать верёвку и повторять ту же операцию ещё раз, чтобы подняться на следующий уступ; но этот подъём был менее труден и длинен, чем первый, последние же сажени нужно было просто карабкаться по ступенчатому откосу, в трещинах которого росли в изобилии кустики и деревца, дававшие опору рукам и ногам.

Наконец молодые люди очутились на вершине столба, которая представляла гораздо более широкую площадку, чем вершина Первого столба, посещённого накануне. Эта площадка имела шагов тридцать в длину и двадцать в ширину; к западу она обрывалась очень резко, и с этой стороны столб падал вниз совершенно отвесной и гладкой стеной саженей на пятьдесят, забраться по которой не мог бы и самый ловкий акробат. Подножие стены было окаймлено узкой полосой некрупных глыб, когда-то сорвавшихся сверху и покрытых уже мохом и мелкими кустами, тем не менее падение с площадки столба на эти камни грозило немедленной смертью. К северу площадка также обрывалась сразу, но здесь стена столба в одном месте на половине высоты представляла косой уступ, на котором поместилась целая рощица довольно крупного леса и кустов; этот зелёный уступ и обращал на себя внимание при взгляде с первого столба.

На востоке столб падал не отвесно, площадка его вершины постепенно переходила в крутой откос с уступами, по которому столбисты и забирались вверх. Наконец, в южной части площадка была рассечена широкими трещинами на отдельные части; на ближайшие хороший гимнаст мог бы ещё перескочить, но более далёкие представляли уже самостоятельные толстые иглы или зубья, на которые распадался столб с южной стороны; за этими зубьями виднелась седловина, соединявшая Второй столб с Третьим, более низким и сильно разрезанным выветриванием.

На площадке вершины в трещинах гранита росла травка, кустики и маленькие кривые сосны, которые стлались по камню, пригибаемые к нему силой зимних буранов; эта растительность совершенно не была видна снизу.

VII

Восхождение на столб заняло около часа времени, и, когда Антон и Варя достигли вершины, солнце уже поднялось над далёкими лесистыми горами на северо-востоке, и его косые лучи осветили площадку и согрели её, быстро высушивая ночную росу. Вид с вершины был в общем такой же, как с Первого столба, но только теперь, рано утром, воздух был ещё наполнен парами, из падей и долин поднимались лёгкой пеленой туманы, а над Енисеем тянулась молочно-белая мгла. Утренний ветер порывами проносился над горами, и

бесконечное море лесов волновалось и шептало свою вечную таинственную песню. Быстро становилось тепло, и туманы таяли и исчезали на глазах.

Варя, сидя на краю гранитной площадки, перебирала цветы, сорванные внизу по дороге к столбу, и плела из них венок; её пальцы проворно клали рядом и белую душистую ночную фиалку, заменяющую в Сибири ландыш, и лилово-голубой ароматный ирис, и ярко-жёлтый огонёк, и белые с красными крапинами и разводами странные сапожки. Антон лежал возле неё, отдыхая от восхождения, смотрел на её работу и наконец спросил:

— Для чего ты плетёшь венок, ведь он скорее завянет, чем букет.

— Ты, очевидно, уже забыл, глупый, что сегодня день нашей свадьбы. Здесь, в тайге, мирты и флёр д'оранжи не растут, и я делаю венок из родных сибирских цветочков. А за то, что ты забыл мои слова, сказанные ночью в балагане, я тебе венка не сплету, и ты будешь венчаться без цветов, как дикарь.

Антон понял, что замышляла Варя, и его сердце, ещё возбуждённое усилиями восхождения, заколотилось в груди; он схватил руку девушки и прижал её к губам.

Венок был готов. Солнце поднялось выше и уже хорошо пригревало, но ещё не жарило, не обжигало кожу; так и хотелось, сбросив с себя одежды, нежить своё тело под его лучами.

Варя вскочила на ноги, быстро распустила свои тяжёлые золотистые косы, надела на голову венок и подошла к восточному краю площадки.

— Иди сюда, мой жених, — сказала она. — Мы произнесём перед лицом солнца обет любви и верности; столбы и тайга — наши свидетели!

Антон, любовавшийся девушкой в экстазе восторга, поднялся и подошёл к ней. Она взяла обе его руки в свои и, обратившись лицом к солнцу, произнесла громким голосом:

— Вечное светило, согревающее нашу печальную землю и дающее отраду всему живущему! Вековая тайга, шумевшая над моей колыбелью и навевавшая грёзы моего детства! Древние Столбы, доставившие нам столько счастливых часов! Будьте все свидетелями нашего бракосочетания. Мы любим друг друга и желаем пройти рука об руку жизненный путь, как верные супруги. Но не для одних только радостей любви мы хотим соединиться, а для того, чтобы поддерживать друг друга в борьбе и работе на пользу родине. Мы клянёмся

перед твоим лицом, вечное солнце, перед тобой, вековая тайга, перед вами, дорогие Столбы, — закончила Варя патетически, — мы клянёмся любить друг друга и отдать все свои силы работе для освобождения родины...

— Мы клянёмся, — повторил Антон, захваченный экстазом своей невесты, хотя перед тем он в глубине души счёл этот обет на вершине столба слишком театральным.

Разъединив руки, Варя протянула их к солнцу и затем обвила шею своего жениха и прильнула к его груди. Затем, словно вспомнив что-то, повернула голову опять на восток и сказала задумчиво:

— Будем ли мы венчаться ещё в церкви, Тоня, или нет, это дела фактически не изменит. Брачные цепи будут нас связывать только до тех пор, пока в наших сердцах сохранится взаимное чувство. Если ты когда-нибудь разлюбишь меня, ты будешь свободен от первой половины клятвы... Но не от второй! — добавила она твёрдо. — Того из нас, кто изменит родине, кто перестанет трудиться для её освобождения, пусть судьба покарает жестоко как предателя! Пусть он лучше погибнет!

Варя мрачно сдвинула брови и подняла руку, словно угрожая предателю. Антону стало даже жутко от этого конца клятвы, он опустил на колени перед своей невестой и произнёс взволнованным голосом:

— Ты будешь меня поддерживать в этой борьбе, ты будешь моим добрым гением, Варя. Я чувствую, что без твоей помощи я ослабею и изменю клятве.

Она поцеловала его в лоб, как нежная мать, потом повернулась лицом к востоку и сказала:

— А теперь постой здесь и не смей оборачиваться, пока я тебя не окликну.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Антон, всё ещё встревоженный.

— Ничего страшного, мой любимый, не бойся. Я хочу только надеть свой брачный наряд, а жениху не полагается смотреть, как одевается его невеста.

— Это всё по древним обычаям, которые ты собиралась не признавать, — попытался протестовать Антон.

— Когда я стану уже твоей женой, ты будешь видеть, как я одеваюсь. А теперь стой смиренно и не оглядывайся. Если оглянешься — я брошусь вниз, в бездну!

— Ой, как грозно! Ну ладно, я слушаюсь тебя, моя повелительница...

Антон стоял, выделяясь чёрной тенью на ярко освещённом небе, а Варя, отойдя от него на противоположный край

площадки, поспешно начала раздеваться. Много времени не понадобилось, чтобы сбросить с себя простой дорожный костюм, развязать ботинки и снять чулки. Наконец с плеч соскользнула рубашка, и, перешагнув через неё, Варя крикнула прерывающимся от волнения голосом:

— Теперь можно. Тоня!

Антон повернулся. Озарённая яркими лучами солнца, с венком на голове, с рассыпавшимися по плечам золотистыми волнами волос, к нему медленно приближалась маленькими шагами обнажённая девушка, закрывшая глаза одной рукой, а другую протягивавшая вперёд. Это была сибирская Венера, поднявшаяся из зелёных волн дремучей тайги на голую красную скалу, молодая, божественная, шествовавшая к своему возлюбленному... Лёгкий ветерок развеивал пряди её волос, солнечные лучи змеились в них золотистыми переливами, целовали оба маленьких нежно-розовых бутона, поднимавшихся над упругими белыми полушариями, слегка вздрагивавших при каждом шаге, скользили по мягким линиям живота и крепких бёдер, щекотали стройные колонны ног и падали на маленькие ступни, осторожно подвигавшиеся по голому шероховатому камню.

Антон стоял безмолвно и неподвижно, поражённый и очарованный этим зрелищем. Он чувствовал невольно, что такие мгновения слишком хороши, чтобы тянуться долго, и наслаждался ими в экстазе. Он понимал, что не бесстыдство и не похоть побудили молодую девушку обнажиться перед ним, а именно сознание красоты и божественности этих мгновений, желание предстать перед возлюбленным в образе богини любви в этой замечательной обстановке; и эти чувства заставили её отбросить девичий стыд без всяких колебаний.

И только когда Варя подошла к нему совсем близко, он принял её, зардевшуюся, но ликующую, в свои объятия, и уста их слились в жгучем поцелуе страсти, ожидавшей близкого удовлетворения.

VIII

Солнце поднялось почти к зениту, когда новобрачные наконец собрались спускаться со столба, сделавшегося «приютом их любви». Так сказала Варя, оставляя на площадке свой брачный венок, словно жертву на алтаре Венеры. Она вынула

Часть II. Ангел Смерти

I

Быстро пролетели четыре года и принесли молодым супругам больше горя и печали, чем радостей; только первые месяцы совместной жизни в столице протекали благополучно, и Варя чувствовала себя на седьмом небе, устраивая своё гнёздышко, знакомясь с достопримечательностями столицы, посещая не виданные никогда театры, вступая в общение с товарками на курсах, упиваясь лекциями. Но в половине осени она начала уже чувствовать недомогание, которое вскоре выяснилось беременностью, оказавшейся в первой половине очень неприятной, не только доставлявшей Варю много мучений, но и мешавшей ей часто бывать на курсах, а тем более в театрах или в гостях. Только к весне ей стало легче, но пополневшая и отяжелевшая фигура всё-таки заставляла её сидеть больше дома. Тоня оказался не очень нежным мужем, и под предлогом лекций, практических занятий, а также работы в подпольной организации часто оставлял жену одну.

В конце мая Варя родила довольно хилого и болезненного мальчика, и, конечно, супруги не могли везти его в далёкий Красноярск на короткое летнее время; пришлось провести лето на даче в окрестностях столицы, и Варя посвящала ребёнку, которого сама кормила, почти всё своё время. Она была привязана к дому и могла отлучаться только на короткое время, а Тоня часто уходил на далёкие прогулки, на охоту и рыбную ловлю, ухаживал за другими дачницами, не связанными младенцами, и Варя опять-таки часто оставалась одна. Она часто жаловалась, что ребёнок совершенно перевернул все её планы жизни в столице, в которые этот новый член семьи не входил, так как ей почему-то казалось, что у неё не будет детей, несмотря на пророчество кукушки. Но он явился, и приходилось отдавать ему и своё время, и свои силы, и свою любовь и заботу, отнимая всё это от мужа, которому скоро надоело помогать при купании, пеленании, лечении и слушать писк. Таким образом, отношения между молодыми супругами, расхоложенные тяжёлой беременностью Вари, мало поправились за лето; бывали и маленькие сцены ревно-

---

сти, упрёки и слёзы, после которых Тоня на некоторое время становилась более внимательным и чаще оставалась с женой.

То же продолжалось и осенью в городе: Варя была связана ребёнком, который часто хворал, а почти всё остальное время должна была отдавать занятиям на курсах, чтобы наверстать пропущенное за прошлый год и не отстать от товаров. Тоня также усиленно занимался, чтобы весной кончить курс. Но внезапно стряслась беда, которую он должен был ожидать, так как не прерывал сношений с нелегальными кружками и принимал участие в их работе: в конце января его арестовали, и он просидел больше двух месяцев в доме предварительного заключения; Варя осталась на свободе, так как благодаря беременности и ребёнку ещё не успела увлечься нелегальной деятельностью.

На свиданиях с ней Тоня поговаривал, что его скоро вышлют в отдалённые места Сибири, и она скрепя сердце начала уже готовиться к отъезду; и вот неожиданно перед Пасхой её муж явился домой — он был освобождён, и ему даже разрешили держать выпускные экзамены. Вскоре после этого тяжело заболел и в начале мая умер их ребёнок. Его смерть возвращала Варю прежнюю свободу, но молодая мать была тяжело потрясена, и в своём горе не обратила внимания, что Тоня после тюрьмы сделался каким-то странным, старался избегать разговоров с женой и очень часто исчезал из дома. Впрочем, Варя вскоре после смерти ребёнка уехала за границу лечиться вместе с отцом, прибывшим из Сибири с той же целью. Тоня не мог её сопровождать, так как у него выпускные экзамены затянулись до половины июля, а затем его вызвали в Красноярск к тяжело заболевшему отцу; это была первая продолжительная разлука молодых супругов.

Осенью они опять съехались; Тоня остался служить в столице в ожидании окончания Варей учения, и причислился кандидатом к окружному суду; Варя с увлечением принялась за занятия, которым уже ничего не мешало. Но отношения между супругами оставались уже слегка надорванными тяжёлым минувшим годом, и безмятежное счастье первых месяцев брака больше не возвращалось. Тоня привык проводить время без жены и под предлогом занятий в суде по утрам и партийной работы по вечерам часто исчезал надолго. Варя не раз случайно узнавала, что он был не там, где указывал, а в немецком клубе, и что он играл в карты. Сначала это обстоятельство вызывало объяснения и слёзы, но затем Варя убедилась, что в результате муж становится только более скрытным, и оставила его в покое, возложив надежды на не-

---

далёкое будущее, когда им предстояло вернуться на родину и найти там много живого и неотложного дела. Иногда к Тоне приходили личности, которые ни по своей внешности, ни по манерам не могли быть его сослуживцами и вообще казались подозрительными. Но муж уверял, что это партийные деятели из мастеровых, и Варя приходилось этому верить, так как Тоня действительно занимался партийной работой. Сама Варя, желая скорее и без помехи кончить курс и работать на родине, нелегальной деятельностью в столице не занималась, а только поддерживала некоторые сношения с членами партии ради будущих связей.

Так прошли ещё два года без особых происшествий; отношения между Варей и её мужем не улучшились; по внешности они были хорошие, но в них не было ни прежней теплоты, ни взаимного полного доверия первых месяцев брака. Тоня хлопотал уже о месте в Сибири, и, когда Варя была ещё занята экзаменами, он получил назначение в Красноярск и собирался уехать туда недели на три раньше жены, чтобы не пропустить срок для явки.

II

Последние дни перед отъездом Тоня проводил вне дома под предлогом разных заказов, покупок, прощальных визитов и ликвидации партийных дел. Уезжать нужно было утром; накануне Тоня целый день отсутствовал и вернулся уже под вечер. Дома он нашёл телеграмму, в которой его извещали, что его мать тяжело заболела и что если он хочет застать её ещё в живых, то должен ускорить свой приезд. Тоня предполагал ехать от Тюмени до Томска на пароходе и приновил отъезд из столицы ко дню отхода парохода из Тюмени; теперь же приходилось оставить этот план и ехать через Западную Сибирь кратчайшим путём на лошадях, что давало возможность при спешной езде выиграть два-три дня сравнительно с пароходом. Но можно было выиграть ещё сутки на волжских пароходах, выехавши из столицы не утром на следующий день, как предполагалось, а немедленно, вечером. Оставалось только экстренно уложиться, так как почти всё было уже приготовлено, а не готовое или забытое могла затем привезти Варя.

Так и сделали, и Тоня успел ещё попасть на вокзал к отходу последнего поезда.

На следующее утро Варя, собирая старое платье, оставленное её мужем для продажи татарину, и осматривая карманы, чтобы убедиться, не остались ли в них деньги или письма, нашла в пиджаке, который Антон носил последнее время, старую, потрёпанную записную книжку. Желая узнать, оставлена ли книжка как уже ненужная, Варя начала её перелистывать, и среди разных полустёртых записей вдруг наткнулась на адреса нескольких конспиративных квартир, которые были ей известны.

«Какой неосторожный, — подумала она, — разве можно держать такие адреса в записной книжке, которую можно потерять, которую могут найти при обыске...»

Это обстоятельство заставило её заняться более внимательно изучением содержания книжки, которую теперь становилось опасно везти с собой, а уничтожить, не спросивши мужа, было нельзя.

Кроме большого количества адресов, даже с фамилиями, ей преимущественно незнакомыми, но и с фамилиями нескольких крупных партийных деятелей, она нашла реестр, озаглавленный: «Получения от Жанны». В этом реестре с пометками года, месяца и дня был приведён ряд чисел от 50 и до 500 рублей. Варя заметила, что эти «получения» касались только последних двух лет, но были почти ежемесячные. Это обстоятельство очень заинтересовало молодую женщину; она знала, что со времени смерти отца Тоня из дома денег больше не получал, а, наоборот, к праздникам сам посылал матери небольшие суммы. Она знала также, сколько жалованья получал её муж за службу в суде, но «получения от Жанны» намного превышали скромное жалованье кандидата и за два года составили около четырёх тысяч пятисот рублей.

Сообразив всё это, Варя побледнела, и руки у неё похолодели и задрожали при мысли о том, что её муж связался с какой-то Жанной и даже брал у неё крупные суммы, то есть поступил к ней на содержание. Супруги Ваньковские жили скромно; жалованья мужа и субсидий отца Вари на эту скромную жизнь было достаточно; на экстренные расходы — как во время болезни ребёнка, поездки за границу — отец присылал всегда отдельно. Следовательно, семейные нужды не могли заставить Тонию искать какие-либо посторонние источники дохода. Значит, это были деньги секретные, неизвестные Вале, скрытые от неё и, очевидно, нужные на какие-то секретные надобности. Варя вспомнила игру в клубе, случайно дошедшую до её сведения, вспомнила частое позднее возвращение мужа домой в не вполне трезвом состоянии, в чём она убеждалась

не раз, когда ей случалось просидеть за книжкой до его возвращения. Всё это она вспомнила, сопоставила с получениями от Жанны и задрожала от негодования, к которому присоединилась безотчётно для неё самой и доля ревности.

— Такая низость! — прошептала она. — Связался с какой-то француженкой, должно быть, старой, которая покупает его любовь; а свою выручку он проигрывает в карты и пропивает...

Но эта мысль была так чудовищна для Вари, всё ещё верившей в любовь и верность мужа, несмотря на его видимое охлаждение к ней за последние два года, что молодая женщина не поверила своим предположениям и начала ещё тщательнее пересматривать записи книжки в надежде найти разъяснение «получений от Жанны», не оскорбительное для её любви.

Наконец среди адресов, заполнявших целые странички, в большом количестве зачёркнутых и с пометками «умер», «уехал», «сослан», она нашла полустёршуюся загадочную запись: «П. П. удалось бежать с К.; узнать, где он скрывается, и сообщить Жанне».

Эта запись навела Варю на мысль, что Жанна имеет отношение к партии и что, может быть, все эти «получения от Жанны» были просто деньги для партийной работы, жертвуемые разными сочувствующими людьми.

При этой мысли сердце Вари радостно забилося, и она продолжала поиски, чтобы получить ещё доказательства невиновности мужа в измене. Но больше ничего интересного не попадалось, и она хотела уже отложить книжку в сторону, как вдруг из карманчика её обложки высунулся угол бумажки. Варя развернула её — она была не помятая и не загрязнённая, очевидно, вложенная недавно, и на ней была запись свежими чернилами, содержащая несколько адресов, среди которых сразу бросились в глаза слова «Илларион Элпидифорович». Варя вспомнила, что так зовут жандармского ротмистра в Красноярске, о котором ей недавно писала подруга, что он начал сильно притеснять политических ссыльных в городе; адрес его на бумажке был указан красноярский, хотя город не был назван, как не была названа фамилия ротмистра. Рядом стоял другой адрес с отметкой «канцелярия», и Варя узнала, что это адрес жандармского отделения, находившегося наискось от гимназии, где она училась, и известного ей с детства. Ещё несколько сибирских адресов ничего не говорили Варю, и только один обратил на себя её внимание: «Ив. Петр. Железнов, смотритель в Александровском центре».

Все эти сведения могли быть нужны для партийной работы, хотя в этом случае хранить в записной книжке такие из них, как о смотрителе центральной каторжной тюрьмы, через которого, очевидно, можно было завести сношения с заключёнными, было крайне неосторожно со стороны Ваньковского.

Таким образом, изучение записной книжки мужа вызвало в душе молодой женщины ряд мучительных вопросов, на которые она не находила определённого ответа; всё можно было объяснять так или иначе.

III

Варя сидела ещё в глубоком раздумье с книжечкой в руках, когда в прихожей раздался звонок и прислуга принесла ей телеграмму от мужа, поданную ночью в Бологом. Тоня писал: «Забыл кармане пиджака записную книжку крайне нужными адресами вышли немедленно почтой Красноярск востребования. Обнимаю. Антон».

Подписавши расписку, Варя сама понесла её в прихожую, чтобы отдать рассыльному, и увидела рядом с последним какого-то молодого человека, очевидно, вошедшего без звонка, так как дверь была полукрыта. Когда рассыльный вышел, молодой человек, поклонившись Варе, спросил её:

— Могу ли видеть Антона Антоновича?

— Он, к сожалению, вчера уехал в Сибирь, — ответила Варя.

— Не может быть! — воскликнул посетитель. — Ведь господин Ваньковский должен был выехать только сегодня в обед?

— Совершенно верно, но он получил телеграмму от матери, и пришлось экстренно собраться и выехать вчера вечером.

Незнакомец задумался, затем спросил:

— Позвольте узнать, вы будете его супругой?

— Да, я его жена.

— И едете вслед за супругом в Красноярск через две недели?

— Так, но откуда вы это знаете?

— Мы многое знаем... В таком случае не будете ли так добры увезти вашему супругу и передать в собственные руки этот пакетик?

С этими словами молодой человек вынул из кармана и подал Варю сероватый конверт с красной печатью.

— Но почему же вы не пошлёте это письмо по почте, оно бы получилось гораздо раньше моего приезда? — спросила Варя.

— Такие письма по почте не посылают, мадам, — ответил незнакомец с улыбкой. — Вы, конечно, знаете, где служит ваш супруг, — я должен был передать эти секретные справки ему лично. Господину полковнику день отъезда господина Ваньковского был известен точно, и он велел мне заготовить эти справки и доставить на дом к отъезду.

Варя только сказала: «Да, да!».

— Так я могу быть уверен, что вы их передадите супругу? Иначе мне достанется за опоздание, хотя я и не виноват в преждевременном выезде господина Ваньковского.

С этими словами посетитель передал Варю пакет, поклонился и исчез за дверью.

Варя держала конверт с печатью в руках и стояла, словно окаменевшая, на том же месте в прихожей. Когда странный посетитель упомянул секретные справки и полковника, в глубине её мозга мелькнула страшная догадка и теперь постепенно принимала всё более и более ясные очертания.

— Но не может быть, ведь это чудовищно! — шептали её побелевшие губы, а глаза впивались в запечатанный конверт, содержащий, конечно, страшную разгадку. На конверте была только надпись: «А. А. Ваньковскому в собственные руки», внизу карандашом был приписан адрес.

— Что же мне сделать, что мне сделать, чтобы узнать правду относительно Тони? Жанна, деньги, полковник, адреса жандармов... Боже мой, что всё это значит?!

«Вскрой конверт, тогда узнаешь», — сказала себе Варя, но не решилась привести это в исполнение. Ведь эти секретные справки могли быть от товарищей по партии; может быть, комитет предлагал Тоне в Сибири такое дело, о котором даже его жена не должна была знать ради успеха предприятия.

«Но при чём тут Жанна, что это за Жанна?» — И опять ревнивые подозрения сжимали сердце Вари, а с другой стороны, вставал жандармский полковник; сопоставляя то и другое, вспоминая кое-что из поведения мужа за последние два года, несчастная женщина приходила к выводу, которому всё-таки не хотела верить, — её муж поступил на службу к жандармам в политический сыск, чтобы получать деньги, которые тратил на картёжную игру и на содержание какой-то Жанны.

«Это нельзя оставить без разъяснения, не ради меня только, но ради товарищей», — подумала Варя. И ей пришла мысль обратиться к старому и опытному партийному деятелю, известному ей по отзывам с лучшей стороны. Если ему рассказать всё, показать записную книжку и пакет, он сумеет распутать это таинственное дело; если подозрения окажутся напрасными, — тем лучше, Тоня о них и не узнает. Но если Тоня действительно сыщик, предатель...

И при этой мысли сердце Вари мучительно сжалось, но брови сдвинулись, глаза гневно сверкнули.

— По крайней мере я не останусь его сообщницей в глазах товарищей, так как выведу его на чистую воду! — докончила она свою мысль твёрдым голосом, вспомнив клятву, произнесённую в день бракосочетания на гранитном столбе.

IV

Варя начала было одеваться, чтобы уйти из дома, но вспомнила, что находка записной книжки прервала её поиски в карманах старого платья мужа; эти поиски нужно было кончить, — может быть, найдётся ещё что-нибудь!

Действительно, во внутреннем кармане старого сюртука она нашла несколько гектографированных прокламаций, изданных по поводу волнений в университете и призывавших студенчество к объединению. Но эта находка значения не имела, а больше Варя не нашла ничего. Собираясь уже уходить, она заметила телеграмму мужа, брошенную на стол.

«Необходимо ему ответить», — подумала она, потому что записная книжка, быть может, будет задержана на несколько дней для разъяснения дела.

Она присела и быстро набросала мужу короткое письмо в Красноярск, в котором извещала, что пиджак она уже успела продать татарину, не обыскав его карманов, но что она примет все меры, чтобы найти этого татарина, известного при слуге, и вернуть от него записную книжку; но поиски потребуют нескольких дней, которые нужно потерпеть.

Наконец Варя, захватив записную книжку, пакет и телеграмму мужа, вышла из дома. Она отправилась сначала по одному конспиративному адресу, где её хорошо знали и дали ей адрес другой квартиры, на которой ей уже после маленького допроса указали адрес того лица, кого она искала. Этот старый вожак жил в столице нелегально и часто менял квар-

---

тиры; узнать его адрес было нелегко, и осторожность требовала, чтобы не всякий, желавший его видеть, мог добиться свидания, а только тот, в ком товарищи были вполне уверены, что он не только не предаст, но и не проболтается случайно. Хотя Варя и не была деятельным работником партии, но имела вполне хорошую репутацию надёжного товарища, так что узнала адрес Никона Серого, как звали в партии нужного ей человека.

Серый жил в одном из огромных домов на Садовой улице между Гороховой и Сенной, в квартире портного-штучника, занимая совершенно обособленную комнату с отдельным выходом на чёрную лестницу. Штучник был свой человек, и очень внимательно, даже с подозрением осмотрел Варю, когда она пожелала видеть его жильца; он переспросил её два раза, кого она хочет видеть и кто ей сообщил адрес, и, только убедившись, что она не сбилась в фамилиях и адресах, провёл её к Серому.

Варя встречалась с этим руководителем партии раза три в прежнее время, и он произвёл на неё сильное впечатление как своей внешностью природного вождя, так и разговором; потому она и решилась обратиться к нему для разъяснения мучительной загадки. Серый сейчас же её узнал и спросил о муже, о курсах, поздравил с предстоящим окончанием и наконец сказал, усаживая посетительницу в старое и просиженное кресло возле своего рабочего стола:

— Я слышал, что ваш муж хочет перевестись на службу в Сибирь. Вы тоже пойдёте с ним в добровольную ссылку?

— По этому вопросу я к вам и пришла за советом, вы один можете разъяснить мои сомнения, мои подозрения относительно мужа...

Серый несколько удивлённо взглянул на свою собеседницу и спросил:

— Вы боитесь, что муж изменяет вам?

— Если бы дело было только в этом, я бы не стала занимать ваше время. Нет, я боюсь, что дело гораздо хуже, слушайте...

И Варя, волнуясь и останавливаясь, изложила ему все откровения и происшествия после отъезда мужа, показала телеграмму, записную книжку и пакет, принесённый неизвестным; в книжке она обратила внимание Серого на записи, показавшиеся ей подозрительными, особенно на адреса конспиративных квартир и жандармов, а рубрику «получений от Жанны» отметила только вскользь.

Серый выслушал её очень внимательно, задал несколько вопросов об образе жизни Ваньковского за последние годы

и его знакомствах, рассмотрел записи книжки и задумался. Сопоставив некоторые записи с событиями в жизни партии и подводя итоги всему, что он узнал, опытный деятель почти не сомневался в измене мужа Вари; но, видя её волнение, читая в её глазах глубокую скорбь, он постарался поддержать молодую женщину, внушив ей некоторую надежду и оттянув решительный ответ.

— На расследование этого дела нужно время, — сказал он. — Обвинение слишком тяжкое, шутить такими вещами нельзя. Я надеюсь, что всё разъяснится к лучшему. Не падайте духом, ваши силы нужны вам для окончания экзаменов.

— Что же мне делать сейчас? — спросила Варя. — Неужели я уйду, не получив разъяснения?

— Вы говорите, что через две недели, покончив с экзаменами, должны уехать в Сибирь к мужу и увезти ему этот таинственный конверт и записную книжку? Да? Так вот мой совет и моя покорнейшая просьба: забудьте на эти две недели о происшедшем — займитесь учебниками до одурения, кончайте курс, чтобы быть самостоятельной. А я за это время займусь разъяснением вопроса... Не теряю надежды, что подозрения по поводу измены нашему делу окажутся несостоятельными...

— Отчего же вы не вскрыете конверт? — вскричала Варя. — Может быть, всё разъяснится сразу и всякое расследование окажется излишним!

— Может быть, да, а может быть, нет, дорогая.

И, взяв из её рук конверт, он тщательно рассмотрел сургучную печать. Кроме желания дольше сохранить в душе молодой женщины надежду на благоприятное разрешение загадки и веру в невиновность мужа, Серый имел в виду ещё необходимость немедленно принять меры, чтобы связи предателя были раскрыты и ему самому пресечена возможность вредить дальше делу партии. Между тем можно было опасаться, что Варя, узнав правду теперь же, в своём отчаянии сделает какой-нибудь безрассудный поступок, который спутает все планы, позволит предателю скрыться или, наоборот, выдать всех, кого он ещё до поры до времени не выдавал.

Вот почему необходимо было оттянуть решительный ответ и оставить Варю в неизвестности.

— Видите ли, — сказал Серый, — этот конверт нужно вскрыть совершенно незаметно, чтобы адресат мог затем получить его и не догадаться, что кто-нибудь прочитал его переписку. Подумайте только: если ваш муж не виновен — каково было бы ему узнать, что вы и мы заподозрили его в

предательстве, изучали его записную книжку, вскрывали письма! У нас это так не делается. Нужно незаметно убедиться в вине или невинности человека, а не мучить его подозрениями, слежкой, может быть, неосновательными. Вскрыть незаметно этот конверт может только искусный в таком деле человек и при помощи некоторых приспособлений, которых у меня нет. Я должен отправиться к этому человеку довольно далеко.

— Но это продолжится день, много два.

— Может быть, и дольше. Кроме того, некоторые записи в книжке, которые кажутся вам такими страшными, могут оказаться совершенно невинными, но для разъяснения их придётся наводить справки у разных лиц. Затем — содержимое этого пакета также может потребовать разных справок. Словом...

— Словом, вы хотите измучить, истомить меня неизвестностью. Ведь возможна двойная измена — партии и мне.

— Будем надеяться, что окажется только одна измена или даже ни одной, — ответил Серый. — Поверьте, что я приложу все усилия, чтобы дать вам ответ как можно раньше. Две недели — это крайний срок. А вы отбросьте пока всякие скверные, мучительные мысли и держите экзамены; это будет полезно вдвойне — и курс кончите, и не будете волноваться, строить всякие догадки, ломать себе голову и трепать нервы.

— Постараюсь исполнить ваш совет, хотя мне уже не удастся отделаться вполне от мысли, что мой муж, может быть, предатель, — сказала Варя, вставая.

— Только, пожалуйста, ни слова, ни намёка вашему мужу о происшедшем ради его спокойствия, если он не виновен, ради успеха расследования, если он виноват. Пишите ему о своём здоровье и об экзаменах, и покороче, чтобы случайно не выдать себя.

— Но ведь он телеграммой просит выслать ему записную книжку немедленно по почте. Я уже написала ему, что продала пиджак с книжкой татарину, которого разыскиваю.

— Продолжайте в том же духе. Через несколько дней сообщите, что татарин нашёлся, но что пиджак он перепродал и обещает найти покупателя и отобрать у него книжку. Потом можно написать, что книжка нашлась, но что вы едете вскоре сами и привезёте эту драгоценность с собой.

— Тяжело так лгать своему мужу, — заметила Варя со вздохом.

— На партийной работе ради успеха дела приходится кривить душой, — ответил Серый, провожая гостью к двери. —

Итак, самое позднее через две недели я сам или кто-нибудь по моему поручению, конечно, лицо вполне надёжное и скромное, доставит вам книжку и пакет и даст все разъяснения, укажет, что делать. А пока желаю вам успешного учения. Мужайтесь, партийный работник не должен падать духом даже в самые критические моменты своей жизни. До свиданья.

И он крепко пожал Варю руку и тихо запер за ней дверь.

V

Для Вари потянулись тяжёлые дни. Приходилось напряжённо учиться, прочитывать и запоминать сотни страниц, а в голову назойливо вривалась мысль, что любимый человек оказался подлецом, двойным предателем, оплаченным шпионом. Варя успокаивала себя надеждой, что всё разъяснится к лучшему, что подозрения необоснованны, но всё-таки её честная душа альтруистки, её чистая душа верной и любящей женщины тяжело страдала от ужасной мысли о возможности измены мужа. Подчас трудно было учиться, но Варя работала, и хотя с грехом пополам, но сдала все экзамены, последний даже днём раньше, чем предполагала, так что имела возможность подготовиться к отъезду, закупить кое-что, побывать кое-где в последний день в ожидании прихода Серого, о котором она была уже извещена письмом за несколько дней.

Она вернулась домой за полчаса до назначенного срока и стала укладывать свой чемодан, стараясь не думать о предстоящем свидании, которое могло перевернуть всю её жизнь вверх дном.

Наконец раздался звонок, и в комнату вошёл незнакомый мужчина высокого роста, но несколько сутулый; он представился Варю в качестве товарища Рыжова и сказал:

— Принёс вам письмо от Никона. Прочитайте, а потом побеседуем.

Рыжов передал письмо, а сам сел в стороне и отвернул голову к окну.

Варя быстро разорвала конверт.

«Дорогая Варвара Гавриловна, — писал ей Серый. — Извиняюсь, что не явился лично, как хотел непременно сделать. Но моё убежище стало известным, и пришлось скрыться в другой город. Я посылаю Вам человека вполне надёжного, который поможет в беде.

А беда действительно не малая. Ваш муж, как Вы знаете, два года назад был арестован и просидел несколько месяцев в предварилке. Одиное заключение и допросы жандармов подействовали на него угнетающим образом, и он проговорился, и кое-кого неосторожно подвёл. Но затем жандармы сумели, вероятно, убедить его, что всё равно репутация его испорчена, а потому лучше поступить к ним на службу; обещали, конечно, полное освобождение от наказания и хорошее жалованье. Он согласился, его выпустили и дали кончить курс. Сначала он был агентом малодетельным и вредил нам редко и немного; но постепенно или сам вошёл во вкус предательства, или жандармы нажали на него, угрожая разоблачением, и его работа сделалась интенсивнее.

Мы имеем теперь полное основание приписывать его предательству неудачу нескольких хорошо организованных покушений, провал двух типографий и арест десятка крупных и мелких работников революции. Эти неудачи возбудили в своё время сильные подозрения, но, к сожалению, не против их виновника, а против других лиц — до того мы были уверены в преданности Ваньковского делу партии. В одном случае даже заподозрили Вас, так как Вы через мужа могли иметь сведения и могли неосторожно проболтаться где-нибудь.

Возвращаю Вам записную книжку и пакет. Из первой мы скопировали все важнейшие улики. Партийный работник, всегда могущий ждать обыска и ареста, не носит в записных книжках адресов товарищей, квартир, а выучивает их на память; Ваш муж этой предосторожности не соблюдал, потому что ареста не боялся. В его книжке мы нашли много очень важных адресов, частью уже устаревших, но также и современных; теперь, конечно, и эти устарели, потому что мы приняли свои меры. Были также адреса сыщиков, жандармских офицеров и чиновников Третьего отделения.

«Получения от Жанны» — это, скорее всего, жалованье за предательство, которое он почему-то тщательно регистрировал.

В пакете оказался целый ряд справок о месте жительства и фамилиях сыщиков и жандармов в Красноярске и вообще в Енисейской области, где Ваньковскому предстояло вернуть свою деятельность; были также фамилии и адреса политических ссыльных и общественных деятелей этой области, за которыми, очевидно, нужно было устроить надзор. Нам часть этих сведений будет очень кстати, так как позволит сильно обезвредить сыск в Енисейском крае на некоторое время.

Не имею права скрыть от Вас, дорогой товарищ, что в деле замешана и женщина, именно — хористка итальянской оперы, на которую Ваньковский, очевидно, тратил деньги, получаемые от жандармов. В записной книжке оказалось несколько её адресов — она часто меняла квартиру, и один из наших сумел от неё выведать о её связи. Эта женщина была очень возмущена, узнав, что её покровитель уехал в Сибирь, не предупредив её, и грозила, что поедет туда за ним.

Мне, конечно, не нужно тратить много слов, чтобы убедить Вас в моём искреннейшем сочувствии Вашему великому горю. Но я должен от души поблагодарить Вас за то, что Вы не скрыли от нас случайную находку, которую свободно могли отправить мужу или бросить в печку. Передав разъяснение дела мне, Вы оказали партии громадную, скажу даже — неоценимую услугу.

Я слышал о Вас как об энергичной женщине, желающей работать в Сибири на пользу нашего дела. Как старый, закалённый в боях революционер, позволяю себе дать Вам искренний совет: вырвите без колебаний, без сожаления из своего сердца того, кто совершил двойное предательство, чтобы покончить с ним раз навсегда. Не думайте о компромиссах — они погубят только Вас самих и ничему не помогут. Мужайтесь и посвятите себя общественной и партийной работе — в ней Вы найдёте утешение и забвение личного горя.

Если хотите, мы поможем Вам освободиться от власти мужа.

Ещё раз спасибо и прощайте. Может быть, нам суждено ещё встретиться. Письмо, конечно, истребите.

Ваш Н. С.»

VI

В глубоком волнении Варя читала письмо; по временам невольные слёзы набегали и туманили ей глаза, но она быстро, нетерпеливым движением руки смахивала их, чтобы не мешали читать.

За истекшие две недели молодая женщина уже значительно подготовила себя, вспоминая поступки и слова мужа, странные посещения и частые отлучки, сопоставляя всё это с обнаружившимися после его отъезда данными. Конечно, в душе ещё теплилась смутная надежда на то, что всё объяснится к лучшему после расследования Никона, но эта надежда была

очень слаба. Варя больше надеялась на то, что муж не изменил лично ей, но в его измене партии она была почти уверена; а эту измену она считала более важной, и из-за неё разошлась бы с мужем — конечно, не без борьбы, не без страданий.

Теперь же, когда оказалось, что он изменял и ей, и изменял давно, её чувство к нему, уже ослабевшее за последние два года, превратилось почти в ненависть. И слёзы, набегавшие при чтении письма, были скорее слезами обиды, слезами сожаления о том, что она любила этого двойного предателя, чем слезами горя.

Дочитав письмо, она вытерла слёзы и задумалась. Совет Никона — без колебаний вырвать предателя из своего сердца — был почти излишен; второй совет — найти утешение в работе — вполне отвечал её намерениям. Предложение же освободить её от власти предателя встречало в её душе благодарный отклик.

Варя повернула голову к человеку, принесшему письмо, который всё время незаметно наблюдал за ней, хотя, казалось, смотрел безучастно в окно.

— Я готова выслушать, товарищ, что решила партия относительно моего... — она остановилась на мгновение и затем продолжила, — бывшего мужа. Говорите без стеснения...

— Его приговорили к смерти, и только вы можете наложить veto на приговор, отсрочить его исполнение, сделать попытку заставить предателя отказаться навсегда от своей деятельности. Но, оттягивая исполнение приговора, давая осуждённому возможность мстить, предать ещё многих, вы рискуете нанести крупный ущерб нашему делу...

Варя вздрогнула, у неё потемнело в глазах, но она усилием воли овладела собой и сказала тихим, но твёрдым голосом:

— Я не препятствую исполнению приговора...

Всё-таки силы на мгновение оставили её, она побелела как полотно и откинулась к спинке стула, беспомощно опустив руки. Рыжов бросился к ней. Она прошептала:

— Пожалуйста, стакан воды из кухни.

Рыжов принёс воду, и, когда Варя отпила несколько глотков и успокоилась, он спросил:

— Когда же вы едете в Красноярск?

Варя совсем забыла, что собиралась сегодня же уехать, что её вещи уложены. Теперь эта поездка казалась ей совершенно не спешной, может быть, совсем ненужной. Она высказала это Рыжову.

— А как же возвратить записную книжку и пакет? Ведь это необходимо сделать, иначе Ваньковский почувствует недоброе и

может наделать нам беды. Если вы не хотите ехать, то позвольте мне книжку и пакет, я поеду. Мне поручено уличить предателя...

— И устранить его, — прибавила Варя тихо.

Рыжов кивнул головой.

— Когда же вы хотите ехать?

— Могу быть готов завтра.

— Хорошо, зайдите ко мне завтра по дороге на вокзал. Я обдумаю и, может быть, поеду с вами.

VII

Посла ухода Рыжова Варя, чтобы встряхнуться и не оставаться целый вечер одной в пустой квартире, отправилась гулять вместе со знакомой курсисткой, потом зашла к последней пить чай, и вернулась домой уже поздно. Но спать ей не хотелось, да и нужно было обдумать создавшееся положение и решить, что делать в ближайшем будущем.

После отъезда мужа она постепенно продавала мебель и хозяйственную обстановку квартиры, подготавливаясь к отъезду; в этот день утром унесли уже и её кровать. Оставался только ломберный стол и два стула, которые купил сосед, с тем чтобы взять их после её отъезда.

Варя провела половину ночи на стуле, облокотившись на стол и глядя в окно... Белая ночь постепенно укутала столицу своим покровом, но молодая женщина не зажгла свечи, а продолжала сидеть до тех пор, пока солнце поднялось на небе и под его лучами заблестели мокрые от росы крыши. Тогда она развернула на полу одеяло, прислонила подушку к чемодану, улеглась и заснула сейчас же крепким сном.

За ночь она пережила мысленно ещё раз всю свою молодость со времени знакомства с Тоней; она вспомнила первые встречи на катке зимой, случайные свидания на улицах и в городском саду в длинные весенние вечера, затем экскурсии на Столбы летом в обществе других гимназистов и барышень. После чудного лета, так быстро промелькнувшего, настала первая разлука, когда Тоня уехал в университет; но молодое горе скрашивалось нежной перепиской, и в следующее лето, во время одной из экскурсий на Столбы, они объяснились и обменялись клятвами любви и верности. Переписка во время второй разлуки вперемежку со словами любви, уверенной во взаимности и смело смотрящей в глаза будущему, содержала

уже рассуждения на политические и социальные темы и планы предстоящей деятельности на пользу ближних.

И вот Тоня второй раз вернулся на каникулы. Как хороша была первая прогулка на Столбы, запросы кукушке, томительная ночь в шалаше, закончившаяся браком на вершине столба, в наряде молодой богини. Это была несравненная волшебная сказка, о которой Варя всегда вспоминала с бесконечной нежностью и с тихой грустью, что это миновало и не вернётся никогда больше.

Вспоминались и другие встречи того же лета, свидания более чувственные и уже менее чистые, потому что молодая парочка узнала чары физической любви и жадно осушала кубок блаженства.

Потом последовал переезд в столицу — очаровательный, длинный путь вдвоём, продолживший медовый месяц до прибытия на место, где так приятно было устраивать себе гнёздышко. Но затем пошли и неприятные воспоминания: мучительная беременность, тяжёлые роды, болезненный ребёнок, — всё вместе перевернувшее жизнь, создавшее первое отчуждение от мужа, первую трещину в их любви, которая потом незаметно и медленно, но неуклонно расширялась и углублялась.

Вспоминался арест мужа, глубоко поразивший её, затем болезнь и смерть ребёнка, неожиданное возвращение мужа и его дальнейшее странное поведение, которое только теперь предстало перед Варей в надлежащем свете. Переживая мысленно последние два года, молодая женщина вынуждена была признаться себе, что ей давно уже следовало обратить серьёзное внимание на отчуждение мужа, на его сомнительные знакомства. Тогда ей, может быть, удалось бы вернуть его себе, пока не стало поздно, и, во всяком случае, удалось бы гораздо раньше разоблачить его предательство и прекратить вред, который он наносил делу партии. А она, удручённая сначала смертью ребёнка, затем углубившаяся в учение, ограничивалась слабыми упрёками, небольшими слезами и наконец махнула рукой на поведение мужа, надеясь, что со временем перемена места и обстановки вернут его к ней.

Все эти соображения привели её к выводу, что она до известной степени также виновата в том вреде, которое предательство мужа нанесло делу и членам партии. И это сознание заставило Варю наметить своё дальнейшее поведение в этом деле, чтобы хоть отчасти искупить свою небрежность. Устранение её мужа кем-либо из членов партии не могло пройти незамеченным в глухом сибирском городе, где всякое новое

лицо обращает на себя внимание; при отсутствии способов быстрого бегства из Красноярска исполнитель приговора рисковал своей жизнью, а свободой — во всяком случае. Поэтому Варя пришла к убеждению, что она должна устроить так, чтобы не было дальнейших жертв для партии, чтобы предатель исчез каким-нибудь таким способом, который не обратил бы на себя внимания. План такого исчезновения уже наметился в её голове, но её участие в приведении плана в исполнение было неизбежно; это участие было для неё, конечно, невыносимо тяжело, но она решилась на него без колебаний, и это решение успокоило её совесть.

Поэтому она спала крепко и проснулась поздно, встала спокойная, но с тяжёлым чувством, словно в её душе что-то окаменело и лежало там в глубине — тяжёлое-тяжёлое.

«Это пройдёт, — подумала она, — когда я исполню свой печальный долг, мне станет легче». Она занялась окончательными приготовлениями к отъезду, и, когда в назначенный час Рыжов заехал за ней, он нашёл её совершенно готовой к путешествию, сосредоточенно-спокойной, молчаливой и грустной.

Таковой же она оставалась в течение двадцати дней пути — сначала по железной дороге до Нижнего, на пароходе до Перми, опять по железной дороге до Тюмени, на пароходе до Томска и, наконец, на лошадях до Красноярска.

Варя то читала, то лежала на диване каюты, то смотрела в окно на проплывавшие мимо неё леса и нивы, цветные обрывы берегов Волги, песчаные яры Камы, кудрявые сопки и синие дали Урала, пустынные берега Оби. Только в Томске она немного оживилась и во время переезда на лошадях в перекладной обсудила со своим спутником во всех деталях задуманный ею план. В Томске она получила письмо от мужа, который сообщал ей адрес нанятой им квартиры в Красноярске; мать он застал в живых, но она лежала без движения, разбитая параличом.

Наконец ободранная перекладная, вёзшая Варю и Рыжова, подкатила к подъезду домика на знакомой улице родного города; но не радостно забилося сердце Вари при виде этого домика, который мог бы быть уютным семейным гнездом, если бы жизнь сложилась иначе. Сердце её забилося от волнения перед предстоящей неприятной встречей с мужем — изменником и предателем. К счастью, мужа не было дома; время было около полудня, и он, очевидно, был на службе. Варя нарочно не телеграфировала о времени своего приезда, чтобы её не ждали и не встречали.

На звонок двери открыла незнакомая женщина. Ямщик втащил вещи. Варя простилась со своим спутником, который поехал в гостиницу, где должен был ждать вестей.

VIII

Часа через два вернулся домой Ваньковский, к встрече с которым Варя успела подготовиться. Она разыграла с грехом пополам радость свидания после разлуки, с внутренним содроганием приняла поцелуй. Она сейчас же достала из саквояжа записную книжку и пакет с красной печатью и отдала их мужу, чтобы отвлечь его внимание от себя. Увидев пакет, Ваньковский слегка побледнел и встревожился; он не думал, что его жена нашла интерес в изучении записной книжки, которая при беглом просмотре не представляла ничего загадочного, как он полагал, забыв о рубрике «получений от Жанны». Но пакет выдал бы его с головой, если бы Варя его вскрыла.

Поэтому Ваньковский торопливо, опустив глаза, спросил, как и от кого Варя получила пакет, и только после тщательного осмотра печати, убедившись, что она цела, успокоился. Он сейчас же ушёл к себе в кабинет, где оставался некоторое время, очевидно, читая полученную бумагу.

Во время обеда Варя больше молчала, а говорил её муж, передавая свои дорожные приключения и городские новости. Между прочим он рассказал, что экскурсии на Столбы сделались ещё популярнее среди красноярцев, и что даже приказчики, ремесленники и рабочие делаются яркими столбистами.

Варя быстро воспользовалась этим оборотом разговора и сказала:

— Тоня, завтра воскресенье, отправимся на Столбы... Мне бы очень хотелось начать нашу красноярскую жизнь с посещения этих мест, с которыми у нас связано столько воспоминаний!

Ваньковскому это предложение совершенно не улыбалось, и он стал отговаривать Варю, ссылаясь на её дорожную усталость и на отсутствие подходящих костюмов, верёвок, сапог и на необходимость быть в понедельник рано на службе. Но молодая женщина стояла на своём, парировала его возражения и обещала всё устроить и приготовить, чтобы можно было выйти рано утром.

Пока муж отдыхал после обеда, она обошла нескольких старых знакомых, раздобыла верёвку, плащи, котелок, зубья, подговорила несколько человек гимназистов и студентов также идти на Столбы. Потом она успела сходить в гостиницу, где имела недолгий разговор с Рыжовым в его номере.

Вернувшись домой, она заявила мужу, что всё устроено и что на рассвете нужно отправляться, а потому сегодня лечь спать пораньше.

— Я устала от тряски в перекладной и от беготни, — прибавила она.

Ваньковскому не особенно хотелось лечь и встать с петухами, но его жена не желала слушать возражений, и ему пришлось уступить ей.

«В первый и последний раз, — сказал он про себя. — В будущем мы покончим со Столбами, столбистами и тому подобной ерундой. Пора уже остепениться».

К чаю пришли два сослуживца мужа, чему Варя была очень рада. Она напоила гостей чаем, а затем, когда они затеяли с Ваньковским длинный спор об уголовном деле, волновавшем в это время красноярцев, Варя незаметно ускользнула из столовой в спальню, быстро разделась и улеглась в кровать. Сердце её билось до того громко, что она слышала его удары, несмотря на разговор в соседней комнате; Варя сжимала рукою грудь и старалась успокоиться и уснуть. Но мысль, удастся ли ей уклониться от объятий изменника, или придётся ради успеха задуманного дела принести и эту жертву, не давала ей покоя. Её нервы за этот день взвинтились до последней степени, и пришлось прибегнуть к сильной дозе валерианы, чтобы не разразиться слезами и истерикой. Закусив зубами платок и спрятав голову под одеяло, она долго лежала, и наконец уснула.

Её разбудили шаги мужа, вошедшего в комнату; он зажёл свечу на ночном столике, тихо окликнул жену, она не отозвалась и не открыла глаз. Ваньковский не спеша разделся, лёг, но свечу долго не тушил в надежде, что жена проснётся от света и придёт к нему. Но Варя лежала с закрытыми глазами и старалась дышать ровно и спокойно, что было не совсем легко, так как сердце колотилось от страха.

Наконец муж потерял надежду и со вздохом задул свечу. Варя успокоилась и скоро опять заснула, но спала тревожно, часто ворочаясь, просыпаясь и вслушиваясь в лёгкое похрапывание мужа. Как только сквозь щели ставен забрезжил рассвет, Варя проснулась окончательно, вскочила с постели и начала будить мужа. Это удалось не сразу; пришлось тормо-

---

шить его, стаскивать одеяло, но Ваньковский только ворчал и посылал к чёрту все столбы и всех столбистов.

Наконец Варя придумала решительное средство — она sprыснула мужа водой. Это помогло, он очнулся, но рассердился и схватил Варю, бывшую ещё в одной рубашке и не успевшую увернуться; в своём стремлении непременно поднять мужа она позабыла о возможной опасности. А теперь было поздно: сильные руки привлекли её на кровать.

Варя боролась, умоляла, говорила, что уже поздно, пора уходить, просила отложить до Столбов, но получила ответ, что на Столбах неудобно этим заниматься, мы уже не юнцы, как прежде.

— Если ты не уступишь сейчас, я на Столбы совсем не пойду, — прибавил он.

Молодой женщине пришлось покориться.

«Это возмездие за ту роль, которую я на себя взяла! — подумала она, подчиняясь неизбежному с внутренним содроганием. — Но зато это в последний, последний раз...» — шептали её дрожащие губы, уклоняясь от поцелуев.

IX

Это непредвиденное происшествие задержало супругов, и, пока они оделись, снарядились и вышли из дома, солнце поднялось уже довольно высоко — шестой час был на исходе. Поэтому Варя предложила нанять извозчика до устья речки Лалетиной, куда можно было проехать на колёсах. Ваньковский с радостью согласился.

Вскоре попался извозчик, и они поехали к перевозу, минували Енисей и покатали по зелёным лугам правого берега. Утро было тёплое и ясное, как четыре года назад, когда они так же шли на Столбы. Но какая разница между «тогда» и «теперь», думала Варя, сидя рядом с мужем, который слегка обхватил её стан. Тогда она не шла, а порхала рядом с желанным женихом, летела навстречу молодой любви, всё пело и звенело радостно в её душе. Теперь она сидела, словно окаменевшая, возле того же человека, но как он был ненавистен, противен и чужд ей! А воспоминание о недавних ласках этого человека бросало Варю в дрожь, и она скрипела зубами.

Но взятую на себя роль нужно было довести до конца, чего бы это ни стоило, и Варя терпела прикосновение руки предателя и отвечала на его вопросы.

Тогда они шли пешком лугами, жаворонки взвивались из-под ног и летели вверх, трепеща крылышками и приветствуя небо и солнце своими трелями. Теперь они ехали по пыльной дороге, извозчик курил махорку и обдавал их вонючим дымом, а на ухабах колесо пролётки со стороны более тяжёлого мужа задевало за крыло, издавая неприятный, режущий визг.

Наконец супруги доехали до Лалетиной, отпустили извозчика, навьючили на себя вещи и пошли по знакомой тропе, пройденной ими столько раз. Но Ваньковский шёл равнодушно, позёвывая, делая замечания о погоде, о предстоящих на суде делах. Для Вари же каждый шаг был пыткой, она шла, точно на Голгофу, вспоминая минувшее и сопоставляя с настоящим и предстоящим ещё впереди, не раз она останавливалась и отчаивалась в своих силах, боялась, что не сможет довести дело до конца, что муж заметит её ненормальное состояние и поведёт её назад, в город.

Но вот впереди на той же тропе она услышала весёлый говор, молодой смех, перекликиванье. Это шла компания столбистов, которых она подбила накануне. Собрав последние силы, Варя поспешила догнать молодёжь и взяла под руку одну из девушек. Оказалось, что Ваньковский помнит кое-кого из компании; он начал расспрашивать о гимназических делах, учителях, разговор сделался общим, и Варя была избавлена от ужасного tet-a-tet с мужем и от опасности выдать себя ему.

На половине пути компания догнала одинокого человека — также, очевидно, столбиста, судя по костюму и снаряжению. Он шёл медленно, большими шагами и как будто поджидал кого-то, останавливаясь по временам и оглядываясь. Когда молодая компания догнала его и он узнал Варю, он поклонился и сказал:

— Господа, я слышу, что у вас весело, а мне одному скучно. Позвольте присоединиться одинокому путнику, который, проезжая через Красноярск, захотел осмотреть ваши знаменитые Столбы. Я еду в Читу на службу, моя фамилия Горбунов.

Молодёжь не протестовала, назвала свои имена, все перезнакомились и пошли дальше. Новый попутчик старался держаться ближе к Варе; он вскоре заметил, что молодая женщина то краснеет, то бледнеет, часто закусывает губу и крепко опирается на руку девушки, в паре с которой идёт.

Наконец пошёл более крутой подъём к Столбам по склону долины. Близился полдень, солнце сильно пекло, в воздухе

сгущалась влага, извлечённая им из сырой травы лужаек, из болот и ручьёв; становилось трудно дышать, и обильная испарина покрывала тело; из высокой травы, потревоженные столбистами, поднимались тучи комаров и жадно набрасывались на открытые части лица и тела; слепни и оводы мелькали в воздухе, стараясь прильнуть к людской коже и напиться свежей крови. Путники примолкли, отмахивались от докучливых насекомых, отирали струйки пота, вытекавшие из-под волос на лицо.

Новый столбист заметил, что Варя еле держится на ногах. Он быстро подошёл к ней, взял её под руку и повёл, почти понёс вверх. Когда они немного отстали от остальных, Варя благодарно взглянула в печальные глаза Рыжова и промолвила:

— Я всё-таки слабая женщина, и боюсь, что не доведу своей роли до конца...

— Мужайтесь, — шепнул он в ответ, — конец недалеко. Я буду всё время вблизи вас.

Но вот сосны расступились, и столбисты вышли на поляну к балагану. Куда девалась усталость молодёжи! Живо одни побежали за водой, другие развели костёр, третьи развернули одеяла и разложили провизию. Пока несколько чайников закипали над огнём, все закусили, немного выпили, начались шутки, послышался смех. Варя постепенно оправилась, Рыжов заставил её выпить водки, она повеселела и приняла участие в беседе.

После обеда часть компании улеглась в тени поспать или хоть поваляться. Ваньковский быстро захрапел, но Варя забывалась только на короткие мгновения. Рыжов сидел вблизи неё и молча, сосредоточенно курил сигару.

Х

Когда свалил жар, снова началось чаепитие с обсуждением плана дальнейших действий. Молодёжь собиралась лезть на Второй, самый трудный столб, но Варя отказалась идти туда; её муж этому очень обрадовался и сказал:

— Мы, старики, полезем на Первый столб для начала.

— Тогда позвольте и мне, такому же старику, присоединиться к вам, — заявил Рыжов.

Ваньковские с удовольствием разрешили это. Молодёжь с песнями потянулась через лес ко Второму столбу, и, когда они скрылись из вида, Варя поднялась и предложила идти и своим

спутникам. Оставив багаж в шалаше и захватив только верёвку и свеженарубленные колышки, они отправились в другую сторону, обогнули подножие Первого столба и начали подниматься. Ваньковский шёл впереди, вспоминая дорогу, выступы и трещины, отмечая изменения их, сделанные временем и ногами столбистов. За ним шла Варя, а позади Рыжов.

Быстро они достигли верхнего уступа, с которого приходилось уже карабкаться по стене, пользуясь колышками. Во избежание несчастья нужно было лезть по одному, ожидая, пока передний не доберётся до вершины. Ваньковский полез первый, чуть не сорвался в одном месте и крикнул Варе сердито:

— Я говорил тебе, что я отяжелел для Столбов. Как хочешь, а на Второй я не полезу!

Когда он исчез на вершине и спустил оттуда верёвку, чтобы облегчить своим спутникам задачу, Рыжов сказал Варе:

— Вы оставайтесь здесь. Я полезу вперёд и объясню с ним один на один наверху. Позову вас, если понадобится.

Он ухватился за верёвку и полез — сначала не особенно умело, но потом освоился, — и также скрылся за выступом вершины. Варя, следившая за его восхождением с трепещущим сердцем и широко раскрытыми глазами, затем почти упала на камень и закрыла лицо руками. Сердце её замирало, в ушах звенело, голова, казалось, готова была расколоться на части, и несчастная женщина сжимала руками виски.

Резкий, короткий звук выстрела, отдавшийся тройным эхом от соседних столбов, заставил её вскочить на ноги; вся трепещущая, бледная, она смотрела наверх. Над выступом скалы показался Рыжов и медленно начал спускаться. Варе казалось, что он по временам не двигается с места и висит, уцепившись за скалу.

Наконец он очутился возле неё и опустил на камень, тяжело дыша. Одна рука его была окровавлена, и кровь стекала крупными каплями на розовый гранит и собиралась во впадине в виде маленького кораллового озера.

— Он поранил вас! — прошептала Варя с тревогой.

— Нет, я разодрал себе руку о скалу, — ответил Рыжов. И, немного помолчав и отдышавшись, тихо прибавил: — Объяснение было довольно бурное. Он сначала отрицал всё, затем, подавленный уликами, сознался, и даже начал издеваться над партией. Тогда я прочёл ему приговор. Он побледнел как смерть, закричал «Помогите!», быстро выхватил револьвер и выстрелил в меня, но промахнулся — пуля пролетела над моей головой... Я нагнулся, схватил его неожиданным движением за ноги и сбросил с вершины... на ту сторону... в бездну...

— Боже мой, Боже мой! — прошептала Варя, закрывая глаза рукой. Она просидела несколько минут в таком положении и тихо плакала. Страшное возбуждение последних дней наконец разрешилось слезами. Рыжов вынул платок и перевязал свою руку.

— Пора созывать молодёжь на помощь, — сказал он, окончив перевязку и убедившись, что плечи Вари перестали вздрагивать и она немного успокоилась.

Рыжов вынул револьвер и сделал несколько выстрелов в воздух. Затем оба медленно полезли вниз, оставив верёвку висеть на скале. Варя часто останавливалась и опиралась на Рыжова; она молчала, но слёзы продолжали струиться из её глаз.

Достигнув подножия столба, Рыжов отвёл Варю в балаган, а сам обогнул столб с другой стороны, чтобы найти место, куда упал Ваньковский. С этой стороны столб поднимался высокой, почти отвесной стеной, окаймлённой у подножия россыпью гранитных глыб; в промежутках между более мелкими глыбами, наваленными друг на друга кучами, кое-где поднимались крупные глыбы, словно большие могильные памятники. Камни были покрыты лишаями; кое-где росли молодые деревья. Здесь, на северной стороне, всегда было сыро и пахло плесенью.

Ваньковский лежал грудью на гранитной глыбе, ногами в промежутке между двумя другими. Он упал, очевидно, головой вниз, а затем скатился по откосу глыбы; череп с лицевой стороны был раздроблен, кровь залила всё лицо и окрасила окружающий гранит.

Убедившись, что Ваньковский не дышит, Рыжов вынул из его крепко сжатой руки револьвер и выпустил из него оставшиеся пули; а затем вернулся к балагану, заметив место, где лежал труп.

Варя, сидевшая возле балагана, подняла на подошедшего Рыжова вопрошающий взор; спросить его она не решилась.

— Он убится сразу при падении, — сказал Рыжов, догадавшись. — Я вынул из его руки револьвер и стрелял, чтобы молодёжь спуталась в счёте выстрелов.

XI

Прошёл ещё почти целый час в ожидании возвращения ушедших на Второй столб. За это время Рыжов отыскал топорик среди вещей столбистов в балагане, вырубил две длин-

---

ные и крепкие берёзовые жерди и привязал к ним одно из одеял.

Наконец гурьбой привалили молодые люди, спрашивая впопыхах, что случилось. Выстрелы застали их уже почти на вершине столба, и хотя они поспешили вернуться, но спуск занял немало времени.

— Господа, случилось большое несчастье, — сказал Рыжов, когда все собрались к балагану. — Мы втроём забрались на первый столб — сначала господин Ваньковский, потом я, наконец барыня. Она только что успела подняться на край площадки, когда её супруг, стоявший на другой стороне у самого обрыва, вероятно, желая помочь ей, резко повернулся, поскользнулся на гладкой плите и свалился вниз...

Послышались возгласы ужаса и вопросы:

— Ну где же он, жив ещё? Нужно бежать за помощью, привести доктора!

— В помощи господин Ваньковский уже не нуждается, — продолжал Рыжов. — Он сразу убится насмерть на каменной россыпи у подножия столба. Помогите поднять тело и принести сюда.

Вся компания ушла с носилками, кроме Вари, которая осталась в балагане, так как во время рассказа Рыжова упала в обморок; одна из девушек тоже осталась и приводила её в чувство. Когда Варя пришла в себя, эта девушка побежала с двумя чайниками за водой.

Вскоре вернулась и печальная процессия с носилками, которые опустили на землю позади балагана. Затем стали обсуждать — нести ли тело в город или пригласить полицию на место происшествия; большинство высказалось за первое предложение, так как это было проще и скорее.

— В таком случае нужно составить акт теперь же, пока мы не забыли всех подробностей, — заявил Рыжов.

У него нашёлся лист бумаги и карандаш; один из гимназистов взялся писать; изложили всё происшествие, начиная со встречи всех трёх отрядов столбистов на тропе и кончая поднятием мёртвого тела. Варя подтвердила рассказ Рыжова об их подъёме на столб и прибавила, что она, занятая взлезанием на площадку, не видела, как поскользнулся и упал её муж, и подняла голову, когда Рыжов что-то закричал и подскочил к ней, бледный от испуга. Убедившись, что упавший не зацепился за дерево или выступ скалы, а полетел вниз, они поторопились спуститься, давая выстрелы, чтобы созвать остальных на помощь. Когда они подошли к месту падения, их спутник уже не дышал.

Пока судили, рядили и писали, солнце уже спустилось за лес. Поэтому решили отложить перенос тела в город до утра, так как нести неудобные носилки ночью по лесной тропе было бы слишком трудно.

Пожинали без длинных разговоров — присутствие мертвеца связывало всем языки. Затем сейчас же легли спать, чтобы выйти завтра на рассвете и сделать трудный путь с ношей до наступления жары.

XII

Ночь прошла спокойно. Когда между стволами сосен только что показались признаки приближающегося рассвета, все быстро поднялись, наскоро позавтракали и тронулись в путь. Впереди шли все девушки и Варя. Позади шли мужчины; их было восемь человек, так что устроили две смены; четверо несли носилки с мертвецом и менялись каждую четверть часа.

Так как мужчины с длинными носилками подвигались медленно по извилистой тропе среди леса и теряли время на смену, то женщины ушли вперёд, чтобы нанять в первой попутной деревне телегу и выехать с ней навстречу печальной процессии. Благодаря этому вся компания уже к полудню успела добраться до города.

В тот же день кончилась тягостная процедура полицейского дознания о происшествии с освидетельствованием и вскрытием тела, после которого Рыжов немедленно уехал из Красноярска. С Варей он простился крепким рукопожатием и безмолвным взглядом, так как при этом были посторонние.

На следующий день состоялись торжественные похороны, на которые собралась масса горожан.

Варя мужественно перенесла тяжёлые часы, когда она была центром всеобщего внимания и участия. Сейчас же после похорон она уехала в Енисейскую тайгу к отцу на прииск. Из вещей мужа она ничего не взяла, а обстановку квартиры поручила своим знакомым продать и деньги отдать матери Ваньковского. Последней были отосланы и все бумаги, найденные после снятия печатей с письменного стола. Но в этом столе Рыжов и Варя, приехавшие в город ранее прибытия тела, успели сделать быструю ревизию ещё до появления полиции.

Гибель молодого столбиста на несколько лет ослабила рвение горожан, и на вершины более трудных столбов в эти

годы редко кто взбирался. Но постепенно впечатление от происшествия изгладилось, очевидцы его кончили гимназию и разъехались из Красноярска. Мало-помалу опасный спорт возобновился.

А после того, как по Сибири прошла железная дорога и Красноярск оживился и начал расти, значительно увеличилось и количество столбистов. На берегу Енисея, ниже устья Лалетиной, построили дачи, туда начал ходить пароходик из города, экскурсия на Столбы сделалась менее длинной и трудной. Вместо балагана у Столбов возникла кем-то выстроенная изба, дававшая приют во время ненастья.

В революционные дни 1905 года на Столбах кто-то вывесил огромные красные флаги, которые видны были из города и страшно раздражали администрацию. Был организован целый отряд жандармов, снявших с большими затруднениями красные флаги и сжёгших избушку, чтобы уничтожить приют столбистов. Но при всём желании они не могли стереть с отвесной неприступной стены надпись «Да здравствует свобода», которую какой-то смельчак ухитрился написать крупными буквами.

Уничтожение избушки, впрочем, ничему не помогло. Вместо неё возник опять балаган, и паломничество к Столбам по-прежнему представляет любимое занятие красноярской молодёжи. И уже немногие помнят о происшествии на Столбах, которое рассказано нами.

Земля Санникова

Научно-фантастический роман

Предисловие

Почти половина Арктики, то есть части поверхности Земли, окружающей Северный полюс, прилегает непосредственно к северным берегам территории нашего Союза. В противоположность Антарктике, окружающей Южный полюс Земли и являющейся большим материком, Арктика представляет собой море.

Ледовитый океан усеян в области, примыкающей к материкам Европы, Азии и Северной Америки, многочисленными большими и малыми островами и лишён их в центральной области, вокруг полюса.

Вследствие холодного климата эти острова покрыты всё время толщами льда и снега, и только немногие освобождаются от них в течение короткого полярного лета. Море вокруг островов также сковано льдом, большею частью неподвижным, а остальное пространство моря покрыто толстым многолетним льдом, движущимся в разных направлениях под влиянием течений и ветров.

Несмотря на трудные условия плавания и климата, отважные мореплаватели проникали в Арктику, постепенно открывая, изучая и иногда заселяя эти острова Арктики. Были даже попытки плавания (вольного и невольного) вместе с движущимися льдами для проникновения в те районы Ледовитого океана, которые никогда не представляли открытой воды, ради их изучения: измерения глубин, температуры разных слоёв воды, её состава, живущих в ней животных и растений, грунта морского дна, направления течений и т. п.

Открытия в Арктике новых островов продолжались до самого последнего времени: так, ещё в 1881 году были открыты маленькие острова Жаннетты, Генриетты, Беннетта к северу от Новосибирского архипелага; в 1913 году был открыт большой архипелаг Северная Земля — к северу от Таймырского полуострова; ещё позже — маленькие островки в Карском море. Но нельзя утверждать, что уже известны все острова Арктики, так как в области движущихся льдов океана могут ещё быть такие острова, к которым по воде невозможно, а по движущимся льдам очень трудно добраться. Самолёт является новым средством обследования с воздуха тех районов Арктики, которые были недостижимы по воде и по льду.

До сих пор не разгадана ещё тайна двух островов, легенда о существовании которых передаётся уже около полутора столетий. Отважные промышленники, посещавшие ближайшие к берегам северо-восточной Сибири острова для добычи на них пушнины, диких северных оленей и мамонтовой кости, а также некоторые исследователи Севера видели издали, с высоких пунктов, в редкие на Севере ясные дни эти неизвестные острова, но добраться до них не могли. Это Земля Санникова к северу от Новосибирского архипелага и Земля Андреева к северу от устья реки Колымы, названные: первый — по имени промышленника Якова Санникова, а второй — по имени сержанта Андреева, впервые увидевших эти острова далеко на горизонте, среди льдов.

Настоящий роман и описывает попытку найти один из этих островов — Землю Санникова — и обследовать его. Роман назван научно-фантастическим потому, что в нём рассказывается об этой земле так, как автор представлял себе её природу и население при известных теоретических предположениях.

Читатель получит представление о некоторых островах Арктики, об условиях путешествия через льды, о природе и населении неизвестной земли, какие могли бы быть, если бы она существовала там и в таких условиях, как предполагает автор.

«А всё-таки она существует!»

Первая половина торжественного заседания учёного общества, посвящённого сообщением членов экспедиции, снаряжённой для поисков пропавшего без вести барона Толля и его спутников, подходила к концу. На кафедре, у стены, украшенной большими портретами сановных покровителей и председателей общества, находился морской офицер, совершивший смелое плавание в вельботе* через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннетта, на который высадился барон Толль, оттуда не вернувшийся. Мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами, оставалось в полутени зелёного абажура лампы, освещавшей

---

* Вельбот — лёгкое гребное судно с одинаковыми остроконечными носом и кормой; его парусное вооружение состоит из разрезного фока; фок — нижний прямой парус на передней мачте корабля.

рукопись его доклада на кафедре и его флотский мундир с золотыми пуговицами и орденами.

За длинным столом перед кафедрой, покрытым зелёным сукном, заседали члены Совета общества — всё видные учёные и известные путешественники, проживавшие в северной столице. В середине сидел председатель. Закрыв глаза, он, казалось, дремал под журчание голоса докладчика. Небольшой зал был переполнен.

Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции, трудный путь с тяжёлым вельботом, поставленным на нарты, через торосы полярных льдов от материка на Новосибирские острова, летовку на берегу Котельного острова в ожидании вскрытия моря, борьбу со льдами при плавании вдоль берегов и отважный переезд через море к острову Беннетта. Он охарактеризовал этот угрюмый остров, скованный льдами целый год, и описал находку избушки Толля, оставленных им вещей и документа с описанием острова, заканчивавшегося словами: «Отправляемся сегодня на юг; провизии имеем на пятнадцать-двадцать дней. Все здоровы».

— Итак, — провозгласил докладчик, повысив голос, — двадцать шестого октября тысяча девятьсот второго года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули остров Беннетта и пустились по льду на юг к Новосибирским островам. Но на последние они не прибыли, — наши поиски не обнаружили никаких следов. Куда же девались смелые путешественники? Нет никакого сомнения, что они погибли в пути. В конце октября в этих широтах дня уже нет, только два-три часа около полудня тянутся сумерки. Морозы доходят до сорока градусов; часты свирепые пурги. Но море ещё не замёрзло и богато полыньями. Путешественники, очевидно, попали во время пурги на полыню, едва затянувшуюся льдом, и провалились. Или погибли, выбившись из сил, от голода и холода, в борьбе с торосами, потому что собак у них не было и они сами тащили нарты, нагруженные байдарками и всем имуществом. Или, наконец, пытаясь переплыть на утлых байдарках в полярную ночь через незамёрзшее море, они потонули во время бури. Так или иначе, но они нашли вечный покой на дне Ледовитого моря, а Земля Санникова, которую Толль искал так долго и тщетно, не существует.

Докладчик сошёл с кафедры. Слушатели были охвачены жутким впечатлением от заключительных слов доклада. Вдруг из задних рядов раздался возглас:

— А всё-таки она существует!

В зале произошло волнение. Послышались вопросы:

— Кто это? Что за чудак?..

Председатель обвёл публику строгим взглядом, встряхнул колокольчик и, когда зал затих, сказал:

— Предлагаю общему собранию членов общества и гостям почтить вставанием память погибших отважных путешественников: барона Толля, астронома Зееберга, промышленников Горохова и Дьяконова, положивших свою жизнь на поприще науки.

Все поднялись с мест.

— Объявляю перерыв на четверть часа.

Сидевшие вблизи дверей быстро устремились к выходу. Члены Совета обступили докладчика, а один из них, тучный академик Шенк, известный исследователь, организатор и советчик экспедиции барона Толля, стал протискиваться к задним рядам. Среди шума сдвигаемых стульев и говора толпы раздался его громкий голос:

— Я прошу лицо, которое так уверено в существовании Земли Санникова, поговорить со мной.

В ответ на это приглашение из среды толпившихся слушателей выделился молодой человек в чёрной блузе, со смуглым лицом, изборождённым мелкими морщинками, которые летний зной, зимние стужи, резкие ветры накладывают на кожу. Пробравшись к Шенку, он заявил:

— Это я сказал, и повторю ещё раз, если нужно!

— Пройдёмте в библиотеку! Здесь, в толкотне, невозможно беседовать! — произнёс Шенк, окидывая смельчака проницательным взглядом из-под густых, нависших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлёк его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папироску, он сказал:

— Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

— Позвольте сначала объяснить, кто я, — ответил молодой человек. — Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем, в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем — лучше сказать — беломедвежьем углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками — грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год весной, когда дни становятся длинными, но лёд ещё крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские остро-

---

ва за мамонтовыми бивнями, которых там много... Среди этих промышленников некоторые ясно видели Землю Санникова и твёрдо убеждены в её существовании.

— Это неубедительно! — заметил Шенк. — Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль, — не что иное, как огромные ледяные торосы, и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать двух тысяч двухсот пятидесяти метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

— Это предположение, но не факт!

— Кроме того, Толль до высадки на остров Беннетта тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась земля.

— Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие, видевшие её, но не точно оценившие расстояние, — возразил молодой человек.

— Вы правы! — сказал Шенк. — Но дело в том, что кроме этих свидетельств — согласитесь, крайне шатких — мы не имеем ничего другого, вернее, ничего определённого, если не считать сведений о пролёте птиц куда-то на север.

— Почему вы считаете это недостаточно определённым указанием? — удивился молодой человек. — Уже Врангель сообщил об этом, Майдель подтвердил, а население Севера вполне точно указывает, что летнее обилие птиц на северном берегу Сибири прерывается в двух местах побережья: во-первых, от реки Хромы до реки Омоя; во-вторых, в пятидесяти километрах западнее мыса Якан и до мыса Рыркайпий*. В этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролёт птиц на север.

— С западного участка птицы летят на Новосибирские острова, а с восточного — на остров Врангеля, — возразил Шенк.

— Так думали прежде, но это неверно. Остров Врангеля очень высок и скалист, и почти всё лето остаётся под снегом. Места для гнездования таких птиц, как гуси и утки, на нём слишком мало. Но для нас интересен западный участок.

— Да, с него птицы летят на Новосибирские острова.

— На этих островах, как оказывается, летует очень немного птиц, а большая часть густыми стаями продолжает лететь на север. Это не раз подтверждали мне промышленники в

---

* Рыркайпий — чукотское название мыса Северного, теперь переименованного в мыс Шмидта.

Усть-Янске, Русском Устье, Ожогине, посещавшие острова; то же знал и Санников. Летят белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и прочие — все питающиеся растениями или мелкими животными, живущими за счёт растений. Отсюда следует, что на севере есть ещё суша, достаточно обширная и покрытая растительностью.

— Да, эта суша — остров Беннетта, — заметил Шенк. — Из документа, оставленного Толлем, мы узнали, что на этом острове летуют два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек...

— Ни гуси, ни утки не упомянуты! — рассмеялся молодой человек. — А они составляют большую часть перелётных птиц. Это характерно! А обратили ли вы внимание на слова того же документа, что Толль видел орла, летевшего с юга на север, сокола, летевшего с севера на юг, и гусей, пролетавших стаями с севера, то есть возвращавшихся в конце лета с этой неизвестной земли на материк.

— Совершенно верно! — подтвердил академик.

— И Толль прибавляет: вследствие туманов землю, откуда пролетали эти птицы, также не было видно, как и во время прошлой навигации Землю Санникова.

— Какая у вас хорошая память! — удивился Шенк.

— Я внимательно слушал доклад, и документ Толля подкрепил мою уверенность в существовании Земли Санникова, и именно севернее, чем предполагали. Это и заставило меня высказаться так категорически. Что же касается Беннетта, то, как вы тоже слышали, этот остров слишком мал и слишком загромождён льдами, чтобы давать приют многочисленным птицам. Толль подтвердил это: снегири, кулики, чайки, два вида гаг — вот все его летние гости.

— Но земля, расположенная ещё севернее, например, под восьмидесятым градусом широты, должна быть ещё больше покрыта льдами; следовательно, также не может прокармливать много птиц.

— Куда же летят в таком случае эти глупые птицы? — рассмеялся молодой человек.

— Право, не знаю. Может быть, через Северный полюс в Гренландию, хотя это невероятно, — ответил Шенк, пожимая плечами.

— А нельзя ли предположить, что в силу каких-то особых условий Земля Санникова, несмотря на своё северное положение среди льдов полярного океана, пользуется более тёплым климатом, чем острова Беннетта и Новосибирские, находящиеся южнее?

— Ну, это уже просто фантазия, прошу извинить! — возразил академик, немного рассердившись. — Для такого предположения, кроме пролёта птиц, никаких оснований нет.

— Может быть, там находится вулкан, согревающий почву, — не унимался молодой человек, — или горячие ключи!

— Дым вулкана был бы давно замечен вашими же промышленниками и мореплавателями. Не забудьте, что и Нансен проплыл на «Фраме» во время своего дрейфа во льдах вблизи того места, где предполагалась эта таинственная земля, но ничего не видел.

— А известно ли вам о странном исчезновении целого народа онкилонов, жившего на севере? Теснимые чукчами, они ушли куда-то с материка со всеми своими стадами, и больше о них никто не слышал, и где они — неизвестно.

— Да, помнится, о них собирали сведения Врангель, Норденшельд и Майдель. Но я этнографией не занимаюсь...

Звонок, громко прозвучавший в библиотеке, прервал слова академика. Шенк встал:

— Нужно идти слушать следующий доклад. Но ваши соображения всё-таки заинтересовали меня — нам нужно ещё поговорить. Приходите ко мне на дом через неделю, вечером. Вот мой адрес.

Шенк достал из бумажника визитную карточку и, передавая её своему собеседнику, прибавил:

— Я справлюсь в литературе об этих онкилонах. И позондирую в академии почву насчёт новой экспедиции для поисков Толля, хотя сильно сомневаюсь в успехе. Во всяком случае, приходите.

Исчезнувший народ

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он производил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта на тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре, и даже на Сахалине, вскоре после присоединения этого далёкого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинающим учёным и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его

ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк принялся за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледовитого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей, и ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов северной Сибири в районе мысов Иркайпий*, Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углублённые в почву и с кровлей из китовых рёбер, присыпанных землёй. При раскопках были найдены различные орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и проч., нередко даже ещё с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов, и были в полном смысле слова людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая распря на почве родовой мести между их вождём Крэхоем и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров, и наконец на пятнадцати байдарках они уплыли на землю, горы которой видны вдали в Ледовитом океане с мыса Якан (то есть на остров Врангеля).

«Сведения довольно скудные и противоречивые, — подумал Шенк, закрывая последнюю книгу. — Во всяком случае, интересно, куда девался этот народец».

В течение следующих дней Шенк, согласно обещанию «нащупать почву в академии», переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного учёного, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду,

---

* Иркайпий на карте Норденшельда соответствует мысу Рыркайпий (или Северному) русских карт.

а давать деньги какому-то фантазёру было бы неосторожно, и выхлопотать таковые неудобно.

В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы. Он решил, что тысячей-другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

«Ну что же, — подумал он, — инструменты ему достанем даром в разных ведомствах, а дольше года эта экспедиция продолжаться не должна. За это время он или найдёт эту землю, и тогда дело можно повернуть совершенно иначе и средства будут, или убедится, что такой земли нет, и мы успокоимся».

Дело налаживается

В условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его.

— Я перечитал всё, что известно об онкилонах, — сказал он, — и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и костяное оружие. Но куда он исчез — неизвестно. Остаётся думать, что онкилоны или погибли на одном из островов вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

— Если бы они погибли на островах, там были бы найдены в изобилии их кости, — возразил собеседник. — Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке, об этом сохранились бы предания у их новых соседей — якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий нет совершенно.

— Так где же они, наконец? — воскликнул Шенк. — Не на небо же они взяты живыми!

— Они, очевидно, на Земле Санникова, — там же, куда летят перелётные птицы, которые, вероятно, служили им проводниками.

— Да если бы люди могли летать, я бы этому охотно поверил. Но онкилоны летать не умели, и должны были пробраться на эту землю или по воде, или по льду.

— По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжёлый и беспокойный груз для байдар.

— А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям, Ледовитый океан замерзает не на всём протяжении; на некотором расстоянии от берега всегда остаётся бо-

---

лее или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча — а они достаточно смелый народ — не побывал на острове Врангеля, и ни один промышленник — они тоже не трусы! — не достигал острова Беннетта. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя!

— Всё это совершенно справедливо вообще, — спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику. — Но вспомните, что климат не всегда одинаков, холодные периоды чередуются с тёплыми в зависимости от солнечных пятен...

— Ну конечно, я это знаю! — заметил Шенк.

— Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова — там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

— Ну хорошо!

— Они нашли, что место это плохое для жизни, мало зверя, птицы, и год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетавшие большими стаями на север, показывали им, что там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим, и море замёрзло. Ранней весной, когда дни уже длиннее, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

— И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, чтобы под восьмидесятым градусом широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки, может быть, находят себе пищу на оттаивающей тундре, а человек...

— Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живёт в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле, — живёт, даже любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадёт на юг.

— Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней онкилонов.

— В первом я убеждён, второе считаю единственно возможным объяснением их исчезновения.

— К сожалению, академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Толль погиб.

— Очень печально, если это так, потому что единственное место, куда мог спастись Толль, — это Земля Санникова. Я не утверждаю, что он там, но это возможно, и только там остаётся искать его следы.

— Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.

— Я бы поехал охотню и нашёл бы среди ссыльных Якутской области и среди промышленников северного берега налёжных спутников.

— Как бы вы организовали экспедицию, если бы нашлись деньги?

— У меня в виду два ссыльных, живущих тоже в Казачьем. Мы с ними часто обсуждали проект такой экспедиции, конечно, платонически, потому что денег у нас нет — кроме скудного пособия, которое царское правительство очень неаккуратно выдаёт своим пленникам. Мы живём совсем как туземцы — охотой, рыбной ловлей. Оба товарища — люди молодые и не опустившиеся в ссылке; работа поддерживает нас, и мы закалились. Кроме того, я бы взял двух промышленников, не раз бывавших на Новосибирских островах, имеющих собак и снаряжение, опытных в путешествии по льду.

— Правильно, без них вам не обойтись. А дальше?

— Ранней весной мы бы перебрались по льду на остров Котельный, устроили бы себе там базу и склад, и попытались бы немедленно, пока лёд крепок, идти дальше на север.

— А если море окажется не замёрзшим, в чём едва ли можно сомневаться?

— На этот случай у нас будут две лёгкие байдары, поставленные на нарты. На них попробуем переплыть открытое пространство. Оно не может быть широко — близ земли всегда есть лёд. Дальше пойдём опять на нартах до этой земли, исследуем её, а в конце лета — обратно тем же путём.

— Но тогда открытое море будет очень широко, и на ваших байдарках с тяжёлым грузом вы погибнете, без всякого сомнения. В конце лета уже часты пурги.

— Если нельзя будет переплыть, останемся на зимовку на Земле Санникова и пойдём обратно ранней весной.

— А вы знаете, сколько корма нужно собакам на целый год? Этот груз задавит вас..

— Ну конечно. Но я не рассчитываю везти его с собой, а надеюсь на обилие дичи на земле. За лето мы наготовим запасы для зимовки и перехода обратно к базе.

— Но предположим, что вы никакой земли не найдёте?

— В таком случае мы немедленно вернёмся на Котельный, проведём на нем лето, и осенью, как только море станет, переберёмся на материк. И на этот случай, по моему убеждению мало вероятный, нам нужен склад на Котельном, имея в виду возможность плохой летней охоты.

— Не подсчитали ли вы, во сколько может обойтись такая экспедиция?

— Я думаю — не так много. Мы, трое, не рассчитываем на заработок, лишь бы прокормиться. Двум промышленникам, конечно, придётся платить, но они люди скромные. Главный расход — собаки, их корм, нарты, байдары, ружья и припас к ним, одежда. Я уже приценивался здесь и в Казачьем, и думаю, что тысячи две-две с половиной нам хватит.

— Да, сумма небольшая!

— Нарты на севере неважные, дерево не очень прочное, а нам нужно иметь нарты наилучшего качества, чтобы не тратить время на частый ремонт. Я думаю, лучше заказать их здесь и увезти с собой. Точно так же ружья и припас к ним — здесь это лучше и гораздо дешевле. Всё прочее — на месте.

— Ваш план мне нравится, — сказал Шенк. — И я думаю, что две с половиной тысячи рублей я вам найду. Но условие: с Земли Санникова привезти коллекцию горных пород и гербарий, если возможно — также мелких животных и записи о флоре, фауне и климате. Ну конечно, и об онкилонах, если таковые найдутся. Сможете ли вы с товарищами сделать это?

— Надеюсь, что справимся. Мы все, конечно, не заправские учёные, но подготовку имеем: один из нас немного геолог, другой — ботаник, а я интересуюсь больше животными и человеком.

— Прекрасно! Инструменты для научных наблюдений — барометр, термометры, компасы и прочие — я добуду вам из академии. Вы понимаете, что очень важно будет определить широту и долготу нескольких пунктов этой земли, если вы её найдёте, — улыбнулся Шенк, — и сделать хотя бы грубую съёмку её очертаний и пути к ней.

— Разумеется. Съёмку я могу взять на себя. Но определение широт и долгот? Этому мы не обучены.

— Ну, это не так трудно. С этим вас познакомят в Главной физической обсерватории. Я дам вам записку к директору. На подготовку понадобится две-три недели. Есть у вас время? Когда вы думаете выехать отсюда?

— Сейчас у нас конец ноября. Необходимо выехать через месяц, чтобы быть в Казачьем в конце февраля, а в половине марта двинуться на острова.

— Обыкновенно туда ездят в апреле.

— Совершенно верно, но нам нужно попасть раньше, чтобы в начале апреля уже идти через море к Земле Санникова, пока лёд ещё прочен.

— А в один месяц вы успеете заготовить и закупить всё, что нужно?

— Да, я справлялся в мастерских. Нарты будут сделаны в две недели, закупить прочее я успею в это же время, и вместе с тем могу посещать обсерваторию.

— Итак, дело устраивается здесь, но в Казачьем у вас будет ещё много хлопот.

— Если дело решено, я сейчас же телеграфирую в Олёминск, почтой в Казачье, чтобы товарищи начали готовиться — закупили собак, одежду, собачий корм.

— Но ведь денег у них на это нет?

— Им поверят в долг до моего приезда: нас в Казачьем знают.

— А сколько нужно вам сейчас на задатки при заказах и покупке?

— Рублей пятьсот пока хватит.

— Я дам вам эту сумму из своих денег, а через две-три недели добуду и остальные, и инструменты.

Шенк написал чек на банк и рекомендацию директору обсерватории и, передавая их молодому человеку, сказал:

— Зайдите ко мне через две недели, в это же время — рассказать, как подвигается подготовка.

— Позвольте выразить вам моё восхищение таким быстрым решением вопроса! — воскликнул молодой человек, глубоко взволнованный. — Идя к вам, я сильно сомневался в осуществимости моей мечты. А тут вышло всё так просто. Вы даёте большую сумму совершенно не известному вам человеку, веря ему на слово.

— Я ещё не разуверился в людях, несмотря на свои седые волосы, — добродушно ответил Шенк. — Я уже помогал не раз в научных предприятиях, и моё доверие очень редко бывало обмануто. Кроме того, я умею оценивать людей почти с первого взгляда. Но вы действительно напомнили мне, что я ещё не знаю ни вашего имени, ни ваших товарищей, а для открытого листа, который вам необходим для администрации края и который я вам достану, это нужно знать. Итак, вас зовут... Я записываю.

— Матвей Иванович Горюнов, бывший студент Петербургского университета, административно высланный в Якутскую область. Товарищи мои — Семён Петрович Ордин и Павел Николаевич Костяков — тоже бывшие студенты, первый — университета, второй — технолог. Мы все были высланы на пять лет за студенческие беспорядки в тысяча восемьсот девяносто девятом году.

— Чем же вы провинились, что вас выслали так далеко, точно опасных преступников?

— Мы были председателями сходов, и потому причислены к коноводам. Нас хотели сдать в солдаты — помните, было такое распоряжение, — но мы отказались подчиниться. За это нас и отправили к белым медведям.

— А скоро ли кончается срок ссылки?

— Мой кончился, почему мне и разрешили выехать на родину, в Вологодскую губернию, под надзор полиции; в столицу я приехал, конечно, без разрешения. Товарищи освободятся через год.

— Я вижу, что для вас придётся ещё выхлопотать разрешение губернатора на выезд в Якутскую область.

— Ну, в этом, конечно, не откажут.

В путь-дорогу

Через месяц Горюнов, снабжённый деньгами и документами, выехал на восток, увозя инструменты и прочее снаряжение, в том числе три великолепные нарты и одну большую байдару, разбирающуюся на части, которые в полчаса нетрудно было соединить друг с другом совершенно герметически. В ней могли поместиться четыре человека, три нарты с грузом и десять собак, что позволяло членам экспедиции совершить переезд через море в два приёма.

От Иркутска начался уже санный путь на лошадях через Качуг вниз по Лене — длинный и скучный путь по занесённому снегом бесконечному коридору замёрзшей реки между её высокими, часто скалистыми берегами, вплоть до Якутска, жалкой столицы сурового края административной ссылки. Дальше путь шёл через низовья реки Алдана и по диким ущельям угрюмого Верхоянского хребта, затем по холмам и равнинам обширного бассейна реки Яны до её устья, где приютилось на краю света занесённое снегом до крыш село Казачье. Уже от Якутска дня почти не было, а за хребтом началась полярная зимняя ночь; только звёзды, луна и сполохи — северные сияния — освещали путь, если не было пурги.

В конце февраля Горюнов с грузом прибыл в Казачье, где его товарищи подготовили всё для экспедиции — тридцать собак, запас вяленой рыбы (юколы) для них, припасы для людей, полярную одежду, лыжи. Два опытных промышленника — якут Никита Горохов, брат пропавшего без вести

спутника барона Толля, и казак Капитон Абрамович Никифоров — согласились участвовать в экспедиции. Оба не раз побывали на Новосибирских островах, в последний раз — с экспедицией, искавшей следы Толля и объездившей все берега. В существовании Земли Санникова оба были убеждены, и утверждали, что видели её в ясные дни с высот Котельного острова. Эта таинственная земля манила их не меньше, чем наших трёх товарищей, и они были рады, что на их долю выпало счастье первыми посетить её.

Село Казачье стоит на плоском холме правого берега реки Яны, выше начала её дельты, под 71° северной широты и у северной границы леса. Несколько изб казаков и купеческих домов, несколько юрт якутов и небольшая церковь разбросаны в беспорядке по холму и почти до крыш занесены снегом. Только дымки, вьющиеся из труб избышек, да снопы искр, вылетающие из юрт, где топятя чувалы (камины), и облепленная снегом колокольня выдают зимой жильё человека, немаловажное для всего севера Приянского края, несмотря на свои малые размеры. К северу, востоку и западу расстилается бесконечная ровная тундра, зимой — белая равнина, покрытая застругами, то есть плоскими твёрдыми сугробами, созданными и уплотнёнными свирепыми пургами, разгуливающими на просторе. На юге чернеет полоса чахлого, редкого леса, а на горизонте в ясные дни видны округлённые высоты хребта Кулар, которые как бы отрезают янское устье от остального мира.

За две недели были закончены все приготовления. И в половине марта, когда день уже продолжался часов одиннадцать, экспедиция тронулась в путь. Путешественников с их тремя нартами до Новосибирских островов сопровождали ещё пять нарт с каюрами (вожаками), которые везли запас корма для собак, провизии и всякого снаряжения для людей, назначенного для склада на островах и для прокормления всех по дороге туда.

Путь шёл на северо-восток по одному из рукавов янской дельты, мимо брошенного поселения Усть-Янск, оставленного людьми из-за частых наводнений. Теперь это селение исчезло бесследно. В два дня благодаря ровной дороге дошли до устья. Низменная равнина незаметно переходила в поверхность моря, такую же белую и ровную. Но вблизи и вдали над ней плоскими буграми поднимались острова, а справа — мысы выдвигавшегося далеко на север берега материка. В этом направлении держали путь, пересекая бухты и стараясь хоть через день ночевать у берега, чтобы иметь топливо из плав-

---

ника — деревьев, принесённых Яной с юга и выброшенных морем.

Так миновали остров Ярок, мыс Манико с одинокой юртой, широкий Селяхский залив, мыс Туруктак, Ванькин мыс, мыс Дарычан. Отсюда до мыса Чуркина шли вдоль берега, затем пересекли Абеляхский залив и остановились в Гороховом стане, на южной стороне длинного мыса Святой Нос, которым кончается материк.

На весь этот путь, около двухсот километров от устья, ушло четыре дня, потому что ехали не торопясь, чтобы не утомить сразу собак. Торосы (то есть глыбы льда, поставленные стоймя или нагромождённые грудками при нажиме ледяных полей друг на друга, представляющие главную трудность при езде по морю) в этом мелком огромном заливе, вдающемся между дельтой реки Лены и выступом Святого Носа, были невелики и недлинные, так что их можно было объезжать. Погода стояла пасмурная, но тихая.

Горохов стан представлял две поварни, то есть избушки, выстроенные из плавника, конечно, без окон и без печей, но с чувалом — большим неуклюжим камином, который греет только пока топится. В них по временам жили промышленники, добывавшие тюленей или моржей весной или осенью или охотившиеся на диких оленей и белых медведей.

В день приезда на стан небо к вечеру прояснилось, и все три путешественника поспешили подняться на плоские высоты Святого Носа, закрывавшие вид на открытое море и представлявшие в береговых обрывах чёрные скалы базальта, когда-то излившегося в этой местности огненным потоком из земных недр. Карабкаясь с глыбы на глыбу, добрались до плоской поверхности мыса. Впереди белоснежной равниной расстилалось застывшее море, на котором то тут, то там тянулись неровные валы торосов, сильно занесённые снегом.

За этой равниной на горизонте, прямо на севере, чуть виднелся Большой Ляховский остров — плоский бугор с четырьмя вершинами; кое-где чёрные пятна на белом фоне выдавали скалы и обрывы. Это ближайший из Новосибирских островов, знаменитый обилением мамонтовых бивней, за которыми и ездят промышленники. До него по прямой линии было километров шестьдесят-семьдесят. Путь наших исследователей лежал мимо него.

Солнце зашло. С ледяной равнины потянул холодный ветерок, и наблюдатели поспешили спуститься засветло к стану, где в поварне уже пылал камин, клокотал подвешенный к огню чайник и котёл с ужином. На дорожном ящике, заме-

---

нявшем стол, были расставлены тарелки; ящики поменьше служили сиденьем. Горохов и Никифоров, сидя возле камина с трубками в зубах, с нетерпением ждали возвращения товарищей, чтобы приступить к ужину. Они успели уже всё прибрать, распрячь собак, разложить спальные мешки. Из соседней поварни слышался говор и смех — там расположились каюры пяти нарт, сопровождавших экспедицию до островов.

На следующее утро с восходом солнца караван из восьми нарт, запряжённых восемью-десятью собаками, покинул материк и, обогнув скалы оконечности Святого Носа, потянулся через море на север. По ровным участкам, хотя и изборождённым застругами, собаки тянули быстро, так что люди на лыжах едва поспевали за ними. Но там, где путь преграждался грядой торосов, движение очень замедлялось, так как, выбрав более низкое место для прохода нарт, приходилось каждую из них протаскивать отдельно, причём люди помогали собакам, одни — подталкивая нарту сзади, другие направляя её сбоку и поддерживая при помощи лыжных палок. Если среди глыб торосов не было удобного проезда, людям приходилось работать топорами, которые у всех были за поясом. Под ударами топоров лёд, охлаждённый зимними морозами до 30-40 градусов ниже нуля, разлетался на осколки со звоном, словно стекло. Во время этой работы собаки всех нарт, пользуясь остановкой, словно по команде, ложились отдыхать на снег, прекрасно зная, что стук топоров предвещает им четверть часа особенно трудной тяги.

Так подвигались вперёд, то быстрее, то медленнее — со средней скоростью около семи километров в час — и к полудню прошли половину расстояния до острова. Не распрягая собак, сделали привал для завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и горячего чая. Ради приготовления последнего огня, впрочем, не разводили. Горюнов привёз из столицы термосы, чтобы при дневных остановках не терять времени на разведение огня и кипячение воды. Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай горячий без огня с особым удовольствием, словно священный напиток. Они ни за что не хотели поверить, что дело обходится без колдовства, когда при морозе в 30 градусов из холодного на ощупь сосуда выливался чай, обжигавший губы. В день выезда из Казачьего, когда в первый раз сделали обеденный привал и каюры собрались разводить костёр, Горюнов подшутил над ними, заявив, что вскипятит чай в снегу скорее, чем они на огне. Когда они повесили свой чайник на огонь, он достал термосы, зарыл их

наполовину в снег, и через пять минут стал наливать горячий чай изумлённым якутам. Горохов и Никифоров, которые были посвящены в секрет, покатывались от смеха при инсценировке этой шутки, слушая восклицания и наблюдая лица каюров.

После завтрака двинулись дальше тем же порядком. Остров уже вырос в большую массу, закрывавшую северный горизонт и полого поднимавшуюся над белой равниной; видны были отдельные тёмные скалы среди снегового покрова и тёмные пятна в береговом низком обрыве. При закате солнца, преодолев последний торос, покатали во всю прыть — собаки прекрасно знали, что на земле будет отдых и корм, и при виде поварни, черневшей у подножия обрыва, завывали в семьдесят голосов и пустились бежать, словно бешеные.

Но у берега им пришлось умерить свой пыл, потому что осенние бури в начале морестава наворотили целый вал льдин, через который нарты перетаскивали опять по одной прежде, чем добрались до так называемого Малого Зимовья — избушки, построенной ещё известным промышленником Санниковым, спутником и проводником Геденштрома, впервые описавшего острова в начале XIX века. Но столетняя избушка мало пострадала в этом холодном климате. Пропитанные морской солью стволы плавника только почернели и кое-где покрылись лишаями, а внутри были свежи. Немало промышленников находили приют в этой поварне по пути на остров или обратно, и все заботились об исправности её двери, висевшей на кожаных петлях, и крыши, на которую нужно было время от времени подсыпать землю. Возле избушки была даже приготовлена куча плавника для топлива, что было очень кстати — не нужно было разыскивать его вдоль берега, выкапывая из-под снега.

Скоро запылал костёр на площадке возле зимовья, и красные отблески осветили высокую ледяную стену, которая далеко тянулась в обе стороны.

Кладбище мамонтов

Большой Ляховский, или Ближний, остров замечателен по своему геологическому составу. Его четыре плоские, но скалистые вершины, вернее, группы вершин состоят из гранита, а вся остальная площадь — из мягких четвертичных отложений. Поэтому многочисленные ручьи и речки, стекаю-

---

щие с вершин и врезающиеся глубоко в эти мягкие толщи, расчленили остров на множество холмов и холмиков, почти лишённых растительности. В течение короткого лета поверхность острова представляет глинистую моховую тундру с отдельными сугробами снега в более глубоких оврагах и долинах на склонах, обращённых к северу.

Те же мягкие толщи слагают берега острова, омываемые прибоем волн и потому представляющие длинные или короткие отвесные или даже нависающие обрывы, прерываемые долинами ручьёв и речек. Эти толщи сверху донизу скованы вечной мерзлотой, оттаивающей летом на очень небольшую глубину. Оттаявшие массы или сами сползают в море, или обрушиваются, подмытые волнами снизу, и таким образом море постепенно разрушает остров. И если бы не было вечной мерзлоты, сильно задерживающей этот процесс размыва, остров давно был бы уничтожен — за исключением его гранитного ядра.

В мягких толщах в изобилии попадают бивни мамонтов, а местами даже целые трупы этих животных и их современников — длинношёрстного носорога, первобытного быка, канадского оленя, лошади и многих других, — трупы, сохранившиеся в неприкосновенности — с шерстью, рогами, внутренностями — благодаря вечной мерзлоте. Но вследствие оттаивания последней летом на некоторую глубину ручьи и речки вымывают из неё трупы, отдельные кости, бивни и выносят их к устью, на берег моря. Точно так же в береговых обрывах при их оттаивании и подмыве то тут, то там обнаруживаются трупы или кости вымерших животных, в конце концов также попадающих в море, которое хоронит их вторично под своими наносами. Только трупы эти зачастую уничтожаются хищными птицами и животными, не брезгающими мясом, пролежавшим десятки тысяч лет в замороженном виде.

Такой своеобразный состав Большого Ляховского острова и привлекает ежегодно весной промышленников с материка; они приезжают собирать на лайдах, то есть плоском побережье моря, в устьях и долинах ручьёв и речек, бивни мамонтов, освободившиеся за минувший год из мёрзлой почвы и торчащие ещё в оттаявшей земле или вынесенные на берег. Эти бивни, прекрасно сохранившиеся в мерзлоте, представляют такую же ценность, как и современная так называемая слонобая кость — бивни ныне живущих слонов. Их скупали у промышленников местные и приезжие купцы и увозили на ярмарку в Якутск, откуда они направлялись дальше в Сибирь

и в Россию, и употреблялись на разные изделия — гребни, запонки, резные шкатулки, бильярдные шары и т.п.

Другие кости ископаемых животных бесполезны для промышленников; они представляют интерес только для науки, которая по ним судит о животном мире прошлых времён. Только трупы, вытаивающие время от времени то тут, то там, обращали на себя внимание, но большей частью гибли бесследно, так как промышленники не знали их значения и не умели ни обмерять и описать их, ни сохранить от порчи.

Горюнов и два его товарища уже раз побывали на острове вместе с промышленниками для сбора бивней, и заинтересовались странным изобилием их именно здесь. Но объяснить это явление они не могли, и в Казачьем, конечно, не нашли литературы по этому вопросу.

Теперь Горюнов не упустил случая познакомиться с литературой в столице, а кое-что привёз с собой. Поэтому путешественники решили сделать на острове днёвку, чтобы осмотреть береговые обрывы внимательнее, и кстати дать отдых людям и собакам.

На другое утро все трое в сопровождении Горохова отправились вдоль морского берега. Разрушительная летняя работа солнца и моря ещё не начиналась, хотя низкое солнце, лучи которого падали отвесно на обрывы, уже кое-что сделало. Эти обрывы достигали двадцати — двадцати пяти метров вышины; с верхнего края огромными фестонами то выше, то ниже свешивались надувы плотного смёрзшегося снега, подобно тем, которые свешиваются нередко с крыш домов после сильных метелей.

Но только здесь, где зимние пурги так часты и сильны, эти фестоны достигали четырёх-шести метров длины и по двадцать-сорок метров ширины при толщине в один-два метра. Под этими надувами начиналась отвесная стена обрыва, состоявшая в верхней части то из сплошного льда, то из песчано-глинистого наноса. Лёд по обрыву представлял сплошные массы различной ширины, как бы огромные ледяные стены, уходившие в глубь острова. Промежутки между этими стенами были заняты наносом, состоявшим из тонких чередующихся слоёв глины, мелкого песка и льда. У верхнего края обрыва, там, где какой-нибудь фестон обрывался, можно было видеть, что и лёд и наносы перекрыты слоем песка, глины или торфа, оканчивавшимися у поверхности земли слоем чёрной почвы тундры, покрытой ещё толщей снега.

Нижняя часть обрыва была большей частью закрыта откосом из твёрдого снега, накопившегося под защитой берега за

зиму. По этому откосу, достигавшему восьми-десяти метров в высоту, можно было взобраться к самой стене обрыва и убедиться, что и ледяные массы, и толща наносов между ними лежали на сплошном льде, составлявшем таким образом основание острова высотой над уровнем моря в двенадцать-пятнадцать метров.

Осмотр берега показал путешественникам, что кости животных находились не в ледяных массах, а в толщах наноса между ними. Это подтвердил и Горохов, бывший на острове много раз и видевший иногда и трупы; последние также находились в наносе.

Пройдя километров десять вдоль берега и убедившись, что его состав повсюду одинаков, путешественники вернулись к обеду в Малое Зимовье, захватив несколько найденных костей, в том числе череп носорога и бивень мамонта. В ледяных частях стены им удалось видеть также начало разрушительной работы солнца в виде ниш, выеденных во льду его лучами, украшенных свисавшими сверху ледяными сосульками, подобными сталактитам известковых пещер.

За обедом Горюнов рассказал товарищам, как объяснял Толль образование этого странного острова и причины его богатства трупами исчезнувших животных. По мнению этого учёного, льды острова, сохранившиеся ко времени великого оледенения, представляют остатки большого ледника. Поверхность ледника, сокращавшегося по окончании этого периода, была изрыта процессом таяния, работой ручейков талой воды, стекавших с более высоких частей острова; в этих ложбинах и рывинах вода отлагала песок и ил. Остатки растений, найденные в этих наносах, показывают, что в то время здесь растительность была гораздо пышнее, чем сейчас, когда она состоит из лишайников, мхов и цветковых растений карликового роста; прежде же здесь росли целые рощи ольхи, достигавшей четырёх — шести метров высоты, затем ивы и многочисленные злаки, несмотря на соседство ледяных масс. Очевидно, климат послеледникового времени был мягче современного, так как теперь подобные растения встречаются на материке только на несколько градусов широты южнее. Остатки пищи, найденные в желудках и в зубах трупов мамонта, показывают, что последний питался этими растениями, а положение трупов в толщах наноса между ледяными массами доказывает, что он тут же и жил и погибал.

Почему же Большой Ляховский остров стал излюбленным приютом различных млекопитающих послеледникового времени?

Это можно объяснить тем, что в начале четвертичного периода суша Сибири простиралась значительно дальше на север, чем в настоящее время, и Новосибирские острова входили в состав этой суши. В конце последнего ледникового периода, когда в Сибири ещё сохранились мамонты, длинношёрстные носороги, первобытные быки и уже существовал первобытный человек, эта северная окраина Сибири начала разбиваться большими разломами и отдельные участки её опускались и затоплялись морем. Более высокие участки постепенно освобождались ото льда и покрывались растительностью. Климат был тогда теплее современного, судя по остаткам флоры, найденным в отложениях вместе с костями. Животные, конечно, спасались от наступающей воды на возвышенных участках суши. Одним из таких участков был нынешний остров Большой Ляховский, как и другие острова Новосибирского архипелага, и на нём собралось особенно много животных, бежавших инстинктивно на юг, именно потому, что он — самый южный из этих островов. Но он был уже отделён широким проливом от материка, то есть превратился в остров, и сухопутные животные, попавшие на него, уже не могли идти дальше. Этих животных скопилось на нём так много, что остров не мог пропитать их всех и сделался их кладбищем.

О том, сколько на нём жило мамонтов, можно судить по количеству мамонтовой кости, то есть бивней, которые промышленники доставляли в прежнее время на Якутскую ярмарку. По статистике видно, что ежегодно привозили от тысячи до тысячи четырёхсот пудов, в среднем тысячу двести пудов. Пара бивней крупного мамонта весит восемьдесят килограммов, то есть пять пудов. Следовательно, на ярмарку ежегодно привозили бивни от двухсот сорока мамонтов. Большую часть их добывали на Большом Ляховском острове, где прибой моря подмывал ледяную стену, описанную выше, и освобождал изо льда и включённых в него залежей наносов бивни, которые и попадались в большом количестве на побережье. Здесь их и собирали промышленники, потому что это было гораздо легче, чем выкапывать их из мёрзлого наноса в ледяной стене.

Таким образом, некогда, в конце последнего ледникового периода, когда эта часть прежней суши уже превратилась в остров, отделённый от материка широким проливом, по нему бродили многие сотни мамонтов, мало-помалу погибавших на нём от голода. Одни попадали в грязевые потоки, образовавшиеся при таянии льда летом; другие увязали в боло-

---

тистой почве впадин, привлекавших их своей травой; третьи проваливались в трещины ледника, на поверхности которого спасались от докучливых комаров, слепней и оводов, и трупы их заносились потом песком и илом. Только такие трупы могли сохраниться в вечной мерзлоте, которая развивалась по окончании оледенения, тогда как трупы, лежавшие свободно на земной поверхности, уничтожались хищными зверями и птицами, и от них оставались только кости, также разрушавшиеся со временем, и более прочные бивни. Вот почему этот остров сделался главным хранилищем мамонтовой кости, привлекавшим промышленников всего северного побережья.

— Нужно заметить, — прибавил Горюнов по окончании своего объяснения, — что не все учёные разделяют взгляды Толля на происхождение ископаемого льда Ляховского острова. Например, Бунге, изучавший его одновременно с Толлем, полагает, что этот лёд не остатки прежнего ледника, а позднейшее образование и что подобный лёд создаётся и в настоящее время по всей Северной Сибири замерзанием воды, попадающей весной в глубокие трещины в мёрзлой почве, образовавшиеся осенью от морозов и зимой заполненные снегом. Следовательно, этот ископаемый лёд гораздо моложе того времени, когда жили мамонты.

— Как же тогда животные могли попадать в лёд, если он гораздо моложе? — спросил Костяков.

— В том-то и дело, что трупы их лежат не во льду, а в почве тундры между ледяными массами. Это заметил и подчёркивает Толль.

— Следовательно, они разгуливали и гибли, увязнув в болотистой тундре? Разве эта тундра во время их жизни была так болотиста? Мы слышали, что на ней росли порядочные деревья и хорошая трава, — заметил Ордин.

— По мнению Бунге, выходит как будто так, — ответил Горюнов. — Но я больше склоняюсь к гипотезе Толля, и вот почему. Мы сегодня видели в обрывах, что не лёд образует отдельные стены среди почвы тундры, а наоборот — эта почва заполняет впадины и расселины среди льдов.

— А имеются ли доказательства оледенения севера Сибири помимо Ляховского острова? — спросил Ордин.

— В том-то и дело, что имеются. Толль нашёл старые морены, то есть глину и песок с валунами, оставленные ледниками при их отступлении, и на Таймырском полуострове, и на реке Анабаре, и на Котельном, и на острове Новая Сибирь. Миддендорф видел так называемые эрратические валуны,

---

то есть валуны, принесённые льдом издалека и оставшиеся после его таяния по всей Таймырской тундре*.

— Я читал как-то, что есть и другие способы образования ископаемого льда, — заметил Ордин. — Небольшие озёрки на тундре нередко вымерзают до дна, и, если лёд весной будет занесён слоем ила, который предохранит его от таяния, он превращается в ископаемый. Большие снеговые сугробы где-нибудь на склоне холма, под обрывом речного берега или в овраге тоже могут быть случайно занесены песком или илом и постепенно превратятся в лёд, который будет существовать до тех пор, пока случайно его защита не будет уничтожена.

— Совершенно верно! — сказал Горюнов. — И я могу прибавить ещё один способ — это наледи на берегах сибирских речек, иногда достигающие большой толщины, длины и ширины. Они весной также могут быть занесены илом и песком. В таких ископаемых наледях кое-где также были найдены трупы современников мамонта. Но нужно сознаться, что вопрос об ископаемом льде имеет ещё много тёмных сторон, которые ждут новых исследований. До сих пор никто им специально и всесторонне не занимался.

— Мне кажется, что и вопрос об условиях жизни и гибели мамонта и его современников тоже разъяснён недостаточно и заслуживает дальнейшего изучения, — заметил Ордин. — Ну, например, зачем они ходили по леднику или забирались на речные наледи?

— Это-то вполне понятно: они спасались от комаров, оводов и других жалящих насекомых, очевидно, уже многочисленных в то время. И теперь северные олени летом поступают так же, спасаясь на уцелевшие снежные сугробы, наледи, ледяные поля на берегу моря; наевшись на моховых кормовищах, они стоят часами в этих холодных местах, дремлют или жуют свою жвачку. Но, помимо этого, в мамонтовом вопросе, конечно, достаточно неразъяснённого. Вымирание этих животных объясняют ухудшением климата. Но последнее произошло не сразу, а тянулось целые века; следовательно, вымиранию должно было предшествовать вырождение, измельчание. Эта сторона совсем не освещена, нужно собрать огромные коллекции костей, чтобы проследить этот процесс.

— Не заняться ли нам этими вопросами? — сказал Костяков.

— Вернёмся через год в Россию, кончим университет и...

---

* По новым данным, весь север Сибири до 60—62° северной широты подвергался очень сильному оледенению.

Между островами Новой Сибири

На следующее утро чуть свет караван опять двинулся в путь. Километров пять шли на запад вдоль южного берега острова и имели возможность наблюдать такие же ледяные обрывы, как накануне. Затем начался перевал через длинный западный полуостров, вытянувшийся в море и оканчивающийся скалистой горой Кигилях — одной из четырёх вершин острова. Её странное положение среди моря всего лучше объясняется уничтожением части острова, которая окружала её прежде, за исключением узкого и длинного перешейка. Через начало этого перешейка и нужно было перевалить, чтобы сократить себе дорогу километров на тридцать.

Горная группа Кигилях получила своё название от обилия скал в виде высоких столбов с фантастическими формами, созданными выветриванием гранита. Воображение промышленников видит в этих столбах фигуры окаменевших людей (*киги* — человек, *кигилях* — человеческий); промышленники окружают гору суеверным уважением.

Они, например, были крайне недовольны, когда Бунге отбивал молотком образчики горной породы от утёсов, и говорили ему, что это кощунство не пройдёт ему даром. Они говорили также, что на вершину взобраться нельзя, так как дерзкий путник будет немедленно окутан густым туманом и погибнет, свалившись в какую-нибудь трещину. Туманы действительно образуются здесь внезапно и очень быстро, так что предсказание суеверных людей легко может оправдаться. Спутники Бунге, которому так и не удалось взобраться на вершину, принесли горе в жертву медные и серебряные монеты.

Перевал через перешеек заставил путешественников изрядно попотеть: сначала пришлось втаскивать нарты по крутому оврагу, врезанному в обрыв берега, а затем после нескольких километров пути по холмистой поверхности так же круто спускаться на другую сторону.

После подъёма каюры, обратившись лицом к Кигиляху, кланялись ему, вымаливая себе счастливый путь и удачный промысел. Так как гора, возвышавшаяся со своими мрачными столбами, полузанесёнными снегом, подобно огромной развалине, находится километрах в двенадцати от перевала, то каюры не могли пожертвовать ей монеты и ограничились щепоткой табаку, который сдунули с пальцев в её сторону. Даже Горохов, более развитый и сознательный, чем его тёмные сородичи, хотя и не принял участия в обряде, но взглянул с укоризной на Никифорова, когда последний сказал с усмешкой:

— Ишь сколько табаку зря истратили, суеверы!

После спуска направились на северо-восток по льду вдоль северо-западного берега острова, который в плане представляет неправильный треугольник со сторонами длиной около ста километров и вершиной, направленной к северу. Путь был нетрудный, так как торосы шли большей частью параллельно берегу и можно было ехать по ровному льду между ними, изредка только пересекая поперечные гряды. Каюры поторапливали собак, часто поглядывая на небо. Погода, со времени выезда из Казачьего тихая и солнечная, начинала портиться: солнце светило в этот день сквозь какую-то дымку лёгких облаков, и с северо-запада по временам налетал порывами ветер. Нужно было торопиться, чтобы пурга не захватила в неудобном для ночлега месте. Топлива с собой не взяли, рассчитывая на плавник где-нибудь на берегу. Последний километров на двадцать от перешейка представлял те же ледяные обрывы. В одном месте Горохов указал путешественникам малозаметную промоину в обрыве, по которой когда-то стекала вся вода довольно большого озера Частного, прорвавшаяся в море. Это озеро было любимым местом пребывания диких гусей, летовавших на острове в период их линьки, а потому усердно посещалось в это время промышленниками, которые добывали ленных* гусей сотнями, убивая их дубинками. После исчезновения озера гуси нашли себе другие места, а промышленники лишились охоты, дававшей им и собакам провизию во время промысла.

За речкой Большое Зимовье берег острова сделался плоским, поднимаясь постепенно вглубь, где вдали виднелась центральная гора Хаптагай. От устья этой речки следовало бы постепенно отдаляться от берега, направляясь прямо к южному концу следующего к северу острова Малого Ляховского, уже чуть видневшегося вдали. Но каюры, взглянув на западный горизонт, предпочли ехать вдоль самого берега и ещё пуще подгоняли собак.

— Им хочется до непогоды добраться до Ванькина мыса, — пояснил Горохов, обменявшийся несколькими словами с каюрами. — За мысом лучше укрыться от пурги, да и плавника там много.

После полудня, когда миновали устье речки Блудной, западный ветер налетал уже чаще, поднимая с торосов мелкую

---

* Гуси во время линьки теряют маховые перья и не могут летать; их называют ленными.

снежную пыль, которая неслась по воздуху прозрачными облаками и струилась змейками по поверхности снега. Низкое солнце уже было чуть видно сквозь пелену этой пыли.

Становилось холоднее. На ровных местах собаки бежали почти вскачь, и люди на лыжах едва поспевали за ними, отдыхая от бега только на торосах, где зато приходилось работать руками, помогая перетаскивать нарты.

Но вот впереди в те промежутки, когда ветер затихал и даль немного прояснялась, стал показываться тёмный профиль Ванькина мыса. Миновали устье речки Тирской и стали огибать мыс, далеко выдавшийся в море. И было время: небо на западе стало уже зловеще свинцовым, и при отдельных порывах ветра с трудом можно было держаться на ногах; снег слепил глаза, колол лицо тонкими иголками; собаки бежали, опустив головы и повернув их вправо.

С трудом обогнули мыс и сразу вздохнули свободнее; здесь, под его защитой, ветер чувствовался слабо. На высоте нескольких метров над головой небо было молочно-белое от нёсшихся тучами снежинок, а вниз падали немногие, вырванные случайно из этого потока.

Хотя было ещё рано, о дальнейшем пути нечего было и думать — за мысом сразу начиналась белая стена пурги, в глубь которой пришлось бы ринуться. Глубокая бухта, которая тянулась к востоку от мыса, также исчезала в белой мгле, так как мыс давал защиту только ближайшей к нему полосе. Никакого жилья здесь не было, и приходилось расставлять палатки у самого подножия обрыва, выбрав местечко поровнее среди байджарахов, то есть куч сползшей с обрыва за лето земли. Каюры, впрочем, выбрали иное: вооружившись топорами, они стали вырубать себе нишу в высоком снеговом надуве, примыкавшем к обрыву. Горохов посоветовал путешественникам последовать их примеру, потому что ветер мог повернуть к северу и мыс перестал бы быть защитой, а грот в снегу служил бы лучшим убежищем. Пурга могла ведь продолжаться сутки и двое суток.

Вырубить гроты в плотном снегу, который выламывался крупными глыбами, не потребовало много времени; глыбы складывались в стенку у входа, защищая последний на случай изменения направления ветра. Затем среди береговых торосов и сугробов стали откапывать плавник для топлива и только после этого разгрузили нарты и устроились хоть тесно, но уютно в обоих жилищах. Собаки давно уже лежали, свернувшись калачиками среди байджарахов, за торосами и нартами и отдыхали в ожидании своего ужина.

Костры развели не внутри снеговых гротов, а снаружи, под защитой стенки из глыб, так как под влиянием лучистой теплоты огня гроты стали бы обтаивать и обдавать людей каплями воды.

Пурга бушевала всю ночь и затихла только к полудню следующего дня.

Как только ветер стал ослабевать и небо немного прояснилось, начали готовиться к отъезду. От Ванькина мыса взяли направление на северо-запад, на оконечность Малого Ляховского острова, которая отстояла километрах в десяти. Этот остров, гораздо меньше Большого, вытянут с севера на юг километров на сорок-пятьдесят и не имеет выдающихся вершин; это очень плоская и низкая, слегка всхолмленная возвышенность. Его обогнули с запада, придерживаясь берега, и остановились на ночлег, не доезжая северной оконечности. Укрытием от непогоды здесь могли служить только ледяные глыбы торосов, но, к счастью, было тихо.

На следующий день предстояла самая трудная часть пути — через широкий промежуток между Малым и Котельным островами, достигающий почти семидесяти километров. Трудность состояла в том, что здесь существует морское течение с востока на запад и осенью море долго не замерзает, а затем, замёрзнув, нередко во время бурь вскрывается. Поэтому происходит частая подвижка ледяных полей и в результате сильная торосистость льда.

Запасшись топливом на очень вероятный случай ночёвки в море, двинулись на северо-запад по направлению к мысу Медвежьему, самому южному на Котельном острове. Последний виднелся на горизонте в виде большой плоско-выпуклой массы, напоминавшей опрокинутый чугунный котёл, чем и объясняется его название; мало выдающаяся вершина горы Молакатын, высшей точки острова, поднимается над этим котлом.

Первые десятка два километров путь был довольно лёгкий, торосы нечасты и невелики; но затем в полосе течения и осенних полыней начались торосы один другого хуже. Иные кучи ледяных глыб и даже отдельные глыбы, поставленные торчком, достигали двадцати метров в высоту. Приходилось работать топорами, выравнивая дорогу, и втаскивать нарты при помощи верёвок (кожаных, сплетённых из ремней), помогая собакам, выбивавшимся из сил. Иные торосы требовали по полчаса, а то и по часу времени.

Поэтому к закату солнца сделали только половину пути, правда, худшую, и заночевали перед большим торосом,

---

который не хватило сил преодолеть. Под защитой нескольких больших глыб расставили палатки и, наскоро поужинав, крепко заснули после трудного дня.

Около полуночи Горохов проснулся от громкого щёлканья палатки над его головой.

— Неужели опять закрутило? — пробормотал он и хотел было повернуться на другой бок, как вдруг палатку так рвануло, что, казалось, она вот-вот лопнет по всем швам.

«Неладно, видно», — подумал Горохов и, высвободившись из своего спального мешка, подполз к входу, с трудом отстегнул полотнище и выглянул. По лицу ударило жестоким холодом и залепило глаза снегом. Палатка трепетала, вздрагивала, словно собираясь вспорхнуть и улететь.

«Ничего не поделаешь! Надо будить всех и укрепляться, — решил промышленник, — не то худо будет».

Он растолкал спящих, и все пятеро выползли на четвереньках на волю и принялись забивать глубже в лёд железные колышки, придерживавшие полы палатки. Затем все ползком подтащили гружёные нарты, поставили их по одной с трёх сторон палатки и, перекинув через последнюю верёвку, привязали их к нартам. Всё это требовало больших усилий: ветер валил с ног и захватывал дыхание, снег слепил глаза; тьма была полная и в трёх шагах нельзя было разглядеть друг друга. Сквозь вой и свист ветра, вырывавшегося со стонами из щелей между глыбами тороса, слышался стук топоров у палатки каюров, стоявшей шагах в десяти. И там проснулись и укреплялись.

Сделав возможное, залегли опять спать, но долго не могли согреться, прозябнув на ветру, с набившимся в рукава и за воротник снегом. Когда стало светать, Горюнов, проснувшийся первым, убедился, что пурга не унимается. Но палатка почти не трепетала; нагруженные снаружи снегом полы её выпятились внутрь, словно брюхо огромного животного, и угрожали лопнуть от тяжести. Приходилось опять вылезать и счищать снег. Горюнов не стал будить товарищей, а занялся этой работой при помощи лопаты. Сквозь белесоватую мглу уже просвечивали ближайšie глыбы тороса; ветер как будто ослабевал, но валил густой и мягкий снег.

Заглушённый крик и затем стон заставили Горюнова повернуть в сторону палатки каюров. Раньше она чуть-чуть была видна, а теперь исчезла. Почувяв недоброе, он подбежал к ней, спотыкаясь почти на каждом шагу о собак, зарывшихся в снег. Оказалось, что палатка, достаточно старая и непрочная, не выдержала тяжести навалившегося снега, разорвалась

вдоль конька и обрушилась со всей своей нагрузкой на спящих. Последние под своими одеялами, придавленные снегом, не могли пошевелинуться; они глухо стонали, задыхаясь от недостатка воздуха.

Горюнов вернулся к своей палатке, разбудил товарищей, а сам с лопатой побежал к каюрам и начал их откапывать из снежной могилы. Подошедшие вскоре Горохов и Ордин помогли ему потом стащить полы палатки вместе со снегом в сторону и освободить людей; одного, потерявшего уже сознание, пришлось приводить в чувство.

Пока возились, стало совершенно светло, а пурга, очевидно, кончилась: снег поредел, ветер налетал только порывами, на востоке чуть-чуть показалось солнце. Откопали собак, нарты, сварили чай и пустились в дальнейший путь. Свежий напавший снег несколько затруднял движение, так как выровнял неровности, и собаки или нарты часто проваливались в глубокие впадины. Пришлось двоим идти на лыжах впереди, чтобы проминать собакам дорогу.

Впереди горб Котельного острова занимал уже четверть горизонта; теперь на нём различались и гряды плоских высот, и береговые обрывы, в которых среди снегового покрова чернели отдельными пятнами скалы. Правее, за небольшим промежутком, тянулся более низкий Фаддеевский остров, чуть видный на горизонте.

К закату солнца, преодолев несколько гряд трудного торо-са, добрались до мыса Медвежьего и затем быстро проехали ещё пять километров до поварни на юго-восточном берегу. Последний не представлял таких ледяных стен, как берега Большого Ляховского острова, а состоял из твёрдых горных пород, то стоявших стеной надо льдом, то спускавшихся полого к морю и в этом случае скрытых сугробами снега.

Вдоль острова Котельный

Поварня на берегу оказалась полуразрушенной. Промышленники реже посещают этот остров, на котором для них мало поживы, а добираться до него трудно. Поэтому поварни, возобновляемые только при научных исследованиях островов, годами не поддерживаются, крыши начинают протекать и проваливаться, стены рушатся. Тратить время на починку ради одного ночлега не стоило, и, так как погода была хорошая, расположились ночевать на льду.

На рассвете все проснулись от собачьего концерта.

— Не иначе как медведь! — воскликнул Горохов и, полуодетый, выскочил с ружьём из палатки.

Остальные последовали за ним и увидели интересную картину. Шагах в десяти от собак стояли три белых медведя в нерешительной позе, так как все восемьдесят собак метались на своих привязях, вскакивая на задние лапы, беспрерывно лая вперемежку с визгом и воем. Концерт был ужасающий, способный разбудить мёртвого. Медведи, вероятно, высматривали, которую из собак легче подмять, не подвергаясь нападению ближайших сбоку и сзади. Они уже направились к самой крайней упряжке, где несколько собак перепутали свои привязи и сбились беспомощно в кучу, не переставая лаять. Но тут раздались выстрелы от обеих палаток, и один медведь, поражённый разрывной пулей из ружья Ордина, рухнул на лёд, а два других пустились наутёк, оставляя за собой кровавые следы. Каюры, Горохов и Горюнов бросились вслед за ними и вскоре догнали одного, видимо, раненного сильнее, и прикончили его. Третий скрылся за торосом.

Неожиданная охота дала хороший запас свежего мяса, необходимого людям и собакам, и возможность оставить большой запас юколы на складе, который собирались соорудить у северного конца острова.

Свежеванье туш и разделка их заняли немного времени, и вскоре караван двинулся дальше на север. Путешествие вдоль острова продолжалось ещё четыре дня, потому что остров достигает ста восьмидесяти километров в длину, а вдоль берега — больше двухсот. Внутри весь остров гористый и представляет каменную тундру.

На последнем переходе вдоль берега, когда после полудня миновали устье реки Решетниковой, погода опять испортилась. Небо быстро покрылось тучами, задул свежий юго-западный ветер, и пошёл снег. Но, несмотря на метель, шли вперёд, так как мороз был небольшой, а до конечной цели — северного конца Котельного — было уже близко.

Этот конец представляет плоский мыс, вблизи которого экспедиция Толля построила поварню для склада на случай зимовки на острове. В этой же поварне Горюнов хотел устроить и свой склад — базу для той же цели и для обратного пути на материк.

Поварня оказалась в хорошем состоянии, и в ней неожиданно нашли даже некоторые припасы, оставленные за ненадобностью при ликвидации поисков: порядочный запас юколы, несколько ящиков с консервами, большую жестя-

---

ку с медвежьим салом, несколько ящичков с сухарями и даже мёрзлую тушу оленьего мяса. На островах летует много диких оленей, которые ранней весной приходят с материка по льду и уходят поздней осенью, когда море только что замерзает. Они совершают это большое путешествие на север, небезопасное при осеннем возвращении, когда тонкий лёд легко может быть взломан ветром, потому, что на островах им привольнее, безопаснее от главного врага — человека; кроме того, нет докучливых насекомых, составляющих летний бич животных и людей на материке.

Переход оленей на острова уже начался — на снегу местами виднелись их следы возле Малого Ляховского — и должен был усилиться. Каюры рассчитывали поохотиться на оленей на обратном пути. Поэтому они, разгрузив нарты и пользуясь остатком дня, простились с нашими путешественниками и поехали налегке вдоль восточного берега Котельного, предполагая ночевать в удобном для охоты месте. С ними Горюнов отправил письмо Шенку с изложением хода экспедиции. Это была последняя весть, которую он мог послать, да и она должна была прибыть в столицу только к осени.

Не без тяжёлого чувства путешественники распростились с каюрами и смотрели им вслед, пока те не скрылись за поворотом берега. Порвалась последняя нить, соединявшая их с остальным миром. Теперь они остались одни, предоставленные собственным силам, на пороге неизвестной области, где не могли рассчитывать ни на какую помощь.

Желая рассеять грустные мысли, принялись за сортировку и укладку имущества, оставляемого на складе, чтобы на следующее утро, если позволит погода, спешить на север. Был уже конец марта, день длился более тринадцати часов, и в тихую погоду солнце могло греть и портить дорогу. Рассортировали и переметили ящики и сложили всё в глубине поварни, в которой оставалось ещё место для ночлега.

Но утихший под вечер ветер с полуночи возобновился со страшной силой, температура упала до 40 градусов, и закрутила пурга. Горюнов и Никифоров, вышедшие на рассвете покормить собак, вернулись окоченевшие и заявили, что ехать невозможно. В такую погоду приходится буквально отлёживаться, потому что сидеть в поварне, полутёмной и дымной от огня в чувале, мало удовольствия. Встают только для приготовления пищи, а потом опять на боковую.

На второй день невольного сидения из-за пурги Никифоров, растапливая чувал, нашёл среди дров, запасённых в поварне, какое-то странное, тяжёлое плоское полено с мелкоре-

---

бристой поверхностью, слегка изогнутое и с одним острым концом. Он повертел его в руках и, усомнившись в его горючести, показал Горохову.

— Это, надо быть, коготь птицы эксею, — сказал якут, осмотрев полено.

— Коготь? Да он только чуть короче моей руки! — удивился казак. — Эта птица должна быть побольше нашей поварни, если имеет такие огромные когти. Где же эта птица живёт?

— Она жила, старики говорят, на Котельном острове. Первые промышленники ещё видели её... Правда ли это, как полагаете, Матвей Иванович?

Горюнов осмотрел находку, рассмеялся и передал её Ордину со словами:

— Это рог ископаемого длинношёрстного носорога, современника мамонта. Я видел такие рога в Якутском музее и в Петербурге, в музее Академии наук.

— Почему же его считают когтем исполинской птицы?

— Потому что он по своей форме и ребристой поверхности действительно похож больше на коготь, и среди юкагиров, ламутов и тунгусов нашего края другого мнения нет. Мало того, сто лет назад некоторые учёные думали так же: Геденштром, первый исследователь Новосибирских островов, в своих «Отрывках о Сибири» упоминает об этих когтях в полном убеждении, что они принадлежат птице. Толль на Котельном острове посетил холм Эксею близ речки Драгоценной, на котором, по уверению его проводников, эта птица жила. Они сказали ему, что она была так велика, что при полёте заслоняла солнце. Когда первые промышленники, попавшие на Котельный, приблизились к холму, птица закричала «маук, маук» и улетела. На холме они нашли яичную скорлупу и огромные перья. Но птицу с тех пор никто больше не видел.

— Она имела две головы, говорят, — вставил Горохов.

— Да, да. Всего любопытнее, что двуглавый орёл, изображённый на наших медных монетах, по мнению юкагиров, и представляет птицу эксею. У них много курьёзных преданий о птице, как упоминает Врангель. А черепа носорога, находимые иногда рядом с рогами, они считают черепом эксею.

— О мамонте туземцы Сибири также рассказывают много небылиц, — заметил Ордин.

В этот день путешественники коротали время, расспрашивая Горохова и Никифорова о мамонте и других исчезнувших животных и передавая им то, что сами знали о них из книг.

Через Ледовитое море

Наконец пурга, державшая путешественников трое суток в плену, утихла. С раннего утра весеннее яркое солнце ослепительно засверкало по снегам необозримой равнины Ледовитого моря, расстилавшейся на запад, север и восток от северного мыса Котельного острова. Всем пришлось надеть снеговые очки, чтобы не получить мучительной болезни глаз, которой на Крайнем Севере многие подвергаются весной. Солнце стоит ещё низко, бесчисленные снежинки равнин, особенно после выпадения свежего снега, отражают лучи его миллионами крошечных зеркал своих ледяных пластинок, и получается такой яркий блеск, что глаза воспаляются. Человек слепнет на несколько дней и испытывает колющие боли, не дающие покоя. Даже самые тёмные очки недостаточны, если не дополнены густой сеткой, закрывающей с боков промежуток между лицом и стеклом. Туземцы носят самодельные очки, представляющие просто дощечку с узким прорезом, пропускающим минимум света, но и они не всегда спасают.

Пока Горохов и Никифоров откапывали занесённые сугробами нарты, приводили в порядок упряжь и распределяли груз, все три путешественника поднялись на невысокий холм, возвышающийся позади мыса, чтобы осмотреть местность и выбрать лучшее направление пути через море; ясная погода позволяла видеть вдаль на большое расстояние.

Снеговая равнина моря, где зимние пурги свирепствовали на полном просторе, в разных местах нарушалась более или менее широкими и длинными полосами торосов в виде очень неровных белых валов с торчащими то тут, то там глыбами льда, на которых снег не мог удержаться и которые просвечивали бледно-зелёным светом; иные сверкали, как зеркало, отражая солнечные лучи. Местами видны были темноватые площади среди белых; но это были не полыньи, а места, где снег был дочиста сметён с гладкого льда. Только вдали, километрах в сорока, полоса низкого белого тумана выдавала открытое море, полынью, которая тянулась по всему горизонту, так что обойти её было невозможно; при пасмурном небе площади открытой воды узнаются по тёмному пятну, которое они обычно отражают на светло-серой пелене облаков.

Эта полоска тумана закрывала лежащую за полыньёй снеговую равнину, но на самом горизонте на севере виднелось что-то тёмное, выдававшееся над туманом.

— Вот, кажется, виден остров Беннетта! — воскликнул Ордин, первый обративший внимание на это место горизонта.

Горюнов и Костяков взглянули в указанном направлении, и первый сейчас же взял засечку по компасу.

— Это не остров Беннетта, — сказал он. — Остров находится много восточнее и с Котельного не виден — он слишком далёк. Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова. По Толлю, она должна быть в этой стороне.

Двое вытащили бинокли, а третий — старую подозрную трубу, подарок Шенка «для поисков Санниковой Земли». Тёмные массы то исчезали за туманом полыньи, то появлялись. Тем не менее удалось рассмотреть, что это целая цепь довольно острых тёмных вершин, на которых белели полосы и целые поля снега, рассекавшие цепь на отдельные части. Эта цепь тянулась на некоторое расстояние, а затем быстро исчезала, понижаясь в обе стороны. До неё по прямой линии было не меньше ста двадцати — ста тридцати километров.

— Несомненно земля!

— Да, и очень высокая и гористая!

— Почему же она не вся в снегах?

— Очевидно, склоны гор слишком круты, чтобы на них повсюду мог удержаться снег.

— Но на таких крутых горах не может быть места ни для гусей и уток, ни для онкилонов.

— Среди гор есть и долины.

— Во всяком случае, это не мираж, а Земля Санникова! — заявил Горюнов. — Она расположена в той части горизонта, где её видели и Толль, и сам Санников. Мираж не может быть всегда на одном и том же месте. Он образуется над полыньями, а последние меняют место, как мираж меняет свои очертания.

Подзорная труба оказалась лучше хороших биноклей, и Костяков, обладавший ею, заявил, что различает две гряды: переднюю пониже и почти сплошь белую, а заднюю выше, с чёрными скалами.

— А между грядами, несомненно, есть долина, и, может быть, очень широкая!

— И в ней онкилоны, живущие вне досягаемости! — заметил Ордин.

— А мы хотим нарушить их мирное существование своим появлением! — прибавил Костяков. — Трудно даже представить себе людей, которые несколько веков уже оторваны от всего мира.

Визг, вой и лай собак, донёсшиеся на холм снизу, прервали беседу и напомнили, что пора отправляться в путь. Если нет пурги или жестокого мороза, то собаки с нетерпением ждут отъезда и по-своему выражают радость, когда видят, что всё

готово. Горюнов ещё раз взял по компасу направление на таинственную землю, и все трое спустились к поварне.

— Однако землю сегодня видно? — встретил их вопросом Горохов.

— Отлично видно, никакого сомнения быть не может! — сказал Горюнов.

— Надо поглядеть! Пока вы пьёте чай, я успею сбегать. Я ведь только раз видел, и то плохо.

Взяв у путешественников бинокли, оба промышленника отправились на холм. Собаки, заметив, что одни люди ушли в поварню, а другие на гору, затихли и улеглись в своих упряжках на снег.

Спустившись с холма, Горохов и Никифоров подтвердили, что Землю Санникова отлично видно, и на том самом месте, на котором они наблюдали её раньше.

Вскоре маленький караван спустился с мыса на море и пошёл почти прямо на север. Собаки, отдохнувшие за три дня, везли бойко, несмотря на то, что нарты получили добавочный груз в виде дров, запасённых на целую неделю. Хотя переход до земли можно было сделать дня в три, но пурга могла опять разразиться и задержать движение; ночевать же без возможности согреть чай и пищу при жестоком морозе очень тяжело.

Подвигались то быстро по ровным местам, то медленно, преодолевая торосы. К вечеру прошли километров сорок и остановились на ночлег среди широкой полосы торосистого льда, выбрав ровное местечко под защитой больших глыб. Быстро раскинули палатку, зажгли костёр, сварили ужин и потом посидели часок у огня, который бросал красные отблески на зеркала льдин. Солнце исчезло на западе; на юге сквозь лёгкую пелену туч то показывалась, то исчезала прибывшая луна; на севере слабо играли сполохи — северное сияние — в виде желтоватых дуг и столбов, хорошо заметных только когда луна скрывалась за тучей.

Перед тем как лечь спать, Горюнов вскарабкался на гребень тороса осмотреть горизонт. Показалась луна, и снеговая равнина, валы торосов и глыбы засияли мягким голубоватым светом. С юга тянул холодный ветерок, и там на горизонте чернели тучи, на фоне которых плоским горбом чуть выделялся Котельный остров.

На следующий день погода была хмурая и южный ветер усилился. Горохов и Никифоров ждали пургу и подгоняли собак. Но лёд стал очень неровным, широкие пояса торосов встречались чуть не на каждом километре, и вперёд подвигались медленнее, чем накануне. На сером небе впереди с утра уже ясно

выделилась тёмная полоса, указывавшая широкую и длинную полынью. К вечеру последняя была уже настолько близко, что можно было слышать шум волн. С перевала через высокий торос наконец увидели в полукилометре открытое море, покрытое беляками волн и отдельными плавающими льдинами; оно уходило на север, казалось, до горизонта. Назавтра предстоит переезд через него, если не помешает пурга.

Поэтому решили подъехать ближе к краю льда для более быстрого спуска байдары и удобной её загрузки; так как ветер дул с юга, то нельзя было опасаться, что море начнёт ломать лёд с этой стороны. На ночлег устроились среди льдин последнего тороса, шагах в полтора от открытой воды, выбрав ровную площадку, на которой с трудом уместились нарты, собаки и палатка; с юга и запада эта площадка была защищена огромными отвесными и наклонными льдинами, и вообще этот торос изобиловал ими, свидетельствуя о том, что при последнем северном ветре здесь был страшный нажим ледяных полей друг на друга.

Под защитой льдин и с огоньком у входа в палатке было тепло и уютно. Между тем ветер к ночи усилился и пурга разразилась. При свете костра видно было, как в тёмном небе на пять-шесть метров над палаткой несутся целые потоки снежинок, сложенные из изгибающихся, переплетающихся, волнующихся струй и струек. Под напором ветра толстые льдины содрогались, а сквозь свист и гул по временам раздавались как будто резкие выстрелы.

— Это что такое? — испуганно воскликнул Костяков, когда такой выстрел послышался впервые.

— Во льду образовалась новая трещина, — ответил Горюнов.

— Лёд трещит, — подтвердил Горохов спокойно.

— А наше убежище не может разломать?

— Если ветер повернёт кругом и подует с севера, тогда пожалуй, потому что волна будет бить в край нашего ледяного поля и начнёт поднимать и ломать его. А пока ветер с юга — опасаться нечего.

— А жутковато здесь, Матвей Иванович, — сказал Никифоров, — что ни говорите! Подумать только: сидим мы спокойно, трубочки потягиваем, калякаем, а под нами всего аршина два льду и бездонная бездна! Там, промеж островов, всё-таки спокойнее — море неглубоко, земля близко.

— Не всё ли равно, сколько глубины под нами, — двадцать ли, сто ли метров! — засмеялся Ордин. — И там, и тут утонем, если лёд провалится.

— Всё-таки здесь страшнее, потому что моря и земли не видно.

— А ты залезь под шубу и засни, может, и увидишь! — пошутил Горохов.

— И то правда, заляжем-ка, проспим до утра, там на свету спокойнее будет.

Но спали всё-таки тревожно, потому что, лёжа на льду, слышали ещё лучше, как то ближе, то дальше образуются трещины. Собаки также, против обыкновения, спали беспокойно, и то одна, то другая начинала ворчать или завывать. Горохов несколько раз вставал и выглядывал из палатки, чтобы убедиться, не меняется ли направление ветра.

Когда рассвело и все проснулись, он успокоил остальных словами:

— Ни зги не видно, задувает по-прежнему, можете не вставать.

Провалились до позднего утра, когда голод поднял всех. Развели огонь, поставили чайник. Горохов и Никифоров пошли кормить собак, сбившихся в кучу между двумя нависшими льдинами, где ветер совсем не чувствовался. Пурга начала менять свой характер — то затихнет минут на пять, на десять, так что небо начинает проясняться, то заревёт с удвоенной силой. Во время одного затишья Горохов вскарабкался на высокую льдину, огляделся кругом, протяжно свистнул и закричал:

— Однако, паря, мы куда-то поплыли, кругом вода!

Все, перепуганные, полезли к нему на льдину и увидели, что на юге, откуда вчера пришли по льду, чернеет сквозь снежную мглу море; на севере тоже чернела вода, а на запад и восток тянулся торос, но насколько далеко — нельзя было разобрать. Вглядываться долго не пришлось, потому что новый порыв ветра застлал всё снегом и согнал их вниз. Пришлось вернуться в палатку.

— Я думаю, — сказал Горюнов, — что ледяное поле, на котором мы находимся, было слабо припаяно к остальным. Когда лёд потрескался, напор ветра оторвал наше поле и погнал по морю.

— Но куда?

— Очевидно, на север, куда он дует.

— Но если в этой части моря есть течение, то нас может унести далеко на запад или на восток!

— Конечно, может.

— Что же нам делать?

— Ничего сделать нельзя. В такую погоду плыть на нашей байдаре опасно. Остаётся ждать, пока пурга не кончится.

— А если льдину ещё разломает?

— Если её до сих пор не разломало, то будем надеяться, что не разломает и впредь, по крайней мере, пока не натащит на другое поле или не прибьёт к сплошному льду.

— На этот случай не мешало бы приготовить нашу байдару и сложить в неё все вещи.

— Правильно! — заявил Горохов.

Позавтракав, занялись разгрузкой нартов и соединением частей байдары. Потом сложили в неё груз и нарты, оставив только палатку и постели в ней, убрать которые можно было при первых признаках опасности. Время от времени, когда ветер затихал, лазили на льдину, но видели по-прежнему на севере и на юге море, от которого в обе стороны их отделяло расстояние метров по сто.

Так прошёл день. Пурга свирепствовала по-прежнему. Поужинав, долго сидели при свете догорающего огня. Настроение было тревожное; по временам казалось, что лёд колеблется под ногами. Но выстрелов, показывающих образование новых трещин, с утра уже не было слышно. Очевидно, оторвавшееся поле было достаточно прочно. Ночью дежурили поочерёдно на всякий случай. Ветер стал ослабевать, и по временам сквозь снежную мглу даже показывалась луна в виде тусклого, расплывшегося пятна.

Ордин, которому досталось последнее дежурство, на рассвете задремал и проснулся от солнечного луча, осветившего его лицо. С удивлением он увидел взошедшее уже солнце и над собой бледно-голубое небо. Ненастъе кончилось, ветер дул сравнительно слабо, часто затихая; свежий снег начал ослепительно сверкать.

Быстро вскарабкался Ордин на льдину и увидел на юге до горизонта синее море с зайчиками на мелкой волне; на западе ледяное поле кончалось в полукилометре, на востоке — ещё ближе. На севере, совсем близко за полосой воды, виднелся край сплошного льда, медленно приближавшийся. Ордин поспешил разбудить остальных. Все залезли наверх.

— Если бы восходящее солнце не показывало сразу, где у нас север, где юг, я бы подумал, что море к северу от нас, как и раньше! — воскликнул Костяков.

— Да, нам удивительно повезло! — заявил Горюнов.

— Вместо того чтобы плыть в байдаре и хлопотать с нагрузкой и выгрузкой, мы лежали себе спокойно в палатке, а пурга перевезла нас сама через море.

— Словно на плашкоте через речку переправились, — прибавил Горохов.

— И на казённый счет, ничего не заплатимши, — рассмеялся Никифоров, — по нашему открытому листу!

— Попугала нас пурга-матушка только немного для острстки, чтобы не баловались! — сказал Костяков.

— А что, причалит она нас к берегу или придётся всё-таки спускать байдару? — заметил Ордин.

— Будем надеяться, что причалит. Плыть уже немного, а ветерок задувает, и наш торос хорошо парусит.

— Пока что давайте завтракать и в путь готовиться, — предложил Горюнов.

Так как ветер был слабый, льдина, так удачно послужившая паромом для экспедиции, подвигалась вперёд медленно. Успели позавтракать, разобрать байдару, уложить нарты и взобрались опять на торос, чтобы выждать момент причала парома к краю неподвижного льда. Пришлось ждать около часа; наконец почувствовалось сотрясение всего поля, и на глазах у наблюдателей вдоль линии соприкосновения начало крошиться лёд и вздымать обломки торосом. Но напор был слабый, торос вышел пустяковый, и паром успокоился.

— Причалили! — воскликнул Горохов.

Вооружившись топорами и лопатами для очистки дороги, путешественники подъехали к краю парома и, выбрав более ровное место, в короткое время переправились на неподвижный лёд.

Никифоров с комической важностью поклонился покинутой льдине и крикнул:

— Спасибо, парень, за перевоз! Молодцом прокатил, что и говорить!

Предполагая, что ледяной паром не очень уклонился от направления маршрута. Горюнов повёл нарты на север, рассчитывая с высоты более крупного тороса увидеть Землю Санникова и ориентироваться по ней. Путь сначала был очень труден, один торос сменялся другим, и к обеду едва сделали десять километров. Эти торосы совершенно закрывали вид вдаль. Наконец около полудня начался более ровный лёд, и на горизонте сквозь дымку чуть показались острые вершины таинственной земли, всё ещё очень далёкой.

— Третий день едем, а будто нисколько не виднее стала она! — заявил Горохов таким странным тоном, что Горюнов, стоявший рядом с ним, обратил на это внимание.

— Ты что-то нехорошее надумал, Никита, — сказал он.

— Верно. Сомнительно мне стало. Не к добру нас льдина так чудно через море перевезла, Матвей Иванович. И подумалось мне, что это не земля, а марево. Завлечёт нас, всё будет

маячить вдаль и манить. Заедем так далеко, что и вернуться нельзя будет.

— Ну, пустяки ты надумал! — рассмеялся Горюнов. — Вот увидишь, ещё день-другой — и рукой подать будет до этой земли.

— А я полагаю, что если завтра её не будет видно, так, чтобы не было сомнений, нам лучше повернуть назад, пока не поздно.

Горюнов прекратил разговор и взял направление на землю. Она оказалась уже на северо-востоке — очевидно, паром снесло ветром или течением поряточно на запад. Пришлось изменить направление маршрута. Более ровный лёд позволил двигаться быстрее, и к вечеру прокатили ещё тридцать километров. Перед закатом горизонт совсем прояснился, и путешественники увидели уже совершенно ясно, без помощи бинокля, цепь остроконечных чёрных вершин, поднимавшихся над плоским белым горбом. Даже Горохов как будто успокоился.

Ещё два дня шли в том же направлении, но из-за пасмурной погоды земли не было видно: тучи низко стлались по небу и, очевидно, скрывали её. Наконец на третий день, вскоре после обеденного привала, торосы совсем прекратились, и снеговая равнина, покрытая застругами, начала заметно подниматься. Собаки сразу замедлили свой бег.

— Уж не земля ли под нами? — воскликнул Ордин.

— Подлинно земля! — подтвердил Никифоров. — В гору поехали, собачки ясно показали.

В это время сквозь рассеявшиеся на минуту тучи впереди, в нескольких верстах, показалась как будто высокая белая стена.

— Пока, кроме снега, ничего нет на этой земле! — проворчал Костяков. — Горы куда-то скрылись.

— Вот нетерпение! За белой стеной и горы увидим. А вот вам и кое-что, кроме снега! — Горюнов указал вправо, где что-то чернело в сотне шагов от каравана.

Все трое устремились к этому месту. Ордин вынул из-за пояса молоток, готовясь вступить в рукопашную схватку со скалой, потому что это была плоская, гладкая скала, выдававшаяся бугром над снеговой равниной. Поверхность её была отполирована снежинками, которые проносили по ней пурги. Но с помощью зубила, вставленного в трещинку, удалось выломать кусок породы. Ордин внимательно осмотрел её и заявил:

— Это, пожалуй, базальт.

— Что и следовало ожидать, — заметил Горюнов. — Эта вулканическая порода, по-видимому, очень распространена

на островах Ледовитого океана и свидетельствует, что здесь когда-то были громадные излияния лавы.

— Эх, и тепло было тогда здесь! Не то что теперь! — прибавил Костяков тоном сожаления.

Кусок базальта торжественно поднесли Горохову, оставшемуся с Никифоровым у нарт. Это было лучшее доказательство, что под ногами земля, край таинственной Земли Санникова, на которую, может быть, впервые ступила нога человека.

Медленно поднимаясь вверх по уклону, караван часа через два очутился у подножия белой стены, которая оказалась тоже откосом, но более крутым. Она тянулась, насколько видно было сквозь лёгкий туман, окутавший местность, далеко в обе стороны, преграждая путь. Приходилось подниматься вверх, но не прямо, а наискось. Снег, уплотнённый пургами, был настолько твёрд, что даже полозья тяжёлых нарт слабо врезывались в него.

На пороге обетованной земли

Медленно, длинными зигзагами поднимался караван по белому склону всё выше и выше, и казалось, конца не будет подъёму; лёгкий туман, окутывавший склоны, не позволял видеть его гребень, и снеговой откос скрывался уже в сотне шагов в сероатой мгле.

— Вот так высокая гора! — воскликнул Горохов при одной из остановок на повороте, необходимых для отдыха собакам.

— Мы, вероятно, попали очень неудачно на склон одной из окраинных гор, вместо того чтобы пройти в долину, — предположил Ордин.

— Весьма возможно, что весь южный край земли таков, — заметил Горюнов. — Вспомните, что мы видели впереди скалистой горной цепи высокий снежный вал, протянувшийся далеко; вот на него мы, очевидно, и поднимаемся.

— Странная земля! — сказал Костяков. — Вместо крутых обрывов и скалистых мысов, которые окаймляют острова Новосибирские и Беннетта, здесь такая ровная длинная покать.

— И даже нет ледников, сползающих сверху, а только снег, — прибавил Ордин.

— Да, это странно! Этот склон южный, и снег на нём должен стаивать за лето. Но над ним, как мы видели, поднимается более высокая цепь гор, с которых должны были бы спускаться ледники через этот склон к морю. А мы их пока не видели.

— Единственное объяснение этого странного факта, что за этим снеговым валом лежит глубокая долина и ледники спускаются в неё, — предположил Ордин, — а затем огромным ледяным потоком где-нибудь выходят к морю, как на Шпицбергене.

— Но где же тогда будут кормовища для птиц, прилетающих будто бы сюда, не говоря уже об онкилонах, в существование которых я, впрочем, не верю? — заявил Костяков.

— Потерпите же немного, товарищи, разгадка не за горами, — рассмеялся Горюнов. — Вперёд, бодрее!

На следующей остановке барометр показал уже высоту в восемьсот метров над уровнем моря. Туман как будто стал гуще, и Горохов заявил:

— Как хотите, а нужно повернуть обратно.

— Это почему? — воскликнул Горюнов.

— Не видите, что ли? Лезем, лезем, словно на небо. Не может быть такой высокой горы.

— Ох-хо-хо! — рассмеялись все трое, и даже Никифоров присоединился к ним.

— А туман что значит? Вспомните гору Кигилях, которая пускает туман, чтобы люди не могли влезть на неё.

— Ну, Никита, я вижу, ты от каюров суеверия набрался. Туман на высокой горе — самая обыкновенная вещь, особенно в здешних местах. Не видали мы его, что ли?

— Ваша воля, делайте как знаете, а я вас предостерёг. Потом не говорите, что Горохов вас в беду завёл.

Потянулись дальше, и ещё через полчаса сквозь поредевший туман увидели наконец несколько тёмных скал среди снега, ещё довольно высоко впереди. Все вздохнули свободнее и с новой энергией продолжали путь; снег стал рыхлее, и хотя уклон сделался пологим, но нарты погружались глубоко, и пришлось уминать дорогу для собак. Поэтому подъём замедлился, и последние полкилометра достались тяжело.

Солнце склонилось уже к закату, когда караван очутился наконец почти на гребне этого высокого снегового увала, где барометр показал девятьсот семьдесят метров. Туман белой пеленой стлался внизу, скрывая почти весь склон и подножие, но через него открывался далёкий вид на торосистую равнину моря, расстилавшуюся до горизонта.

Оставив нарты у подножия плоской чёрной скалы, поднимавшейся невысоко над снегом, все пятеро поднялись на самый гребень и остановились в двух шагах от края огромного обрыва, которым оканчивался этот снеговой склон.

— Ну и чудеса! — воскликнул Никифоров, выразив этим всеобщее изумление перед развернувшейся впереди картиной.

Вместо сплошного снега и льда, которые нужно было ожидать на такой высоте, почти в тысячу метров над уровнем моря, под широтой в 79 или 80°, путешественники увидели перед собой картину пробудившейся весенней природы, хотя была только половина апреля, когда и под Якутском, на 15-17° южнее, весна еле намечается первым таянием снега.

Вниз от края обрыва мрачные чёрные уступы, на которых белел снег, уходили в глубь огромной долины, расстилавшейся на север до горизонта. На дне её ярко зеленели обширные лужайки, разделённые площадями кустарника или леса, уже чуть подёрнувшегося зеленью первых листочков. В разных местах среди лужаек сверкали зеркала больших и малых озёрков, соединённых серебристыми лентами ручьёв, то скрывавшихся в чаще кустов, то появлявшихся на лужайках. Над более далёкими озёрками клубился белый туман — они словно дымились. На западе, за этой зелёной долиной, поднималась чуть не отвесной стеной высокая горная цепь, гребень которой был разрезан на остроконечные вершины, подобные зубьям исполнинской пилы; на них полосами и пятнами лежал снег, тогда как ниже на обрыве его почти не было. Солнце уже спустилось за эту цепь, и вся долина погрузилась в вечернюю тень.

Цепь гор уходила на север за горизонт, скрываясь в тумане, покрывавшем отдалённую часть долины. Туда же, на север, насколько можно было видеть, тянулась и гряда, на гребне которой стояли наблюдатели и которая была ниже противоположной. На юге та и другая как будто соединялись, совершенно замыкая долину с этой стороны.

Безмолвное созерцание первых минут сменилось оживлённым обменом впечатлений.

— Диво дивное, Матвей Иванович! — произнёс Никифоров.

— Настоящая обетованная земля! — сказал Ордин.

— Совершенно непостижима эта зелень, эта растительность под такой широтой! — заявил Костяков. — Долина открыта на север, в сторону полюса, словно оттуда идёт к ней тепло.

— И неудивительно, что сюда летят издалека птицы, пре-небрегая нашим суровым побережьем. Вполне возможно, что сюда скрылись и онкилоны. Но как мы спустимся вниз по этим обрывам с нашими нартами? По ним и порожняком не сойдёшь, — заметил Горюнов.

— А вот же звери спускаются! — воскликнул Ордин, указывая на несколько тёмно-бурых животных с огромными рогами, закрученными спиралью по бокам головы, которые появились на уступе под ногами путешественников.

— Эх, каменные бараны! Вот бы подстрелить парочку на ужин! — воскликнул Горохов.

Между тем животные, очевидно, почуяв людей, остановились и в недоумении подняли головы вверх.

Бараны, по-видимому, всё-таки были знакомы с человеком, так как, постояв минуту, резко повернули назад и скрылись за выступом скалы.

В это время Горюнов изучил при помощи бинокля гребень в обе стороны от места их стоянки; на северо-восток он повышался, на юго-запад как будто понижался и в этом направлении, может быть, представлял возможность спуска.

— Идём вдоль гребня на юго-запад, — заявил он. — Если есть спуск вниз, то скорее всего там.

— Может быть, придётся окружить всю впадину, — заметил Ордин, — чтобы...

—...Чтобы убедиться, что спуска в неё для людей нет и что только для птиц она доступна, — подхватил Костяков.

— Ну что же, придётся удовольствоваться на первый раз открытием этой громадной впадины с богатой растительностью среди полярных льдов и немедленно вернуться на материк.

Пользуясь остатком дня, пошли на юго-запад вдоль гребня, который оказался неровным: он то понижался, и здесь снеговое поле южного склона доходило до самого края обрыва, то повышался и представлял скалы или острые грядки. При виде их Ордин вспомнил про свой молоток и освидетельствовал несколько таких выступов.

Все они оказались состоящими из базальта, то плотного, то пузыристого или шлаковатого, представлявшего базальтовую лаву.

— Я начинаю думать, — сказал он, обращаясь к Горюнову, — что ваше предположение, высказанное академику Шенку, что Земля Санникова представляет остаток вулкана, оправдывается. Эта огромная котловина, окружённая кольцом отвесных обрывов, очень похожа на кальдеру* большо-

---

* Кальдерой (испанское слово «котёл») называют старые кратеры потухших вулканов, сильно расширенные и пониженные процессами размыва и имеющие форму обширного цирка. Среди кальдеры нередко расположен конус действующего вулкана.

го древнего вулкана, а базальты, встреченные нами внизу и здесь, на гребне, подтверждают это.

— Такое происхождение котловины объяснит нам и существование богатой растительности под этой широтой, — прибавил Горюнов. — Но не будем решать преждевременно, посмотрим, что будет дальше.

По мере движения на юго-запад гребень заметно понижался, но в сторону впадины обрывался так же круто. Сумерки сгущались, но почти полная луна уже поднялась и освещала путь. Прошёл ещё час.

Горюнов взглянул на барометр — он показывал уже только пятьсот метров над уровнем моря.

— Я думаю, нам придётся заночевать на гребне. Луна не осветит спуска на ту сторону, а в темноте идти по неизвестной дороге опасно.

— Найдём ровную площадку и станем, — согласился Никифоров.

— Но если ночью поднимется пурга, нас может смести в пропасть, — заметил Костяков.

— Пурги не будет, — заявил Горохов, — небо чистое, ветра нет, солнце село не красное. Вот разве шайтан захочет наказать нас...

— Будем надеяться, что он помилуется, — рассмеялся Горюнов.

Выбрали более ровное и широкое место гребня в промежутке между двумя скалами, поставили палатку, поужинали, но спать не хотелось. Таинственная впадина была слишком близко и возбуждала любопытство. Луна уже освещала более отдалённую часть её, тогда как ближайшая оставалась в тени, в разных местах серебрились зеркала озёр и ленты ручьёв среди тёмного фона лугов и леса.

Усевшись на краю обрыва, все пятеро созерцали лежавшую у ног странную впадину; освещённые луной обрывы противоположного края казались теперь ещё выше и круче.

Они поднимались над дном на тысячу пятьсот — тысячу шестьсот метров почти отвесно. И вдруг в ночной тишине из глубины раздалось сначала протяжное мычанье, а затем глухой рёв.

— Эге-ге, там зверьё есть, коровы мычат! — воскликнул Никифоров.

— А другой кто, который реёт? Уж не сохатый ли? — спросил Горюнов.

— Нет, не сохатый и не бык. Этот зверь словно трубит в большую трубу. И не медведь.

Погадали, какой это может быть зверь, но ни один из известных промышленникам не издавал таких звуков, и все остались в недоумении.

— А это что? — спросил Ордин, указав на засветившуюся вдаль, среди впадины, красную точку, похожую на звезду; она то разгоралась, то почти потухала.

— Это, пожалуй, огонёк на дне кратера этого вулкана, который, очевидно, не совсем потух, — засмеялся Костяков.

— А не костёр ли это?

— На то похоже. Значит, здесь есть люди; может быть, это пропавшие онкилоны? — сделал предположение Горюнов.

Опять воцарилось молчание. Все следили глазами за этим новым загадочным явлением в странной впадине. И вот издав далеко чуть слышно донеслись звуки, напоминавшие барабанный бой.

— Не иначе как бубен шамана! — заявил Горохов. — Стало быть, люди есть, и огонь ихний.

— А если есть люди, то должен быть и спуск вниз, — заметил Горюнов. — Люди не могли слететь, как птицы, по воздуху.

— Спуск мог быть, но обрушился.

Прошло ещё полчаса в молчании, и всех стало клонить ко сну. Но тут новое явление обратило на себя внимание. Несмотря на поднявшуюся выше и ярко светившую луну, дальняя часть впадины стала неясной и скоро совсем исчезла в пелене тумана. Эта пелена медленно ползла на юг, и вскоре вся впадина превратилась в огромное белесоватое озеро слегка волнующегося тумана. Затем он стал подниматься выше и ключьями переползать через низкое место южной окраины, где находились путешественники.

С севера потянуло сырым, но тепловатым ветерком, и скоро гребень, скалы, палатка очутились в густом тумане, через который едва была видна луна.

— Представление кончилось, занавес опущен, и пора уходить! — заметил Ордин.

— Уйдём от греха в палатку! — предложил Горохов. — И как вы себе хотите, Матвей Иванович, а всё это — одно наваждение, марево, и земля эта, и леса, и луга, и звери. Вот увидите, завтра проснёмся, ничего, кроме снега, не будет, и нам придётся ворочаться поскорее.

— Ну ладно, прорицатель, завтра увидим, — ответил Горюнов.

Легли спать, но спали тревожно, потому что собаки по временам поднимали лай и визг, вероятно, чуя каких-то не очень далёких животных.

Первый день на Земле Санникова

Когда рассвело, туман ещё не рассеялся; он был так густ, что в пяти шагах силуэт человека почти исчезал в молочно-белой мгле. Даже по соседству со стоянкой нужно было ходить очень осторожно, чтобы не свалиться с обрыва, находившегося в нескольких шагах от палатки.

Приходилось ждать возможности идти дальше по гребню в поисках места для спуска. Развели огонь последними дровами, взятыми с Котельного, накормили собак, не торопясь позавтракали.

Судя по часам, солнце поднялось уже больше часа, но туман совершенно скрывал его; он, казалось, переливался через гребень, словно жидкий кисель, переполнивший огромную чашу впадины и стекавший через выщербленный край.

— Это дымит ваш вулкан, — острил Костяков. — Он действует по ночам; сначала загорелись огни, а потом повалил дым.

— Смейтесь, смейтесь, Павел Николаевич, — ответил Ордин. — А всё-таки эта впадина — вулкан, и это открытие не менее важно, чем нахождение самой Земли Санникова.

— Но разве могут быть вулканы среди полярных льдов? — спросил Костяков.

— Почему же нет! В южной полярной области есть даже действующие вулканы Эребус и Террор, и несколько потухших. А в Ледовитом океане мы находим вулканические породы разного возраста и в Гренландии, и на Шпицбергене, и на Земле Франца-Иосифа и даже на ближайшем соседе Земли Санникова — острове Беннетта.

— Но это всё очень старые.

— Не все. А Исландия с её грандиозной вулканической деятельностью?

— Ну, этот вулкан заткнёт за пояс все остальные по своим размерам, — заметил Горюнов. — Вот что заставляет меня пока сомневаться в правильности вашей гипотезы...

— Он действительно очень велик; я полагаю, он имеет километров двадцать в поперечном и сорок-пятьдесят в продольном направлении.

— А каковы размеры самых крупных кратеров, известных на Земле?

— Насколько помню, кратер Мауна-Лоа на Гавайских островах имеет около четырёх километров, а Гунунг-Тенгер на Яве немного меньше шести километров в диаметре.

— Ну вот видите! Этому впору быть на Луне, а не на Земле, — заметил Костяков.

— На Луне он был бы самым заурядным, потому что там есть кратеры в шестьдесят, восемьдесят, сто и больше километров в диаметре; например, кратер Птолемея имеет шестьдесят один километр, Лянгрениус — сто пятьдесят восемь, а в семьдесят-девять километров имеется больше десятка. Всего же на Луне насчитывают около тридцати тысяч кратеров.

— Должно быть, красивое зрелище представляла Луна, когда все они действовали!

Пока наши путешественники беседовали о Луне, солнце делало своё дело, и туман быстро начал редеть, поднимаясь вверх и превращаясь в тонкие плёнки, которые постепенно таяли в воздухе. Скоро гребень настолько очистился, что можно было тронуться в путь, хотя впадина представляла ещё молочно-белое море, поверхность которого медленно колебалась. Пошли дальше, уже на запад, согласно изгибу гребня, который продолжал понижаться. Наконец, незадолго до полудня, дошли до самого низкого места, за которым ясно было видно новое повышение.

— Если здесь нет спуска, то придётся искать его далеко на северном конце впадины, — заявил Горюнов.

— Это будет очень печально, — заметил Ордин, — потому что дров у нас нет, а корма для собак хватит дня на три, не больше.

Подшли к краю обрыва, чтобы осмотреть его внимательнее. Барометр показывал только сто двадцать метров над уровнем моря, и можно было надеяться, что при помощи верёвок удастся спуститься с уступа на уступ.

— Ну вот вам и спуск! — воскликнул Горюнов, указывая вправо.

Все взглянули туда. Там тянулся от гребня в глубь впадины длинный снеговой откос, огромный сугроб, нанесённый пургами, наметавшими снег со стороны моря через самое низкое место гребня и отлагавшими его под защитой обрыва. Он спускался довольно круто в виде двускатной крыши с широким коньком, поднимаясь до самого края обрыва; правее и левее его видны были ещё подобные сугробы, но не доходившие уже до повышавшегося гребня, так что только он один давал возможность спуска. Попробовали плотность снега — она оказалась вполне достаточной: нога погружалась только на четыре-пять сантиметров.

Так как уклон доходил до 40°, нарты нельзя было спускать с упряжкой. Отстегнули собак, достали верёвки и, привязав их по две к каждой нарте, стали спускаться, удерживая нарту

вдвоём. Пока две нарты спускались, Костяков остался наверху с третьей нартой и с собаками. Когда Горохов и Никифоров поднялись обратно, Костяков повёл все три потяга собак вниз; пустить их одних было опасно, так как они могли немедленно увлечься погоней за какой-нибудь дичью. Но вести тридцать собак вниз по уклону — нелёгкая задача; увидев внизу нарты и людей, собаки помчались так быстро, что Костяков не удержался на ногах, упал ничком и покатился на животе по всему откосу, вздымая тучу снежной пыли, к общему удовольствию зрителей вверху и внизу.

Закончив спуск, осмотрелись кругом. Почва вокруг подножия сугробов была совершенно обнажена. Сюда солнце начинало заглядывать в самые летние дни и со стороны севера, то есть собственно ночью, когда оно стояло низко и грело слабо. Снег, вероятно, долго не таял, и растительность не могла развиваться. Но шагах в тридцати от конца сугробов среди плит и обломков базальта, рассеянных по поверхности почвы, зеленел мох и карликовые цветы раскрывали свои первые лепестки. Немного дальше видны были стелющиеся кустики, ещё обнажённые, а затем в полукилометре — более высокие и густые, чуть подёрнутые зеленью. За ними уже темнела стена невысокого леса.

За обедом или, вернее, за закуской с чаем, сваренным на остатке дров, найденных по нартам, обсуждали важный вопрос — как двигаться дальше. Байдара, нарты, собаки уже не были нужны, так как в котловине не было ни снега, ни достаточно больших рек для плавания.

Вести с собой тридцать собак и заботиться об их корме было слишком стеснительно для передвижения. Ввиду обилия дичи собаки доставили бы много хлопот, разбегаясь для её преследования, а вести их на привязи — значило бы всё внимание уделять им и занять трёх членов экспедиции этой непроизводительной работой. Запрячь собак в нарты и ехать на них по траве и по лесам — это значило стереть дочиста полость нарт и сделать их негодными для обратного пути через льды, а также измотать собак трудной работой.

Единственным приемлемым решением казалось — оставить всё лишнее имущество и собак под надзором одного человека тут же, у сугробов: здесь было прохладно, и оставшийся мог уделять всё своё время на добычу пропитания себе и собакам посредством охоты. Остальные четверо пешком и налегке могли предпринять экскурсию по Земле Санникова, возвращаясь время от времени к этой базе для сдачи собранных коллекций. Горохов, знавший чукотский

и ламутский языки, был необходим для сношений в случае встречи с онкилонами, поэтому остаться сторожить вещи и собак приходилось Никифорову. Последнего несколько смущала необычная обстановка, но вообще он, как и все промышленники Севера, не боялся провести несколько дней или даже недель в одиночестве; свора собак представляла достаточную защиту от хищных зверей, а вместе с тем доставляла достаточно забот — так что скучать от безделья не приходилось.

Выбрали место между двумя сугробами, поставили палатку и употребили конец дня на сортировку вещей. Идя в глубь котловины пешком, нельзя было обременять себя большим грузом; приходилось брать только самое необходимое — небольшой запас одежды, белья и обуви, ружья и заряды к ним, котелок и чайник, рассчитывая питаться охотой и ночевать под открытым небом.

К вечеру небо покрылось тучами и пошёл мокрый снег, иногда сменявшийся дождём; пришлось укрыться в палатке.

— Эта погода показывает нам, что нужно принять какие-нибудь меры, чтобы оставляемые вещи, нарты и байдара за лето не испортились и не погнили, — сказал Горюнов.

— Придётся выстроить шалаш из кольев и корья, — заметил Ордин.

— Это будет плохая защита, да и за корьём придётся далеко ходить, — заявил Горохов.

— А эти сугробы на что? В глубине они, наверно, не тают. Выроем в них пещеру и сложим там все вещи — будет и сухо, и холодно, и от хищников безопасно.

— А для собачек выроем другую, — прибавил Никифоров, — они жары не любят, да и запира́ть их на ночь можно будет, чтобы не разбегались.

— Не только на ночь. Пойдёшь на охоту с двумя-тремя, а остальных запрёшь. Не всю же свору с собой водить! Этак ничего не добудешь — они всех зверей распугают, — заметил Горохов.

— Совершенно верно, мысль прекрасная! — сказал Горюнов. — Завтра с утра мы её претворим в дело.

В этот вечер в палатке было холодно и неудобно — дров не было, и ужин сварили кое-как на хворосте, набранном по соседству в полосе кустарника. Поэтому рано легли спать. Но доносившиеся из котловины гораздо более близкие различные звуки — мычанье, бляенье, рёв животных — часто тревожили собак, поднимавших лай и вой и будивших спящих.

— Не завидую я Капитону, который всё время будет спать возле этих горланов! — проворчал Костяков во время одного из концертов.

— Когда он зайдёт в снеговую пещеру, они будут спокойнее, — ответил Горюнов, поворачиваясь на другой бок.

Утром принялись за работу и при помощи топоров вырубали в сугробе, вблизи того места, где он примыкал к базальтовому обрыву, глубокую галерею. Под поверхностным слоем снега оказался сплошной лёд, который, очевидно, лежал уже целые столетия, так что нельзя было опасаться, что он за лето растает. В грот сложили лишние вещи, байдару и две нарты, а вход заложили глыбами льда, чтобы вглубь не мог проникать тёплый воздух и чтобы какой-нибудь хищник не мог в отсутствие Никифорова забраться внутрь. По соседству вырубали ещё три грота, поменьше, каждый для одной упряжки собак.

Третью нарту оставили Никифорову, чтобы он мог подвозить к своему жилью дрова из леса и туши добытых животных. Никифоров, которому ледяные пещеры очень понравились, намеревался вырыть ещё одну — для хранения мяса, а другую — для себя, и палатку поставить внутри последней, чтобы спать спокойно, не опасаясь нападения. В пещеру ночной незваный гость мог проникнуть только с одной стороны, а не со всех, как в палатку, и достаточно было положить пару собак у входа, чтобы чувствовать себя в полной безопасности.

Эти работы заняли почти целый день; успели только сходить на опушку ближайшего леса и нарубить дров для ночлега.

Странные животные

Утро, хотя и хмурое, но без дождя и тумана, позволило начать исследование котловины. Четверо путешественников с котомками за спиной, с ружьями на плече двинулись на север. Они взяли с собой наиболее смышлёных собак, вожатых упряжек; одна была совершенно чёрная, другая почти белая; первую звали Крот, вторую — Белуха. Никифоров с третьим вожаким — Пеструшкой — провожал товарищей, чтобы добыть себе и собакам пропитание на ближайшие дни.

По мере отдаления от сугробов растительность становилась более обильной; мох сменила трава, затем пошли кусты полярной берёзы, ивы и ольхи, стлавшиеся по земле. Сюда

ненадолго уже заглядывало полуденное солнце, и растительность пробуждалась к жизни. Чем дальше, тем выше становились кусты, и затем полярные виды уступили место представителям более умеренной полосы — появилась лиственница, белая берёза, ольха, а среди травы пестрели первые цветы. Деревья достигали трёх-четырёх метров вышины, образуя небольшие рощи, перемежающиеся с полянами.

При проходе через одну такую рощу собаки, бывшие на привязи, обнаружили беспокойство, стали рваться вперёд и ворчать. Приготовив ружья, путешественники осторожно подошли к опушке, и увидели на поляне большое стадо пасшихся животных. Видны были чёрные спины с довольно большими горбами и пушистые короткие хвосты, напоминавшие большую кисть. Когда одно из животных подняло голову, то оказалось, что она похожа на бычью, но короче и круче и увенчана большими, загнутыми вперёд и вверх рогами. Животное уже почуяло опасность и издало глухое мычанье, встревожившее всё стадо.

Медлить было нельзя. Горюнов выстрелил из винчестера в ближайшего быка, который подскочил и упал на колени. Остальные в недоумении шарахнулись в разные стороны, но не убежали. У некоторых рога были короче и тоньше; видны были и телята разного возраста.

Спустив собак, охотники побежали к раненому быку. Стадо при виде людей пустилось наутёк, но собакам удалось остановить телёнка, который и был застрелен Никифоровым. Раненый бык при приближении людей поднялся и бросился им навстречу со свирепым рёвом; наклонив голову и выставив огромные рога, он нёсся вперёд, оставляя кровавый след. Но собаки, подбежавшие сбоку, обратили на себя его внимание; он круто повернулся к ним и в это время получил ещё две пули, которые его свалили.

Обступив жертву, охотники с удивлением рассматривали её.

— Как хотите, это не мускусный бык, как можно было думать, — заявил Костяков. — У него и шерсть короче, и голова и рога другие.

— Да, он похож на тибетского дикого яка, которого я видел в зоологическом саду, — сказал Горюнов.

— Но здесь, на Севере, единственным представителем этого семейства является мускусный бык, *Ovibos moschatus*, — заметил Ордин, — да и тот водится в Северной Америке, а не в Азии.

— Вы правы, но только это не овцебык, это бесспорно.

— Но как же мог тибетский як очутиться здесь, так далеко от своей родины, за десять тысяч километров?

— Это, очевидно, ещё одна из загадок Земли Санникова, которую она задаёт нам, — заметил Костяков. — Может быть, онкилоны привели этих быков с собой и мы нарушим их право собственности?

— Нет, быки эти дикие, — заявил Горохов. — В нашей земле никогда таких не было.

— Для решения загадки нам придётся сохранить и увезти с собой хотя бы его череп с рогами, — сказал Горюнов. — Мне помнится, что у яка рога загнуты на концах больше вверх и вообще тоньше, а хвост короче и гуще.

В это время Никифоров приволок добытого им телёнка, имевшего только две-три недели от роду.

— Вот-то вкусное жаркое будет! — заявил он. — Много лет я не едал телятины.

— Возвращайтесь сейчас на стан, Капитон, — распорядился Горюнов, — и приведите нарту, а мы пока освежаем зверей.

Никифоров с Пеструшкой пошли назад, ориентируясь на снеговые сугробы, которые отлично выделялись на чёрном обрыве позади низкой полосы леса.

Остальные стали снимать шкуры с быка и телёнка, причём Горюнов обмерил животных и записал их приметы. Над поляной уже кружили несколько крупных птиц, по-видимому, грифов, которые рассчитывали, что люди оставят им часть своей добычи. Но их надежды были обмануты, потому что Никифоров догадался привести всех собак, чтобы накормить их досыта на месте и облегчить груз мяса, который приходилось везти к стану. На прощанье ему было наказано сохранить черепа и шкуры всех животных, которых он добудет, сберегая их в ледяной пещере.

Четыре путешественника отправились дальше. По мере удаления от окраины котловины деревья становились выше, трава гуще; появились тополя, осина, черёмуха, жимолость, шиповник и другие кусты; иные уже покрылись свежей листвой или зацветали. Горохов с изумлением разглядывал растительность, потому что в окрестностях Казачьего и по всему берегу ничего подобного не было, а южнее он бывал только в зимнее время. Остальных также немало удивило то, что здесь, под 80° широты, растут формы, которые в Сибири не переходят за Полярный круг.

По-прежнему чередовались луговые поляны и полосы леса, становившиеся более густыми; на двух полянах увидели пасущихся быков и с интересом наблюдали их. Но животные

при приближении людей обратились в бегство. Это доказывало, что в котловине живут люди, охотящиеся за быками, но не имеющие огнестрельного оружия, так как выстрелы животных не пугали.

На одной из полян километрах в восьми от окраины котловины, кроме чёрных быков, заметили каких-то бурых животных того же роста. Когда одно из них подняло голову, Горохов воскликнул:

— Смотрите, Матвей Иванович, ведь это же конь, надо быть!

— Похоже на то. Неужели домашний?

— Едва ли: все они одной масти, бурые, с чёрной полосой вдоль хребта, жидким хвостом и жидкой гривой, да и уши у них длинные, — заявил Ордин, рассматривавший животных в бинокль.

— Тогда они похожи на дикую лошадь, которую Пржевальский открыл в глубине Центральной Азии, — сказал Горюнов.

— Но здесь, среди полярных льдов? Ещё одна загадка этой странной земли! — воскликнул Костяков.

— Попытаемся подойти к ним поближе.

Огибая поляну по опушке леса, охотники немного приблизились к лошадям. Они паслись отдельно от быков. Один из коней, видимо, старый жеребец, вожак табуна, постоянно поднимал голову, осматривая поляну, и, раздувая ноздри, нюхал воздух. Вдруг, заметив людей, он издал тревожное ржание, отчасти напоминавшее ослиный рёв, и весь табун, штук двадцать взрослых и десятков жеребят, помчался прочь, подняв головы и изогнув хвосты.

— Эх, упустили дичь! — вздохнул Горохов. — Жеребёночка бы сварить, вкусные они.

— Ну зачем? Мясо у нас есть на сегодня, а нагружаться нам ни к чему. Да и жаль убивать зря.

— А для коллекций? — заметил Ордин. — Разве это не редкость — дикая лошадь и, вероятно, особой породы?

— Просто одичавшие лошади, — предположил Костяков.

— Не может быть! Все кони у нас белые, редко когда серые или в яблоках, — заявил Горохов.

— И стать совсем другая, — прибавил Горюнов. — Очевидно, благодаря каким-то не выясненным ещё условиям на Земле Санникова сохранились животные предшествовавшего геологического периода, вымершие в других странах.

— Вот как в Австралии сохранились дикая собака, кенгуру и другие странные сумчатые животные, примитивные мле-

---

копитающие, бескрылые птицы и тому подобные живые окаменелости, как их называют, — пояснил Ордин.

— Вы, пожалуй, скажете, что здесь проживает мамонт, длинношёрстный носорог, пещерный медведь и другие современники первобытного человека! — засмеялся Костяков.

— Вполне возможно, если только человек не истребил их, — ответил Горюнов.

— И интерес, который представляет Земля Санникова по своему положению и форме, ещё увеличится её живыми окаменелостями, — прибавил Ордин.

— Подойдём к озерку, которое я вижу вот там среди поляны, — предложил Костяков. — Не увидим ли в воде бегемота?

— Бегемот не живая окаменелость, — поправил Горюнов, — а водится в большом числе в реках Африки, и здесь мы его не найдём.

Но добраться до озера не удалось: по мере приближения к нему почва становилась всё более вязкой и наконец превратилась в трясины, колебавшуюся под ногами и поросшую болотными растениями. Очевидно, озеро прежде было значительно больше, но постепенно зарастало от берегов вглубь. Поэтому ни попробовать его воду, ни посмотреть, есть ли в нём рыба и какова она, не пришлось. О бегемоте, конечно, и речи быть не могло: его грузная туша провалилась бы в трясину при первых же шагах.

За этой поляной начался более густой и высокий лес с таким густым подлеском из молодых деревьев и кустов, что, не будь троп, протоптанных животными, движение было бы очень трудно.

Подвигаясь по такой тропе, путешественники слышали громкое весеннее пение разных птиц, воркование горлиц; в отдалении даже послышался зов кукушки.

Замечены были сойки, сороки и галки, а в вышине плавали два орла, высматривая добычу на полянах.

— Положительно чудесная страна! — удивлялся Горюнов. — Можно подумать, что мы находимся где-нибудь в южной полосе Сибири, а не в десяти градусах от Северного полюса.

— Да, одно только низкое положение солнца, несмотря на полуденное время, показывает, что мы на Крайнем Севере, — заметил Ордин.

— А мне эти чёрные зубчатые вершины окраинного обрыва с их полосами снега напоминают мою родину — долину Иркутка, вдоль которой тянутся Тункинские Альпы такого же

вида, — сказал Костяков, — а растительность и птицы увеличивают иллюзию.

На следующей поляне, также с озером посередине, заметили пасущихся быков и лошадей, и решили остановиться на опушке, чтобы понаблюдать за ними и кстати сварить обед. Ручеёк, вытекавший из озера и пересекавший поляну, давал возможность набрать чистой воды. Расположились на самой тропе, у выхода её на поляну среди кустов, быстро развели огонь, повесили чайник и котёл для супа, нарезали шашлык из телятины и, нанизав на прутики, поставили жариться. Самы уселись в кустах возле тропы, откуда через просветы можно было видеть пасущихся животных.

Вдруг в глубине леса послышался тяжёлый топот, быстро приближавшийся. Изумлённые путешественники едва успели отпрыгнуть в кусты, как по тропе промчалось огромное тёмно-бурое животное, издававшее глухой рёв.

— Это что такое было? Что за чудовище? — шептал перепуганный Горохов.

— Заметили вы огромный рог у него на носу? — спросил Горюнов, не менее поражённый.

— И куцый поросячий хвостик? — добавил Костяков.

— А вот его следок, — сказал Ордин, указывая на отпечаток ноги на мокром месте тропы, где вылили лишнюю воду.

Этот след имел почти восемнадцать сантиметров в диаметре и оканчивался впадинами, оставленными несколькими копытами.

— Итак, мы видели ещё одну живую окаменелость — ископаемого длинношёрстного носорога! — сказал Ордин.

— А будь она проклята за её живость, эта окаменелость! — воскликнул Костяков. — Она весь наш обед изгадила.

Действительно, носорог, пронёсшийся по тропе, наделал беды: котёл с супом был отброшен в кусты и, конечно, пусто, мясо валялось на траве, палочки с шашлыком растоптаны, чайник лежал на боку.

— Начинай сначала, повар! — усмехнулся Горохов, подбирая котёл и чайник, чтобы идти за водой.

— Этакое неуклюжее чудовище! — ворчал Костяков, собирая разбросанные кусочки мяса. — Мало ему было места на тропе!

— В другой раз будем умнее, — смеялся Горюнов, — и расположимся в сторонке от звериного тракта!

— Ещё кто-то бежит! — крикнул Ордин и прыгнул в кусты; остальные последовали за ним.

Через несколько секунд по траве с таким же глухим рёвом пробежали один за другим три носорога, которых успели

рассмотреть лучше. Спереди был самец с огромным рогом на морде, позади которого возвышался второй рог, гораздо короче. За ним следовала самка с одним небольшим рогом, а в хвосте — детёныш, безрогий, еле поспевавший на своих коротких ножках за родителями. Все трое были покрыты редкой, но довольно длинной чёрно-бурой шерстью.

— Ну, ребята, берегитесь! — предупредил Горюнов. — Вероятно, они от какого-то хищника убегают. Приготовьте ружья!

Не успел он сказать это, как на тропе показался хищник, в котором нетрудно было узнать медведя, но огромной величины; он бежал, низко опустив голову и обнюхивая землю, слегка переваливаясь с ноги на ногу. Заметив догоравший и дымивший огонь у тропы, он сразу остановился, поднял голову, раскрыл пасть, показав свои огромные клыки и красный язык. Но тут его сзади атаковали собаки, и он круто повернул и побежал назад, издавая недовольное ворчанье.

— Ну, товарищи, — возгласил Горюнов, — переберёмся-ка на поляну. Здесь, видно, звери не дадут нам не только что сварить обед, а даже съесть его спокойно.

— Матёрой мишка! В жисть я таких не видывал... — сказал Горохов, вылезая из кустов.

— Огромный, да не очень храбрый, собак испугался! — смеялся Ордин. — А знаете ли, я уверен, что это не просто очень крупный бурый медведь, а ископаемый пещерный, современник носорога и мамонта. Вы заметили, каковы у него челюсти?

— Значит, ещё одна живая окаменелость! Наша коллекция очень быстро увеличивается и становится слишком неправдоподобной, — сказал Костяков.

— Да, придётся фотографировать всех этих ископаемых животных прямо на лоне природы, иначе нам никто не поверит, — заметил Горюнов. — Жаль, что у нас мало фотографических пластинок взято. Но кто же мог знать, что Земля Санникова — зоологический, или, вернее, палеонтологический сад.

— Теперь вы можете, Никита, рассказать вашим приятелям-каюрам, что видели сами на голове носорога тот рог, который они считают когтем птицы эксею.

— Да я же видел эту тварину и раньше.

— Где же это? Сегодня ночью, что ли?

— Нет, давно дело было. На речке Ачаде, что справа в Яну впадает, в весеннюю пору из берега такой же зверь вывалился и у воды лежал. Песцы уже объели у него морду и выели

брюхо, когда он мне попался. Тогда наш исправник о нём губернатору докладывал, а тот чиновника послал, чтобы зверя увезли. Да только к его приезду ничего не осталось: песцы мясо съели, а кости река схоронила.

— Так всегда бывает с этими находками, — пояснил Горюнов. — Пока их кто-нибудь случайно увидит, пока сообщит по начальству, а последние — в Петербург, академии, пока она командирует учёного для осмотра — проходят многие месяцы. А хищники и реки не дожидаются. И сколько редких находок уже пропало!

— Ну, мы с вами привезём кое-что получше! — сказал Ордин. — Шкуры, черепа и фотографии не дохлых, а живых ископаемых животных.

— Фотографии — пожалуй, но насчёт черепов и шкур придётся сильно экономить: они очень тяжелы и объёмисты, а у нас всего три нарты, — заметил Костяков.

— А уж череп и шкуру мамонта не увезёшь с нашими средствами передвижения! — рассмеялся Горюнов.

— Вы, кажется, рассчитываете, что мы увидим и живого мамонта? — спросил Костяков насмешливо.

— Почему же нет? Если здесь благоденствует и плодится носорог, то может жить и мамонт.

— Ну, ваши онкилоны давно истребили его, если застали здесь.

— А ради чего? Бивни им не нужны — продавать их некому; дичи и без мамонтов довольно, а добывать эту махину без огнестрельного оружия нелегко.

— Но ведь человек каменного века охотился на мамонта с ещё более примитивным оружием.

— А я полагаю, Матвей Иванович, — вмешался в разговор Горохов, — что, если этот самый мамонт тут проживает, ему здешние люди поклоняются, как священному зверю, вроде птицы эксею.

— Вполне возможно, Никита. И поэтому я надеюсь, что мы этого зверя увидим.

Собрав пожитки, перебрались на край поляны возле ручья и снова развели огонь. Поляна оказалась пустой — вероятно, носороги своим топотом и рёвом испугали всех животных.

— И тут напакостили! — заметил Ордин. — А я надеялся, пока варится обед, подкрасться по опушке и сфотографировать быков и лошадей.

— Да, остались лишь птицы, которые интересны только как жаркое, — сказал Костяков, указывая на стаю уток, летавших над озером.

Пузырящиеся озёра

Без дальнейшей помехи пообедали, отдохнули и пошли дальше, придерживаясь берега ручья в надежде, что он приведёт к озеру. Эта надежда оправдалась: хотя луг становился всё болотистее, но вдоль ручья удалось пройти, и вскоре перед глазами открылась площадь воды до полукилометра в диаметре, окаймлённая зеленью камышей. Большие кувшинки расстилали по воде свои листья вперемежку с мелкими листьями водяного ореха (*Trapa natans*), растения, почти вымершего на Земле, а здесь существовавшего в изобилии. Дно озера, покрытое водорослями, медленно уходило вглубь, и среди подводной зелени сновали жуки и плавали стайки мелкой рыбёшки. Дальше на озере плавали утки, гуси и чайки, а всплески в разных местах выдавали присутствие более крупной рыбы. Полуденное солнце, прорываясь через тучи, освещало косыми лучами эту мирную картину обильной жизни, невероятную для подобной широты.

— Ручей-то ведь течёт не в озеро, а из озера, — заметил Горюнов.

— Что же из этого следует?

— А следует то, что воды котловины должны иметь какой-нибудь выход в море, то есть кольцо гор должно быть где-нибудь разорвано донизу.

— Допустим, что так.

— Нам важно выяснить это. Снеговые сугробы, по которым мы спустились, за лето сильно понизятся, и по ним уже нельзя будет подняться наверх. Стало быть, только разрыв в горах даст нам возможность выйти из котловины.

— Но его может и не быть, — сказал Ордин. — Вода может стекать по подземному каналу. В потоках лавы такие каналы бывают нередко. Вспомните дельфинов Гавайских островов из курса геологии.

— Это что такое? — спросил Костяков.

— Это длинные туннели в потоках лавы, которые тянутся от морского берега вглубь. Во время прилива вода заполняет их и выбивается фонтанами через трещины. Отсюда и название.

— Неправильное, потому что дельфины не пускают фонтанов воды, как киты, а только разбрызгивают воду, играя, — заметил Горюнов. — Но для нас отсутствие разрыва будет неприятно — придётся ждать конца зимы, когда сугробы опять нарастут.

— Ну что же, зимовка на Земле Санникова входила в наши планы, если окажется возможной. А теперь ясно, что зимовать здесь можно.

В это время Горохов, не спускавший глаз с озера, прервал беседу восклицанием:

— Смотрите-ка, что там творится! Какое-то чудище из воды лезет!

На середине вода медленно вздувалась большим плоским бугром или пузырьём. Вдруг этот пузырь лопнул, и из него вырвался клуб белого пара, быстро рассеявшийся в воздухе. По всему озеру от этого места разбежались круговые волны, и плавающие птицы покачивались на них.

— Уж не кит ли живёт в глубине или другой крупный зверь? — предположил Горохов.

— Киты в пресной воде не живут, — заметил Горюнов. — Но что за причина этого явления?

В это время Ордин вынул из футляра термометр и погрузил его в воду. Горохов рассмеялся — настолько бессмысленным показался ему этот способ узнать, кто живёт в озере.

— Представьте себе, вода имеет двадцать пять градусов тепла по Цельсию! — воскликнул Ордин.

— Ранней весной под этой широтой — и двадцать пять градусов! Это непостижимо! — сказал Костяков. — Вы не ошиблись ли десятка на два?

— Смерьте сами, если не верите.

— Но как же объяснить это?

— Очевидно, озеро имеет подземный приток горячей воды или, скорее, даже пара, судя по тому, что мы только что видели. А это согласуется с моим предположением, что котловина — дно кратера старого вулкана, в глубине которого ещё сохранилось достаточно тепла, выделяющегося время от времени по трещинам.

— Нужно подождать, не повторится ли это явление, — сказал Горюнов.

— Подождём. А пока я скажу, что если таких озёр здесь много, то одна из причин тёплого климата Земли Санникова найдена.

Круговые волны успокоились, и озеро снова стало гладким, как зеркало. Все с интересом смотрели на него в ожидании. Горюнов держал в руке часы.

Через тридцать две минуты после первого вздутия вода снова начала подниматься пузырьём, который достиг примерно двух метров вышины, после чего лопнул с выделением пара.

— Ваше объяснение, очевидно, правильно! — сказал Горюнов. — Мы имеем периодическое выделение пара или горячего воздуха из недр Земли, которое непосредственно и через воду озера согревает котловину.

— А озёр мы видели целый ряд, рассматривая котловину с высоты её окраин.

— Я всё-таки смекаю, что это кит пускает фонтан, — заявил Горохов, для которого явления вулканизма были непонятны.

— Ну как же мог кит пробраться в озеро, Никита? Не мог же он перелезть через эти горы.

— А как попали сюда носороги, быки и лошади, которые не могут лазить по отвесным обрывам? — спросил Костяков.

— Вы плохо знаете геологическую историю Новосибирских островов, — возразил Ордин. — В начале четвертичного периода они составляли ещё часть материка Сибири, и тогда этот вулкан, очевидно, уже потухший, мог быть заселён животными; потом произошли разломы, и значительные площади опустились на дно моря, а остальные превратились в острова. Животным путь спасения на материк был отрезан, и в связи с ухудшением климата они вымерли на всех островах, кроме Земли Санникова, благодаря её теплой почве.

— Но это не объясняет, как спустились крупные животные в эту яму!

— Во-первых, в то время могли существовать более глубокие разрывы в стенках кратера, позже завалившиеся. Во-вторых, мы видели только небольшую часть окраины, и где-нибудь дальше на севере может быть более или менее удобный вход.

— Я теперь не сомневаюсь, что мы откроем здесь ещё много неожиданного и интересного, — сказал Горюнов. — И я очень рад, что деньги, которые старый академик дал нам так доверчиво, не истрачены напрасно и наука получит такой ценный дар — рассадник вымерших животных.

— А может быть, и людей, — прибавил Ордин.

— Жаль только, что наша экспедиция так мало подготовлена для научных наблюдений. Мы не можем заменить опытных учёных и, наверно, многое прозеваем.

— Что же делать! Мы открыли эту чудесную землю и путь к ней. Академия, конечно, снарядит большую экспедицию из учёных разных специальностей, а мы будем их проводниками.

За время разговора среди озера вновь поднялся водяной бугор, и явление повторилось в точности.

— В этот раз я заметил точно время, — сказал Ордин. — Промежуток ровно тридцать три минуты.

— Но как же рыбы и птицы живут в горячей воде? — поинтересовался Горохов.

— А вы обратили внимание, что птицы не подплывают к середине озера? Вероятно, вода становится слишком горячей вблизи места извержения, и они её избегают.

— И рыба тоже не держится там, а в стороне ей простора достаточно.

Налюбовавшись вдоволь озером, пошли дальше, обогнув поляну ближе к опушке. В одном месте наткнулись на ту же семейку носорогов, которая промчалась через их стоянку; папаша и мамаша, задрвав головы, объедали молодые побеги в кустах, помахивая от удовольствия хвостиками, а детёныш то пощипывал траву, то резвился, делая неуклюжие прыжки, на которые нельзя было смотреть без смеха; казалось, что это прыгает порядочная бочка, к которой ради шутки прилеплены четыре толстых столбика. Притаившись за кустами, путешественники долго любовались на эту семейную идиллию и увековечили её на фотографической пластинке. Только Горохов взглянул на семью более прозаическими глазами, хотя и смеялся, глядя на прыжки носорожонка: он соображал, сколько пудов сала можно было бы добыть из этого «бочонка» и сколько хороших прочных ремней для нартов можно было бы нарезать из его кожи.

Он уже схватился за ружьё, чтобы осуществить свои хозяйственные соображения, и Горюнов едва успел остановить его, шепнув:

— С ума сошёл, Никита! Старики растопчут нас, если мы тронем их детёныша! С этими зверями шутики плохи.

Осторожно обогнув по лесу носорогов, вышли на тропу, пересекавшую следующую лесную площадь; деревья поднимались здесь уже до десяти метров, а густой подлесок не позволял подвигаться вперёд без затруднений и шума. Тропа представляла опасность встречи с каким-нибудь крупным зверем и, наученные опытом, путешественники держали ружья наготове, а вперёд пустили Крота, который привык к безлесной тундре севера Сибири и в лесу не решался шнырять по чаще и отдаляться от людей.

В лесу было много жизни. Кроме разных мелких птиц, видели рябчиков, посвистывавших на ветках; пёстрых соек, перекликавшихся друг с другом; сорок, перелетавших с дерева на дерево и трещавших без умолку; слышны были голоса дроздов и других певчих птичек. Шорохи в кустах обна-

---

руживали присутствие каких-то мелких млекопитающих. За одним поворотом, когда тропа показалась по прямой линии впереди, увидели вдали тёмную массу какого-то крупного хищника, по-видимому, медведя, который медленно шёл навстречу, обнюхивая землю. Заметив людей, он круто свернул с тропы и скрылся в чаще.

— Этих мишек здесь, видно, немало шатается, — заметил Горохов.

— Но только как будто трусливые, — сказал Костяков.

— На какого нападёшь! Если голодный, полезет и на человека.

— Нужно принять за правило держать в половине наших ружей патроны с разрывной пулей на всякий случай, — заявил Горюнов.

В этот раз лес тянулся без перерыва километра два; за ним снова оказалась поляна с ручьём, окаймлённым довольно крупными тополями, ивами, кустами черёмухи, боярки, шиповника, из которых раздавался многоголосый птичий хор. Вдоль ручья добрались до озера, которое было ещё больше и без топких берегов.

— А что, это озеро тоже пузырится, интересно бы знать? — спросил Ордин.

— Присядем, отдохнём и посмотрим.

Так и сделали, и посидели с четверть часа, наблюдая птиц в разных местах; частые всплески обнаруживали обилие рыбы.

— Ну и благодать здесь, а не жизнь! — восхищался Горохов. — Дичи всякой, рыб — сколько хочешь, не то что на нашей бедной тундре!

— Теперь понятно, почему перелётные птицы стремятся сюда, не боясь перелёта через льды и снега океана: здесь им приволье, — сказал Горюнов.

— Странно, что не все слетаются сюда, а многие остаются по всей северной тундре.

— При перелётах птицы руководятся только инстинктом, передаваемым из поколения в поколение, — пояснил Горюнов. — Сюда летят только те, которые родились здесь, а те, которые родились в тундре, остаются там и не летят дальше на север, хотя видят, что другие улетают.

— Да, кабы птицы были умнее, нам в тундре плохо стало бы жить. Пролётная птица и ленные гуси нас часто спасают от голодания, когда улов рыбы или промысел зверя плохой, — сказал Горохов.

— Замечено, что местами птицы не летят по прямой линии, а делают большой крюк только потому, что так летали

их предки, огибающая местности, неудобные для спуска на отдых, например, покрытые ледниками или сплошными лесами, которые теперь вырублены.

В это время среди озера вода медленно начала подниматься бугром, но не одним, а двумя — на некотором расстоянии друг от друга. Оба бугра выпустили по клубу пара и осели.

— Нужно подождать следующего извержения, чтобы определить периодичность, — предложил Ордин.

— Что ж, подождём, а пока сварим чай.

Выбрали удобное место, развели огонь и повесили чайник. Горохов, захватив двустволку, стал подкрадываться к стайке уток, плававших по соседству вблизи берега. Вскоре раздался выстрел, после которого утки взлетели, оставив двух на месте. Но затем послышался второй выстрел и вслед за ним крик Горохова:

— Скорее сюда, помогите!

Все трое, схватив ружья, побежали к месту происшествия, но тростник и кусты задержали их немного, и когда они добрались, то увидели Горохова, лежащего на брюхе возле воды, по которой расходились большие круги, словно туда только что погрузилось крупное тело.

— Что такое? В чём дело?

— Эх, опоздали, милые! — огорчённо сказал Горохов, поднимаясь на ноги. — Она ушла!

— Кто она? Рыба, что ли?

— Нерпа, настоящая нерпа! — со вздохом ответил промышленник.

— Не может быть! — заявил Костяков. — В пресной воде нерпа не живёт. Это, вероятно, была речная выдра.

— Ну вот ещё что скажете! — возмутился якут. — Мало я добыл нерп на своём веку!

— Где же она была?

— Вон здесь, между кочками. Когда я пальнул в уток, она приподнялась из травы и глядит на меня, словно очумелая. Я не утерпел и утиным зарядом в неё бухнул. Она завертелась — я к ней, навалился и заревел вам. Да покуда вы бежали, она вырвалась из рук — скользкий зверь ведь, не за что уцепиться.

— Что же, большая она была?

— Нет, поменьше наших: может быть, молоденькая.

— Как же очутилась нерпа в озере? — недоумевал Костяков. — Не верится мне всё-таки.

— Вы ошибаетесь, Павел Николаевич! — сказал Ордин. — Вспомните, что в Байкале, тоже пресном, водится особый вид

нерпы, *Phoca sibirica*. Говорят, что она живёт и в озере Орон, составляющем расширение реки Витима между двумя его порогами. А здесь, так близко от Ледовитого моря, её присутствие ещё более понятно.

— Но как она могла проникнуть в это сравнительно маленькое озеро?

— Это доказывает что озёра Санниковой Земли прежде были больше и имели более свободное сообщение с морем. В то время нерпы и забрались сюда; может быть, вся эта земля представляла морской залив и имела солёную воду, а затем отделилась, и залив, превращённый в озеро, постепенно опреснился, так что нерпы мало-помалу, может быть, в течение целых поколений, приспособлялись к пресной воде.

Вернувшись к чайнику, который уже кипел, путешественники вскоре были свидетелями вторичного извержения пара в центре озера. Промежуток оказался в сорок минут.

После чая, огибая озеро по самому берегу, путешественники убедились в правдивости слов Горохова.

В одном месте они увидели высунувшуюся из воды голову небольшого тюленя, который глядел на людей своими бархатными круглыми глазами. Но собаки, узнав хорошо им знакомого зверя, представлявшего лакомую добычу, бросились с громким лаем к берегу, и тюлень, презрительно фыркнув, скрылся.

— Ваша правда, Никита, это, конечно, нерпа! — сознался Костяков.

Первые признаки человека

За поляной снова начался лес, в котором опять шли по звериной тропе, пустив собак вперёд.

Среди леса вдруг послышался отчаянный лай последних. Приблизившись с ружьями наготове, путешественники увидели, что собаки остановили целый табун лошадей, бежавших, очевидно, к озеру на водопой. Собаки, поджав хвосты, лаяли и визжали, а лошади смотрели с изумлением на этих храбрых карликов, осмелившихся загородить им дорогу.

Они били копытами землю, храпели, но не решались двинуться вперёд.

— Ну что нам делать? — недоумевал Костяков. — Путь загороден.

— Придётся стрелять, — предложил Горохов.

— Но только не пулей! — заявил Горюнов. — Мяса у нас достаточно. Стоят они неудобно, и раненый вожак бросится на нас, а за ним весь табун. Стреляйте утиной дробью — она щёлкнет по всем ближайшим и испугает их.

Гром выстрела, прокатившийся по узкому зелёному коридору тропы, и мелкая дробь, осыпавшая передних лошадей, произвели удивительный переполох.

Дикое ржание огласило воздух, лошади взвизывались на дыбы, поворачиваясь в тесноте, опрокидывая друг друга и ломая кусты и молодые деревья по бокам тропинки. Сплочённой массой табун наконец повернул и помчался обратно.

— Теперь можно идти спокойно — никого не встретим в лесу, — сказал Ордин.

Дикая скачка табуна действительно распугала не только животных, но и птиц, которые на некоторое время замолкли. Беспрепятственно дошли до следующей поляны, на которой внимание немедленно привлёк к себе снежно-белый холм, возвышавшийся в центре и резко выделявшийся на зелёном фоне луга и леса.

— Вот те раз, какой большой сугроб! — воскликнул Горохов.

— Скорее, наледь, не успевшая растаять, — поправил Горюнов.

— Разве тарыны бывают такие высокие? — спросил Костяков.

— Нет, не бывают. Разве что это наледь очень сильного источника, образовавшегося вокруг его устья.

— Тогда что же это такое?

Миновав луг, путешественники убедились, что холм возвышается среди небольшого озера, так что предположение, что это наледь или сугроб, отпадало. Вблизи холм представлялся в виде поднимавшихся друг над другом уступов, и в бинокль можно было рассмотреть, что по ним струйками стекает вода.

С недоумением все рассматривали это странное возвышение, как вдруг из его вершины со свистом и шипением вырвался фонтан, сопровождаемый клубами пара; он поднялся метров на десять и рассыпался дождём по уступам. Интересное явление продолжалось не более одной минуты, по истечении которой холм принял прежний вид и только слегка дымился.

— Теперь всё понятно! Это гейзер — горячий периодический источник, какие часто бывают в вулканических областях Земли, — сказал Ордин.

— Вы правы, а холм — отложение кремнистого туфа, осаждающегося из выбрасываемой воды, пока она стекает по уступам.

Смерили температуру воды в озере — она оказалась 35 градусов по Цельсию, и опущенной руке казалась горячей.

— Вот почему на озере не видно птицы, — сказал Костяков.

— Вероятно, нет и рыбы: всплесков нигде не видно, — прибавил Ордин.

Но озеро не было совершенно безжизненным. На дне его были видны странные красноватые водоросли, между которыми сновали массаи мелкие ракообразные, очевидно, чувствовавшие себя прекрасно в тёплой воде. Но высшим животным она была не по вкусу — несколько уток, севших на озеро, с испуганным кряканьем снова поднялись, едва только коснулись воды.

— А не пора ли нам подумать о ночлеге? — спросил Горюнов.

— Да, солнце уже собирается сесть за горы, а впечатлений мы за день получили довольно, — согласился Ордин.

— И нужно выбрать удобное место, защищённое от хищников, — прибавил Костяков.

— Такое место мы не найдём, — разве влезем на дерево и будем спать, сидя на ветках, как птицы, что едва ли будет приятно.

— Я думаю, что нужно спать не в лесу, а на чистом месте, и поочерёдно караулить, — заявил Горохов.

— Конечно, и всё время поддерживать огонь, который пугает хищных зверей, — сказал Горюнов.

Так как возле озера топлива не было, то прошли вдоль ручья, вытекавшего из него, к опушке леса, вблизи которой расположились под одиноким тополем. Засветло нарубили дров на всю ночь и разложили два костра; в промежутке между кострами и легли после ужина, разделив время на двухчасовые дежурства. Ночь прошла не совсем спокойно: по временам то ближе, то дальше раздавались разные звуки — мычание быков, ржание лошадей, рёв носорогов, крики сов, а собаки отзывались на них ворчанием или лаем. С полночи туман начал окутывать поляну, и свет луны на ущербе еле пробивался; туман медленно полз на юг, по временам разрываясь, и луна на несколько минут ярко озаряла поляну, а белый холм среди озера иногда казался плавающим в молочном море. Его извержения повторялись каждые двадцать минут, и также нарушали тишину лёгким свистом и шумом падающей воды.

На рассвете подул довольно сильный северный ветер, и туман быстро рассеялся. Солнце, поднявшееся над восточной окраиной котловины, имевшей вид чёрного острозубчатого хребта с полосами снега по уступам и морщинам, заста-

---

ло путешественников уже готовыми для работы. В этот день решили идти на восток до окраины котловины и вдоль неё вернуться на базу у сугробов, чтобы проведать Никифорова, сообщить ему о существовании крупных медведей и носорогов и посоветовать не охотиться на них.

Вскоре нашли узкую тропу, ведущую с поляны на восток через лес, который тянулся несколько километров, постепенно мельчая. Добыли несколько рябчиков и большого глухаря, которого собаки загнали на дерево, откуда он с удивлением разглядывал странных зверей, пока выстрел не сбросил его вниз. Поляна, которая сменила лес, оказалась очень мокрой, а середина её представляла настоящее моховое болото, занявшее, очевидно, место прежнего озера.

Пришлось огибать её по опушке, где собаки вскоре выгнали крупного оленя.

— Так и есть, сохатый! — воскликнул Горохов.

Но это был не сохатый, а олень того же роста, с гордо поднятой красивой головой, увенчанной огромными рогами, которые соединяли в себе особенности рогов как лося, так и изюбра (благородного оленя); на рога последнего они подходили своими размерами, на рога первого тем, что оканчивались широкой лопаткой с зубцами. Эта великолепная дичь раззадорила охотников и, остановленная нападшими на неё собаками, пала жертвой разрывной пули.

— На сохатого похож и не похож, — заявил Горохов. — Что за зверь, не знаете ли, Матвей Иванович?

— Я думаю, — ответил Горюнов, рассмотрев животное, — что это исполинский ископаемый олень, *Cervus europaeus*, современник мамонта.

— Но не из крупных. Вероятно, молодой экземпляр, — прибавил Ордин.

— Нет, олень старый! — заявил Горохов. — Считайте, сколько отростков на рогах. По-моему, ему лет пятнадцать.

— Очевидно, это мельчающая порода, — предположил Костяков.

— И редкая, других зверей из живых окаменелостей мы видели много, а этого впервые встретили.

— Следовательно, нужно его обмерить и захватить с собой череп и рога, — заявил Горюнов.

— Рога слишком тяжелы, да и сохранить их нельзя — смотрите, они весенние, мягкие, налитые кровью, — заметил Костяков.

— Жаль! Ну, фотография хоть будет. Я успел его снять, пока он отбивался от собак, — сказал Ордин.

Не теряя времени, произвели обмер, затем вырезали лучшие части мяса, накормили собак досыта, отрубили рога и унесли голову для препарирования на базе.

— Мозг и язык на ужин! Это лакомое блюдо! — восторгался Горохов, вырезавший также кожу со спины для починки обуви.

За поляной снова пошёл лес, который тянулся, постепенно редая и мельчая, почти до подножия окраинного обрыва. Вдоль последнего расстилалось метров на пятьсот богатое моховище; зелёный печёночный мох и беловатый олений покрывали толстыми подушками неровную почву, скрывая свалившиеся с обрыва обломки камня.

— Эх, благодатное место для оленей! Сюда бы пригонять их на лето, — вздохнул Горохов.

— А вы заметили, что на Земле Санникова, несмотря на обилие озёр и болотистых лугов, почти нет гнуса? — спросил Горюнов.

— Да, да! Ни слепней, ни оводов, ни мошки, и даже комаров совсем мало, — подтвердил Ордин.

— Словом, рай земной! Не то что наша страна, где летом жизни не рад от гнуса, — прибавил Горохов.

— А вспомните, Никита, что вы говорили недавно про марево и шайтанов! — засмеялся Горюнов.

— Может быть, всё, что мы видим, только наваждение? — спросил Костяков.

Горохов смущённо улыбнулся и покачал головой. Всё, что он видел за эти два дня, было необычайно, но на наваждение не похоже.

— А вот когда мы благополучно вернёмся в Казачье, тогда я скажу, наваждение это или нет! — вывернулся лукавый якут.

На моховище заметили поблизости несколько пасшихся северных оленей, которые, увидев людей, быстро скрылись в кустах.

Ближе к подножию обрыва наткнулись на стадо каменных баранов, которые были скрыты огромной глыбой, свалившейся сверху. Они помчались сначала вдоль обрыва, а потом с изумительной ловкостью начали подниматься по узкому карнизу, перепрыгивая через широкие промежутки, разрывавшие его на части. На высоте метров ста они скрылись на более широком уступе.

Обрыв в виде мрачных чёрных стен с буро-красными подтёками и пятнами лишайя тянулся высокими уступами вверх; он состоял из базальта, слагавшего, очевидно, всю окраину этой замечательной впадины. У его подножия растительно-

---

сти не было; здесь тянулся хаос свалившихся обломков, подёрнутых лишаями; кое-где в ямах между ними белел снег. Нависшая скала обратила на себя внимание путешественников. Она защищала от дождя площадку в несколько квадратных метров, свободную от обломков, но всю истоптанную и загаженную каменными баранами. В глубине её было нечто вроде естественной ниши, на стенке которой острый взор Горохова заметил налёт копоти.

— Ой, тут были люди! — воскликнул он.

— Те, которые пасли каменных баранов? — засмеялся Костяков.

Все столпились возле ниши; в глубине её оказалось несколько головешек, угли, зола, обгорелые кости. Осмотрев внимательно площадку, нашли несколько очень грубо обделанных кремнёвых орудий и осколки кремня.

— Люди каменного века! — заявил Ордин. — И даже не неолита, а палеолита, судя по примитивности обделки.

— Когда же они жили здесь? Может быть, тысячу лет назад? — подхватил Костяков.

— Нет, огнище довольно свежее. Оно на самой поверхности, не покрыто обломками скалы, а только пылью, которую, вероятно, поднимают бараны, топчась здесь.

— Следовательно, мы встретим где-нибудь на Земле Санникова дикарей каменного века — может быть, людоедов? — спросил Костяков.

— Обгорелые кости как будто человеческие, — подтвердил Ордин.

— Неужели это будут ваши онкилоны? — обратился Костяков, словно с упреком, к Горюнову.

— Онкилоны ушли из Сибири несколько сот лет назад. В то время северные инородцы не были уже людьми каменного века — они знали употребление железа.

— Да, наши прадеды уже добывали руду и ковали железные ножи, стрелы, кольца, крючья, — подтвердил Горохов.

— Но рядом с этим широко применяли изделия из рога, кости, камня, изготовление которых уцелело у всех туземцев, оторванных от новейшей культуры и живущих в делях, куда тяжёлый железный товар проникает с трудом. Но эти изделия сравнимы по своей отделке с изделиями неолита, а никак не палеолита, — пояснил Горюнов.

— Следовательно, это огнище не онкилонов?

— Конечно, нет! Очевидно, здесь уцелели люди древнего каменного века, современники мамонта, пещерного медведя и других животных конца ледникового периода.

— И если уцелели эти животные, как мы уже убедились, то, естественно, могли уцелеть и люди, — прибавил Ордин.

— Если только онкилоны, обладавшие высшей степенью культуры по сравнению с этими дикарями, не истребили последних, — сказал Горюнов.

— Огнище показывает, что они ещё существуют или существовали очень недавно, может быть, единицами, — заметил Ордин.

— И увидеть дикарей каменного века будет крайне интересно, — прибавил Костяков. — Они живут, очевидно, в пещерах окраин котловины, и нужно предупредить Никифорова, потому что встреча с ними едва ли безопасна, если они людоеды.

Вернувшись к опушке кустарников, путешественники направились вдоль неё на юго-запад, и к вечеру приблизились к своей базе.

Когда белые сугробы были уже недалеко, Горохов не удержался и подстрелил каменного барана, стоявшего в удобном положении на уступе.

В ответ раздался выстрел на базе, и вскоре навстречу вышел Никифоров в сопровождении Пеструхи, которая, весело виляя хвостом, бросилась обнюхивать Крота и Белуху, отвечавших ей тем же.

Никифоров накануне доставил благополучно тушу быка на стоянку, а в этот день добыл каменного барана и подвёз запас дров. Он уже вырубил для себя грот в сугробе, поставил в нём палатку, огородил выход стеной из глыб льда с узким проходом, который на ночь также закладывал глыбами, и в обществе Пеструхи чувствовал себя в безопасности.

Встреча с онкилонами

Тихая погода следующего дня задержала путешественников до полудня на стоянке, так как только к этому времени рассеялся густой туман, очевидно, составлявший характерную особенность климата Земли Санникова, — весной во всяком случае. Это не было удивительно: многочисленные тёплые озёра и ручьи давали много влаги воздуху, а обширная площадь снегов и льдов, окружавшая землю, обуславливала сгущение этой влаги в туман после заката солнца. Сырой климат объяснял также обилие мхов и лишайёв в лесах;

стволы всех деревьев были мшистые, а с ветвей спускались многочисленными космами серые лишай.

Тот же туман, очевидно, был причиной того, что Землю Санникова, несмотря на высоту её гор, так редко было видно с острова Котельного; весной туманы, вероятно, висели почти всё время над ней, а позже, когда вскрывалось море, стоявшие над последним туманы застилали землю густой завесой.

Вторую экскурсию в глубь Земли Санникова сделали на северо-запад. И в этом направлении леса чередовались с более или менее обширными полянами; среди последних большею частью были озёра; ближайšie с юга уже зарастали, превращаясь в болота, более далёкие ещё не подвергались этой участи, но извержения паров были замечены у немногих, и только в слабой степени. По-видимому, в этой стороне вулканизм котловины уже угасал. На полянах встречали быков и лошадей, но в меньшем количестве и более осторожных, очевидно, хорошо знавших опасность близости человека. Носорогов видели только один раз издали. Зато здесь было много кабанов, населявших камыши вокруг озёр, и один из них был добыт на ужин.

На ночлег остановились на опушке большой поляны и, сложив котомки и ружья на траву, отправились в лес рубить дрова для костров. Вдруг собаки, оставшиеся у вещей, отчаянно залаяли. Горохов и Ордин, бывшие поблизости, выбежали на поляну и увидели огромного медведя, который обнюхивал их котомки, — запах свежего мяса, очевидно, раздражил его аппетит. Собаки с лаем и визгом старались укусить его за задние ноги, но он ловко отбивался ими и сердито ворчал.

Что было делать? Ружья лежали возле котомок, которым угрожала опасность быть изорванными в клочья, несмотря на усердие собак. Ордин, у которого в руках был топор, шепнул Горохову:

— Я подойду к нему сзади и ударю топором. Когда он повернётся ко мне — хватайте ружья и стреляйте.

В это время медведь разорвал когтями одну из котомок и засунул в неё морду. Ордин быстро подскочил сзади и со всего размаха всадил топор до самого обуха в крестец медведя, а затем отскочил в сторону. Страшный рёв огласил поляну; медведь встал на дыбы, но сейчас же опрокинулся навзничь, чуть не придавив Крота. У медведя был перебит позвоночник, и он катался с рёвом по траве, размахивая передними лапами. Собаки вцепились в его неподвижные задние ноги, а Горохов, подхватив ружьё, всадил разрывную пулю в левый

бок медведя. Через несколько минут громадная туша лежала неподвижно, орошая траву потоками крови.

Подошли Горюнов и Костяков с охапками дров. Все обступили медведя, удивляясь его величине: он был раза в полтора больше знакомого им бурого медведя, а клыки его имели более десяти сантиметров в длину.

— Мы дешёво отделались в этот раз! — сказал Горюнов.

— Одна изодранная котомка и раненая собака, а могло быть хуже.

Действительно, медведь в агонии зацепил лапой бок Белухи, и он покраснел от крови. Собака ужелизывала свою рану, к счастью, неглубокую.

— Впредь нам наука! Кто-нибудь должен оставаться у вещей с ружьём наготове, — сказал Ордин. — Не всякий раз удастся так ловко всадить топор в спину громадного зверя.

— Да, попадись ему в лапы — живым не уйдёшь! — заметил Горохов, принимаясь за сдираание шкуры.

Ордин обмерил медведя; фотографировать его было поздно — уже смеркалось.

Пришлось перенести вещи в другое место, потому что туша издавала неприятный запах, что не помешало собакам наестся до отвала. Ночь прошла беспокойно. Собаки всё время ворчали, но густой туман, затянувший поляну к полуночи, не позволял видеть причину их беспокойства. Возле туши, оставшейся в сотне шагов в стороне, слышалась возня, чавканье, хруст костей; какие-то ночные хищники пировали над остатками. На рассвете Горохов нашёл уже обглоданный дочиста скелет и видел двух крупных волков, быстро скрывшихся при его приближении.

В этот день туман благодаря ветру рассеялся раньше, и путешественники продолжали свой маршрут на северо-запад. Медвежью шкуру Горохов распялил между деревьями опушки, рассчитывая захватить её на обратном пути. Миновали ещё две поляны с озёрами; во втором возвышался белый холм из туфа, но извержения, очевидно, давно не было, так как туф покрылся лишаями.

При выходе на третью поляну слышали голоса людей на противоположной окраине. Но собаки подняли лай — и голоса сразу замолкли. Через поляну шла хорошо утоптанная тропа, огибавшая небольшое озеро, вблизи которого на влажной почве легко было распознать следы человеческих ног, обутых в мягкие торбасы.

— Вот это уже не люди каменного века! — воскликнул Горюнов. — Те, наверно, ходят ещё босиком.

— И раз люди обуты подобно нашим северным туземцам, они должны быть сродни последним, и нам нечего опасаться встречи с ними, — прибавил Ордин.

Когда обогнули озеро, камыши которого закрывали вид на противоположный край поляны, на последнем обнаружился зелёный холм, из вершины которого вился дымок. Возле холма стояли люди, а один, взобравшись на вершину его, очевидно, обозревал поляну. Заметив появление путешественников из-за озера, он сообщил об этом остальным, которые засуетились, и вскоре навстречу двинулся отряд, человек тридцать, рассыпавшийся цепью по лугу. Когда они приблизились, можно было различить, что все вооружены; каждый держал в правой руке длинное копьё, а в левой лук; из-за плеча видны были перья стрел.

На расстоянии сотни шагов от путешественников цепь остановилась, и один, шедший по тропе, — очевидно, предводитель, — поднял руку и что-то крикнул.

— Что он говорит? На каком языке? — спросил Горюнов Горохова.

— Похоже на чукотский, — ответил Никита. — Приказывает нам поднять обе руки, если мы мирные люди.

Путешественники подняли руки вверх. Немедленно цепь возобновила движение, но, сократив расстояние шагов до тридцати, снова остановилась по знаку предводителя, который спросил теперь:

— Что вы за люди, откуда и зачем пришли на нашу землю?

— Скажите, что мы белые люди и пришли с южной стороны, с Большой земли, чтобы посмотреть эту маленькую землю среди льдов, — распорядился Горюнов.

Горохов перевёл сказанное.

— Приближайтесь, белые люди, но знайте, что нас много и что мы все вооружены, — сказал предводитель отряда.

Путешественники подошли под наблюдением тридцати пар глаз, зорко следивших за их движениями. Горюнов, выступив вперёд, протянул предводителю руку. Последний сначала коснулся своей правой рукой лба, затем сердца и только после этого пожал руку пришельцу. Тот же жест он повторил с остальными. Цепь в это время, заходя с флангов, сомкнулась и окружила пришельцев кольцом; воины стояли плечом к плечу с оружием в руках и вполголоса обменивались впечатлениями по поводу одежды, обуви, котомок, топорков за поясом и блестящих палок на спине чужеземцев.

Все они были обнажены до пояса, одеты в мягкие кожаные штаны и обуты в торбасы из лёгкого меха. Лица, грудь

и предплечья были покрыты татуировкой в виде волнистых линий, кругов и точек. На шее у каждого висело ожерелье из зубов, по-видимому, волчьих, спереди с одним, двумя или тремя крупными медвежьими клыками. Чёрные гладкие волосы были скручены на темени в узел, в который были воткнуты одно, два или три орлиных пера. Тело было мускулистое, смуглое, лица с мало выдающимися скулами, чёрными глазами и прямыми носами. Два верхних средних резца были выкрашены в красный цвет, что делало улыбку людей странной — рот при этом как будто раздваивался на два круглых отверстия. Предводитель отличался от остальных более могучим сложением и высоким ростом, ожерельем из медвежьих клыков, красной полосой вдоль лба и красными перьями в волосах. Племя, очевидно, было храброе и представляло опасных врагов, несмотря на примитивность вооружения: наконечники копий были из прозрачного камня, наконечники стрел — из кости; у многих за поясом засунут был каменный топорик с деревянной рукояткой. На спине, кроме колчана со стрелами, висел небольшой кожаный щит.

— Как зовут ваш народ и эту землю? — спросил Горохов по поручению Горюнова.

— Мой народ — онкилоны. И земля эта наша, завоёванная нашими предками. Меня зовут Амнундак. Я вождь онкилонов. А как зовут вас и вашу землю?

Получив ответ на этот и ещё несколько вопросов, преследовавших ту же цель — узнать, зачем и каким путём белые люди пришли к ним, вождь произнёс:

— Вы пришли издалека и в малом числе — будьте гостями онкилонов. Пойдём в моё жилище.

Он повернулся и пошёл обратно по тропе, путешественники вслед за ним, а воины по сторонам и сзади. Они обращались к Горохову с разными вопросами, касавшимися одежды и оружия, пути через льды и жизни на Большой земле, о которой они кое-что знали по преданиям, передававшимся из рода в род. Горохов едва успевал отвечать, тем более что язык онкилонов, хотя близкий чукотскому, всё же несколько отличался от него и собеседники не всегда понимали друг друга.

Зелёный холм оказался обширной землянкой — жилищем онкилонов. У её входа в виде двери, завешенной шкурами, вождь остановился, поднял завесу и жестом пригласил гостей войти. Всем пришлось согнуться, так как дверь была низкая. В центральной части землянки горел костёр, над которым на перекладине, подобной вертелу, висело несколько кусков жа-

---

рившегося мяса. Эта центральная часть представляла четыре толстых столба, поставленных по углам квадрата по шесть метров в стороне; сверху столбы были связаны толстыми перекладинами, поверх которых лежала крыша из более тонких брёвен с квадратным отверстием, служившим и окном, и для выхода дыма. К каждой перекладине на верху квадрата были прислонены длинные брёвна в виде ската, упирающиеся нижним концом в землю. Каждый скат с боков был закрыт более короткими и тонкими брёвнами, также поставленными наискось. Таким образом, получилось жилище, имевшее в плане вид креста с округлёнными входящими углами. Три ветки креста служили спальнями, в четвёртой была дверь и склад разного имущества; центральный квадрат являлся кухней, столовой и приёмной. Снаружи весь остов был покрыт толстым слоем земли, которая поросла травой. В общем получилось обширное, тёплое, но темноватое жилище.

Войдя в землянку, вождь повёл гостей на сторону квадрата, противоположную входу, сел, поджав ноги, на медвежью шкуру и усадил остальных справа и слева от себя. Воины расположились по другим сторонам квадрата вокруг огня. Когда глаза путешественников освоились с полумраком землянки, они заметили, что в скошенных боковых частях толпились женщины и дети, с любопытством разглядывавшие пришельцев и постепенно подвигавшиеся к сидевшим воинам. Женщины были почти нагие; только узкая, в ладонь, повязка из тёмной кожи, по цвету почти не отличавшейся от смуглого тела, огибая бёдра, проходила по нижней части живота. У молодых женщин повязка была украшена вышивкой из тоненьких чёрных, жёлтых и красных ремешков. Кроме этой повязки, на них были ожерелья из мелких белых, серых, зелёных и красноватых камней и такие же браслеты на предплечьях и запястьях. Нагота как бы скрадывалась татуировкой на груди, животе, спине, руках, ногах и лице в виде фантастических цветов и листьев, волнистых линий и кружков. Особенное внимание привлекала молодая жена вожды, у которой татуировка изображала двух змей, обвивавших кольцами её ноги, извивавшихся по животу и бокам и оканчивавшихся головками, обращёнными друг к другу, между грудями и ключицами; две змеи поменьше обвивали её руки и оканчивались на обеих лопатках. На смуглом теле эти чёрно-синие змеи производили жуткое впечатление.

Черты лиц женщин были мягче, чем у мужчин, и некоторых можно было назвать даже красивыми; телосложение их было стройное, и формы пропорциональны.

Дети были совершенно голые, а подростки обоего пола носили такой же поясok стыдливости, как женщины, который у девочек также был вышит. У последних волосы были заплетены в мелкие косички, а у мальчиков закручены в узел на темени. У женщин волосы были заплетены в две косы, спускавшиеся на грудь и украшенные камешками; у девушек кос было четыре: две по бокам головы, спускавшиеся на грудь, и две сзади, падавшие на спину.

Амнундак сделал знак женщине со змеями, и она достала из сундучка, обитого кожей, небольшие деревянные чашки, наполнила их молоком из бурдюка, висевшего на столбе, и подала одну за другой вождю, который передал их гостям. Оставив последнюю себе, он, поднося её к губам, красивым жестом предложил последовать его примеру. В чашках оказалось густое оленьё молоко, немного кислое, но вкусное, во всяком случае, для путешественников, которые давно уже не пили его. Чашки были наполнены ещё раз, после чего женщина сняла с палки поджарившееся мясо, нарезала его костяным ножом на толстые ломти и в деревянном корытце подала вождю, который роздал по ломтю каждому из гостей. Пока последние ели мясо, запивая молоком, Амнундак обратился к населению землянки с речью, смысл которой Горохов не уловил, так как вождь говорил слишком быстро. Горюнов попросил вождя объяснить, что он сказал. Амнундак медленно, чтобы Горохов мог переводить каждое слово, рассказал следующее:

— Наш народ, онкилоны, много лет назад, измученный непрерывными войнами с чукчами из-за оленьих пастбищ, решил уйти от этих людей подальше. Сначала перешли по льду на близкие острова, вырыли землянки и стали жить спокойно. Но земля не понравилась: летом туман, зимой туман, весной туман, целый год туман. Люди стали умирать, олени стали умирать. И увидели люди, что птицы весной летят дальше на север, а к осени возвращаются жирные. Надумали — пойдём сами туда, куда птицы летят. Пошли раз — море не пустило, пошли второй — море замёрзло плохо, пурга поломала лёд, много народа и оленей утонуло. Дождались самой холодной зимы, вперёд послали разведку. Лёд крепкий был. Все прошли, и нашли эту землю. Немного осталось народа — человек пятьдесят было ли, нет ли, не знаю.

Вождём в это время был великий шаман, исцелявший все болезни; он указал народу путь на эту землю. Перед смертью он объявил, что спокойно жить на этой земле онкилоны будут до тех пор, пока к ним не придут белые люди с Большой

земли. И сказал он, что в руках у белых людей будут громы и молнии, как у властителей неба, которые убивают издалека.

Когда мы увидели вас, первых белых людей, пришедших к нам с Большой земли, мы вспомнили слова старого шамана.

Жертвы и моления

— Скажите вождю, — обратился Горюнов к Никите, — что мы самые мирные люди и зла никому не причиним. И нас привели сюда птицы, летящие на север. Мы захотели только посмотреть ту землю, где птицы проводят лето. Мы посмотрим её и уйдём назад на нашу землю.

Горохов перевёл эти слова.

— А есть у вас в руках громы и молнии, поражающие издалека? — спросил Амнундак.

При этом вопросе глаза всех присутствующих впились в чужеземцев в тревожном ожидании. Горохов в недоумении посмотрел на Горюнова, а последний сказал:

— А разве наши ружья не громы и молнии, поражающие издалека? Онкилоны так или иначе узнают про них. Так воспользуемся случаем и окружим себя ещё большим уважением, чтобы нас считали посланниками богов и не делали нам зла.

— Да, у нас есть громы и молнии! — сообщил Горохов вождю.

Тревожный шёпот пробежал по толпе. Сидевшие ближе к путешественникам невольно отшатнулись. Вождь сказал:

— Покажите их нам, чтобы мы знали, что вы — именно те, кого послало небо. Но прошу вас — не убивайте онкилонов!

— Выйдем из жилища, чтобы молния не поразила людей, — сказал Горюнов.

Вождь торжественно поднялся и направился к выходу; за ним путешественники и всё население, державшееся от них почтительно на некотором расстоянии.

— Приведите жертвенного оленя! — распорядился Амнундак. — Пусть белые люди поразят его, чтобы принести в дар богам.

Несколько онкилонов побежали в лес за землянкой и вывели оттуда большого, почти белого северного оленя; животное, словно предчувствуя свою участь, упиралось и ревели. По указанию Горохова, его привязали к колышку в двухстах шагах от землянки. Путешественники, заменив в винтовках разрывные пули обыкновенными, дали залп — и олень упал,

---

словно подкошенный. При громе выстрелов все онкилоны упали на колени и склонились перед могущественными чужеземцами.

Поднявшись, Амнундак произнёс громким голосом, чтобы слышали все присутствовавшие:

— Мы знаем теперь, что вы — посланники неба, о которых говорил великий шаман. Будьте нашими гостями; всё, что мы имеем — жилище, пища, одежда, олени, — ваше, распоряжайтесь им! Сегодня вечером шаман обратится к богам и будет молить пощадить онкилонов, которые приняли посланников неба как дорогих гостей.

Окончив речь, Амнундак приложил руку ко лбу, к сердцу и низко поклонился гостям; все онкилоны повторили его жест. В это время притащили труп оленя и положили к ногам вождя, который, указывая на четыре раны в боку животного, сказал:

— Все четыре молнии поразили жертву. Женщины, приготовьте мясо к вечернему молению!.. Воины, пригласите шамана в наше жилище!

По возвращении в землянку возобновилось угощение молоком и копчёной олениной, к которой подали лепёшки из муки, приготовленной из плодов водяного ореха, и печёные луковицы сараны. Ни хлеба, ни чая, ни табака онкилоны не знали, и несколько сухарей и кусков сахара, которые путешественники достали из котомок, пошли по рукам, осматривались, обнюхивались и пробовались с большим интересом. Ещё большее внимание возбудили трубки, которые Горохов и Ордин закурили после еды. С некоторым ужасом онкилоны смотрели, как белые люди глотают дым, который вызывал у соседей кашель и чиханье. Большой восторг вызвал медный чайник, повешенный над огнём; онкилоны имели только деревянную и глиняную посуду, и варили в ней мясо, нагревая воду раскалёнными камнями. Но чай без сахара, которого путешественники имели слишком мало, чтобы угощать всех, никому не понравился. Амнундак с трудом выпил предложенную ему чашку и заявил, что напиток онкилонов — он указал на бурдюк с молоком — вкуснее.

Топоры и охотничьи ножи также возбудили огромный интерес; их осматривали, гладили, пробовали и восторгались блеском, прочностью и действием сравнительно с каменными топорами и костяными ножами онкилонов. По знаку Амнундака женщина со змеями достала из сундучка железный ножик грубой работы, изъеденный ржавчиной, который хранился как реликвия.

Показывая его гостям, вождь сказал:

— Наши предки имели такие ножи, топоры, наконечники копий и стрел, которые выменивали у якутов, но сами делать не умели. И вот, когда они пришли сюда, эти вещи малопомалу пришли в негодность, поломались, потерялись, и онкилоны снова стали делать каменные и костяные.

Крот и Белуха, приютившиеся у ног гостей, внушали онкилонам, не имевшим собак, сначала некоторый страх. Когда Горохов спросил, почему у них нет собак, Амнундак рассказал следующее:

— Из-за этих злых зверей началась война наших предков с чукчами. Наши предки были оленеводы и собак не держали, потому что собаки нападают на оленей. Наши предки жили на берегу моря оленеводством и ловлей рыбы, тюленей, моржей; жилища строили из леса, выброшенного морем. Но вот пришли чукчи; у них было много собак, но не было оленей. Они начали теснить нас с рыболовных и звероловных мест; когда у них не хватало рыбы для собак, они отнимали у нас оленей. Из-за этого и началась война. Чукчей было много, нас было мало. Вот и пришлось уйти от них сюда.

— А сколько онкилонов живёт здесь? — спросил Горохов. — Весь ваш народ здесь? — Он обвёл рукой присутствующих.

Амнундак засмеялся:

— Таких жилищ у нас двадцать. В каждом живёт один род, человек двадцать-тридцать.

— Где же другие жилища?

— В разных местах. Оленям нужны моховища. Нельзя всем жить близко — тесно станет и людям, и оленям.

— В каждом жилище есть такой вождь, как ты?

— Нет, я главный вождь всех онкилонов! — гордо заявил Амнундак. — Мой род самый большой. Но в каждом жилище есть свой начальник, глава рода.

Действительно, население землянки, считая женщин и детей, доходило до шестидесяти человек. Горюнов подсчитал, что, если в остальных землянках живёт в среднем по двадцать пять душ, всех онкилонов на Земле Санникова должно быть около пятисот тридцати человек.

В разговорах и угощениях время прошло до вечера. К закату солнца на поляну к землянке пригнали стадо оленей, и путешественники наблюдали сцену доения маток, в которой приняли участие все женщины и девочки, быстро перебежавшие с деревянными подойниками от одного животного к другому; стадо состояло из двухсот с лишним голов. На ночь

оно оставалось на поляне и охранялось по очереди воинами от нападения хищников.

Когда наступили сумерки и все возвратились в землянку, явился шаман, который жил отдельно в нескольких километрах. Это был высокий, худощавый старик с впалыми щеками и пронзительными глазами, глубоко сидевшими под нависшими бровями. Несмотря на сравнительно тёплую погоду, он был одет в длинную шубу мехом наружу, с воротника и пояса которой на ремешках свешивались медные и железные бляхи и палочки странной формы, сильно потёртые, очевидно, принесённые ещё с материка и переходившие от шамана к шаману. В руке у него был небольшой бубен, украшенный кожаными красными и чёрными лентами и железными погремушками. Остроконечная шапочка вроде скуфьи, с почти вылезшим мехом, скрывала его волосы. Поклонившись с достоинством вождю и внимательно оглядев чужеземцев и их собак, которые при виде странно одетого человека глухо зарычали, шаман уселся отдельно у ярко пылавшего костра и, отложив бубен, протянул к огню свои костлявые руки, бормоча какие-то слова. По знаку вождя женщины подали шаману чашку с молоком, которое он выпил, предварительно брызнув несколько капель в огонь.

Над костром на длинных палочках жарилась нарезанная небольшими кусками оленина. Рядом варился суп, или, вернее, соус из оленины и клубней сараны в цилиндрическом деревянном сосуде, в котором кипение воды поддерживалось при помощи раскалённых в костре небольших камней. Одна женщина то и дело вынимала из огня раскалившийся камень, пользуясь двумя палочками с наконечниками из каменных плиток, опускала его в сосуд с супом, а другой камень, уже остывший, вытаскивала и клала в костёр.

Когда мелко нарезанное мясо сварилось, вождю, шаману и гостям подали по чашке мяса, облитого супом, и деревянные вилки довольно изящной работы. Но, попробовав суп, путешественники убедились в полном отсутствии соли. Онкилоны, подобно чукчам, не употребляли её в пищу. Пришлось достать из котомок свою соль, чтобы посолить суп. Это вещество также пошло по рукам; его стали пробовать, предполагая, что это тоже сладкое, подобно сахару, но потом долго отплевывались и выражали недоумение, зачем белые люди портят этой гадостью такой вкусный суп и мясо.

После супа подали жареное мясо и лепёшки из водяного ореха; ужин закончился чашкой молока. Когда посуда была убрана, прогоревший костёр сдвинули совсем в сторону, что-

---

бы очистить весь центральный квадрат для моления. В землянке воцарился полумрак, озарённый красным светом тлеющих углей.

Во время ужина Амнундак рассказал шаману, как появились белые люди на земле онкилонов, кто они, что делали, как поразили оленя. Шаман слушал молча, кивая головой и изредка задавая вопросы. После ужина, перед началом моления, он потребовал, чтобы удалили собак из жилища. Когда это было исполнено, он уселся среди очищенной площадки, окружённой кольцом зрителей, затем достал из кожаного мешочка, привешенного к поясу, щепотку беловатого порошка, высыпал её на ладонь и слизнул языком. Горохов сообщил путешественникам, что это сушёный мухомор, который камчадалы, коряки и некоторые другие народы употребляют в качестве наркотического средства, вызывающего своеобразное опьянение.

Посидев некоторое время молча, с взором, пристально устремлённым в тлеющие угли костра, шаман взял бубен, провёл по нему рукой — и тотчас раздались едва слышные звуки звенящей под пальцами туго натянутой кожи. Под их аккомпанемент, постепенно усиливающийся, он запел сначала медленно и вполголоса, гортанными звуками, затем всё быстрее, пока пение и гудение барабана не слились в сплошной гул, из которого вырывались отдельные слова, словно вопли. Шаман сначала сидел, раскачиваясь взад и вперёд, не спуская взора с огня, но затем, придя в исступление, вскочил и стал кружиться на одном месте всё быстрее и быстрее, продолжая бить в бубен и завывая. Его длинная шуба и ремешки с бляхами и палочками при этом вращении начали отходить от туловища и наконец образовали три конуса, насаженных друг на друга и увенчанных конусом его шапки. Руки с бубном были подняты над шапкой и находились в непрерывном движении; бубен вертелся, качался, плясал, издавая громкий гул.

Но вот песня резко оборвалась диким воплем, шаман опустился на землю и, раскинув руки и выронив бубен, впал как будто в беспамятство, которое никто не осмелился нарушить. Тонкая струйка пены стекала из угла рта по впалой щеке. Все зрители хранили молчание, и в землянке, только что оглашавшейся хаосом звуков, воцарилась жуткая тишина. Даже собаки, привязанные вне землянки, лай которых по временам врвался в песню шамана, замолчали.

Минут через пять шаман привстал, выпил поднесённую ему чашку молока, и потом тихим голосом произнёс несколько слов, вызвавших среди слушателей волнение и перешёптывание. Вождь повторил их громко, и Горохов перевёл:

— Духи неба поведали шаману, что народу онкилонов предстоят великие беды.

Амнундак поднял руки к небу, но шаман остановил его жестом и произнёс ещё несколько слов. Радостный шёпот пробежал по рядам зрителей, и вождь, опустив руки, провозгласил:

— Шаман говорит, что беды, может быть, не начнутся, пока чужестранцы будут жить на земле онкилонов. Так поведали духи.

Шаман медленно поднялся, отвесил вождю и путешественникам общий поклон и удалился в сопровождении двух вооружённых воинов. После его ухода в землянке поднялся оживлённый говор. Путешественники также шептались. Результаты волхвования были для них несколько неожиданны. С одной стороны, они обеспечивали им безопасность пребывания среди онкилонов и всякую помощь, но зато связывали их с этим народом надолго в качестве своеобразной страховки от бед. В их планы входила зимовка на Земле Санникова, но не далее начала следующей весны. Отпустят ли их тогда онкилоны?

— Нетрудно догадаться, — сказал Горюнов, — что хитрый шаман придумал эту поправку к своему предсказанию, представляющему вариант их предания, нам уже известного. Старик сообразил, что люди, владеющие громами и молниями, будут очень полезны онкилонам в качестве их друзей, но могут быть очень страшны как враги.

— И если отпустить их, — прибавил Ордин, — они, зная дорогу в эту прекрасную землю, вернуться в большом числе и вытеснят онкилонов, как некогда чукчи.

— Совершенно верно! — заметил Костяков. — Ведь эти люди, оторванные столетиями от мира, не имеют понятия о том, что делается теперь, и живут воспоминаниями о старине.

— Во всяком случае, мы пока не должны заявлять им, что собираемся уйти в недалёком будущем, — сказал Горюнов.

— Да, они могут просто арестовать нас и держать взаперти, — прибавил Ордин.

— Или, в лучшем случае, постоянно сопровождать нас и стеснять свободу передвижения, — заметил Костяков.

— Поживём с ними, познакомимся ближе, и постепенно убедим, что все эти предсказания вздор и что им ничего не грозит в будущем.

Вождь всё время прислушивался к беседе чужеземцев, и наконец встал и произнёс громко, чтобы слышали все жители, разговоры которых затихли сразу:

— Онкилоны, воины и женщины! Вы слышали, что сказал шаман, что поведали ему небесные духи. Пока белые при-

---

шельцы с нами — бед не будет. Так будем просить их остаться с нами!

— Да, да, будем просить! — раздались голоса со всех сторон.

Вождь повернулся к гостям и, склонившись, произнёс:

— Белые люди, посланники богов, народ онкилонов просит вас остаться жить с ним. Вы спасёте онкилонов от бед. Мы дадим вам всё, что вы хотите, — лучшее жилище, пищу в изобилии, тёплую одежду, когда придёт зима, самых красивых женщин — чтобы вы не терпели недостатка ни в чём. Вы будете жить как наши вожди.

— Всё, всё дадим вам, только оставайтесь с нами! — повторил хор мужских и женских голосов, и со всех сторон к гостям потянулись руки в умоляющем жесте.

Горюнов встал и ответил:

— Хорошо, мы согласны остаться у вас как ваши гости, пока вы сами нас не отпустите. Но мы хотим осмотреть всю вашу землю, и вы должны показать нам её.

Горохов перевёл эти слова, и крики радости огласили землянку. Вождь вторично склонился перед гостями и пожал руку каждому из них, предварительно прикладывая свою руку ко лбу и к сердцу, что означало, как они узнали позже, «от чистого сердца и без задних мыслей». Потом он сказал:

— Скоро у нас будет весенний праздник, на который соберутся все молодые женщины и девушки племени, и вы сможете, если захотите, выбрать себе жён. Вы оставили своих жён там, далеко, — он махнул рукой на юг, — а жить человеку без женщины скучно.

— Вот мы и в женихи попали! — рассмеялся Горохов.

— Но это страшно стеснит нашу свободу! — заметил Горюнов.

— Ну, там видно будет! — философски заключил Ордин.

Священный камень

Когда онкилоны, шумно выразившие свою радость по поводу согласия чужеземцев остаться у них, несколько успокоились, а женщины опять разожгли костёр, Амнундак обратился к гостям:

— Вы сказали, что хотите осмотреть всю нашу землю. Но знаете ли вы, что это опасно? В лесах живут разные хищные звери.

— Мы их не боимся — наши молнии поразят каждого хищника прежде, чем он нападёт на нас, — услышал он в ответ.

— Кроме хищных зверей, в лесах живут дурные люди, гораздо опаснее зверей.

— Это интересно! — сказал Ордин товарищам.

А Горохов спросил:

— Что это, тоже онкилоны? Почему они опасны?

— Нет, это не онкилоны. Это дикие люди, и мы постоянно воюем с ними. Они очень сильные, и один на один мы не можем бороться с ними. Мы называем их «вампу», что значит «голые люди».

— Где же они живут?

— Они живут дальше, на востоке нашей земли. Они прячутся в лесах, нападают иногда на наши жилища, когда воины на охоте, и убивают стариков и детей, а женщин уводят. Мы очень боимся их. И вы с ними не справитесь, если они нападут на вас из засады с большими дубинами, копьями и ножами.

— Разве их так много?

— Мы не знаем, сколько. Когда наши предки пришли в эту землю, она вся была заселена этими дикими людьми. С ними долго воевали и вытеснили на восток.

— У них тоже есть жилища?

— Нет, они живут зимой в пещерах, а летом на деревьях, как птицы в гнёздах...

— Вот чьи следы мы видели во время прошлой экскурсии! — заметил Горюнов.

— У них есть живые боги, огромные и очень злые, — продолжал Амнундак. — Они приносят им жертвы.

— Какие такие боги?

— Видели вы на нашей земле большого зверя с рогами на морде?

— А, носорога! Да, видели.

— Их боги ещё гораздо больше. Но вместо рога у них на голове пятая нога или рука, длинная и гибкая. Этой ногой зверь ломает лес, схватывает людей, бросает их на землю и топчет остальными ногами.

— Вот так зверь! — удивился Горохов.

— У этого зверя из пасти торчат два длинных белых зуба, как клыки у медведя, но гораздо длиннее и толще.

— Очевидно, это слоны! — догадался Горюнов.

— Уж не мамонт ли? — предположил Ордин. — Слонам на севере не место. Есть ли у него мех? — обратился он через Горохова к вождю.

— Да, он мохнатый, шерсть на нём красная.

— Разве у мамонта шерсть была красная? — недоумевал Костяков. — Я думал, судя по картинкам, что она была чёрная.

— Это неверно, — заметил Ордин. — На трупах, найденных в Сибири, шерсть была красно-бурая или рыжая... Но неужели вампу удалось приручить мамонтов?

— Этими зубами, — продолжал вождь, — — зверь роет землю и добывает корни, которые съедает, а зимой сгребаёт снег, чтобы найти траву. Эти зубы нам очень нужны, мы делаем из них самые лучшие ножи, копья, стрелы. Но нам редко удаётся убить этого зверя; дикие люди очень стерегут своих богов.

— Тем более интересно познакомиться с вампу и с их домашними мамонтами! — воскликнул Горюнов.

— Я всё рассказал вам, — закончил Амнундак. — Вы знаете теперь, что вам одним к диким людям идти нельзя. Они убьют и съедят вас, а для онкилонов начнутся беды. Мы будем охранять вас; все воины пойдут с вами к диким людям. Мы начнём большую войну, чтобы их уничтожить. Ваши молнии помогут нам убивать вампу и их богов.

— Карательная экспедиция, — засмеялся Ордин, — и мы в роли палачей! Не особенно лестно.

Но онкилонам слова вождя очень пришлись по душе. Они, очевидно, имели веские причины, чтобы так ненавидеть вампу. Такие свирепые соседи, конечно, не могли быть приятны мирному племени, ушедшему из-за войн с материка.

Исчерпав тему о вампу, Амнундак заявил, что пора готовить гостям место для ночлега. В занимаемой им с семьёй скошенной части землянки против входа женщины очистили половину, разостлали на земле оленьи и медвежьи шкуры и положили даже подушки — валики из кожи, набитые оленьей шерстью. Эту половину отгородили от оставшейся для семьи вождя, расставив в ряд сундучки с домашним скарбом, и Амнундак предложил гостям ложиться спать. В двух остальных, боковых частях землянки онкилоны уже укладывались; мужчины раздевались донага и складывали одежду в изголовье, а оружие возле себя. Один воин остался на карауле у входа, а трое легли, не раздеваясь, у костра и в проходе, чтобы сменять его поочерёдно. Караульный поддерживал огонь, согревавший землянку, и время от времени выходил наружу за дровами. Менялись также воины, караулившие оленьё стадо на поляне и перекликавшиеся друг с другом.

Ночь прошла спокойно. Онкилоны стали просыпаться на рассвете. Прежде всего поднялись женщины, усилили огонь и стали жарить мясо и калить камни для варки супа; другие побежали доить оленей и для этого одевались, потому что

на дворе было свежо. Они надевали своеобразную кожаную одежду, в которой панталоны были соединены с курткой в одно целое с большим разрезом на груди. Женщина сначала просовывала ноги, а затем быстро поднимала одежду на туловище и засовывала руки в короткие рукава. Вернувшись в землянку, она лёгким движением плеч спускала куртку — и вся одежда соскальзывала к ногам.

Путешественники, лёжа на своих шкурах, с интересом наблюдали, как быстро и легко одевались и раздевались женщины и как почти голые хлопотали по хозяйству у огня, ярко освещавшего их смуглые тела.

Путешественники обратили внимание на то, что молодые женщины и девушки, которых легко было отличить от первых по их четырём косам, посматривают частенько в их сторону, перешёптываются и хихикают. Легко было догадаться, что красавиц занимал вопрос, на ком из них остановится выбор могущественных чужеземцев, когда они станут брать себе жён на весеннем празднике.

Горохов подслушал, что онкилонок всего больше интересовали густые усы и бороды его трёх товарищей и их светлая кожа.

У онкилонов растительности на лице почти не было, только у стариков вырастали жиденькие усы и тощая бородка. Горохов как якут в этом отношении был похож на онкилонов и имел такую же смуглую кожу, так что он онкилонок не привлекал.

Пока женщины хлопотали, мужчины не торопясь одевались, потом осматривали своё оружие. То из одного, то из другого угла землянки раздавались детские голоса, иногда плач младенца, на который спешила та или другая из женщин, чтобы покормить его грудью.

Мало-помалу все поднялись. И начался завтрак с тем же однообразным меню — жареным и варёным мясом; только вместо холодного молока из бурдюка дали горячее, разбавленное водой и слегка заправленное мукой из водяных орехов, нечто вроде супа, в котором плавали маленькие кусочки поджаренного сала. Суп оказался достаточно вкусным.

За завтраком спросили вождя, сколько лет онкилоны живут на Земле Санникова. Путешественники уже узнали, что у этого народа нет никакой письменности и все сведения о жизни предков передаются в виде преданий из поколения в поколение, может быть, украшенные вымыслом. Но оказалось, что примитивная летопись у онкилонов имеется.

— Больше четырёхсот лет, — ответил Амнундак, немного подумав. — Если хотите знать точно, то пойдём сейчас к ша-

---

ману; возле его жилища есть камень, на котором каждый год отмечен.

После завтрака путешественники в сопровождении вождя и десятка вооружённых воинов отправились по широкой тропе через лес на запад. По дороге Амнундак указал гостям искусно скрытую западню на тропе — квадратную яму глубиной более двух метров, перекрытую тонкими жердями, ветвями и старой листвой. В такие западни изредка попадали быки, лошади и даже носороги, которых онкилоны приканчивали копьями и стрелами.

— Таких ловушек довольно много на звериных тропах нашей земли, и вы можете тоже попасть в них, если будете ходить без проводника, — предупредил вождь.

— Впереди нас, — возразил Горюнов, — всегда бежит собака, которая умнее носорога и быка; она остановится перед западней и обнаружит нам её.

— Онкилонам собаки были бы очень полезны, — заметил Ордин, — и для охоты, и для караула жилища, и при войне с дикими людьми.

— Вот ваши собаки размножатся у нас, и через несколько лет мы будем иметь сторожей! — сказал Амнундак с такой уверенностью, что собеседникам осталось только переглянуться с усмешкой.

Вскоре свернули с большой тропы в сторону и вышли на небольшую поляну с жилищем шамана; оно было того же типа, как землянка вождя, но гораздо меньше, потому что шаман жил только с одним учеником и старой женщиной, готовившей пищу.

Шаман, очевидно, уже предупреждённый о посещении, ожидал гостей у порога землянки и ввёл их на почётные места против входа.

Внутренность жилища походила на своеобразный анатомический музей: на четырёх столбах на перекладинах и под откосом боковых стен белели черепа жертвенных оленей, быков, лошадей, а над почётным местом красовался череп носорога с огромным рогом.

Как только гости уселись, старуха подала угощение, состоявшее из варёного мозга, языка и губ жертвенного оленя, которого чужеземцы убили накануне своими молниями. Эти лакомые части жертвенных животных всегда доставались шаману как служителю божества.

Узнав от Амнундака желание гостей посмотреть камень, на котором записаны годы жизни онкилонов, шаман после завтрака повёл их дальше на запад. Тропа вскоре вывела на

окраину котловины. И здесь возвышалась высокая, неприступная стена того же чёрного базальта, вершина которой скрывалась в тучах, низко висевших в этот день над котловиной. У подножия обрыва, как и в других местах, лежали россыпи и глыбы свалившихся сверху камней, покрытых лишаями. Среди них выделялась огромная глыба в несколько сот тонн весом. Пространство вокруг неё было очищено от камней и выровнено в виде широкого круга. Перед этой глыбой совершали моления и приносили жертвы. Кости жертвенных животных лежали рядком вдоль подножия глыбы, окаймляя чёрный камень зловещей белой полосой.

— Этот камень, — пояснил Амнундак, — упал с неба в год прихода наших предков на эту землю. Поэтому мы чтим его, как дар богов. Каждый раз, когда после зимней ночи солнце в первый раз показывается нам, здесь совершается большое моление и приносится жертва. Шаман отмечает это событие чертой на камне. Поэтому вы можете сосчитать, сколько лет мы уже живём здесь.

Он подвёл гостей к южной, очень гладкой стороне глыбы, на которой виднелись высеченные твёрдым орудием небольшие вертикальные чёрточки; каждая десятая была немного длиннее, так что легко было сосчитать их. Оказалось, что онкилоны провели на Земле Санникова уже четыреста двадцать четыре года.

— Когда Амнундак сказал, что этот камень упал с неба, — заметил вполголоса Ордин, — я подумал, что это огромный метеорит, и очень заинтересовался им. Но оказывается, что это просто базальт, и упал он, конечно, с этого обрыва.

— Что он говорит? — спросил шаман.

Горохов перевёл, что белый человек думает, что камень упал с горы, а не с неба.

Шаман укоризненно покачал головой и сказал:

— Великий шаман, который привёл наших предков сюда, сам видел, как этот камень падал, и первый поклонился ему.

— С горы падают только маленькие камни, — прибавил Амнундак, — а этот больше наших жилищ. Под ним лежат пять оленей, которых он придавил как первую жертву богам от пришельцев на эту землю. С тех пор и стали приносить здесь жертвы. Это было знамение свыше.

Пока происходила эта беседа у подножия священного камня, Костяков, отойдя в сторону, незаметно успел сфотографировать его вместе с беседующими.

Потом Амнундак повёл гостей к подножию обрыва и показал им большую пещеру, в которой раньше жили вампу. Нака-

---

нуне падения камня у подножия была большая битва онкилонов с вампу, и онкилоны одержали здесь первую крупную победу, заставившую вампу отступить на восток. Это событие тоже связывалось с камнем.

В пещере ещё валялись полуистлевшие дубины, поломанные копья с кремнёвыми наконечниками, гнилые остатки звериных шкур; видны были огнища и кучки обгоревших или расколотых костей.

В общем, эта пещера с костями, мрачная чёрная стена, таявшаяся в тучах, чёрный огромный камень, окружённый грудями костей среди голых россыпей, производили жуткое впечатление, и путешественники были рады вернуться в зелёный лес, лежавший на пути домой.

На поляне возле жилища Амнундака они застали начало кипучей деятельности — онкилоны приступили к сооружению землянки для своих гостей-пленников. Воины и женщины были заняты работой: одни копали ямы для четырёх столбов остова, другие перерубали и обтёсывали брёвна, третьи приносили брёвна из леса, где слышался стук топоров дровосеков; женщины нарезали дёрн для крыши. Но, несмотря на усердие строителей, дело подвигалось медленно, потому что каменные топоры, костяные ножи и кремнёвые скребки с трудом справлялись с деревом.

Поглядев некоторое время, как медленно перерубалось толстое бревно для столба, Горюнов предложил товарищам:

— А ну-ка, покажем онкилонам, как работают белые люди!

— И то дело, покажем! — согласился Горохов.

Все четверо принесли свои топоры и взялись за работу; быстро полетели щепки, с каждым ударом топор врезывался глубже в дерево, и то, на что онкилону с каменным орудием нужно было полдня, железный топор делал в четверть часа. Когда топоры белых людей застучали по брёвнам, онкилоны побросали своё дело и столпились вокруг них, глядя с восхищением, причмокивая и выражая разными возгласами своё удивление быстроте работы. Пока женщины успели вырыть четыре неглубокие ямы, ковыряя землю, к их счастью, мягкую, ножами и выгребая её руками, четыре столба были отрублены, обтёсаны и перекладины к ним приготовлены.

— Эх, жаль, нет бурава, чтобы просверлить дырку и запустить хороший клин для связи! — жаловался Горохов.

— Или стамески, чтобы посадить перекладину на столб шипом, — прибавил Горюнов.

— Да, это бы не мешало, потому что, если случится лёгкое землетрясение, накатник откосов легко может соскочить с места и придавить нас, как в ловушке, — сказал Ордин.

— Разве здесь может быть землетрясение? — поинтересовался Костяков.

— И даже очень! Ведь мы на дне кратера старого вулкана, ещё не совсем угасшего, как доказывают горячие источники в озёрах.

— А ну-ка, Никита, спросите, бывает ли, что земля трясётся здесь, — предложил Горюнов.

Ответ получился утвердительный: онкилоны время от времени испытывали сотрясения земли, но большей частью лёгкие, не причинявшие вреда. Старики припомнили, что в давние времена случилось довольно сильное землетрясение, вызвавшее частичное разрушение почти всех жилищ; при этом было задавлено человек двадцать, не успевших выбежать наружу.

— Ну, мы на всякий случай подопрём накатник ещё одной перекладной, чтобы не мог соскочить! — придумал Ордин.

К обеду успели поставить четыре столба и связать их перекладами. После обеда путешественники пошли с онкилонами в лес рубить тонкие деревья для накатника, потому что и это подвигалось медленно; над деревом в десять-двенадцать сантиметров в диаметре онкилон трудился больше часа, а под железным топором оно валилось через пять минут. К вечеру лес был приготовлен и перенесён на поляну.

За этот день вести о появлении белых людей со всеми подробностями успели распространиться по стойбищам онкилонов, а к вечеру начали прибывать отряды воинов из ближайших жилищ, желавших посмотреть на чужестранцев. Последние отдыхали после работ в землянке, где скоро стало тесно от набравшихся зрителей. Но посетители вели себя с достоинством, расспрашивали население землянки, рассматривали гостей и обменивались впечатлениями. По просьбе Амнундака топоры и ножи были пущены по рукам, так как разговор шёл и о быстрой работе пришельцев, благодаря которой сооружение новой землянки, отнимавшее у онкилонов целую неделю, было почти закончено в один день.

Только после ужина жилище освободилось от гостей, которые расположились на ночлег вокруг костров на поляне.

Амнундак решил воспользоваться приходом многих воинов, чтобы устроить на следующий день охоту загоном на носорогов, надеясь на молнии белых людей. В ямы носороги

попадали очень редко; копья и стрелы онкилонов не пробивали их толстую кожу. Последняя очень ценилась воинами как лучший материал для щитов, выдерживавших удары дубин вампу.

Охота на носорогов

На следующее утро благодаря многочисленным пришельцам в четверть часа остов новой землянки был закончен.

Предоставив женщинам крыть его дёрном и устраивать внутри, все собравшиеся воины во главе с Амнундаком и чужестранцами отправились на охоту за несколько километров на восток, где накануне видели семью носорогов. Собравшиеся, в количестве более ста человек, быстро и без шума пробираясь по опушкам, оцепили небольшую поляну, на которой паслись животные. Вождь и путешественники встали вблизи тропы, по которой их должны были погнать.

Когда все заняли свои места, онкилоны по сигналу Амнундака подняли стук дубинками по деревьям, аккомпанируя громкими криками своей военной песни. Носороги, застигнутые врасплох, заметались по поляне, но повсюду встречали страшные звуки, издаваемые невидимым врагом. Наконец они очутились недалеко от поста охотников. Грянули четыре выстрела. Самец рухнул на колени, вскочил, пробежал до опушки и свалился. Самка с детёнышем помчалась в противоположную сторону и встретила с цепью онкилонов, вышедших после выстрелов из леса. Но теперь она видела врагов и, не обращая внимания на крики и полетевшие в неё копья и стрелы, прорвала цепь, подбросив ударом головы подвернувшегося ей онкилона на воздух, и скрылась в лесу. Детёныш, по-видимому, недавно родившийся, отстал от неё, и его остановили собаки, вцепившиеся в складки кожи на его боках. Но им, вероятно, пришлось бы плохо, если бы подбежавшие онкилоны не прикончили малыша копьями.

Вся охота кончилась в четверть часа, но стоила сломанной ноги у подброшенного человека, что, впрочем, несколько не уменьшило торжества охотников. Раненого тотчас же унесли на быстро снятой с детёныша шкуре и двух жердях к шаману, занимавшемуся также и врачеванием. Оставшиеся занялись тушей старого носорога, от которой через полчаса остался только скелет и содержимое желудка и кишок; всё остальное было срезано и унесено на стойбище.

Вернувшись к обеду, путешественники застали своё новое жилище почти готовым; недоставало только шкур для постелей и хозяйек. Первые уделил Амнундак из своих запасов; вторых надлежало выбрать в день весеннего праздника, до которого оставалось ещё трое суток. Путешественники решили воспользоваться этим временем, чтобы сходить на свою базу у сугробов проведать Никифорова и принести некоторые вещи.

Но понадобились довольно длинные переговоры, чтобы убедить Амнундака отпустить их без огромного конвоя и ограничиться двумя воинами.

На следующее утро путешественники отправились, выбрав путь вдоль западной окраины котловины, чтобы познакомиться с ней ближе. Шли вдоль опушки из полярной берёзы, по которой пролегали многочисленные олени тропы. Здесь паслось стадо рода Амнундака под надзором пастухов на моховищах, тянувшихся полосой между россыпями камня и зарослями.

Северные олени являлись единственным домашним скотом онкилонов, доставлявшим им молоко, мясо и шкуры. Охота на зверей и птиц, рыбная ловля в озёрах дополняли продукты стада, а водяные орехи и корни сараны, вылавливаемые из озёр и выкапываемые женщинами на полянах, давали растительную пищу этому, в сущности, мирному племени, которое лишь соседство вампу сделало воинственным. Вампу жили только охотой и истребляли много диких животных, тогда как онкилоны берегли их; поэтому животные держались больше в южной части котловины, где их меньше преследовали, а вампу делали охотничьи набеги в земли онкилонов и не щадили также домашних оленей. В этом была главная причина вражды онкилонов к вампу, заставившая их выработать военный уклад жизни. Кроме того, вампу при случае похищали молодых онкилонок, которые скоро погибали от грубого обращения и тяжёлых условий первобытной жизни, если им не удавалось бежать из плена. Это обстоятельство, конечно, не способствовало миру между онкилонами и вампу, и война между ними не прекращалась никогда.

Окраина котловины и с этой стороны оказалась состоящей из базальта, слагавшего высокие уступы, недостижимые для человека. В обрывах чередовались толщи, то пузыристые или даже шлаковатые, то плотные, разбитые на правильные шестигранные столбы различной в разных местах толщины и длины; местами чернели отверстия больших пещер или ниш, служивших приютом каменным баранам. Очевидно, гигантский вулкан, некогда занимавший место Земли Санникова, действовал очень долго, изливая потоки лавы во все

стороны, прежде чем произошёл колоссальный провал его центральной части, создавший котловину с её горячими источниками — последними отзвуками угасшего вулканизма. Некоторые потоки лавы изобиловали миндалинами халцедона, агата, сердолика и полуопала, и онкилоны, сопровождавшие чужестранцев, сообщили им, что из этих потоков добывают цветные камни для женских украшений, а из более крупных миндалин делают наконечники для стрел и копий, хотя предпочитают костяные, более лёгкие для обработки.

После томительного перехода и только благодаря тому, что солнце заходило уже очень поздно и день был длинный, путешественники добрались до своей базы у сугробов, где застали Никифорова у костра, занятого поджариванием мяса. Отшельник с удивлением рассматривал двух онкилонов, пришедших с его товарищами, а они, в свою очередь, удивлялись палатке, поставленной в снеговом гроте, и человеку, предпочитающему жить среди снега вместо зелёного леса. Их заинтересовали также гроты для собак, но нарты и байдару им не показали, чтобы не выдать средства своего передвижения через льды. Онкилоны остались в убеждении, что белые люди всю жизнь проводят среди снега, а собак употребляют в качестве вьючных животных.

На ночь онкилоны удалились в полосу леса, подальше от снега, а путешественники расположились в палатке. Перед рассветом собаки, спавшие у входа снаружи, подняли отчаянный лай. Никифоров, выглянув, увидел силуэт огромного медведя, который задними лапами отмахивался от трёх досаждавших ему собак, а передними разбрасывал глыбы льда, закрывавшие вход в соседнюю ледяную кладовую, в которой хранились шкуры, черепа и запасы мяса. Казак разбудил товарищей и выскочил с ружьём. Густой туман, по обыкновению, окутывал котловину, и пришлось отозвать собак, чтобы не попасть в них. Но медведь, услышав голоса людей, встал на дыбы и направился к ним. В сумраке ночи и тумана он казался огромным, значительно выше человека. Всего два-три шага отделяли зверя от входа в палатку, когда две пули поразили его в грудь. Медведь покачнулся, рывкнул и обрушился прямо во вход грота. Никифоров едва успел отскочить в сторону, а Горюнов откинулся вглубь палатки, где Горохов и Ордин в темноте искали свои ружья. Глыбы льда разлетались в стороны под ударами лап бившегося в агонии зверя, собаки выли, и из гротов им вторили тридцать глоток. Положение в палатке становилось критическим: медведь, немного продвинувшись вперёд, мог уже достать лапами сгрудившихся в глубине людей,

---

которым некуда было податься. К счастью, Никифоров не потерял присутствия духа: заложив в ружьё патрон с разрывной пулей, он улучил удобный момент и выстрелил почти в упор. Ещё несколько судорожных движений — и туша замерла.

В это время на поднявшийся шум и выстрелы прибежали онкилоны с горящими головнями. Объединёнными усилиями удалось вытащить медведя из входа в грот. Зверь оказался необычайной величины и возбудил удивление онкилонов. Последние охотились на медведей только большим отрядом, но такая охота редко обходилась без гибели или тяжёлых ран одного-двух человек. Поэтому медвежьи клыки ценились у них очень высоко, и не многие охотники имели их в своём ожерелье.

Начало уже светать, сон был испорчен, и все занялись снятием шкуры и разделкой туши. Никифоров получил большой запас мяса для собак, а шкурой путешественники решили украсить своё новое жилище. Поэтому они уговорили онкилонов нести её прямо в стойбище вождя, обещая прийти вслед за ними. Они придумали этот план, чтобы избавиться на день от опеки и попытаться проникнуть в земли, занятые вампу, чтобы понаблюдать последних не в обстановке военного похода, который с этой целью предлагал им Амнундак.

Первое знакомство с вампу

Оставив Никифорова наедине с черепом медведя, который он должен был очистить и спрятать в складе, путешественники взяли направление на северо-восток вдоль окраины котловины. Миновав знакомые уже по первой экскурсии места, они после полудня вышли на поляну, на влажной почве которой вблизи озера заметили рядом со следами копыт быков и лошадей отпечаток босой ноги человека. Это не мог быть след онкилона, так как последние ходили в обуви; кроме того, след обращал на себя внимание величиной, сильным развитием пальцев, большим, сравнительно с нормальным, расстоянием между большим и вторым пальцем и длиной последнего.

Направив собак по следу, шедшему на северо-восток, путешественники миновали ещё две поляны и приближались к третьей, когда услышали гул голосов. Собаки были взяты на привязь, а люди осторожно пробрались к опушке, с которой увидели на поляне вампу. Человек восемь исполняли танец вокруг тёмной массы, лежавшей на траве, — очевидно, добытого ими крупного животного. Вампу были совершенно на-

---

гие, с очень смуглой кожей и покрытые волосами. Спутанные космы волос свисали на плечи, небольшие бороды окаймляли лица. С короткими копьями в одной руке, дубинками — в другой, они плясали, то подпрыгивая на одном месте, то выбрасывая ноги взад и вперёд и размахивая руками. В такт движениям раздавались крики: «Ой-го-го!», «Ай-ду-ду!», повторявшиеся без конца.

Танец продолжался минут десять, после чего вампу собрались вокруг жертвы и начали снимать с неё шкуру.

Затем началось пиршество: каждый отрезал себе полоски тёплого кровавого мяса и поедал их одну за другой. Утолив голод, вампу стали отрезать более крупные части туловища и пласты мяса, и, нагрузившись ими и шкурой, семеро пошли по поляне на восток, а восьмой остался у добычи, чтобы охранять её от орлов, две пары которых уже кружили над местом охоты. Караульный, сидя на корточках, продолжал насыщаться и, погружённый в это занятие, не заметил, как четыре человека и две собаки потихоньку подошли к нему сзади. Ворчание Крота заставило его оглянуться. Он хотел вскочить, но, изумлённый появлением невиданных людей, не похожих на онкилонов, с направленными на него блестящими палками и в сопровождении двух зверей, похожих на волков, он выронил нож и остался сидеть, дрожа от страха, с куском мяса в руке.

Над его маленькими, глубоко сидящими глазами низкий лоб выдавался двумя массивными дугами; в разинутом рту видны были крупные белые зубы с порядочно выдающимися клыками, а очень короткий подбородок придавал лицу дикое выражение. Нос был приплюснутый, с широкими ноздрями, полускрытыми длинной белой палочкой; уши большие, со вставленными в мочки круглыми пластинками белой кости, которые оттягивали их почти до плеч. Вокруг шеи спускалось ожерелье из клыков кабана и медведя. Туловище было покрыто густыми чёрными волосами, но на плечах и груди сквозь них просвечивала тёмная кожа.

Несколько минут вампу и путешественники рассматривали друг друга в молчании.

Человек вдруг, с силой оттолкнувшись ногами от земли, сделал большой прыжок через полуочищенную тушу быка в сторону, не заграждённую врагами, и, круто наклонив корпус вперёд, побежал по поляне.

— Эх, упустили! — воскликнул Костяков. — Нужно было связать ему руки и увести с собой.

— Так бы он и дался! — рассмеялся Горюнов. — Вы видели, какие у него мускулы и какие зубы? Мы бы вчетвером с ним

не справились! Он свернул бы кому-нибудь из нас шею или прокусил бы горло.

— И что бы мы стали делать с ним? — спросил Ордин.

— Держать в плену и наблюдать, постараться выяснить его язык, психологию; ведь это же крайне интересно — психология и язык человека древнекаменного века! Взгляните на его оружие.

Вампу оставил свои копьё и дубину на траве. Копьё имело около метра в длину и представляло ровный ствол молодой берёзы, в конец которого, слегка расщеплённый, был вставлен грубо оббитый длинный осколок кремня; тонкий сыромятный ремешок охватывал и стягивал дерево, не позволяя кремню вывалиться. Дубина представляла нижнюю часть ствола более толстого дерева вместе с началом корневой части, раздувавшейся до величины кулака.

Она имела сантиметров семьдесят в длину и в мускулистой руке являлась страшным оружием для рукопашной схватки; таким оружием легко было раздробить череп человека и оглушить лошадь или быка. Другая дубина, оставленная одним из ушедших ранее вампу, отличалась ещё тем, что в её утолщённый конец сбоку был вставлен острый осколок кремня, которым с размаху можно было пробить череп крупного животного.

Туша быка была совершенно очищена от мяса с одной стороны, передняя и задняя ноги были отрезаны. Но оставалась ещё половина, лежавшая к земле, и голова. Люди, несомненно, должны были вернуться за своей добычей.

— Я думаю, они не вернутся сюда: беглец, наверно, напугает их своим рассказом, — предположил Горюнов.

— А может быть, именно вернутся, чтобы посмотреть на нас или даже поохотиться за нами, — заметил Костяков.

— Спрячемся и подождём, а потом выследим их стойбище, — предложил Ордин.

— А если они найдут нас по следам? Они, наверно, опытные следопыты, — сказал Горюнов.

— Пройдём прямо на запад, чтобы оставить следы, а затем свернём по лесу и вернёмся к поляне с другой стороны.

Оставив нетронутыми тушу и оружие, путешественники последовали этому совету и спрятались вторично на северной стороне поляны. Стойбище, очевидно, было недалеко, так как вскоре наблюдатели заметили, что на восточной окраине поляны зашевелились кусты и из них осторожно выглянула косматая голова разведчика. На туше уже сидели и клевали её два орла, а два других трудились над брюшиной, лежавшей в стороне.

Это сразу показало вампу, что на поляне людей нет, и сейчас же из кустов высыпала целая орда — человек тридцать, в том числе и десяток женщин, — и быстрым шагом направилась к туше. Орлы один за другим взлетели и начали кружить над поляной.

Вампу обступили тушу и, по-видимому, стали смеяться над беглецом, указывая на нетронутую тушу, на оставшееся оружие. Они, вероятно, говорили, что всё ему почудилось, потому что онкилоны не только не оставили бы мясо, но прикончили бы и человека. Беглец оправдывался, показывая, где стояли странные люди, рукой отмечал рост собак и подражал их лаю. Тогда несколько человек стали осматривать землю вблизи туши и, очевидно, нашли следы, оставленные путешественниками, так как направились по ним. В это время остальные вампу снова занялись тушей, срезали мясо, выломали толстые мозговые кости, опорожнили брюшину. Женщины, тяжело нагружившись этим, пошли назад к стойбищу, а мужчины побежали вслед за ушедшими по следам, чтобы догнать странных незнакомцев, напугавших их товарища. На поляне остался только позвоночник с рёбрами, лопатками и тазовыми костями, на которых и орлам почти нечем было поживиться.

— Вот и отлично! — воскликнул Костяков. — Мужчины ушли, а мы сделаем визит женщинам на стойбище.

— С риском, что мужчины скоро вернутся и зададут нам перцу? — спросил Горюнов.

— Нам всё равно нельзя идти вперёд: они пошли по дорожке, по которой и мы должны идти к стоянке онкилонов, и мы с ними должны встретиться. Мы посмотрим стойбище, а потом сделаем крюк на юг.

Желание увидеть жизнь стойбища преодолело опасения, и все четверо отправились по тропе на восток. Капли крови на земле выдавали путь женщин. Вскоре впереди послышались крики и смех, и, осторожно приблизившись, путешественники увидели стойбище среди небольшой поляны. Оно было временное или летнее, у подножия большого одинокого тополя. Здесь горел огонь, вокруг которого теснились женщины и дети разного возраста. Женщины были несколько ниже ростом, чем мужчины, немного стройнее и менее волосатые, особенно спереди. Зато волосы на голове были длиннее, но также спутаны в космы; лица имели бы менее дикое выражение, если бы не палочки, вставленные в ноздри, белые кружки, вставленные в нижнюю губу, оттопыренную вперёд, и такие же кружки в ушах; на смуглых шеях белели ожерелья. О какой-либо одежде не было и помину. Дети были менее косматые и волосатые, чем взрослые.

Воткнув куски мяса на палочки, вампу слегка поджаривали их на огне и поедали. Вблизи костра лежал большой камень, на котором женщины ударами другого камня разбивали мозговые кости и с шумом высасывали из них мозг. Раздавались крики, смех — орда наслаждалась пищей.

Насытившись, женщины повесили оставшееся мясо на сук, а две из них, разстлав шкуру на земле, стали очищать её кремнёвыми скребками от крови и сала. Другие растянулись на траве вблизи костра в сытой дремоте. Дети начали резвиться, бегая друг за другом; другие валялись на траве и визжали; некоторые с проворством обезьян полезли на дерево, и в его листве слышались их голоса.

— А если бы мы вышли к ним? — предложил Костяков. — Они, наверно, испугаются и убегут, а мы рассмотрим их стойбище поближе и возьмём коллекцию оружия и домашней утвари.

— А если они не убегут и начнут защищаться? Взрослых женщин больше двадцати, а силы у каждой побольше, чем у любого из нас, — возразил Горюнов.

— Выстрел в воздух, я думаю, заставит их убежать.

Мысль произвести этот опыт показалась заманчивой, и путешественники с ружьями наготове вышли из кустов и направились к стойбищу, а собаки с лаем бросились на бегавших на четвереньках детей, приняв их за особую породу дичи. Впечатление получилось огромное. Женщины вскочили и столпились вокруг огня и дерева, глядя с открытыми ртами на подходивших странных людей, о которых уже слышали от беглеца. Дети пустились наутёк от собак и попрятались за женщинами, издавая крики ужаса. Но женщины скоро пришли в себя и стали хватать копыя и дубинки. Одна побежала на помощь к малышу, который лежал на земле между рычавшими собаками и визжал от страха. Горюнов поспешил отозвать собак прежде, чем женщина замахнулась на них копьём.

— Как видите, они не думают бежать, а поднимают уже копыя, чтобы метнуть в нас, — предупредил Ордин.

— Придётся стрелять, пока не поздно. Если мы теперь повернём назад, они подумают, что мы боимся, и нападут на нас сзади, — заявил Костяков.

— Да, затеяли игру, так нужно её выиграть, — сказал Горюнов. — Два выстрела поверх голов женщин, а два будем иметь в запасе.

Костяков и Ордин выстрелили. Эффект получился неожиданный: женщины при виде огня и дыма из направленных на них блестящих палок, при грохоте выстрелов и свисте пуль

перепугались, упали на колени и, бросив копья и дубинки, с умоляющим жестом протянули руки и стали кланяться с воплями ужаса; дети ревели вовсю.

— Ну, вот чего я не ожидал! — воскликнул Костяков. — Я думал, они убегут и мы возьмём что нужно.

— Остаётся подойти к ним спокойно и разыграть богов, — предложил Ордин.

— Которые похищают дубинки и копья? Но сперва зарядим ружья на всякий случай.

Исполнив это, путешественники стали спокойно подходить к коленапреклонённым женщинам. Но когда оставалось только шагов десять, дети устроили панику — с воем они пустились через поляну в лес. Женщины одна за другой вскочили и последовали их примеру, кроме одной, которая лежала, уткнувшись лицом в землю, и дрожала всем телом.

Подойдя к ней, путешественники стали рассматривать её внимательно. Её спина была покрыта короткими негустыми волосами, подошвы и ладони были голые, и на первых кожа по своей твёрдости производила впечатление рога; большой палец сильно отделялся от остальных; на руках и ногах волосы были гуще, чем на спине. Спереди она оказалась менее волосатой, а груди и лицо были совершенно чисты; но благодаря отсутствию бороды небольшая высота подбородка бросалась в глаза больше, чем у мужчин; зато надбровные дуги меньше выделялись, чем у последних. Но широкие скулы, впалые маленькие глаза, приплюснутый нос с палочкой, оттянутая губа с белой костяшкой — всё это не способствовало красоте её лица. Волосы, не знавшие ни мыла, ни гребня, были спутаны в космы, в которых видны были стебли травы, листья и всякий сор. Но мускулистость тела заставляла предполагать в женщине изрядную силу.

Наконец бедняжку оставили в покое, причём заметили, что одна её нога привязана крепким ремешком к вбитому в землю колышку. Этим объяснялось то, что она не убежала вместе с остальными; очевидно, она была за что-то наказана.

Выбрав пару типичных дубинок с кремнём и без него, пару копий, скребков и грубую деревянную чашку, лоснившуюся от жира и бурую от крови, сняли с женщины ожерелье и собрались уже уходить.

— Знаете ли, ведь мы, в сущности, устроили форменный грабёж, — сказал Горюнов. — Напугали женщин до смерти, а затем берём часть их скудного имущества.

— Но ведь это для науки, а не с корыстной целью, — возразил Костяков.

— Всё-таки нехорошо! Нужно оставить им что-нибудь взамен.

Порылись в котомках и нашли маленькое зеркальце, нитку стеклянных бус, сломанный перочинный ножик и жестяную коробочку от пилюль, прибавили две медные гильзы от патронов и положили всё это возле руки женщины, продолжавшей лежать с закрытыми глазами. Затем тихонько ушли и, спрятавшись на опушке, стали наблюдать.

Некоторое время всё было тихо. Потом женщина подняла голову, увидела, что странные люди удалились и ничего не сделали с ней, присела, оглядываясь кругом, и, положив два пальца в рот, издала резкий, продолжительный свист. В ответ из леса слышались свистки и голоса, и вскоре появились одна за другой беглянки и дети. Пока они приближались, женщина заметила вещи, лежавшие на земле и обратившие её внимание своим блеском. Сначала она не решалась тронуть их: то протягивала, то отдёргивала руку, словно боялась, что они обожгут или укусят её. Наконец любопытство преодолело страх, и она стала брать вещи одну за другой, осматривать, нюхать, испуская крики изумления. Подбежали остальные, и вещи стали переходить из рук в руки, вызывая возгласы и споры. Нитку бус женщина надела было на свою шею, лишившуюся ожерелья, но две другие схватились за неё, нитка лопнула, и бусы рассыпались по земле. Началась свалка, все стали подбирать бусинки и собранные прятать в рот.

— Наши подарки только беды наделают — подерутся бабы между собой! — засмеялся Горохов.

Но путешественники не стали ждать конца ссоры и дележа, а направились на юго-восток, чтобы не встретиться с вампу. Им пришлось ночевать на одной из полян, и только на следующий день к полудню они прибыли в стан Амнундака, который с утра уже разослал воинов на поиски по разным направлениям, опасаясь, что белые люди или заблудились, или изменили своему слову и скрылись. Увидев в руках гостей дубинки и копьё вампу и узнав, что они проделали, он стал упрекать их за неосторожность и заявил, что онкилоны никогда бы не решились ходить только вчетвером по земле вампу.

Путешественники в этот день ночевали ещё в землянке вождя, хотя их новое жилище было закончено за время их отсутствия. Со своей базы они в этот раз принесли запас белья, чая, сахара и посуду, чтобы устроиться немного удобнее и не жить совершенно по-онкилонски.

Праздник выбора жён

На следующий день должен был состояться весенний праздник, которым онкилоны отмечали полное наступление весны, прилёт перелётных птиц, отёл северных оленей. С раннего утра на поляну стали прибывать отряды онкилонов из всех стойбищ, на которых оставались только старики, старухи, дети и очередные олени пастухи. Прибывшие располагались по родам вдоль опушки, разжигали костры, женщины готовили обед, мужчины осматривали оружие, готовясь к состязаниям, переходили от костра к костру, обмениваясь новостями.

В землянку Амнундака поочередно группами приходили воины посмотреть на чужестранцев, владевших громами и молниями и согласившихся отсрочить своим присутствием беды, предсказанные онкилонам. Беседа шла теперь свободнее, чем в первые дни, так как Горохов припомнил свои познания языка чукчей и попрактиковался, а остальные также уже кое-что понимали и говорили. Из землянки было удалено её обычное население, так что сразу являлся целый род во главе со своим вождём, размещался по трём сторонам центрального квадрата; мужчины садились спереди, женщины стояли сзади. Вождь подносил Амнундаку, шаману и чужестранцам, занимавшим почётные места против входа, какой-нибудь подарок — шкурку лисицы или куницы, зубы кабана или медведя, миндалины агата, сердолика или халцедона, каменный топорик, и получал взамен орлиное перо, которое тут же втыкал в свою причёску. По числу перьев можно было судить о возрасте каждого из вождей. Некоторые из них были уже седые, но, по-видимому, ещё полные сил, и в их причёске можно было насчитать двадцать — двадцать пять перьев, образовавших целый веер.

Путешественники узнали из расспросов, что звание главы рода не было наследственным: род выбирал главу из числа своих членов за храбрость и удачу в охоте и войне пожизненно или до наступления дряхлости. Одряхлевший вождь сам отказывался и назначал выборы, оставаясь почётным лицом в своей землянке без обязанностей. В случае смерти вождя род немедленно выбирал нового. Равным образом звание вождя всех онкилонов не было наследственным: главы родов выбирали его из своей среды. Впрочем, это звание, скорее всего, было почётным; вождь управлял своим родом, как и другие главы, и только разбирал споры между родами и назначал общие для всех родов охоты или войны с дикарями;

споры были очень редки и происходили из-за оленьих пастбищ и похищения девушек.

Каждый род, живший совместно в землянке, представлял небольшую коммуну, у которой главное имущество — жилище, олени и утварь — было общее. Женщины сообща готовили пищу, выделывали шкуры, шили одежду, собирали грибы, ягоды и корни, мужчины пасли и охраняли стадо, изготавливали оружие, доставляли топливо, ходили на охоту, рыбную ловлю или на войну с дикарями.

После того как все девятнадцать родов перебивали в землянке вождя и познакомились с чужестранцами, последние с Амнундаком вышли на поляну, и шаман своим бубном подал сигнал к началу праздника. Женщины, девушки, подростки и немногие старики ближайших стойбищ расположились вдоль опушки по обе стороны землянки. Мужчины выстроились отрядами по родам в стороне. Амнундак с гостями и шаман сидели у входа в землянку. По второму сигналу отряды прошли один за другим мимо вождя, исполняя военный танец, с копьями, щитами и луками в руках, колчаном стрел на спине. Танец состоял из прыжков, подбрасывания копий вверх и натягивания лука; движения были согласованы во всех отрядах, и картина получилась довольно стройная. Большой барабан в виде обрубка ствола толстого тополя длиной в два метра, внутри выдолбленного и с обоих концов обитого кожей носорога, по которой били колотушками, составлял военную музыку; он лежал на козлах и сверху имел ряд отверстий. Путешественники узнали, что такие барабаны имелись у каждого рода и посредством их важные и срочные известия передавались быстро по всему племени, словно по телеграфу. Глухой гул барабанов был слышен за несколько километров.

Во время этого танца путешественники могли сосчитать, что военная сила онкилонов достигала от четырёхсот до четырёхсот пятидесяти человек, так как в каждом роду было от двадцати до тридцати воинов. Присоединяя пастухов, стариков, женщин и детей, можно было определить численность племени от тысячи двухсот до полутора тысяч человек, то есть гораздо больше, чем они думали сначала, на основании слов Амнундака, что в каждом роду двадцать-тридцать человек; оказалось, что он имел в виду только воинов, а числа остальных даже приблизительно не знал.

После танца началось состязание в метании копий и стрельбе из лука; для первого натянули длинный кожаный аркан на двух высоких кольях. Один род за другим подходил, выстраивался в ряд на расстоянии сорока шагов от аркана,

---

и затем все воины сразу метали по одному копьё, стараясь, чтобы оно перелетело за аркан. Жюри, состоявшее из трёх глав родов, считало все перелёты и недолёты. Род, получивший наибольшее число перелётов, считался победителем. Для состязания в стрельбе принесли и развесили на копьях шкуру дикой лошади; тёмная полоса вдоль хребта являлась целью для стрел. Каждый род выстраивался в ряд в пятидесяти шагах от мишени, и затем один воин за другим выпускал по одной стреле. Считались только стрелы, попавшие в тёмную полосу, и род, давший наибольшее число попаданий, объявлялся победителем, которого приветствовал барабан частыми ударами, а зрители криками.

Далее последовала борьба. Поочерёдно два рода становились друг против друга и выделяли равное число борцов, конечно, самых сильных; последние сходились попарно и в течение времени, определявшегося пятью—десятью равномерными ударами барабана, должны были положить друг друга на землю. Опять-таки род, положивший всего больше противников, объявлялся победителем.

По окончании борьбы жюри сообщило Амнундаку имена родов, одержавших победу по каждому из состязаний, и вместе с ним и главами всех родов установили перечень родов в порядке выявленных ими успехов. После этого роды выстроились по кругу, внутрь которого вошёл Амнундак и огласил этот перечень; роды, занявшие первые десять мест, приветствовали объявления их имён громкими криками, тогда как остальные молчали, пристыжённые. По возвращении вождя на место роды повторили военный танец, но шествуя уже в порядке перечня: победители во главе, побеждённые в хвосте, и зрители приветствовали первых. Побеждённые могли получить реванш только через год, и эти состязания заставляли воинов всё время заниматься упражнениями тела и поддерживали в них воинственный дух.

После танца онкилоны расположились обедать в тени деревьев; женщины уже приготовили жареное мясо, суп, лепёшки. Главы родов собрались в землянку Амнундака как его гости, и во время обеда всё ещё обсуждали результаты состязаний, а побеждённые объясняли причину своих неудач. Чужестранцев попросили показать онкилонам после обеда громы и молнии.

Через два часа барабан опять загудел, призывая теперь молодых холостых воинов на состязание за первенство в выборе жены. Таких воинов в каждом роду было два или три, и они состязались уже не по родам, а все сразу. Сначала по-

---

вторилось метание копий, причём каждый поочерёдно метал по три копья; потом состязались в стрельбе из лука, опять по три стрелы каждый. Жюри тщательно следило за порядком и отмечало попадания, после чего установило перечень соперников по их успехам; если два, три или более получали одно и то же место, то вопрос решался единоборством между ними. В конце концов перечень был составлен, и воины выстроились в ряд в этом порядке — их оказалось сорок семь.

Затем по новому сигналу барабана из рядов зрителей поднялись девушки, достигшие зрелости и желавшие получить мужа. Они явились на праздник, как и женщины, не в том минимальном костюме, который носили внутри жилища, а в лёгких кожаных панталонах, куртках и торбасах, красиво расшитых тонкими красными и чёрными ремешками. Свои косы они украсили воткнутыми в них цветами и на головы надели венки. Но теперь, выходя на смотрины, они сбрасывали с себя одежду, оставаясь только с поясом стыдливости, чтобы показать юным воинам красоту своей татуировки и, несомненно, также красоту форм своего тела. Они выстроились в ряд против жилища вождя, у которого заняли место и главы родов. Тогда Амнундак поднялся и, обращаясь к ним, сказал:

— Девушки! Вы слышали, что к нам явились белые люди, посланники богов, владеющие громами и молниями. Они согласились жить у нас, чтобы охранить онкилонов от бед, предсказанных нашим предкам. Мы должны дать им жилище, пищу и жён, чтобы они ни в чём не нуждались. Жён они сами выберут среди вас. И каждая, на которую падёт выбор белого человека, должна быть довольна этим. Я сказал.

Девушек эти слова не поразили, потому что весть о предстоящем уже распространилась по стойбищам. И, явившись на праздник, все с любопытством рассматривали чужестранцев, жёнами которых четырём из них приходилось стать. Некоторые из них имели, впрочем, уже возлюблённых среди молодых воинов и были опечалены, но надеялись, что выбор падёт не на них. Поэтому в ответ на речь Амнундака из ряда девушек послышался единодушный ответ:

— Пусть выбирают, мы все согласны!

— Неожиданное усложнение нашего пребывания на этом острове! — воскликнул Ордин. — Прикрепить себя к онкилонам выбором жён. Что же нам делать?

— Я полагаю, — заметил Горюнов, — что нам следует уступить, чтобы не обижать онкилонов и сохранить с ними самые дружелюбные отношения.

— И действительно выбрать себе жён? — спросил Костяков.

— Мы поступим так, — предложил Горюнов. — Мы скажем, что в нашей стране мужчина, желающий жениться, и девушка, согласившаяся выйти за него замуж, должны ближе познакомиться друг с другом, чтобы не было ошибки; поэтому они определённый срок, например полгода или год, живут в одном доме, близко узнают друг друга и, если по истечении этого срока общая жизнь им понравится, могут жениться.

— Отлично! Это хороший выход! — заявил Ордин. — Предложим это вождю и скажем, что мы выберем себе подруг согласно обычаям нашей страны.

Горохов рассказал Амнундаку, что порешили путешественники, и тот выразил своё согласие словами:

— Белые люди, я предлагаю вам выбрать себе девушек, которые вам нравятся как будущие жёны.

Путешественники поднялись в понятном смущении: перед ними выстроились пятьдесят девушек, хорошо сложенных, в большинстве красивых, и выбор был нелёгок. В сопровождении Амнундака они прошли вдоль ряда, и каждый из них колебался почти перед каждой из более красивых; один только Горохов сразу наметил себе, ещё глядя издали, невысокую девушку. Подойдя к ней, он сказал, протягивая ей руку:

— Я хочу взять эту!

Девушка, закрыв лицо рукой и хихикая, вышла из ряда и стала возле Горохова. Она оказалась первой избранной, и барабан приветствовал её грохотом.

Остальные дошли до конца ряда и не сделали выбора. Удивлённый Амнундак спросил:

— Неужели наши женщины так дурны, что только одна понравилась вам, белые люди?

— Напротив, — возразил Горюнов, — среди них слишком много красивых и выбирать трудно. Но, кроме того, мы боимся, что те, кого мы выберем, станут нашими жёнами против своего желания, по твоему приказу. У нас мужчина всегда получает согласие девушки, которую выбирает себе в жёны.

— А-а, так вы хотите, чтобы девушки выбирали вас?.. Ну хорошо. Я вызову всех, которые согласны. Девушки, белые люди не могут решиться: все вы слишком красивы. Так пусть выйдут вперёд те, которые сами хотят выбрать себе белых людей в мужья.

По ряду красавиц пробежали улыбки и смешки; некоторые переминались с ноги на ногу, не решаясь выдвинуться первыми.

— Ну что же! — воскликнул Амнундак. — Неужели никто из вас не хочет стать женой наших гостей? Они могут рас-

---

сердиться на нас и уйти. А тогда бедствия постигнут наш народ!

Эти слова подействовали, и более половины девушек дружно выступили на шаг вперёд.

Но во время этого замешательства путешественники уже сделали свой выбор. Горюнов и Ордин указали девушек из рода вождя, к которым успели присмотреться при совместной жизни в землянке, а Костяков выбрал маленькую стройную смуглянку, строившую ему глазки.

— Выбор сделан! — воскликнул Амнундак. — Теперь пусть выбирают воины онкилонов.

Вместе с путешественниками, за которыми следовали их избранницы, он отошёл к своему месту. Девушки попросили позволения одеться и разбежались по своим родам, приветствуемые возгласами женщин. Очень скоро они вернулись, чтобы занять почётные места рядом с избравшими их чужеземцами.

Оставшиеся девушки сомкнули свой ряд. Барабан опять загудел. И из ряда молодых воинов, стоявших в стороне, отделился один, оказавшийся в состязании первым, подошёл к девушкам и стал медленно проходить вдоль их ряда. Его встречали шутками и смешками, и почти каждая говорила: «Возьми меня, возьми меня!», потому что быть женой первого из молодых воинов было очень лестно, и девушки откровенно добивались этого. Но юноша отвечал им тоже шутками, быстро придумывая для каждой иную причину отказа: «Ты слишком красивая» (некрасивой), «Ты горбата» (прямой, как стрела), «Ты косишь», «Ты беззубая» и так далее, возбуждая протесты и смех.

Пройдя почти весь ряд, он сразу остановился против одной девушки, не предлагавшей себя и скромно опустившей глаза. Он ударил её по плечу и воскликнул: «Ты мне нравишься!». Девушка вздрогнула, выскочила из ряда и помчалась, как стрела, по поляне, а юноша за ней.

— Что это значит? — спросил Горюнов у Амнундака. — Почему жена, которую он выбрал, убегает от него? Она не хочет его?

— Таков у нас обычай. Воин, выбравший девушку, получит её только если поймает.

— Новое состязание! — сказал Ордин.

— Это обычай, — пояснил вождь, — очень мудрый: девушка бежит нагая, ей бежать легко, молодой воин бежит в одежде, с копьём в руке. Немногие смогут догнать девушку, если она не хочет этого. Если выбравший её ей противен или она любит другого, она не даст себя догнать.

— Корректив прекрасный, — заметил Ордин товарищам и, обращаясь к вождю, спросил: — Что же, воин, который не догнал девушку, так и остаётся без жены?

— Нет, он может повторить свой выбор, пока не поймает какую-нибудь.

— Сколько же времени девушка может бегать: целый день?

— Нет, только один раз по кругу, по кругу военного танца. Смотрите, он её поймал!

Действительно, воин уже вёл пойманную девушку за косу; девушка для виду упиралась и била его по руке. Женщины и остальные девушки приветствовали её насмешками. Дойдя до места смотрин, воин и пойманная спокойно стали рядом в стороне.

Барабан опять загрохотал. И второй юноша подошёл к девушкам; и он был ещё желанным для многих, как второй победитель, и его встречали, как первого. Но он упорно молчал, медленно обходя ряд, прошёл до конца и повернул обратно, вызывая негодующие возгласы девушек.

— Сколько же времени он может выбирать? — поинтересовался Костяков.

— Он может пройти три раза, не больше, — ответил Амнундак. — Это очень храбрый охотник, но он хочет помучить девушек. Смотри, как они сердятся!

Действительно, воин кончил второй обход и никого не выбрал. Девушки сердились, уже не предлагали себя, строили ему гримасы, кричали: «Можешь совсем уйти! Ступай к вампу, выбери себе мохнатую жену! Тебе голые не нравятся!» и т. п. Воин так же медленно и молча прошёл и третий раз, не обращая внимания на насмешки, и вдруг, почти дойдя до конца ряда, резко повернулся и ударил по плечу одну из последних девушек. Последняя так растерялась от неожиданности, что, выскочив из ряда на поляну, не развила сразу достаточную скорость бега, и воин поймал её в двадцати шагах.

— Вот какой хитрый! — заметил Горохов. — Он их заморил, чтобы не бегать далеко.

— Вот вам и корректив! — засмеялся Костяков. — Этак можно поймать и такую, которая не хочет.

— Пожалуй, оно так и есть в этот раз, — сказал Ордин. — Смотрите, она не сопротивляется, как первая, для виду, но не рада.

Девушка шла за воином, понуриив голову, не отвечая на насмешки остальных.

— Сама виновата — не зевай! — сказал Горохов.

Третий воин быстро выбрал одну из первых девушек ряда, оказавшуюся великолепной бегуньей, далеко его опередившей. Но в самом конце круга она споткнулась и растянулась на траве, к всеобщему удовольствию зрителей; прежде чем она вскочила на ноги, её коса была уже в руках догонявшего, который с торжеством повлёк её за собой. Но падение, без всякого сомнения, было умышленное — оно являлось одним из приёмов согласия.

Четвёртый воин прошёл быстро три раза мимо девушек, никого не выбрав, затем подошёл к вождю и молча поклонился.

— Ты не желаешь иметь жену? — спросил удивлённый Амнундак.

— Нет, великий вождь! Но в соседнем с моим стойбище есть молодая вдова, которая мне нравится, и я прошу дать мне её в жены. Она согласна.

Глава рода этой вдовы подтвердил слова юноши, и Амнундак дал своё согласие.

Пятому воину пришлось бегать два раза, потому что первая, которую он выбрал, не дала себя поймать; вторая, в наказание за то, что он выбрал её не первой, заставила его пробежать полный круг и сдалась только на последнем шаге, симулируя усталость. Шестой жених выбрал ту, которая убежала от пятого, и она дала себя поймать уже на половине круга. Когда он вёл её мимо девушек, ей кричали: «Как ты скоро устала, проворная!».

Так с разными вариациями выбор продолжался, и ряд девушек всё сокращался. Ни им, ни зрителям эта игра, длившаяся часами, не надоедала. Девушки, несмотря на то, что стояли так долго на ногах, бегали проворно и редко сдавались быстро. Некоторым воинам пришлось бегать по два раза, а одному даже три. К концу, когда осталось только несколько девушек, выбор становился быстрее.

Последняя девушка, убежавшая уже от трёх выбравших её воинов, убежала и от последнего, к общему изумлению. Её позвали к вождю, который сказал ей:

— Почему ты не хочешь получить мужа? Каждая девушка должна быть женой, чтобы давать племени новых воинов. Ты отвергла уже четырёх! Что это значит?

— Хорошие воины меня не выбирали, а женой плохих я не хочу быть, — гордо ответила девушка.

— Что же, ты будешь ждать будущей весны?

— Я хотела бы быть женой вот этого белого человека! — неожиданно сказала гордячка, указывая на Ордина, поражённого изумлением.

— Но он уже выбрал! — возразил Амнундак.

— Он великий вождь — у него могут быть две жены, — не унималась девушка. — Я его выбрала по твоему слову, но он взял другую. Я буду у него второй женой.

Эта настойчивость и гордый вид девушки понравились Ордину, и он согласился, очень смущённый. Девушка быстро побежала за своей одеждой и, вернувшись, села рядом с ним.

В это время молодые пары при грохоте барабана продефилировали мимо Амнундака и родовых глав; девушки уже успели переплести свои четыре косы на две в знак замужества. Последний воин, оставшийся без жены, спрятался среди зрителей; ему приходилось ждать целый год.

Настала очередь путешественников показать онкилонам свои громы и молнии. За неимением лучшей мишени принесли и расставили опять лошадиную шкуру. Стрелки стали, к удивлению онкилонов, в двухстах шагах от неё — вчетверо больше полёта стрелы. Онкилоны расположились полукругом по бокам, растянувшись почти до мишени, и с напряжённым вниманием следили, как чужестранцы что-то проделали со своими блестящими дубинами, затем приложили их к щеке. Взвившиеся дымки и прокатившийся грохот заставили всех зрителей вздрогнуть. Затем все толпой, перегоняя друг друга, бросились к мишени и наперебой тыкали пальцы в дырки, оставленные пулями. Многие спрашивали в изумлении, где же самые молнии, пробившие кожу, и бросились искать их по поляне. Ещё большее изумление вызвал Горюнов, подбросивший вверх свою шапку и на лету пронзивший её пулей. Ордин в это время заметил, что на юге над лесом показался косяк гусей, летевших на север. Он быстро переменял патрон в ружье. И прежде чем онкилоны успели спросить, в кого он хочет бросить молнию, раздался выстрел — и гусь шлёпнулся прямо на головы зрителей, пришедших в дикий восторг. Наконец Амнундак велел привести оленя, которого не привязали, а отпустили; испуганное животное помчалось обратно к лесу, но пуля Горохова положила его прежде, чем он отбежал двадцать шагов.

Этим закончилась демонстрация могущества чужестранцев. Провожаемые всем племенем, они прошли в землянку Амнундака вместе со своими избранницами, очень гордыми своей близостью к белым людям. На поляне в разных местах запылали костры, и началось приготовление ужина, в ожидании которого мужчины и девушки плясали вокруг костров.

После ужина вождь предложил путешественникам занять своё новое жилище:

— Теперь у вас есть подруги, и там вам будет просторнее и удобнее, чем здесь, где мы сами едва помещаемся.

Женщины быстро побежали вперёд, чтобы развести огонь и приготовить пищу. Путешественники в сопровождении вождя немного помедлили на поляне, где онкилоны, выставив караульных, уже укладывались спать вокруг костров, каждый род отдельно, на шкурах, разложенных на земле. Амнундак проводил гостей до входа в их землянку.

Войдя в землянку, путешественники увидели горевший уже большой огонь, освещавший небольшое, чистое жилище, сильно пахнувшее смолой от стволов лиственниц, слагавших его стены. Вокруг огня сидели все пять девушек, уже в своём домашнем наряде, то есть в пояске стыдливости. Они оживлённо беседовали, но замолкли, когда вошли их наречённые, немедленно встали и отошли в сторону. Землянка имела уже вполне жилой вид: на одном из столбов висели бурдюк с молоком, чайник и котелок; на полочке стояли дорожные кружки и деревянные чашки; на земле стояли два деревянных сосуда для варки супа и лежала кучка камней и палочки для жаренья мяса. Под откосами трёх сторон землянки были отгорожены спальные места, где поверх слоя сухих листьев и свежих веточек лиственницы лежали мягкие олени и медвежьи шкуры, кожаные валики, набитые оленьей шерстью, и одеяла из оленьих шкур. У входа был сложен запас мелко нарубленных дров и стоял сосуд с водой.

После переполненной людьми и закопчённой землянки Амнундака путешественники свободно вздохнули в своей, просторной и чистой, и им захотелось посидеть ещё у огня и выкурить трубку перед сном. Расположившись, они подозвали девушек и усадили их рядом. Немногие слова, которые они успели выучить, не позволяли вести оживлённый разговор, и приходилось больше прибегать к жестам и мимике. Прежде всего каждый осведомился, как зовут его избранницу; у Горюнова оказалась Мату, у Костякова — Папу, у Горохова — Раку, а у Ордина первая Анну и вторая тоже Анну.

— Вот те раз! — воскликнул Ордин в смущении. — Навязали двух девушек, да ещё с одним и тем же именем! Как же я буду звать их, чтобы обе не откликнулись сразу?

— Зовите их Анну-первая и Анну-вторая, — придумал Горохов.

— Как же это будет по-ихнему?

— Анну-эннен и Анну-нгирэк, — ответил Горохов.

И обе Анну закивали головой в знак согласия.

— Но это очень длинно, нельзя ли сократить? Я буду звать её Аннуэн, — Ордин указал на первую, которая кивнула го-

---

ловой, — и Аннуир, — он взял вторую за руку, и та также выразила согласие.

— Вы можете звать их просто первая и вторая, они поймут, — заметил Горюнов.

— Зачем же, Анну — красивое имя, а нгирэк иной раз не выговоришь, не споткнувшись.

Горохов перевёл эти слова, и женщины были польщены тем, что Ордин нашёл их имя красивым. Они чутко прислушивались к русским словам, и видно было, что они уже кое-что понимали, о другом догадывались. «Через неделю-другую при постоянном общении взаимное понимание будет достигнуто», — так подумал каждый из русских.

Наговорившись, стали распределять спальные места: навес против входа, более широкий, чем боковые, был разделён продольной низкой перегородкой из вбитых в землю кольев на две части — здесь поместились все мужчины; навесы слева и справа завесили шкурами и предоставили женщинам. Крот и Белуха, перекочевавшие с хозяевами, свернулись у входа. Женщины подбросили дров в огонь, и все разошлись по своим местам.

В землянке воцарилась тишина.

Битва с вампу

Рано утром путешественники были разбужены сильным шумом, который подняли онкилоны. Аннуир встревожилась, подошла к входу, высунула голову наружу, прислушалась и потом закричала жалобным голосом:

— Вампу напали ночью на жилище моего рода! Вождь объявил поход на них!

— Ну, товарищи, делать нечего! Надо одеваться: без нас поход, конечно, не обойдётся, — заявил Горюнов, хватаясь за одежду.

— Прямо с помолвки на войну!.. — смеялся Костяков. — Папу, неси мне щит и шлем, достань мою кольчугу и не забудь копьё и меч булатный мой! Я еду на войну, как рыцарь молодой.

Папу, конечно, ничего не поняла из этой тирады и смотрела, полусонная, на своего суженого в недоумении. Но, заметив, что он смеётся, расхохоталась и спросила, коверкая русские слова:

— Огне жигать, кушай варить?

— Совершенно верно! — рассмеялся Ордин, высовываясь из-под одеяла. — Она отлично понимает, что перед походом надо хорошо поесть... Аннуэн, Аннуир! Огонь, мясо, молоко!

Аннуир сидела у порога и плакала, закрыв лицо руками. Услышав голос Ордина, она встрепенулась и, сообразив, в чём дело, начала разгребать золу погасшего за ночь костра, добывая горячие угольки; остальные женщины тоже повывлезали из постелей, надели прежде всего свои пояски стыдливости и стали помогать ей разводить огонь.

Огонь уже пылал, и мясо на палочках жарилось; путешественники оканчивали свой туалет, когда в землянку вошёл Амнундак, поздоровался и, присев к огню, сказал:

— Белые люди, первая беда уже постигла наш народ! Этой ночью вампу напали на наше самое далёкое жилище, перебили стариков и пастухов, унесли детей, угнали оленей.

Аннуир, услышав эти слова, принялась выть. Она была из этого стойбища, и вампу убили её родителей, увели братьев и сестёр.

— Кто же принёс эту весть так скоро? — спросил Горюнов.

— Военный барабан. Один из пастухов остался жив и подал нам весть. Я объявил поход на вампу. Все воины здесь, и мы жестоко накажем вампу. Воины очень хотят, чтобы владеющие громами и молниями пошли с нами наказать наших врагов.

— Ну конечно, мы все пойдём с вами! — поспешил согласиться Горюнов. — Вот только позавтракаем наскоро.

Амнундак поднялся, очень обрадованный, и, уходя, сказал:

— Я сейчас скажу воинам, что белые люди согласились, — они будут рады!

Через несколько минут эта весть была передана онкилонам, и поляна огласилась громкими криками радости. Женщины также, видимо, были довольны. Аннуир перестала плакать и, вытирая глаза руками, сказала Ордину:

— Я пойду с тобой в поход.

Пока жарилось мясо, путешественники почистили ружья, наполнили патронташи, собрали дорожные вещи в котомки — поход мог продолжиться несколько дней. Женщины с величайшим вниманием следили за всеми их действиями, и вследствие этого несколько палочек с мясом пригорели, за что Раку немедленно получила выговор от Горохова.

Наконец всё было готово, завтрак съеден, в котомки положен запас лепёшек, жареного мяса, и путешественники

вышли из землянки. Их охватил густой туман, нависший, как всегда, над котловиной. Сквозь туман тускло видны были огни костров и двигавшиеся взад и вперёд фигуры. Издалека доносились глухие удары барабана, продолжавшие сообщать подробности разразившегося несчастья. Амнундак стоял уже в полном вооружении у входа в своё жилище и, увидев, что белые люди готовы, махнул рукой. Немедленно загремел стоявший поблизости барабан, возвещая выступление и передавая это известие соседним стойбищам. У костров люди засуетились и стали строиться по родам в колонны; впереди воины, сзади женщины с ношей и подростки, возвращающиеся на свои стойбища. Женщины рода Амнундака, конечно, оставались дома; все они с детьми вышли из землянки посмотреть, может быть, в последний раз, на своих мужей и сыновей. Прощание было очень короткое; женщины не плакали, а, обняв мужчину, тёрлись щекой о его щёку, что заменяло у них поцелуй. Под грохот барабана колонна тронулась в путь во главе с Амнундаком и белыми людьми, сопровождаемыми обеими собаками, которые могли быть очень полезны при выслеживании вампу. Шли скорым шагом прямо к ограбленному стойбищу, до которого было километров двадцать пять. Леса сменяли поляны, и время от времени партия женщин, попрощавшись со своими, отделялась от колонны, чтобы свернуть к своему жилищу. Туман постепенно рассеивался, проглядывало солнце и начинало припекать.

Задолго до полудня дошли до стойбища, представлявшего печальное зрелище. Землянка, подождённая вампу, выгорела внутри и обрушилась; из кучи побуревшего дёрна местами шёл дым и вырывались языки пламени; слышен был запах горелой кожи и шерсти. Трава на поляне была истоптана, местами залита кровью. В нескольких местах лежали трупы стариков и старух, которых вампу не пожелали унести с собой, но отрубили им головы в качестве трофеев. Валялись сломанные копья, стрелы, клочья изорванной одежды и щепки от поломанной утвари.

Женщины рода этого стойбища, увидев картину разрушения, огласили поляну воплями — у них были похищены дети, убиты близкие. Воины молчали, но по их мрачным лицам и сверкающим глазам видно было, что они будут мстить беспощадно. Амнундак велел сделать короткий привал для отдыха. Из леса появился уцелевший пастух оленей с перевязанной головой и рассказал подробности нападения.

Вампу, очевидно, узнавшие, что на стойбище нет большей части мужчин, ушедших на праздник, около полуночи,

---

окружив поляну, неожиданно напали на пастухов: двух убили дубинками, третьего только оглушили. Когда он очнулся, всё было кончено: землянка пылала, олени угнаны, на поляне остались только трупы. Утром пастух выследил, в каком направлении ушли грабители. Он спасся потому, что стоял возле кустов и упал в чащу, — в темноте и тумане вампу не нашли его.

Оставив женщин пострадавшего рода на пепелище, колонна двинулась снова вперёд, теперь на северо-восток, по следу дикарей и оленей. Собаки были пущены вперёд, что позволило двигаться быстро, так как засада дикарей не могла быть пропущена умными животными. Теперь, не имея женщин с ношей в хвосте, воины шли ещё быстрее, время от времени бегом; слышен был только лёгкий топот мягкой обуви и дыхание людей. Так прошло ещё часа два, когда собаки остановились в виду большого тополя на краю открывшейся поляны и стали лаять, подняв головы.

— На дереве засада! — сказал Амнундак и шёпотом передал распоряжение окружить поляну по лесу.

В это время Белуха завизжала — в неё попал камень, пущенный с дерева из пращи. Путешественники заметили движение листвы, и немедленно выстрелы огласили поляну, а стрелы онкилонов посыпались на тополь. В ответ с дерева раздался громкий рёв, и две тёмные массы, ломая ветви, грохнулись на землю.

— Неужели там было только двое? — спросил Горюнов, заряжая ружьё.

— Нет, — ответил Амнундак, — в их засадах меньше пяти не бывает, вы сейчас увидите.

Он отдал какой-то приказ, и несколько воинов нырнули в чащу. На дереве всё было тихо. Вампу сообразили, что они выдают себя врагам, производя движение. Поэтому на стрелы, которыми часть воинов продолжала осыпать вершину дерева, никто не реагировал — вампу попрятались за ствол и толстые ветви. Но вот с ближайшей к дереву опушки выскочили несколько онкилонов с большими пучками хвороста; закрываясь ими от копий дикарей, они быстро подбежали к дереву, обложили хворостом подножие ствола и так же быстро скрылись; в хворост уже был заложен огонь, потому что кучи начали дымиться. Вампу, прятаясь в листве и наблюдавшие за действиями врагов, стрелявших в них с одной стороны, не заметили поджигателей. Но когда из хвороста повалил густой дым, поднимавшийся клубами в листву, с дерева опять раздался рёв и несколько копий полетели в костёр. Они толь-

---

ко ухудшили дело — развороченный хворост запылал, и положение на дереве стало невыносимым. Вампу стали подниматься на самую вершину, но здесь листва была реже, сквозь неё показались тёмные фигуры, и ещё один залп свалил двоих; один упал на землю, другой повис на ветвях головой вниз, совсем на виду; через минуту в нём сидел уже десяток стрел. Последний вампу перебрался на противоположную сторону, прополз на конец длинного сука и, ухватившись за него руками, согнул его и с высоты четырёх метров спрыгнул на землю. Он помчался по поляне, но онкилоны, уже обогнувшие её, встретили его стрелами, и он упал, не добежав до опушки.

Амнундак подал сигнал звуками трубы, сделанной из рога первобытного быка, — и с опушки поляны со всех сторон выскочили воины, сбегаясь к дереву, к которому уже подошёл отряд с вождём и белыми людьми.

Три вампу, упавших с дерева, не двигались: у них были пулевые раны, но онкилоны на всякий случай пригвоздили их копьями. Все они были похожи на того, с которым путешественники встретились при экскурсии: волосатые, мускулистые тела, звероподобные лица, космы волос. Но, очевидно, по случаю военных действий лица у всех были вымазаны красной охрой, что придавало им ещё более отталкивающий вид. Один онкилон слазил ещё на дерево, чтобы убедиться, что на нём никого не осталось. Он сбросил оттуда дубины и копья вампу, которые были свалены в догоравший костёр.

Первая битва была выиграна без потерь для онкилонов. И отряд двинулся дальше по следам, продолжавшим идти теперь прямо на восток, к окраине котловины, где, очевидно, было стойбище. Засад больше не встретили; первая тоже скорее представляла наблюдательный пункт, который должен был дать стойбищу весть о приближении врагов, но, обнаруженный собаками, вероятно, не успел этого сделать.

Быстро прошли ещё несколько километров. Низкорослость леса предупредила о близости окраины. Когда начались кусты, отряд остановился и прислушался — впереди были слышны крики и стук. Высланные разведчики поползли к опушке и сообщили, что стойбище — в пещере против тропы и вампу укрепляют его, наваливая глыбы камня перед входом. Получив эти сведения, Амнундак разделил онкилонов на три части: одна, с Ординым во главе, пошла на север по кустам, вторая, с Костяковым, — на юг. Отойдя с полкилометра, оба отряда должны были быстро перебежать безлесную полосу и затем двигаться с двух сторон к стойбищу вдоль подножия обрыва. Третий отряд прошёл по тропе до

опушки кустов и здесь, спрятавшись, стал выжидать подхода фланговых, чтобы сразу напасть на стойбище с трёх сторон. Вампу усердно работали, сооружая стену из глыб, опоясывавшую вход в пещеру; понадеявшись на свою засаду, они не выставили караульных и не заметили приближения врагов. Стену возводили, очевидно, уже с утра, она доходила теперь до груди вампу. Человек двадцать выбирали среди россыпи подходящие плоские камни и таскали их к стене, где другие их укладывали. Эти носильщики вдруг заметили перебежавших в отдалении через безлесную полосу онкилонов фланговых отрядов. Послышались тревожные крики; носильщики поспешили со своей ношей к стене.

— Нужно стрелять, пока они на виду, — сказал Горюнов. — Это произведёт панику, и сопротивление будет менее ожесточённое при атаке.

От кустов до вампу было около четырёхсот шагов. Горюнов и Горохов выстрелили. Вампу остановились, поражённые, так как слышали только гром и не видели вблизи врагов; они оглядывались во все стороны и обменивались криками со стоявшими за стеной. Другие в ужасе бросили камни и с дикими криками пустились бежать врассыпную: одни к стене, другие к кустам. За стеной раздался звериный рёв ужаса. Вампу, подбегавшие к кустам, попадали под стрелы онкилонов; часть упала, остальные повернули вдоль опушки. За ними погнались онкилоны.

За стеной никто не показывался, и, заметив, что фланговые отряды близко, Амнундак подал сигнал к атаке. Его отряд ринулся бегом, кроме нескольких, преследовавших беглецов через россыпи к стойбищу. Когда до стены оставалось шагов сорок, из-за последней появились плечи и головы вампу, и в нападавших полетели копья и камни; несколько онкилонов упали, но два выстрела с близкого расстояния снова поразили ужасом вампу, и они спрятались, растерявшись. В это время оба фланговых отряда ворвались через проходы, оставленные в стене у подножия обрыва, и у стойбища завязался рукопашный бой; фронтальный отряд, перебравшись через стену, присоединился к нему.

Вампу защищались слабо, потому что револьвер Ордина постоянно возобновлял панику.

В несколько минут всё было кончено: мёртвые и раненые усеяли обширную площадку; десяток вампу, перескочивших стену и искавших спасения в бегстве, упали под выстрелами преследователей. В числе защитников пали и женщины, дравшиеся рядом с мужчинами.

Проникнув в пещеру, путешественники увидели в глубине её сбившихся в кучу нескольких старух и десятка три детей, дрожавших от страха и испускавших пронзительные вопли. Онкилоны стали растаскивать эту кучу, чтобы обнаружить своих похищенных детей, которых легко было отличить и по отсутствию волос на теле, и по более светлой коже, и по лицам; из барахтавшейся и визжавшей кучи вытаскивали детей одного за другим, причём дети вампу царапались и пытались укусить хватавшие их руки. Похищенные дети оказались в самой середине кучи, но в ужасном виде — с ссадинами, кровоподтёками, укусами, которыми их угостили «гостеприимные» хозяева. Нашли только семь девочек и двух мальчиков, а похищено было тринадцать — четырёх мальчиков не хватало. Рассвирепевшие онкилоны вывели всех мальчиков вампу из пещеры и перекололи их; они хотели сделать то же со старухами и девочками, но путешественники упростили Амнунда прекратить избиение.

Осматривая все углы пещеры, обнаружили в самом тёмном углу связанную по рукам и ногам женщину, покрытую кучей шкур. Когда её вытащили на свет, оказалось, что это онкилонка, захваченная в самом начале весны вампу, несчастная едва не задохлась под шкурами, всё тело её было покрыто синяками и кровоподтёками от ударов ремнями и палками. Придя в себя, она рассказала, что её били и истязали постоянно, особенно женщины, насмежавшиеся над её голым, как у лягушки, телом. Когда началась атака на стойбище, старухи её связали и спрятали под шкуры.

В пещере нашли также похищенное у онкилонов оружие, утварь, одежду и постели. Старух и девочек выгнали из пещеры, в которой сложили в кучу собранные на поле сражения дубины и копья вампу и подожгли. За это время разведчики обнаружили в кустах поблизости от пещеры стадо похищенных оленей; вампу, не умея их пасти и не будучи в состоянии съесть всех сразу, привязали всех животных ремнями к кустам; не хватало только нескольких, которых могли потерять по дороге или успели съесть.

Уже под вечер онкилоны покинули наказанное стойбище, оставив трупы вампу там, где последних застала смерть; все раненые были приколоты сейчас же после взятия стойбища.

Унося пятерых убитых и шестерых более сильно раненых, отряд онкилонов двинулся в обратный путь; легко раненные шли сами, в том числе Ордин, получивший удар копьём в плечо. Они шли в середине отряда, где гнали также оленей, несли спасённых детей и возвращённое имущество,

---

трупы и раненых на носилках. Двигались поэтому медленно, и только к ночи вернулись на разграбленное стойбище, где женщины радостно встретили спасённых детей. Аннуир, увидев у Ордина руку на перевязи, подбежала к нему со слезами на глазах и стала его обнимать. Другой из новобрачных этого стойбища пришлось встретить своего мужа мёртвым на носилках.

Кладбище онкилонов

Воины, расположившись вокруг костров, передавали друг другу и женщинам впечатления похода и битвы и обсуждали отдельные эпизоды, прославляя громы и молнии белых людей, благодаря которым удалось истребить целое стойбище вампу с такими небольшими потерями — по одному онкилону на десять вампу — и вернуть почти всё похищенное. При прежних войнах соотношение бывало не такое — один онкилон на двух, в лучшем случае на трёх вампу. Теперь последние долго не посмеют нападать.

Путешественники с Амнундаком, Аннуир и освобождённой женщиной сидели у отдельного костра. Горохов рассказывал Аннуир о походе.

Горюнов поинтересовался узнать кое-что о жизни вампу у онкилонки, выучившейся немного их языку. Она рассказала, что стойбище составляет как бы одну семью, потому что прочных связей между отдельными мужчинами и женщинами нет: все женщины принадлежат всем мужчинам, а дети считаются общими. Иногда мужчина убегает с женщиной, которая ему понравилась, в лес и живёт отдельно; но остальные не мирятся с этим, и дело кончается убийством беглеца и возвращением женщины в пещеру. Жизнь мужчин проходит в охоте, еде и изготовлении оружия — дубин, копий, скребков; женщины собирают дрова, скоблят шкуры, делают ремешки, но дела у них тоже немного; они часами лежат у огня или на солнце и дремлют. Мясо едят обыкновенно сырым или чуть подпечённым на огне и наедаются после удачной охоты до отвала; если нет мяса — голодают по целым дням или выкапывают какие-то корешки, собирают улиток, крупных жуков, лягушек. Спят вповалку вокруг костра, ногами к огню, на шкурах или прямо на земле, положив под голову камень. После удачной охоты и сытной еды пляшут вокруг костра до изнеможения или до драки из-за какого-нибудь пустяка. Боятся каких-то камен-

---

ных, лесных и водяных духов и ночью ни за что никуда не пойдут в одиночку. Поклоняются медведю и какому-то большому зверю с пятой ногой на голове и огромными зубами, для которого женщины собирают грибы и корешки.

После ужина воины легли спать, женщины начали обряд оплакивания убитых; последних уложили рядом возле костра с копьём и луком в руках, щитом на коленях. Женщины распустили косы, сняли ожерелья и браслеты и, закрыв лицо руками, пели заунывные песни, в которых прославлялись доблести павших воинов; при пении они покачивались взад и вперёд, сидя в головах покойников. Крот и Белуха вздумали было аккомпанировать этому пению своим воем, чем немало удивили онкилонок, которые подумали, что умные животные выражают людям своё сочувствие. Уняв собак, путешественники заснули под звуки этого заунывного пения.

День начался, как всегда, в густом тумане, сквозь который тускло светили костры. Женщины, закончив отпевание, готовили завтрак; чтобы накормить многочисленное войско, пришлось заколоть целый десяток оленей. Когда туман стал рассеиваться и проглянуло солнце, пришёл шаман со своим учеником. Мёртвых уложили на носилки, и весь отряд потянулся через лес на запад в глубоком молчании; только барабан на поляне провожал шествие редкими протяжными звуками, передавая по стойбищам весть о похоронах павших в бою. Женщины с детьми в шествии не участвовали.

В десяти километрах от стойбища дошли до западной окраины котловины, где среди каменной россыпи находилось главное кладбище онкилонов; оно представляло многочисленные могильные холмики, сложенные из камней; над каждым возвышалось копьё остриём вверх. Более старые холмики уже осели над истлевшими трупами, копыя покосились, иные упали; на самых старых не было и этого знака, а камни покрылись густыми лишаями.

Положив покойников у опушки, воины занялись приготовлением могил: выбрасывая камни россыпи в стороны, они вырывали продолговатую яму не более метра глубиной. Когда могилы были готовы, к каждой поднесли покойника и положили его ногами на юг, с вытянутыми по бокам руками, с луком с одной и колчаном стрел с другой стороны; лица закрыли куском кожи, копьё поставили в головах и затем положили могилы вынутыми из них камнями. Детские черепа и кости, собранные в пещере вампу, сложили в одну могилу, ничем не украшенную.

Во время этих действий шаман, взобравшись на большую глыбу, лежавшую среди кладбища, бил в бубен и глухим голосом пел какие-то заклинания, очевидно, отгоняя злых духов от свежих могил, чтобы они не нарушили покой мёртвых. Воины, не участвовавшие в приготовлении могил, стояли большим кольцом вокруг, опираясь на копья. Когда могилы были закрыты, все воины, как один человек, подняли руки к небу, затем закрыли ими лицо и испустили протяжный вопль, хорошо знакомый путешественникам; но здесь, вырвавшийся из пятисот глоток и затем повторённый отражением от стены, он произвёл потрясающее впечатление. Его повторили три раза, после чего отряд отошёл к опушке и расположился на отдых.

Путешественники воспользовались случаем и осмотрели окраину котловины. Туман рассеялся, утреннее солнце ярко освещало чёрные скалы, круто поднимавшиеся уступами на головокругительную высоту; наверху видны были остроконечные вершины, в расселинах которых белели снега; от них по уступам местами скатывались тонкими струйками водопады. Иногда вверху от снежного поля отрывалась глыба подтаявшего снега и, скользя по обрывам, разбиваясь на комья, мягко шлёпалась у подножия стены. В синеве неба медленно плавала пара орлов, высматривая на уступах неосторожного ягнёнка или на россыпях отставшего от оленей телёнка. В воздухе царил полная тишина, и эти многочисленные холмики среди россыпи, покрытой зелёными, жёлтыми и красными лишаями, на грани между огромной чёрной стеной с белыми зубцами и зелёной полосой леса под безоблачным небом вызвали торжественное настроение. Мёртвые ушли из зелени лесов и лугов, где они жили, любили, воевали, в это убежище на рубеже земли, под сень чёрных скал, на которых фантазия невольно рисовала себе надпись огненными буквами: «Здесь царство вечного покоя».

В нижней части обрыва против кладбища путешественники заметили большую пещеру, вход в которую был защищён валом из камней. Амнундак рассказал, что в пещере прежде жила большая орда вампу и здесь произошло одно из крупных сражений, в котором пало много онкилонов. Орду истребили до последнего человека, а россыпь близ пещеры выбрали под кладбище, потому что оставшиеся в живых онкилоны могли унести только своих раненых. С тех пор всех воинов, павших в бою с вампу, хоронят на этом кладбище.

— Видите, белые люди, — закончил Амнундак, указывая на многочисленные могильные холмики, — сколько храбрых воинов нашего племени нашли смерть от руки вампу! Вы

поймёте теперь, почему мы их так ненавидим. Мы не можем жить спокойно, пока хоть один из них остаётся в живых на нашей земле.

В пещере повсюду валялись полуистлевшие человеческие кости и черепа; медведи, волки, орлы некогда устроили здесь обильное пиршество, когда онкилоны, одержав победу, ушли, оставив трупы вампу в пещере. Судя по состоянию костей, это произошло уже несколько веков тому назад: многие кости рассыпались в прах при прикосновении. Но кремнёвые наконечники копий, скребки, ножи, валявшиеся всюду, хорошо сохранились, и путешественники собрали целую коллекцию этих изделий первобытного человека. Таким образом, эта пещера представляла второе кладбище, но печальное, в сыром полумраке, под нависшими сводами, закопчёнными многолетними огнями.

Разглядывая пещеру, путешественники не могли не подумать, как мрачна была жизнь этих первобытных полулюдей-полузверей, борющихся за своё существование самыми примитивными орудиями, то терпевших голод, то объедавшихся обильной добычей подобно хищникам; они укрывались от холода в мрачных убежищах, оспаривая их у свирепого медведя или пещерной гиены; в течение длинной полярной ночи они дрожали под жёсткими, грубо выделанными шкурами и коротали время только едой, сном и оббиванием кремня для своих орудий. Бросалось в глаза, насколько выше стояли, счастливее и веселее жили онкилоны, тоже люди каменного века; но они имели одежду, утварь, родовые обряды и празднества, жили среди зелени лесов и лугов, в жилищах более светлых и тёплых; они умели разнообразить свою пищу, обдeldывать кость и кожу; у них уже были стада домашних оленей. Сравнение форм тела онкилонов и вампу, особенно черепа, наглядно показывало, как далеко человечество ушло в своём развитии за десятки тысяч лет, отделявшие палеолитический век от неолитического.

В этой уединённой Земле Санникова, отрезанной льдами от остального мира, уцелели благодаря этому как животные, вымершие или истреблённые повсюду, так и первобытный человек, остановившийся в своём развитии на низкой ступени вследствие оторванности от остальной земли, где всё постепенно изменялось и совершенствовалось. Условия жизни вампу остались те же, как и в то отдалённое время, когда эта земля отделилась от материка и была окружена поясом льдов; климат остался тот же, пищи было довольно, и до при-

---

хода онкилонов не было побудительных причин для выработки более совершенного образа жизни.

От Амнундака путешественники узнали, что вампу уже заимствовали кое-что у онкилонов; раньше они не знали даже огня и проводили зиму возле горячих источников, где устраивали себе навесы из сложенных друг на друга камней. Научившись добывать огонь, они стали проводить и зиму в пещерах, лучше защищавших от стужи и снега. Они стали поджаривать мясо, хотя продолжали есть его и сырым; начали вырезать из дерева грубые чашки и шивать ремешками из шкур одеяла и плащи для холодного времени; делали также из кости наконечники копий, хотя предпочитали всё-таки кремнёвые, более прочные.

На вопрос Ордина, откуда вампу берут кремень для своих орудий, Амнундак не мог дать ответа: онкилонам это место не было известно; они употребляли или кость, или осколки более крупных миндалин халцедона, агата или сердолика, которые попадались в базальте окраин котловины. Выделка наконечников из этого материала требовала очень много времени и производилась только во время досугов длинной полярной ночи при свете костра в землянке. Кремня в базальте не было, и пришлось предположить, что где-то во владениях вампу в обрывах окраины находятся и другие породы, например, известняк или мел, нередко содержащие кремень. Это побуждало совершить новую экскурсию, уже в глубь земли вампу.

Закончив осмотр пещеры, путешественники и Амнундак вернулись к отряду. Воины были распущены по домам, и часть разошлась по тропам; но часть, жившая южнее, вместе с Амнундаком пошла по дороге вдоль окраины котловины. Путешественники воспользовались случаем, чтобы познакомиться с новыми местами. При общем однообразии дорога представляла в разных частях известные особенности: то обрыв спускался с головокругительной высоты почти отвесной стеной, у подножия которой лежали кучи таявшего снега, время от времени возобновляемого падавшими сверху небольшими лавинами; то обрыв распадался на уступы разной высоты, представляя убежище для каменных баранов, бурые фигуры которых можно было наблюдать время от времени; то узкая расселина, мрачный коридор между нависавшими стенами, острыми выступами и скалами, изрезанными водой и ветром и напоминавшими фантастические фигуры людей и животных, тянулись снизу вверх. Но такая расселина была доступна только каменным баранам, а не людям, и подняться

по ней наверх было невозможно. Местами, выдвигаясь вперёд, нависали огромные каменные толщи подобно выпяченному брюху какого-то чудовища, по которому отдельными струйками скатывалась вода.

В одном месте, на высоте сотни метров, из отверстия в отвесной стене вырывался серебристой дугой водопад, питаемый снегами вершин, и, рассыпаясь в водяную пыль, падал на камни россыпи. Повсюду виден был тот же базальт — то почти плотный, то пузыристый в виде лавы, то шлаковый, то изобилующий красивыми миндалинами разных цветов, которые так ценились онкилонами для женских украшений и для орудий.

В одном месте на высоте двухсот метров Горохов заметил каменного барана, который стоял на узком уступе, резко выделяясь на чёрном фоне стены; животное чувствовало себя в полной безопасности от двуногих, ползущих глубоко внизу.

— Кто из ваших воинов сможет пронзить стрелой этого барана? — спросил Горохов.

Амнундак покачал головой и сказал:

— Наши стрелы не долетят до него.

— А наши молнии долетят, и мы добудем себе баранину на ужин.

Амнундак смерил глазами расстояние и снова покачал головой.

— Ну, Никита, похвастал, так не ударь лицом в грязь перед онкилонами! — сказал Горюнов.

Горохов зарядил свою берданку, припал на колено и для верности положил ствол на развилину куста; баран казался небольшим бурым пятном, в которое попасть было нелегко. Амнундак и воины в ожидании столпились вокруг стрелка. Долго целился якут, наконец грянул выстрел, повторённый утёсами несколько раз. Бурое пятно покачнулось, метнулось вперёд и сорвалось с уступа. Баран летел вниз, ударяясь рогами о выступы скал и отскакивая от них подобно мячу; огромные рога и поджатые ноги мелькали в воздухе; наконец масса рухнула у подножия стены. Онкилоны закричали и побежали за добычей.

— Далеко бьёт молния белых людей, никто не может спастись от неё! — сказал Амнундак. — Если бы у онкилонов было десять таких молний, то прежде, чем солнце скроется на зиму, не осталось бы ни одного вампу на нашей земле.

По дороге постепенно один отряд воинов за другим отделился, сворачивая в лес к своим стойбищам; наконец свернули и последние, и, миновав землянку шамана, которому под-

---

несли голову барана, путешественники вышли на поляну к своему жилищу. Аннуир всё время сопровождала их, но на поляне помчалась вперёд, чтобы встретить мужа на пороге землянки вместе с остальными женщинами, как полагалось по обычаю племени.

Охота на охотников

Путешественники провели больше недели в своей землянке, отдыхая от экспедиции к вампу и обучаясь языку онкилонов; в болтовне с женщинами это было нетрудно, и уроки вокруг пылающего костра с чашкой чаю в руках или трубкой в зубах превращались в часы веселья с шутками и смехом; женщины, в свою очередь, учились говорить по-русски, и к концу недели обе стороны уже достаточно понимали друг друга. Привлекаемый смехом, доносившимся из землянки, Амнундак нередко заходил к белым людям, но при нём женщины вели себя чинно, а путешественники также старались не уронить своё достоинство.

Было уже начало июня, и солнце не сходило с горизонта; но, опускаясь к полуночи к северной окраине котловины, оно постоянно скрывалось часа на два за какой-то завесой из белых туч или густого тумана, и наступали сумерки. Путешественники обыкновенно уже спали в это время, но как-то раз Горюнов, выйдя из землянки, заметил это явление и позвал своих товарищей.

Расспросив женщин, они узнали, что это наблюдается всегда, потому что в этой стороне «из земли идёт большой пар, как из посуды, в которой кипит суп, или как из чайника», пояснили они. Это, конечно, очень заинтересовало путешественников, и они решили непременно проникнуть в землю вампу и выяснить, в чём дело.

Но сначала нужно было проведать базу и Никифорова. Эту экскурсию совершили все, кроме Аннуэн, оставшейся при землянке. Никифоров не скучал в одиночестве: кроме забот о собаках и их корме он был занят заготовлением топлива и мяса на зиму и в солнечные часы вялил мясо, разрезанное на полосы и развешанное на ремённых арканах. Но приходилось охранять это мясо как от собак, которых он днём отпускал на волю, так и от хищных птиц. Казак нередко забавлялся тем, что подстреливал слишком дерзкого орла, хватавшего мясо, и птица потом попадала на тот же аркан, так как годилась в ка-

---

честве собачьего корма. Снеговые сугробы заметно оседали и с поверхности оледенели, так что подняться наверх нельзя было, не вырубив во льду ступеньки. Казак не поленился сделать это, и время от времени лазил на гребень наблюдать состояние моря. Последнее сильно изменилось за месяц, проведённый путешественниками на Земле Санникова: открытая вода расширилась и придвинулась так близко, что её хорошо было видно. Над ней часто висел туман, но в иные ясные и ветреные дни последний рассеивался, и вдали на горизонте чуть показывался остров Котельный, на котором всё ещё лежал снег и только кое-где чернели проталины.

Женщины, никогда не видевшие окрестностей земли, на которой жили, поднявшись наверх, пришли в ужас от ледяной и снеговой пустыни, которая предстала перед ними во всём своём удручающем величии, и жалели белых людей, которые живут среди снега большую часть года.

— Поэтому вы такие белые, — решили они.

— Ну как, Аннуир, ты пойдёшь со мной туда, на юг, когда я уйду из вашей земли? — спросил Ордин.

Аннуир энергично потрясла головой:

— Нет, там слишком холодно, снег и лёд, и больше ничего. Смотри, там у нас лето, тепло, а здесь зима.

— Тогда я уйду без тебя, и ты останешься вдовой.

— Нет, ты тоже не уйдёшь! Вы все останетесь с нами, так сказал Амнундак. И вы обещали...

Наверху пробыли недолго: довольно резкий ветерок, веявший с ледяных полей, казался легко одетым женщинам очень холодным. И они были рады, когда очутились внизу, у костра, вокруг которого провели и ночь. За эту экскурсию к снегам женщины были вознаграждены бусами и зеркальцами, которые путешественники разыскали в своей кладви, оставленной на базе.

В этот раз забрали из неё и все подобные вещи, взятые на случай встречи с онкилонами, чтобы раздарить их на стойбище Амнундака; бусы, зеркальца, иголки, блестящие пуговицы, яркие ленты, медные кольца и серьги с фальшивыми камнями и коралловое ожерелье для жены вождя должны были возбудить восторг онкилонок, а несколько ножей, топор и ручная пила удовлетворить мужчин и побудить Амнундака дать надёжный конвой для экскурсии в глубь земли вампу.

Вернувшись в стойбище, прожили ещё дня три и убедили Амнундака после долгих разговоров согласиться на их экскурсию в северную часть котловины.

— Хотя ваши молнии поражают наверняка и птиц, и зверей, и людей, — сказал он, — но вампу очень хитры и могут напасть на вас из засады или ночью среди тумана. Поэтому я дам вам в спутники двенадцать лучших молодых воинов, которые будут охранять ваш сон, нести ваши вещи и разведывать безопасную дорогу.

На следующий день отряд из семнадцати человек, хорошо вооружённых, отправился в путь. Аннуир упростила Ордина взять и её с собой и тоже вооружилась копьём и луком со стрелами, несмотря на насмешки онкилонов и запугивание женщин. Но ей хотелось видеть новые местности, а Ордин думал приучить её к путешествиям, чтобы потом увезти с собой на материк; она ему очень нравилась и, со своей стороны, горячо полюбила его.

В первый день дошли до разорённого вампу стойбища. Землянка была уже восстановлена, и жизнь брала своё: женщины хлопотали, дети шалили и резвились, не видно было только стариков и старух, истреблённых вампу. Переночевав у стойбища, пошли дальше прямо на север. Поляны с озёрами чередовались с лесами, но последние постепенно становились менее густыми, а диких животных встречали меньше. На ночлег остановились на поляне на берегу озера, которое в центре вскипало бугром через каждые десять минут и имело такую тёплую воду, что путешественникам захотелось основательно помыться. Пока воины разводили костёр и резали мясо для ужина, путешественники отошли немного от лагеря, быстро разделись и бросились в воду. Плеск воды обратил на себя внимание воинов, которые вскочили в ужасе. Хотя они не питали такого отвращения к воде, как, например, монголы, которые не мылись никогда, но, подобно другим народам Севера, где вода слишком холодна, они не знали купанья. Поэтому они подумали, что белые колдуны, порученные их попечению, хотят скрыться из земли онкилонов, превратившись в рыб или тюленей.

— Анну, смотри, твой муж и другие колдуны сейчас исчезнут — они ушли в озеро! — вскричал один.

Аннуир, занятая также стряпнёй, вскочила и побежала к берегу, за ней — все онкилоны. Путешественники были уже в воде и плавали, видны были только их головы.

— Вот они уже превратились в нерпу! Смотрите, смотрите! — кричали собравшиеся на берегу.

Но Аннуир, уже немного цивилизовавшаяся и кое-что знавшая, после первого испуга успокоилась — она узнала лицо Ордина и стала смеяться над онкилонами. Впрочем,

---

последним пришлось удивиться ещё больше. Когда путешественники вылезли на берег и, растирая себе тело и голову, стали покрываться чем-то белым, похожим на снег, воины, не имевшие понятия о мыле, были поражены.

— Вот смотрите, на этих колдунах вода замерзает и переходит в снег! — говорили они друг другу.

Опять Аннуир, которая уже узнала употребление мыла, объяснила онкилонам, в чём дело. Но они успокоились только когда белые люди оделись и вернулись к костру, где все воины исподтишка внимательно осматривали их — нет ли какой перемены.

Пока все ужинали, Аннуир, захватив мыло, тоже побежала купаться, отойдя подальше от лагеря. Не умея плавать, она не пошла далеко в воду и мылилась у самого берега. Когда она вернулась, все воины подняли её на смех.

— Ты натёрлась снегом, чтобы стать белой, как твой муж! Не побоялась полезть в воду, где водяной дух мог схватить тебя за ноги и утащить в глубину. Но ты осталась такой же чёрной, как была! — так подсмеивались её соплеменники.

Аннуир потом призналась Ордину, что в воде ей было ужасно жутко: ей всё время казалось, что вот-вот кто-то схватит её за ноги и утащит. Как все онкилоны, она верила в существование злых духов, живущих в воде, в лесах, в пещерах, в духах тумана и метели. И только желание во всём подражать ему заставило её полезть в воду.

— В другой раз я пойду в озеро вместе с тобой. Но ты должен мне показать, как ты делаешь, чтобы плавать, как нерпа, — заявила она.

Во время ночлега два воина поочерёдно держали караул вместе с Кротом и Белухой, которые уже подружились с онкилонами, получая от них полубоглоданные кости и обрезки мяса. Бдительность собак стала цениться воинами, которые выражали сожаление, что их предки не захватили с собой несколько подобных животных.

— Отчего бы им не поймать и приручить волчат? — спросил Горохов.

— Волк никогда не становится ручным, — пояснил ему Горюнов. — Разве что поймать волчицу и скрестить её с нашими псами. У нас, к сожалению, в своре нет сук.

Онкилоны отнеслись с недоверием к этому предложению, но сказали, что поймать волка не так трудно.

Ещё день прошёл в пути на север. Леса становились всё ниже и редели, трава на полянах была менее густая; быки и лошади попадались не часто и были очень осторожны — оче-

---

видно, преследования вампу выучили их не доверять человеку. Зато чаще попадались носороги, которые сами наводили ужас на вампу и не боялись копий и дубин.

Под вечер перед выходом на одну поляну разведчики, шедшие с собаками впереди, остановили отряд известием, что появились вампу. Спрятавшись в кустах опушки, стали наблюдать.

На поляне паслось несколько быков; один стоял немного поодаль и, очевидно, дремал, пережёвывая жвачку.

Сзади по траве к нему медленно ползли пять или шесть вампу.

Подползши шагов на двадцать к быку, передний вампу быстро поднялся и пустил одно за другим два копыя; остальные, вскочив, забегали с боков, подняв копыя и готовясь к нападению. Одно из копий попало в крестец и врезалось в кожу; бык взревел от испуга и боли и, заметив врагов, бросился на них, опустив голову и выставив вперёд свои громадные рога; вампу успели вовремя отскочить, и животное пронеслось мимо, получив ещё по одному удару копыём в каждый бок; но кремнёвые наконечники, очевидно, недалеко проникали сквозь толстую шкуру, так как копыя сейчас же выпадали. Рассвирепевший бык повернул кругом, неожиданно настиг одного из охотников и взмахом головы подбросил его довольно высоко; но другие вампу снова метнули копыя и отвлекли внимание быка от упавшего человека.

Увидев, что на него нападают с разных сторон, бык предпочёл искать спасения в бегстве и помчался по поляне вслед за остальными. Вампу пустились за ним, но, несмотря на быстроту своих ног, сразу стали отставать. Несколько брошенных вслед копий не произвели впечатления на мчавшееся во весь дух животное.

— Не удалась им охота! — сказал Горюнов. — Теперь подстрелим быка у них на глазах, но, конечно, не для них.

Бык бежал теперь шагах в двухстах от наблюдателей, а четыре вампу шагах в тридцати позади: пятый остался на месте своего падения. Вампу бежали огромными шагами, сильно наклонив корпус вперёд; их космы развевались по ветру; у каждого в руках осталось только одно копыё. Они надеялись, что от потери крови бык ослабеет и даст себя догнать. И вдруг он на полном ходу рухнул на землю.

В пылу погони вампу или не слышали выстрела, или не поняли, в чём дело. Издавая рёв торжества, они подбежали к животному и принялись исполнять вокруг него свой танец победы.

— Придётся попугать их, — сказал Ордин. — Иначе мяса нам не видать.

— Да и вообще нужно очистить себе дорогу дальше на север и заставить их улупётывать к пещерам.

Горохов поднял берданку и выстрелил. Вампу сначала оцепенели на месте, но потом, испуская вопли ужаса, помчались обратно по поляне; поднялся и помятый быком и, хромая, полплёлся вслед за ними. Онкилоны немедленно выскочили на поляну и издали свой военный клич, чтобы выстрел в представлении вампу соединился с этим кличем в одно событие.

— Будем ночевать здесь! — заявил Горюнов. — Ужин готов, вампу не посмеют вернуться.

Пока онкилоны потрошили быка, путешественники разыскали среди поляны озерко, скорее, прудок, не имевший стока, с чуть тепловатой водой; его берега отвесно уходили вглубь, и оно казалось очень глубоким. Возле него расположились на ночлег, принесли к нему пласты мяса, оставив лишнее на поживу орлам и волкам. Запылал костёр, и все занялись приготовлением ужина. Ордин пошёл с котелком к озерку; чтобы зачерпнуть воды, ему пришлось лечь на землю — так низок был уровень озерка. И вот, опуская руку с котелком, он заметил, что вода как будто поднимается навстречу; он стал медленно поднимать котелок — вода следовала за ним, словно притягиваемая магнитом.

Выше и выше поднималась вода и наконец сравнялась с поверхностью берега.

— Вода выступает из озера! — воскликнул Ордин, вскакивая на ноги.

На этот возглас все сбежались к берегу и с удивлением смотрели на переполненное до краёв озерко.

— Надо собирать вещи и уходить дальше, — заявил Костяков.

Онкилоны начали шептаться и с суеверным ужасом смотрели на воду в ожидании, что из неё покажется голова какого-нибудь чудовища. На лице Аннуир отражался попеременно страх и смех, так как, взглядывая на Ордина, она заметила, что он улыбается. Она уже усвоила мысль, что белые люди всё знают, всё могут и ничего не боятся.

Но прежде, чем онкилоны приняли решение бежать, вода в озерке стала медленно понижаться и через несколько минут заняла свой первоначальный уровень. Горохов облегчённо вздохнул.

— Ушёл, ушёл обратно вглубь, испугался, видно! — промолвил он.

Ордин, Горюнов и Костяков рассмеялись — они догадались, что это был новый вид озёр с подземным питанием: на дне его, очевидно, было жерло, уходившее далеко вглубь и заполненное водой; время от времени пары и газы поднимали воду вверх, а затем находили себе выход по какой-нибудь боковой трещине, не вырываясь из воды, как в других озёрах; в результате вода понижалась. Оставалось проследить периодичность этого явления, чтобы убедиться в правильности объяснения. Ордин вынул часы.

— Теперь я понимаю, как животные пользуются этим озером для водопоя, — сказал Горюнов. — Они выжидают, пока вода не поднимется до краёв.

— Да, а я недоумевал при виде обрывистых берегов и отсутствия спусков к воде, вытопанных животными, — подтвердил Ордин.

— А иной зверь, пожалуй, не успеет напиться, глядь — вода у него из-под носа ушла! Поди дождидайся, пока она поднимется.

Ждать действительно пришлось долго: успели сварить и сжарить ужин и съесть его, когда вода опять постепенно стала подниматься; промежуток оказался равным почти часу.

Едва солнце успело скрыться за завесу паров северной части котловины, как оттуда надвинулся густой туман, и сразу стало почти темно. Но на ночь дрова были запасены, и у костра было светло и тепло. Беседовали об озёрах этой странной земли с их периодическими извержениями, которые онкилоны объясняли игрой водяных духов. Они сообщили, что в северной стороне есть долина Тысячи Дымов, где из земли повсюду идёт дым и где земля так горяча, что жжёт ноги через обувь. Они сами не бывали там, но слышали об этом от стариков, которые в молодости участвовали в большом набеге на вампу, предпринятом дедом Амнундака.

В этой долине вампу прежде проводили зиму.

Разговор был прерван протяжным воем, донёсшимся из леса; собаки ответили на него яростным лаем.

— Волки близко — почуяли падаль, — сказал Горохов.

— А вот и случай поймать волчицу или двух, — предложил Горюнов.

Онкилоны заявили, что это нетрудно, что они в зимние ночи охотятся на волков, тревожащих оленьи стада, облавой с огнём. Для поимки волчицы у них оказалась сеть, сплетённая из тонких ремешков и употребляемая для ловли ленных гусей. Стали готовиться к облаве. Из кучи топлива, заготовленного на ночь, выбрали смолистые стволы сухих молодых

лиственниц, разломали их на куски в полметра длиной и привязали к копьям; такие факелы изготовили для всех участников и положили на костёр. За это время волки собрались у остатков быка, откуда доносилось ворчанье, визг, хруст костей, — свора хищников пировала, пользуясь мглой.

Когда факелы разгорелись, онкилоны и путешественники с факелами в одной руке, копьем или ружьем в другой бегом окружили место пира и затем, наклонив факелы вперёд, почти до земли, и размахивая ими вправо и влево, стали сходить к центру, где были волки, окружённые огненным движущимся кругом. Вскоре сквозь туман можно было разглядеть кучу серых хищников, столпившихся у трупа; поджав хвосты, оскалив зубы, они стояли, растерявшись, не видя лазейки для бегства в колеблющемся и всё приближающемся страшном кольце. Звери завывали, начали метаться, прыгая друг на друга, и, наконец, обезумев, бросились по два и по три в разные стороны.

Но уйти удалось немногим: онкилоны ловко подкалывали их копьями или, ударив факелом по морде, отгоняли назад. Воин, имевший сеть, накрыл ею волчицу, пытавшуюся прорваться, — она сразу запуталась и повалилась. Оставшиеся в живых волки вернулись к трупу и, дрожа, прижавшись друг к другу, щёлкая зубами, уже не пытались бежать; несколько выстрелов покончили с ними. Подняв факелы, онкилоны теперь добивали волков, лежавших в разных местах; среди раненых нашли ещё волчицу, накрыли ей голову одеждой и, связав все четыре ноги вместе, унесли, подвесив на копье.

Подобрав всех волков, которых оказалось одиннадцать, вернулись к костру и занялись снятием шкур.

Для каждой из пойманных волчиц вбили в землю три колышка, к двум притянули ремнями передние и задние ноги, к третьему шею, так что животное не могло достать зубами ни один ремень. После этой оригинальной охоты улеглись спать вокруг костра, оставив, по обыкновению, караульных, которые должны были присматривать за волчицами и охранять их от Крота и Белухи; последние долго не могли успокоиться, выражая желание расправиться со своими беспомощными врагами.

Долина Тысячи Дымов

За утренней едой среди густого тумана обсуждали вопрос, как увести с собой волчиц: одни предлагали нести их поочерёдно на плечах, другие — в носилках, устроенных из шкуры убитого быка. Всего проще было заставить их бежать на собственных ногах, но не было ни цепи, ни проволоки, чтобы сделать повод, который был бы недоступен их острым зубам.

Наконец догадались: сделали широкие кожаные ошейники и намордники; ошейники привязали к концам шомпола от берданки Горохова. Таким образом волчицы шли рядом, как быки в ярме; один онкилон вёл их за ремень, другой подгонял сзади. Сначала звери упирались всеми четырьмя ногами, ложились; но после того, как на них пустили собак, которые стали покусывать их сзади, они смирились и поплелись, поджав хвосты, за людьми.

Как только туман поредел, пошли на север. Растительность становилась всё более чахлой, попадались целые полосы засохшего низкорослого, но старого леса; на полянах площадки редкой травы перемежались с совершенно голыми, почва которых представляла выветрившийся базальт. Через несколько километров встретили расселину в почве, над которой поднимался лёгкий дымок.

Ордин, наклонившись, приложил руку к трещине, но быстро отдернул её — так горяч был воздух, выходявший из глубины. Чем дальше, тем больше встречалось таких расселин, и воздух становился горячее; путешественникам казалось, что они попали в хорошо натопленную баню, тем более что пары застилали всю окрестность подобно лёгкому туману. Онкилоны давно уже сбросили свои куртки и шли обнажённые до пояса; не выдержали и путешественники и последовали их примеру. Наконец и Аннуир спустила с себя кофту-панталоны и осталась в одном пояске, заявив с некоторым смущением, что жарко, как в жилище, когда горит хороший огонь.

Участок более густого тумана привлёк к себе внимание: оказалось, что среди него из нескольких отверстий вырываются клубы пара с лёгким свистом или тяжёлым дыханием.

— Вот уже настоящие фумаролы!* — воскликнул Ордин.

Чем дальше, тем больше становилось этих отверстий, рассеянных среди голой бугровой поверхности чёрной лавы.

---

* Фумаролы представляют собой струи газов и водяных паров, выделяющихся на склонах и в окрестности действующих вулканов, а также из застывающих потоков лавы, нередко и в кратерах потухших вулканов.

Казалось, что вся земля тлеет в глубине и дымит; теплота почвы чувствовалась уже через обувь.

Когда прошли километр-другой по такой местности и остановились передохнуть и оглянуться, то нельзя было не удивиться представившейся картине. Со всех сторон то тут, то там из почвы вырывались клубы пара, поднимавшиеся в спокойном воздухе курчавыми колоннами вверх, где под косыми лучами солнца играли обрывки радуг. Можно было подумать, что дымят бесчисленные трубы невидимого города в ясный и тихий морозный день. В промежутках между белыми колоннами на западе, севере и востоке чернели высокие обрывы окраин котловины, которые отстояли здесь уже только в пяти-шести километрах. То тут, то там показывались очертания острых вершин с полосами или пятнами снега, ярко блестящими под лучами солнца. Эти белые снега и белые столбы с одной стороны, чёрные обрывы и чёрная почва — с другой представляли редкое сочетание двух противоположных цветов.

Тишина нарушалась нередко то резким свистом, то гудением какого-нибудь отверстия.

— Чёрная дымящаяся пустыня! — воскликнул Горюнов.

— Вот она, долина Тысячи Дымов! — сказал Ордин.

— Обиталище злых духов, — заявил старший из онкилонов. — Это дымятся их костры в подземных пещерах.

С разными чувствами созерцали эту редкую картину люди отряда: белые с интересом, смуглые — с суеверной тревогой. Более широкий столб пара впереди привлёк внимание. Когда приблизились к нему, оказалось, что он поднимался из озера диаметром всего метров в шесть, в котором вода клокотала, словно в большом котле.

Горюнов достал из котомки кусок сырого мяса, привязал его к концу ремешка и опустил в воду. Подбрасываемое струями кипящей воды, мясо вертелось, ныряло, и в несколько минут сварилось.

— Прекрасное место для ночлега! — заметил Ордин. — Нет дров, но есть готовый котёл, в котором можно сварить ужин и взять кипятку для чая.

На дальнейшем пути на север встретили ещё несколько кипящих озёр разной, но небольшой величины. Самые маленькие — в один-два метра в диаметре — кипели спокойно, выделяя много мелких пузырей; большие кипели бурно, и вся поверхность их волновалась, вздымаясь ключами то тут, то там. Обратили внимание, что отвесные стенки над поверхностью воды и почва вокруг озёр кое-где были покрыты

белым налётом, словно снегом. Последний возле кипящей воды казался бессмыслицей. Наскресли пробу этого налёта, и оказалось, что это какая-то соль, очень едкая и неприятная на вкус.

— Но если выделяется соль, вода тоже должна быть солёной и не годной для чая, — заметил Горюнов.

Попробовали воду — она оказалась не совсем пресной, но всё-таки годной для питья.

Пробираясь между кипящими озерами и дымящими рассединами, уже недалеко от окраины котловины наткнулись на большую плоскую впадину, диаметром сотни в две шагов и глубиной метров в пятнадцать-двадцать.

Дно плавно изгибалось, так что напоминало большую чашу, но воды не было. Всматриваясь через лёгкую дымку, стлавшуюся по дну, заметили, что в рассединах почвы то тут, то там вспыхивают синие огоньки. Ордин захотел осмотреть их поближе и спустился вниз, но через несколько шагов быстро повернул обратно, зажимая нос и рот. Он сказал, что начал задыхаться от паров серы и хлора, заполнявших горячий, как в печке, воздух.

В бинокль можно было различить, что на чёрной почве дна повсюду желтеют и белеют полосами и пятнами густые налёты, очевидно, серы и нашатыря.

— Ну, Павел Николаевич, — сказал Ордин Костякову, когда отдышался, — теперь и вы не станете отрицать, что Земля Санникова — кратер колоссального вулкана, ещё не вполне потухшего.

— Конечно. Эти базальтовые обрывы со всех сторон, гейзеры и озёра с пузырями — на юге, кипящие озёра и фумаролы — на севере, эта ядовитая яма — всё это не оставляет ни малейшего сомнения, — подтвердил Горюнов.

— Но ведь онкилоны живут здесь четыреста лет, а вампу и животные гораздо дольше. В южной половине густая растительность — следовательно, вулкан давно уже не действовал, — возразил Костяков.

— Несомненно; но ясно также, что он прекращал свою деятельность постепенно с юга к северу, потому что признаки здесь гораздо ярче. Может быть, в то время, когда вампу уже населяли южную часть, в северной ещё выливалась лава.

— Онкилоны этого уже не застали, — подтвердил Ордин. — Они знают только о дыме «подземных духов».

— А не может ли вулкан в один прекрасный день проснуться от своей долгой спячки и натворить беды? — спросил Горюнов.

— Вполне возможно. Потухшими в полном смысле слова можно считать только вулканы, не действовавшие целые геологические периоды и уже более или менее разрушенные. За все прочие поручиться нельзя, и их правильнее называть заснувшими, потому что они могут проснуться. Мы знаем примеры, когда вулканы, считавшиеся потухшими, вдруг начинали действовать. Вспомните Везувий, в кратере которого, заросшем густым лесом, спасался Спартак, предводитель восставших рабов. Никто не считал эту гору вулканом, о её деятельности не сохранилось даже преданий. И вдруг в семьдесят девятом году нашей эры она проснулась и уничтожила Геркуланум и Помпею, и с тех пор действует до наших дней.

— А Лысая гора на Мартинике? — вспомнил Горюнов. — До половины восемнадцатого века она спала, и туземцы ничего не знали о её прошлой деятельности. Потом стала просыпаться, но просыпалась полтора года, еле подавая признаки жизни, и только в начале двадцатого века произвела страшное извержение, в несколько минут погубившее целый город Сен-Пьер и тридцать тысяч жизней.

— И таких примеров можно привести ещё много из обеих Америк, Зондских островов, Камчатки, — прибавил Ордин.

— Пробуждение этого вулкана было бы бедствием для онкилонов, — заметил Костяков.

— Смотря по тому, как и где возобновится деятельность. Если она ограничится северной частью котловины, которая и теперь бесплодна и не населена, и если будет не сильна, онкилоны будут спокойно существовать недалеко от вулкана. Но если извержения начнутся в южной части, можно ждать самого худшего.

— Мне кажется, — ответил Ордин, — что это обилие fumarol, кипящих озёр, гейзеров в котловине показывает, что вулканическая деятельность может возобновиться не сегодня-завтра — словом, в любое время, хотя такое состояние котловины тянется уже сотни лет, по словам онкилонов. Но ведь они очень редко посещают эту местность, и показания их ненадёжны. Тут нужно правильное наблюдение.

— Ну, будем надеяться, что при нас ничего не случится и Земля Санникова с её живыми окаменелостями просуществует ещё столетия, — пожелал Горюнов.

Обогнув удушливую впадину, путники вскоре дошли до северной окраины котловины, представлявшей тот же отвесный или уступчатый обрыв из базальта, как и в других местах; он поднимался, на взгляд, не меньше чем на тысячу метров. Вследствие полного отсутствия растительности, даже лиша-

---

ёв, этот край производил ещё более мрачное впечатление. Но, оглядевшись кругом, наблюдатель оказывался перед ещё более поразительной картиной: на небольшом расстоянии от подножия чёрной стены тянулась белая стена долины Тысячи Дымов, в которую сливались издали столбы паров; эта стена не была неподвижна, а слегка волновалась, клубилась, и под лучами низкого солнца на её волнистом гребне то тут, то там переливались радуги, перемещаясь с места на место.

В одном месте длинная белая полоса у подножия чёрной стены привлекла к себе внимание путников.

— Странно, неужели это снег, свалившийся сверху? — предположил Горюнов.

— Нет, это не снег, а выход какой-то белой горной породы, — сказал Ордин, взглянув в бинокль. — И она вся изрыта ямами, словно её грызли. Уж не тут ли вампу добывают себе кремни?

Поспешили к этому месту. И оказалось, что здесь базальт лежит на снежно-белом рыхлом мраморе, выступавшем на три-четыре метра над дном котловины на протяжении двух-трёх сотен метров. В мраморе были рассеяны то порознь, то гнёздами и прослойками чёрные, серые и грязно-белые кремни; последние и добывались вампу, которые наконецниками копий или скребками источили весь обрыв мрамора.

— Ну вот и открытие, которое было нужно нам, чтобы определить время образования вулкана, — сказал Ордин, обследовав белую стену. — Я нашёл несколько, хотя и плохих, окаменелостей, показывающих, что это верхнемеловая толща. Следовательно, вулкан образовался не раньше третичного периода, когда на севере Сибири в разных местах изливались те же базальты. Нужно поискать ещё — не найдутся ли получше.

С этими словами Ордин залез в одну из более глубоких ниш обрыва и стал работать молотком; остальные рылись в кучах белого песка, насыпанных у подножия; даже онкилоны приняли участие в поисках, когда им показали одну из найденных раковин и объяснили, что это такое. Но вот молоток перестал стучать, и вскоре Ордин вылез из ниши и сказал:

— А знаете, в глубине тут идёт здоровая работа. Соблюдайте тишину и, приложив ухо к обрыву, слушайте. Всего лучше, конечно, в глубине ниши, где я был.

Горюнов и Костяков полезли в нишу и прижались ухом к стенке. Они услышали доносившиеся из глубины земли то короткие, то более продолжительные удары, словно там, где-то далеко, шла работа огромных кузниц; казалось, что тяжё-

---

лыми молотами бьют по твёрдому металлу. Порода слегка дрожала, и можно было видеть, как от белой стены по временам отрывались отдельные кристаллы известкового шпата, составлявшего мрамор.

— Здорово работают там, внизу! — сказал Горюнов, вылезши из ниши.

— Не пора ли нам удирать отсюда подобру-поздорову? — спросил Костяков с тревогой в голосе.

— Вы думаете, что это признак скорого пробуждения вулкана? — засмеялся Ордин. — Если бы мы бывали здесь раньше и этих звуков не слышали, это действительно было бы признаком усиления подземной деятельности. Но даже и в таком случае бояться нечего — пробуждение может продолжаться дни, недели, месяцы и годы.

— И даже столетия, как у Лысой горы! — прибавил Горюнов.

Онкилоны, узнав, о чём говорят чужестранцы, полезли один за другим в нишу и выходили оттуда встревоженные. Теперь они были убеждены более чем когда-либо, что здесь, под землёю, обитают злые духи. Эти удары, содрогание стены, огоньки во впадине, тысячи дымов, кипящие озёра, полное отсутствие растительности — всё в совокупности до того пугало их, что они стали настойчиво просить, чтобы до ночи уйти из этой страшной местности.

Было уже поздно, солнце скрылось за высоким северным обрывом, и густая тень легла на эту часть котловины. Кроме того, с запада надвигалась большая чёрная туча, а туман должен был стать здесь особенно густым. В тумане и сумерках легко было потерять дорогу и попасть в расщелину или в кипящее озеро.

Действительно, едва успели отойти на километр от обрыва, как всё небо покрылось тучами и пошёл мелкий дождь; вся местность окуталась туманом от многочисленных испарений, охлаждаемых дождём; стало совсем темно, и волей-неволей пришлось остановиться по соседству со зловещей впадиной и возле кипящего озера, дававшего возможность сварить хоть ужин и чай, так как топлива никакого не было. Спокойствие чужестранцев подействовало и на онкилонов, и все, лёжа на берегу озера, спускали на ремешках или концах копий куски мяса в воду, но говорили только шёпотом. Горохов догадался даже сварить суп; он положил мясо в котелок, прибавил соли и крупы, зачерпнул воды и погрузил котелок до половины в озерко. Навар получился недурной, и, главное, мясо сварилось в солёной воде и было вкуснее, чем куски,

---

варившиеся прямо в озерке. Чай также оказался достаточно вкусным.

После ужина онкилоны, сбившись в тесную кучу и укрывшись от дождя щитами, заснули, выставив караул. Для чужестранцев они устроили шалаш из бычьей шкуры и копий. Но последним захотелось посмотреть ночью на огни впадины, и они потихоньку, не будя никого, направились к ней. Благодаря теплу, исходившему из глубины, над впадиной не было тумана, и она представляла чёрную яму, дно которой было изборозжено в разных направлениях линиями синих огоньков, местами перебежавших с места на место, то потухавших, то загоравшихся и представлявших очень странное и занимательное зрелище.

Чтобы лучше видеть, все четверо прилегли на землю у края впадины, и вдруг почувствовали резкие удары — земля задрожала под ними.

— Землетрясение! — воскликнул Костяков, вскакивая.

Но ему пришлось снова лечь, так как устоять на ногах не было возможности — почва колебалась слишком сильно. Слышался глухой гул, а во впадине огни дрожали и то потухали совсем, то опять вспыхивали. Со стороны окраины котловины доносился грохот: в разных местах отрывались и падали глыбы камня. Все эти звуки в темноте и тумане производили жуткое впечатление.

Со стороны лагеря, отстоявшего в какой-нибудь сотне шагов, слышались крики ужаса, вопли Аннуир, проснувшейся и заметившей, что Ордин и другие белые люди исчезли. Онкилоны подумали, что белые колдуны бросили их в стране ужаса и скрылись навсегда. Собаки и волчицы подняли вой, аккомпанируя людям, и концерт получился адский. Суеверные люди совершенно растерялись и не знали, что предпринять.

Когда колебания почвы ослабели и можно было встать на ноги, путешественники поспешили к лагерю, который легко было найти даже в абсолютной тьме по доносившимся крикам. Появление белых сразу успокоило всех, и, когда Горюнов объяснил, куда они ходили, онкилонам стало даже немного стыдно. Аннуир повисла на шее Ордина и спрятала заплаканное лицо на его груди. Это происшествие разогнало у всех сон. И Горюнов воспользовался случаем, чтобы расспросить онкилонов, бывали ли землетрясения раньше. Оказалось, что это явление им знакомо; иногда, обычно в зимнее время, они замечали, что земля слегка дрожит, брёвна землянок поскрипывают и на головы через щели сыплется земля.

— Ну вот и сейчас то же самое! — сказал Горюнов.

— Нет, не то же самое! — возразили онкилоны. — Никогда не было того, чтобы земля так качалась, что нельзя устоять на ногах. Поэтому мы так испугались, а когда увидели, что вы исчезли, мы подумали, что вы нас бросили в этом ужасном месте и что подземные духи, которые колеблют землю, сейчас выскочат из трещин и увлекут нас в подземное царство.

Колебания почвы больше не повторились, и путешественники вернулись в свой шатёр, который пришлось восстановить. От первого же толчка копыа покосились и шкура упала на Аннуир, разбудила и перепугала её. Онкилоны же не решились ложиться спать; отсутствие костра усиливало их суеверный страх, кроме того, над южной частью котловины разразилась гроза — очень редкое явление на Земле Санникова; там ослепительно сверкали молнии, гремел гром, многократно повторяемый отражением от высоких обрывов. Сбившись в кучу, храбрые воины бормотали заклинания, пока не стало совсем светло благодаря очистившемуся небу и ветру, разогнавшему туман. Только тогда они заснули.

Боги вампу

Отсутствие тумана в это утро, довольно прохладное после дождя и вследствие ветра, позволило пуститься в обратный путь раньше, чему онкилоны были особенно рады. Но перед тем пришлось ещё раз воспользоваться кипящим озером, чтобы сварить мясо и подкрепиться на дальнюю дорогу. Перед тем, как уйти, онкилоны бросили несколько кусков мяса в озеро и три раза поклонились ему.

— Воины благодарят подземных духов за то, что они ночью только поугадали, но не причинили зла, — пояснила Аннуир.

Не останавливаясь у знакомых уже озёр и трещин, отряд к полудню миновал долину Тысячи Дымов, и, когда началась первая растительность, лица онкилонов совершенно преобразились, стали такими же приветливыми и весёлыми, какими были всегда. Видно было, что, сопровождая чужеземцев по приказу вождя в страшную долину, они принесли большую жертву и ждали самого худшего. Но им пришлось принести и другую жертву: войдя в полосу леса, эти чужеземцы вздумали воспользоваться случаем и проникнуть ещё раз в страну вампу, чтобы посмотреть тех странных животных «с пятой ногой на голове», которым вампу поклонялись. По рас-

---

спросам, эти животные обитали где-то поблизости от страшной долины.

Волей-неволей отряд повернул на юго-восток; выслали вперёд трёх разведчиков с собаками. Снова потянулись знакомые картины: поляны с озёрами и более или менее широкие полосы леса, который становился опять выше и гуще. Километров через шесть разведчики остановили отряд сообщением, что на ближайшей поляне пасутся «боги». Пробираясь осторожно по опушке леса, подошли к месту, ближайшему к животным. В сотне шагов от края леса видны были четыре крупных зверя, в которых нетрудно было узнать представителей рода слонов. Под лучами послеобеденного солнца они, наевшись, предавались отдыху, стоя неподвижно, опустив хоботы и изредка только взмахивая короткими хвостами или пошевеливая большими ушами. Их тело было покрыто довольно длинной, но редкой шерстью красновато-бурого цвета. Два были побольше, два поменьше; последние особенно отличались размерами бивней, которые были короткие и торчали прямо, тогда как у взрослых сильно загибались концами вверх и затем внутрь.

— Нет сомнения, что это мамонты, — сказал Горюнов.

— Хотелось бы посмотреть, как бегают эти чудовища на воле, — сказал Костяков. — Все мы видели слонов только в тесной загородке зоологического сада, где бегать негде.

— Это, конечно, интересно! Но как заставить их бегать?

— Я думаю, что они испугаются выстрелов.

— Сомнительно, потому что они не знакомы с действием огнестрельного оружия. И, кроме того, мы можем привлечь внимание караульчиков, которые живут где-нибудь поблизости.

— Ну, вампу испугаются выстрелов больше, чем мамонты, потому что они уже знакомы с их действием.

— Тише, легки на помине! — сказал Горюнов, указывая на противоположную опушку.

Оттуда вышли на поляну двое рослых вампу и один мальчик с какой-то ношей за плечами. Приблизившись к мамонтам, они опустили ношу на землю, затем стали сами на колени и несколько раз поклонились животным до земли. Мамонты при их приближении очнулись от дремоты, подошли к вампу и начали размахивать хоботами и издавать звуки, напоминавшие громкое хрюканье. Кончив поклоны, вампу развернули свою ношу, оказавшуюся шкурами, наполненными какими-то корешками; они разложили их на траве перед мамонтами, которые немедленно начали схватывать хоботами

по два и по три корешка сразу и отправлять их в свою пасть. Оказалось, что один из вампу женщина; она развернула свою ношу перед двумя молодыми мамонтами, тогда как мужчина и мальчик угощали старых. Животные скоро покончили с корешками и громким хрюканьем требовали ещё, протягивая хоботы к вампу; последние возобновили свои поклоны и вдруг, захватив шкуры, пустились бежать во всю мочь к опушке. Тут Костякову удалось увидеть то, что он желал: мамонты тяжёлой рысью побежали вслед за вампу, вытянув и завернув хоботы крючком наверх, растопырив уши и подняв хвостики. Но это, по-видимому, была просто благодарность за угощение, потому что они могли бы догнать и растоптать вампу, если бы захотели; между тем они проводили последних только до опушки, а затем степенно повернули назад, издавая трубные звуки.

Весь отряд с интересом следил за этой сценой кормления и поклонения. Но когда вампу скрылись, онкилоны начали просить путешественников застрелить одного из мамонтов, толстая шкура которого высоко ценилась ими как лучший материал для щитов, а бивни — как такой же материал для наконечников копий и стрел и для ножей. Добывать мамонта им случалось крайне редко: вампу охраняли своих богов, поэтому устроить охоту на последних удавалось только во время больших войн с вампу, да и в этом случае старые животные были мало уязвимы для копий и стрел и успевали убежать. Теперь можно было воспользоваться случаем — и руках чужестранцев были страшные, смертоносные молнии.

Ордин поддержал просьбу онкилонов — ему хотелось рассмотреть животное вблизи и измерить его.

Костяков вспомнил прочитанные в детстве сведения, что хобот слона очень лакомое блюдо, и также присоединился к просящим.

— Но вампу будут мстить нам за убийство бога, — возразил Горюнов. — Караульчики соберут всю орду, которая нападёт на нас.

— Я думаю, что они, услышав выстрелы, убегут подальше. Но ради науки и чтобы угодить нашим верным спутникам, можно даже рискнуть, — ответил Ордин.

— Этого колосса разрывной пулей не свалишь, а раненый, он рассвирепеет, и нам придётся плохо.

— Пустим в него две или три пули — за этим дело не станет!

Горюнов с видимой неохотой согласился на это убийство редкого и почти ручного животного, но сам не стал стрелять.

Онкилоны очень обрадовались и с громадным интересом стали следить за действием молний белых людей на бога вампу. Ордин и Костяков выстрелили одновременно в ближайшего старого мамонта, который стоял боком и снова собирался дремать. Животное пошатнулось, ринулось вперёд, потом метнулось в сторону и, испустив глухой рёв, упало на колени и затем рухнуло всей массой на бок. Остальные три мамонта, испуганные выстрелами, отбежали немного в сторону, остановились и повернулись назад, ожидая, что упавший почему-то товарищ поднимется и присоединится к ним; они призывали его громкими трубными звуками.

Охотники и онкилоны подошли к раненому мамонту, который ещё шевелил судорожно хоботом и ногами; при виде подошедших людей он немного приподнял голову, но тотчас бессильно опустил её, испустив тяжёлый вздох. В его маленьких чёрных глазах как будто светился укор убийцам. Но скоро они остановились, и животное затихло. Ордин вынул рулетку и стал измерять мамонта. Костяков помогал и записывал, а онкилоны, окружив труп, с удивлением следили за этими манипуляциями, в которых они подозревали заклинания, производимые белыми людьми над убитым богом с целью умиловить его дух. Собаки, не теряя времени, принялись лакать кровь, вытекавшую из большой раны и сбегавшую по брюху на траву.

Занятые работой, а также зрители не заметили, что остальные мамонты постепенно приблизились к ним шагов на сорок и остановились, рассматривая странных двуногих, которые окружили их товарища, не желавшего встать. Собаки первые почуяли их близость и с громким лаем бросились к ним. Люди оглянулись и замерли в нерешительности — бежать ли к опушке, не дожидаясь нападения мамонтов, или начать наступление. Собаки, не добежав шагов десяти до животных, надрывались от лая и визга, хотя поджали хвосты и не смели приблизиться. Звери с удивлением рассматривали этих дерзких карликов, которые осмеливались надоедать им своими звуками. Наконец им, видимо, надоело слушать лай, и они, повернувшись, величественно отошли к другому краю поляны, где стали кормиться, обрывая ветки деревьев.

Онкилоны успокоились и, когда Ордин кончил описание и измерение мамонта, приступили к снятию шкуры и срезанию мяса. В это время разведчики, посланные немедленно после выстрела по следам вампу, вернулись и сообщили, что на соседней поляне они нашли только что брошенное стойбище. Горюнову захотелось осмотреть его, и он позвал с собой Горо-

---

хова и одного из разведчиков, предоставив остальным производить работу мясников.

Стойбище оказалось у подножия большого развесистого тополя, росшего среди небольшой поляны. Трава вокруг дерева была вытоптана, на земле лежали несколько звериных шкур, грубо вырезанные деревянные чашки, две тяжёлые дубинки и несколько копий. Костёр ещё не совсем потух, и над ним склонились палочки с полуобгоревшими кусками мяса. Испуганные выстрелами, вампу бросили свой недоконченный ужин; повсюду валялись обглоданные кости, а на суке висела задняя нога лошади, судя по свежей шкуре, разостланной на траве.

Осмотрев стоянку, Горюнов собирался уже уходить, захватив одну из чашек в качестве образца изделий вампу, когда онкилон обратил его внимание на то, что на дереве находится «гнездо» вампу, в котором, может быть, спрятались караульщики богов. Но это предположение было неосновательно — вампу не оставили бы внизу своё оружие и палочки с мясом. Их воздушное жилище было, конечно, пусто. Поэтому Горюнов захотел осмотреть его, и все трое полезли наверх, что было не трудно, так как дерево было развесистое. Гнездо оказалось почти на вершине, где главный ствол делился на несколько толстых сучьев, полого расходящихся в стороны; на сучья были положены тонкие брёвна, а поверх сделана настилка из жердей, представлявшая грубый помост; часть последнего была защищена от дождя навесом, сплетённым из ветвей и тростника. Под ним лежали шкуры — постель и одеяла вампу. Пара дубинок, кожаная праща и куча голышей для метания, несколько копий составляли убогий инвентарь приюта, в котором первобытные люди укрывались от ночных хищников. Несколько просветов, сделанных в листве в разные стороны, служили для наблюдения за окрестностью, в том числе и за поляной, на которой паслись мамонты; часть её была видна, и Горюнов мог различить группу онкилонов, копошившихся вокруг добычи.

Пока посетители осматривали гнездо и окрестности, на опушку поляны из кустов вышел вампу, осмотрелся и замал рукой, вызывая своих попрятавшихся соплеменников. Тотчас же по соседству вылезли женщина и двое детей, и все четверо направились к дереву. В это время их заметил Горюнов и прошептал несколько испуганно:

— Караульщики богов возвращаются! Что нам делать? Стрелять в них?

Онкилон уже достал из колчана стрелу и собирался натянуть тетиву лука, когда Горюнов остановил его движением руки.

— Посидим смирно и понаблюдаем, что будут делать вампу, — сказал он Горохову.

— А если они полезут наверх?

— Днём им тут делать нечего, а внизу их еда.

— Но как же мы уйдём отсюда?

— Испугаем их выстрелом! Ах, чёрт возьми, моё ружьё осталось внизу.

— Вот те раз! Они его найдут и испортят.

— Не дадим, ваше ружьё ведь здесь. А моё осталось по ту сторону ствола — они могут и не заметить.

Во время беседы застигнутые на дереве улеглись на шкуры вокруг выреза в помосте, с которого видна была площадка стойбища у подножия. Семья вампу, подойдя к дереву, уселась на корточках вокруг огня; у женщины на руках был грудной ребёнок; мальчик лет двенадцати имел уже украшение в виде палочки в носу, а девочка лет шести ещё не была изуродована. Увидев обуглившееся мясо, мужчина издал несколько отрывистых звуков, мало похожих на человеческую речь, но понятых мальчиком, который побежал к опушке и вернулся с охапкой хвороста. В это время женщина отгребла золу, освободила тлевшие ещё угли и, покрыв их хворостом, вздула огонь. Девочка взяла палочку с мясом и стала отковыривать сгоревшую корку и поедать уцелевшее. Мужчина нашёл среди валявшихся костей кусок кремня, служивший ножом, встал и стал отрезать от лошадиной ноги куски мяса, которые бросал женщине; небольшие обрезки он поедал сырыми. Женщина нанизывала мясо на палочки, откусывая время от времени кусочки, а мальчик втыкал палочки у огня и следил за ними. Вдруг младенец, лежавший на земле, запищал; женщина подняла его, зажала между коленями и сунула ему в рот чёрный сосок своей обвислой груди, после чего продолжала заниматься мясом.

Мужчина внезапно прекратил работу и стал прислушиваться, потом проворчал что-то, указав пальцем в сторону поляны мамонтов; женщина подняла голову, видимо встревоженная, дети вскочили. Очевидно, вампу услышали крики онкилонов, доносившиеся с поляны. Мужчина бросил кремень и обогнул дерево, намереваясь влезть наверх и посмотреть, что делается на поляне. Тут он увидел ружьё Горюнова, висевшее на сучке. Он издал громкий крик изумления, женщина и дети подбежали; все с удивлением смотрели на эту странную блестящую дубину, каким-то чудом повисшую на их дереве. Видя, что предмет не змея, остаётся неподвижным и не издаёт никаких звуков, мужчина осмелел и протя-

---

нул к нему руку, но женщина в испуге удержала её, завязался спор; наконец вампу грубо оттолкнул жену, дрожащими руками снял ружьё с сука и, держа далеко от себя, понёс к костру, присел на корточки и стал рассматривать. Женщина и дети, убедившись, что странный предмет не кусается и лежит спокойно на коленях, приблизились. Постепенно вампу осмелел, стал гладить пальцами блестящий ствол, приклад, заглянул в дуло, даже дунул в него, потом стал трогать курок и собачку — и внезапно грянул выстрел.

Женщина с воплем откинулась на спину, младенец покатился по земле, попал ручкой в костёр и завопил; дети отскочили в сторону; мужчина отшвырнул ружьё. Ещё мгновение — и дети пустились бежать; женщина, подобрав ребёнка и держась рукой за голову, вероятно, контуженная, устремилась за ними, завывая. Вампу отбежал в сторону на несколько шагов и остановился.

Всё было тихо, огонь спокойно горел, предмет, так испугавший их, лежал неподвижно на земле в нескольких шагах от дерева. Шаг за шагом вампу стал возвращаться назад — его ужин опять был прерван и мясо горело на огне. Он подошёл к костру и протянул руку, чтобы убрать палочки с мясом, как вдруг над его головой прогремел гром, что-то ударило в костёр, угли и головешки разбросало в стороны.

Теперь и мужчина струсил не на шутку — с дикими воплями он побежал к опушке, где женщина и дети остановились и не знали, что делать. При виде бегства мужчины они тоже скрылись в кустах.

— Ну, теперь они долго не вернуться, — сказал Горохов, пустивший разрывную пулю в костёр. — Теперь дерево у них будет заколдованное навсегда.

Онкилон хохотал до слёз. Горюнов тоже смеялся. Все трое слезли с дерева, подобрали ружьё; онкилон предварительно поджёг гнездо, а внизу бросил дубины и копыя в костёр; Горохов воткнул палочки с мясом в кору дерева высоко над землёй и, найдя среди костей человеческий череп, водрузил его на лошадиную ногу, которую снял с дерева и прислонил к стволу, на темя положил кремь, которым вампу резал мясо, а в глазницы засунул по угольку.

— Если они осмелятся прийти сюда вскоре, — сказал он, — то припишут все эти штуки колдовской силе и ещё больше будут бояться наших выстрелов.

Возвращаясь на поляну мамонтов, шутники встретились с остальным отрядом, уже спешившим к ним на помощь. Услыша выстрел, потом другой, и рёв вампу, Ордин и Костяков по-

---

думали, что ушедшие подверглись нападению вампу, и оторвали онкилонов от свежевания. Узнав, в чём было дело, все много смеялись происшествию с ружьём.

На поляне уже были разведены костры, и Аннуир готовила ужин; хобот мамонта оказался превкусным блюдом, но бифштексы из филе были немного жёстки, может быть, потому, что им не дали вылежаться. Но мяса было столько, что можно было повторить опыт и позже.

Тяжело нагруженные шкурой, бивнями и мясом, на следующий день охотники направились уже прямо к стоянке Амнундака, которой достигли только вечером.

Вождь онкилонов уже снаряжал большую экспедицию для поисков пропавших чужестранцев. Землетрясение сильно напугало онкилонов, на памяти которых подобного ещё не было. В некоторых землянках брёвна навесов выскочили из гнёзд и, упав вместе с дёрном на просыпавшихся людей, многих ушибли и несколько детей убили. Выскочив из жилищ, перепуганные онкилоны видели, как качались деревья, и слышали, как с грохотом падали глыбы камня с обрывов; подземные удары валили их с ног. Потом разразилась гроза, какой не помнили старики, а потоки дождя мочили людей, не решавшихся вернуться в землянки; двери на последних размыло, и вода подмочила постели и одежду.

Сопоставляя это бедствие с недавним нападением вампу, онкилоны начали думать, что несчастья, предсказанные их предкам в связи с приходом белых людей, действительно начались, а эти люди как раз скрылись, и неизвестно, вернуться ли ещё или исчезнут так же таинственно, как появились. Отряд, посланный по сигналу барабанов из крайнего стойбища на поиски в долину Тысячи Дымов, не нашёл там никого, и Амнундак был сильно встревожен; приходилось искать пропавших во владениях вампу, и для этого собрать всех воинов. Возвращение потерявшихся успокоило тревогу, а шкура, бивни и мясо мамонта увеличили радость племени.

Землянка путешественников благодаря лучшей конструкции почти не пострадала от землетрясения, и в ней жила два дня часть рода вождя, пока чинили его полуразрушенное жилище.

Священное озеро

Шаман заявил Амнундаку, что по случаю благополучного возвращения чужеземцев, не покинувших онкилонов в дни бедствия, должна быть принесена жертва богам у священного озера. Путешественники, узнав из расспросов, что в это озеро стекаются все воды котловины, были рады случаю посетить его и выяснить, куда же уходит эта вода. Жертва была назначена через два дня после их возвращения.

Воины всего рода во главе с Амнундаком и путешественники выступили рано утром на юго-запад; в хвосте отряда вели белого жертвенного оленя, по бокам которого шествовали шаман и его ученик, всю дорогу бившие в бубен и певшие заклинания. Миновав ряд полян и промежуточных лесов, часа через два дошли до небольшого озера, расположенного у самой окраины котловины. С двух сторон его берега состояли из крупных и мелких глыб чёрной базальтовой лавы, под которыми всюду слышалось журчание воды, стекавшей под россыпью к озеру; с двух других сторон непосредственно из озера отвесно поднимались базальтовые стены окраины на высоту нескольких сот метров, отражавшиеся в зеркале воды вместе с кусочком синего неба. В этот глубокий полуколодец солнечные лучи проникали даже летом только в течение двух-трёх ранних часов, когда солнце находилось на северо-востоке; позже озеро всё время лежало в глубокой тени. Чёрные стены, уходившие на головокружительную высоту, чёрные глыбы берегов, чёрная вода в совокупности производили угнетающее впечатление, и недаром онкилоны признали озеро священным.

Большая ровная плита, немного возвышавшаяся над остальными у самого края воды, служила жертвенником: на неё взошёл шаман с учеником и втащил оленя. Амнундак, путешественники и воины расположились полукругом вокруг плиты. Подняв бубен, шаман стал медленно бить в него, и благодаря многократному отражению звуковых волн от отвесных скал по ту сторону озера получился целый хаос громких звуков. Не понимая, что такое эхо, онкилоны думали, что духи отовсюду отвечают теми же звуками. Помолившись, шаман вынул из-за пояса короткий, но острый нож из халцедона, тщательно выточенный и насаженный на костяную ручку, украшенную резьбой; по форме нож походил на кинжал и употреблялся только для кровавой жертвы. Ученик, схватив оленя за рога, пригнул его голову к земле, а шаман сильным ударом в затылок нанёс смертельную рану. Над телом уми-

---

равшего оленя возобновились удары в бубен, а в это время два онкилона принесли лёгкий плот, изготовленный из четырёх сухих тонких брёвен, и спустили его на воду у края плиты. С помощью онкилонов ученик сбросил оленя на плот и оттолкнул последний от берега. Шаман в это время продолжал бить в бубен; губы его двигались, шепча молитвы или заклинания, но из них не вылетало ни одного звука — говорить громко на берегу священного озера считалось кощунством.

Плот медленно поплыл к середине озера, увлекаемый незаметным течением. Наконец он доплыл почти до подножия обрыва и начал кружиться на одном месте.

В глубоком молчании вождь и воины следили за его движением. И вдруг из чёрной воды послышался глухой шум, поверхность озера слегка заволновалась, и недалеко от плота стала образовываться плоская воронка, словно огромное чудовище, скрытое в глубине, начало всасывать в себя воду. Воронка постепенно углублялась, шум усиливался, послышалось сопение, и плот, схваченный водой, уходящей вглубь, исчез в пучине; мелькнули концы брёвен, рога оленя, и воронка закрылась. Ещё минуту или две видна была впадина в этом месте, а затем зеркало озера восстановилось и лежало перед зрителями такое же спокойное, как и прежде.

Как только плот исчез в чёрной пучине, шаман перестал бить в бубен и возгласил глухим шёпотом:

— Священная вода приняла жертву!

Поклонившись озеру, он спустился с плиты, и весь отряд двинулся обратно. Путешественники могли теперь обменяться своими впечатлениями. Озеро наглядно показало им, куда уходят воды котловины: время от времени, накопившись в этом бассейне и преодолевая сопротивление, они всасывались в какой-то подземный канал, по которому и стекали в море.

— Почему озеро считается у вас священным? — спросил Горюнов у Амнундака на обратном пути.

— Так сказал шаман, приведший наших предков на эту землю. Он нашёл озеро, и на его берегу духи беседовали с ним и открывали ему будущее. Перед смертью он велел, чтобы его тело похоронили в этой священной воде. С тех пор всех шаманов хоронят здесь.

— Как же это делается?

— Умершего шамана кладут на такой же плот, как вы видели, с бубном в руках; в ногах ставят чашу с дарами, в головах — голову жертвенного оленя, а шкурой его покрывают тело. Новый шаман стоит на жертвенной плите и молится,

---

воины всего племени присутствуют. Плот носится по воде взад и вперёд — шаман прощается со своим народом. Потом вода схватывает умершего и увлекает вглубь, как вы видели.

— И ничего не выбрасывает назад? Неужели не выплывает обратно шкура, бревно, бубен?

— Нет, всё исчезает бесследно. И если бы вода что-нибудь выбросила, это был бы знак, что шаман чем-то не угодил духам или сделал что-то нехорошее в течение своей жизни.

— Как же делают, если шаман умрёт зимой? Озеро ведь замерзает?

— Священное озеро не замерзает — снег лежит на камнях берегов, но вода не покрывается льдом.

Горюнов мог объяснить себе это явление только периодическим всасыванием воды в подземное жерло, при котором захватывается и тонкий лёд, успевший образоваться на поверхности.

Возвратившись на стойбище, путешественники провели почти целый месяц в своей землянке, так как Амнундак не соглашался больше отпускать их в далёкие экскурсии. Они обходили только ближайшие поляны и леса, всегда в сопровождении нескольких воинов, наблюдая жизнь животных и развитие растительности, принимая участие в небольших охотах или занимаясь рыбной ловлей на озёрах, чтобы познакомиться с представителями этого класса позвоночных. Впрочем, и погода не благоприятствовала далёким экскурсиям: этот первый летний месяц был на Земле Санникова самым дождливым; небо часто застилалось тучами, моросил мелкий неприятный дождик. Но и в дождливые дни скучать не приходилось: пять молодых женщин в землянке заботились об этом. Знание языка онкилонов, постоянно совершенствовавшееся благодаря частым беседам с ними, позволяло вести более свободно разговоры и собирать богатые сведения о нравах, обычаях, образе жизни и поверьях онкилонов.

У этого племени не было письменности, но много устных преданий и сказок можно было записать. Овладев достаточно языком, путешественники приглашали к себе стариков и старух из соседних стойбищ или сами посещали их для этой цели. Путешественников интересовали также религиозные воззрения племени, и в этом отношении шаман как хранитель культа мог бы им сообщить всего больше; но он категорически отказался от этого и вообще относился к чужестранцам со скрытой враждебностью. Онкилоны же имели в этом отношении довольно смутные и даже противоречивые представления, сводившиеся, в общем, к вере в существова-

---

ние добрых духов на небе и вообще в воздухе, в облаках, на небесных светилах, и злых — в воде и под землёй.

За это время один только раз двоим путешественникам удалось сходить проведать Никифорова, продолжавшего жить отшельником с собаками среди снегов, занимаясь охотой, вялением мяса, и запасаясь топливом на зиму. Чтобы иметь возможность в случае крайней надобности быстро получить от него весть или послать ему таковую, к Никифорову отвели Белуху, а от него взяли Пеструху, которые и могли служить почтальонами. В случае крайней опасности он должен был развести большой костёр на уступе над сугробом, дым и огонь которого легко могли быть замечены со стойбища.

Собираясь зимовать на Земле Санникова, путешественники, естественно, интересовались характером зимы и расспрашивали онкилонов. По словам последних, с начала сентября быстро наступает осень: солнце освещает котловину только в течение шести-семи часов, мало поднимаясь над южной окраиной. Листва желтеет и опадает. Онкилоны усиленно занимаются заготовкой топлива на зиму. Погода часто портится, и по временам идёт снег. С начала октября солнце уже не проникает в котловину, но среди дня несколько часов ещё светло. Южные ветры приносят снежные вьюги, северные — дождь и туман. Онкилоны заняты последней охотой для зимних запасов. С половины этого месяца дня уже нет, только час или два делятся сумерки; учащается ненастье, заставляющее сидеть в землянках. С начала ноября и до конца января тянется полярная ночь, освещаемая только луной, когда небо ясно, и северными сияниями, которые онкилоны приписывают душам умерших. Южные ветры в это время приносят холод и ясную погоду, западные и восточные — пургу, а северные — оттепель и дождь. (Записав это, Горюнов прибавил: ясно, что это тепло зимой обусловлено кипящими озёрами и фумаролами северной части котловины.) Благодаря этому снег не может очень накапливаться, и олени, а также дикие животные, находят себе подножный корм на полянах. Всего больше снега накапливается на окраинах под утёсами, где он лежит до поздней весны. Эти три тёмных месяца для онкилонов самые скучные: и в пургу и в дождь нужно сидеть в землянках. В лунные ночи выходят на охоту, особенно на волков, которые тревожат оленей.

С начала февраля на юге появляется свет, но солнце начинает заглядывать в котловину только в начале марта; день быстро прибывает, становится теплее, и с конца этого месяца дружно начинается весна: снег исчезает, появляется трава, природа оживает; к половине апреля леса начинают зеленеть.

Охота на ленную птицу

С начала июля молодая птица на озёрах уже подросла, и начался период линьки гусей и уток, когда они теряют способность летать и прячутся в тростниках озёр. Все северные туземцы пользуются этим временем для массовой ловли птицы, и онкилоны не составляли исключения. Каждое стойбище имело два или три озера в исключительном пользовании. Заблаговременно на берегах были устроены загоны, представлявшие изгородь из тонких жердей, воткнутых в землю на таком расстоянии друг от друга, чтобы утка не могла пролезть между ними; две стены изгороди начинались у воды на расстоянии сотни шагов друг от друга, но затем быстро сближались и превращались в узкий коридор, приводивший к площадке, огороженной более прочно со всех сторон.

В назначенный день члены всего рода, кроме грудных и самых маленьких детей, вооружившись палками, окружили рано утром озеро и стали криком и стуком выгонять птицу, прятавшуюся ещё в траве.

— Эй, гуси, утки! — кричал один. — Выходите, пора купаться!

— Вылезайте, ленивые, в воде червяки и рыбки ждут вас! — подхватывал другой.

— И наши палочки, чтобы погладить вас по головке! — голосил третий.

Стук, крики, визг детей, для которых этот день был величайшим событием, стояли невообразимые. Дети шныряли по траве, как собаки, колотя палкой вправо и влево. Перепуганная птица со всех сторон стремилась к воде, и впереди загонщиков повсюду видно было колебание стеблей травы и тростника, между которыми пробирались пернатые. Некоторые пытались взлететь, вспархивали над травой, но тотчас опять садились, хлопая крыльями. Кряканье уток, скрипучее гоготанье гусей сливались со стуком, визгом и криком загонщиков. Кулики, бекасы, чибисы, кроншнепы, турухтаны, вылинявшие раньше водяных птиц, взлетали порознь и стайками и носились с пронзительными криками над водой и над поляной, прорезая лёгкий туман, висевший ещё над озером. Последнее скоро запестрело от стаек гусей и уток, когда загонщики дошли до самой воды. Только часть берега между обеими изгородями была свободна от людей. Так как берега были местами болотистые, загонщики, приближаясь к ним, надевали широкие лыжи из звериной шкуры шерстью наружу, натянутой на раму из гибких прутьев, служившие им зи-

---

мой, облегчавшие хождение по топкой почве и вспугивание прятавшихся в траве птиц.

Окружив озеро, онкилоны вытащили в конце его, противоположном загону, приготовленные ранее четыре челнока, сшитые из берёзовой коры, — берестянки; в каждую из них сели по два человека: один с веслом, другой с колотушкой и ремнём в руках. Челноки быстро отдалились друг от друга, но через промежутки между ними были протянуты ремни, тащившиеся по воде. Люди на корме потихоньку гребли; люди на носу всё время подбрасывали ремень, который шлёпал по воде, производя плеск и брызги, пугая плававшую птицу, которая с криканьем и гоготаньем постепенно стремилась по воде к загону. По берегам озера продолжался адский шум и стук загонщиков; по воде двигалась стена плеска, сопровождаемая криками лодочников. Птица начала метаться; отдельные экземпляры, улучив момент, когда ремень опускался в воду, прорывались обратно; другие пытались выбраться на берег, но, когда они подплывали слишком близко, загонщики пускали стрелы — и пронзённые птицы бились на воде и увеличивали смятение.

Так мало-помалу сотни птиц были согнаны к концу озера. По мере движения челноков и загонщики перемещались по берегу; передние переходили уже к изгороди, но здесь переставали шуметь и прятались в траву. Когда конец озера был уже близко, лодочники удвоили рвение, так как от их ловкости теперь зависела удача загона, — птицы сгрудились на небольшой площади. Нужно было, чтобы ремень плескал непрерывно и сильно, иначе вся масса, улучив минуту, могла ринуться назад и пришлось бы начинать всё дело сначала.

Но вот передние стайки, подплыв к берегу, стали вылезать в траву, пробираясь вперёд; за ними последовала остальная масса, и сплошная волнующаяся река гусей и уток потянулась вглубь загона с криканьем и гоготом. Как только последние вышли из воды, лодочники тоже выскочили на берег; к ним присоединились ближайšie загонщики и стуком и криком гнали птицу вперёд. Наконец вся стая сгрудилась в тупике, где изгородь была прочнее, а трава вытоптана. Теперь загонщики, окружившие изгородь, а также вошедшие вслед за птицей начали безжалостное избиение: со всех сторон десятки палок колотили по головам несчастных пернатых; крики разъярившихся людей, глухие удары палок, хлопанье крыльев, отчаянное криканье и гоготанье слились в невообразимый шум. В воздухе непрерывно мелькали окровавленные палки; груды убитых и трепещущих росли на глазах. Отдельным смель-

---

чакам удавалось прорваться между ногами загонщиков или через бреши изгороди назад к озеру или на поляну.

Наконец все перебиты, немногие спаслись, тупик наполнен кучами птицы. Шум сразу затих. Люди опрокидывают изгородь и начинают уборку добычи: связывая ремешками попарно ноги, перебрасывают птиц через те же палки, служащие теперь носилками; два человека несут к стану две палки с тридцатью-сорока парами уток или же пятнадцатью-двадцатью парами гусей; дети тоже тащат на своих палках груз, но поменьше.

У стойбища всё сваливают в кучу, и начинается новая работа — ошипывание перьев и потрошение; пух собирается в кожаные мешки, потроха сваливаются на пластины корья. Горят костры, калятся камни, приготовлены все деревянные сосуды — сегодня будет обильный суп из потрохов. Шум, говор, визг детей, усердно помогающих и мешающих всем, наполняют воздух. Вот возвращаются и лодочники, и несут ещё охапки птиц — они собирали по озеру подбитых стрелами загонщиков с берега.

После чистки, уже вечером, началось копчение птицы впрок: отсутствие соли и посуды не позволяло сохранить птицу долго в другом виде. Поэтому из корья устраивали шалаши; под их крышей на жердях подвешивали очищенных птиц, а на земле разводили дымокур, который нужно было поддерживать несколько дней. Поздно вечером кончились работа и еда, а на следующее утро нужно было повторить то же самое на другом озере, через день — на третьем. Медлить было нельзя, так как маховые перья быстро отрастают и птица начинает, хотя и плохо, летать. Тогда и изгородь не помогает.

Путешественники приняли участие в загонах, хотя и без особого удовольствия, — им также нужны были зимние запасы; жёны их, конечно, участвовали очень охотно. Но три дня этого промысла произвели на чужеземцев кошмарное впечатление: суета, шум, беспощадное избиение беззащитных существ, горы битой птицы, костры, объедение всех участников и их алчность, желание истребить побольше сливались в неприятное зрелище, и они были рады, когда охота кончилась.

При этих загонах на попадавшуюся иногда более крупную дичь не обращали внимания — её время было впереди. В камышах у каждого озера жили в небольшом количестве кабаны; сжатые загонном, они собирались в кучу со старым свирепым самцом во главе и бросались напролом через цепь. Им давали дорогу, и только какой-либо поросёнок, отставший от старших или бежавший в стороне, попадал под удар копы

или дубинки. За кабанам охотились поздней осенью, когда они были жирнее и когда тростники блёкли и валялись от мороза, болота замерзали, а кабаны покидали эти убежища и паслись на опушках полян и в лесу. На них устраивали облавы и били копьями и стрелами из засады, защищавшей от клыков. Холода позволяли сохранять их мясо подвешенным на дереве в замороженном виде. Ещё позже, уже по первому снегу, охотились облавами на зайцев, которых было много и на полянах, и в лесах.

Тревожные признаки

С конца июля солнце стало заходить не только за гребень северной окраины котловины, но и за горизонт; начались тёмные ночи, которые быстро удлинялись. Появились и первые признаки осени: стрижи, гнездившиеся в обрывах скал, собирались в большие стаи; молодёжь упражнялась в полётах, готовясь к дальнему путешествию. Уцелевшие гуси и утки также собирались в стаи и перелетали с озера на озеро. Ночные туманы стали гуще и утром дольше висели в котловине.

Путешественники ещё определённо думали о зимовке на Земле Санникова и добывали охотой запасы на зиму, которые их жёны коптили или вялили, а сало топили и собирали в мешки, сшитые из толстых кишок. Но в конце первой недели августа произошло событие, явившееся началом целого ряда других, имевших крупные последствия. В ночь на 8-е число путешественники были разбужены сильным подземным ударом; сначала спросонок им показалось, что кто-то из всех сил ломится в дверь землянки; потом они расслышали глухой гул, словно от проходящего тяжёлого поезда.

— Опять землетрясение! — догадался Ордин.

Землянка была тускло освещена потухавшим костром; при его колеблющемся свете видны были встревоженные лица поднявшихся с постелей мужчин и женщин.

Но вот удар повторился. Послышался треск и скрип балок, сверху посыпалась земля. Огонь костра вздрагивал; предметы, висевшие на колышках стоек и под навесами, качались; из земли доносилось зловещее шипение.

— Хотя наша землянка построена прочнее других, всё-таки надо уходить на волю! — сказал Горюнов, хватаясь за одежду.

Женщины дрожащими руками застегнули свои пояски и, схватив одежду в охапку, бросились к двери. Мужчины, одеваясь на ходу, последовали за ними.

Ночь против обыкновения была тёплая и очень ясная благодаря значительному северному ветру, унёсшему туман. Поляна была освещена луной, висевшей уже над западной окраиной котловины. Несмотря на гул ветра в листве близкого леса, то справа, то слева, то спереди слышен был грохот от глыб, валившихся с обрывов.

Из землянки вождя доносились крики женщин, плач детей, возгласы мужчин. Часть её населения также выбежала уже на воздух и одевалась. Вскоре за ними последовали и остальные, и все сгрудились вблизи выхода, с тревогой глядя на небо и обмениваясь замечаниями. Амнундак подошёл к путешественникам; он был сильно испуган.

— Опять трясётся земля, белые люди! — сказал он с укором. — Правду сказал великий шаман, что с приходом белых людей начнутся бедствия онкилонов. С тех пор как вы пришли, земля тряслась два раза и вампу нападали на нас.

— Но вампу воевали с вами всегда, и земля тряслась прежде тоже не один раз! — возразил Горюнов.

— Нет, никогда ещё земля не тряслась так сильно! И вот, смотри, месяц какой красный! Это предвещает большую беду, — ответил Амнундак.

Новый сильный удар заставил его покачнуться; многие стоявшие попадали. Послышались крики женщин, плач детей. На глазах у всех один из откосов землянки Амнундака обрушился всей массой, и столб густой пыли взвился в воздух. Деревья закачались.

— Все ли вышли из жилища? — воскликнул вождь.

— Все, все! — слышалось в ответ.

— Нет, не все! — поправил женский голос. — Моя мать Мату, больная, осталась лежать. Она сказала, что ей всё равно, где умирать.

— Ну, так она умерла! — прибавил мужчина. — Навес обрушился на неё.

— Раскидайте землю и брёвна и освободите женщину скорее! — приказал Амнундак. — Принесите огня и дров, разведите костёр.

Но онкилоны боялись входить в жилище; с упавшего навеса они стали снимать дёрн, опасливо поглядывая на соседние брёвна. Аннуир храбро вошла в свою землянку и вынесла на доске кучу горячих углей. Ордин и Горюнов принесли дров. И вскоре запылавший костёр внёс некоторое успокоение,

---

и весь род собрался вокруг него, кроме нескольких воинов, производивших раскопки. Удары продолжались, и при каждом они отбегали в сторону, хотя на них ничего не могло уже рухнуть. Земля всё время гудела, деревья качались; все люди присели, потому что на ногах было трудно стоять. Грохот падающих камней не затихал.

— Великая беда пришла для онкилонов!.. — шептал Амнундак, глядя на вздрагивавший при ударах костёр.

Путешественники заметили уже не один косой, враждебный взгляд, брошенный на них тем или другим из воинов и особенно женщин.

Аннуэн, сидевшая возле Ордина, в промежутке между ударами встала и присоединилась к женщинам, сидевшим по другую сторону костра; её примеру последовали избранницы Горюнова и Костякова, и только Аннуир и Раку остались на месте.

— Мы как будто становимся зачумлёнными! — вполголоса сказал Горюнов, обращаясь к товарищам.

— Ничего, солнце взойдёт — все успокоятся и забудут ночные страхи! — беспечно ответил Костяков.

— А луна стала ещё краснее, — заметил Ордин. — От обвалов, очевидно, поднялась сильная пыль.

Особенно сильный удар прокатился по котловине с громким гулом; подбросило даже дрова в костре, рассыпавшиеся в стороны. Снова слышались крики ужаса; некоторые люди, сидевшие на корточках, попадали. Собаки жалобно завывали. Землянка вождя с глухим треском рухнула вся, кроме центральных столбов, окружённых теперь облаком пыли. Работавшие воины попадали, а вскочив, разбежались.

— Мы погибаем, земля рушится, пришёл конец нашему племени! — стонали мужчины и женщины; последние прижимали к груди плачущих детей; на всех лицах с расширенными глазами отразился ужас.

Когда затих грохот обвалов, жуткая тишина охватила поляну, потому что и ветер внезапно прекратился. Все стали невольно прислушиваться. И вот тишину нарушили далёкие, но ясно различимые звуки бубна, магически подействовавшие на онкилонов.

— Шаман наш жив! Шаман призывает духов земли успокоиться! — слышались возгласы радости.

Этот сильный удар действительно оказался последним, и после него на более слабые уже не обращали внимания. Люди у костра начали дремать. Их разбудил гул военного барабана соседнего стойбища, то короткие, то длинные удары которого чередовались друг с другом и прекрасно доносились в ноч-

---

ной тишине; им вторили более далёкие — других стойбищ. Все встрепенулись и слушали с напряжённым вниманием. Когда эта зловещая музыка затихла, Амнундак сказал Горюнову с укором:

— Много наших жилищ разрушено в эту ночь. Убито несколько женщин и детей, поломаны кости у многих, попорчена утварь и оружие. Большая беда постигла нас, белые люди! Вы не захотели отвратить её. Вот ваше жилище цело, а моё развалилось.

— Потому что вы очень плохо строите свои жилища! — ответил Горюнов сердито. — Вот теперь постройте их попрочнее, и они не будут валиться и давить людей.

— Много поколений жило в наших жилищах, и никогда не бывало, чтобы они падали! — возразил вождь. — Нет, когда пришла беда, ничто не поможет, — мы не колдуны.

Он хотел прибавить «как вы», но воздержался. Путешественники, впрочем, поняли его вполне.

В это время успокоившиеся воины наконец разворотили обрушившийся первым навес землянки и вытащили старую Мату; она, конечно, была мертва. Её дочь и две другие женщины развели отдельный костёр в стороне, положили её возле него и начали оплакивание по ритуалу, прославляя её прижизненные добродетели. Остальные продолжали спокойно дремать у костра. По приказу Амнундака барабан разнёс по стойбищам весть о разрушении землянки вождя и смерти одной женщины.

Приближался рассвет, и у путешественников глаза стали слипаться. Землетрясение, очевидно, кончилось, и слабые удары ощущались всё реже и реже. Землянка выдержала испытание, и в неё можно было вернуться. Когда путешественники, сговорившись, поднялись и направились к своему жилищу, их провожали завистливые и частью враждебные взгляды некоторых проснувшихся онкилонов. Амнундак дремал, уткнув лицо в колени. За белыми людьми последовали только Аннуир и Раку, остальные не двинулись с места среди других женщин, а Аннуэн ещё раньше присоединилась к плакальщицам. Горюнов и Костяков оказались в роли покинутых.

После тревожной ночи все проснулись поздно; через щели двери пробивались уже солнечные лучи. Ярко пылал огонь, и три сбежавшие женщины как ни в чём не бывало хлопотали над завтраком. Во время последнего у них произошло объяснение с мужчинами. Они признались, что, когда земля начала так сильно трястись, они испугались и подумали, что вот-вот земля треснет и белые люди увлекут их в подземное царство.

Поэтому они перешли к своим. Это было глупо, но правдоподобно, и Горюнову пришлось в который уже раз объяснять женщинам, что белые люди не колдуны и не подземные духи. Но по лицам трёх беглянок видно было, что они не верят его словам.

Они сообщили также, что рано утром приходил шаман проведать Амнундака и рассказал, что по дороге от его землянки лопнула земля и что он с трудом перескочил через трещину. Его жилище не разрушилось — добрые духи охраняли своего служителя.

Это известие побудило путешественников заняться осмотром окрестностей; все воины были заняты раскопками и восстановлением землянки, и можно было обойтись без докучливого конвоя, особенно неприятного теперь, после ночного происшествия. Захватив ружья и оставив Горохова возле землянки для отвода глаз, трое остальных отправились прежде всего по тропе к жилищу шамана, и вскоре наткнулись на трещину, протянувшуюся с востока на запад и достигающую почти двух метров ширины; на дне её виднелась осевшая земля с кустами и целыми деревьями; местами, где трещина проходила под толстым деревом, последнее было разорвано от корней на несколько метров вверх, и одна половина его стояла на одной стороне трещины, другая — на другой, а выше обе половины соединялись, и дерево уподоблялось человеку, стоящему, расставив ноги, над рвом. Местами вблизи трещины почва была покрыта выброшенным из неё мокрым чёрным песком.

Отсюда повернули на юго-запад к священному озеру, чтобы осмотреть его без свидетелей. По пути туда встретили около тридцати трещин разной ширины; через одни можно было перешагнуть, через другие приходилось прыгать с разбегу. Одни были неглубоки, в других не видно было дна, но вглубь они постепенно суживались; брошенные камни показали, что на глубине нескольких метров в трещине стоит вода. Россыпь у подножия крайнего обрыва котловины была усеяна свалившимися ночью крупными и мелкими обломками; в одном месте нашли барана, очевидно, сброшенного толчком с большой высоты и убившегося. Его, конечно, подобрали — он должен был оправдать перед вождём их экспедицию без конвоя.

Подойдя к берегу священного озера, путешественники остановились в изумлении — озеро исчезло. Вместо него видна была большая впадина вроде очень плоской и неправильной воронки, усыпанная крупными и мелкими обломками чёрной лавы, покрытыми какой-то слизью; под обломками

местами журчала вода притоков озера, по-видимому, сильно сократившихся. Осторожно перебираясь по скользким плитам, исследователи добрались до жерла, находившегося недалеко от подножия обрыва; оно имело два-три метра в диаметре и круто уходило наискось под обрыв; вода из-под глыб быстро стекала в него небольшим ручьём.

— Ну, что вы скажете по этому поводу? — спросил Костяков, когда все трое остановились на краю чёрного зияющего жерла, уходившего в таинственную глубину.

— Я думаю, — ответил Ордин, — что землетрясение уничтожило то препятствие в подземном канале, например, какой-нибудь коленообразный изгиб, который позволял воде озера стекать только периодически, по мере накопления.

— А не является ли сильное уменьшение притока в озеро главной причиной его исчезновения? — спросил Горюнов. — Вспомните, что сюда должна стекать вода всей котловины, и в прошлый раз мы видели речку, выходящую из леса и скрывающуюся под россыпью. А теперь в жерло вливается небольшой ручей.

— Вероятно, трещины, образовавшиеся в почве котловины, перехватывают воду ручьёв, прежде попадавшую сюда, — ответил Ордин.

— Если эти трещины не бездонны, они наполнятся водой, и потом могут восстановиться ручьи, а следовательно, и озеро? — спросил Горюнов.

— Возможно, что так.

— Это было бы желательно, и чем скорее, тем лучше, потому что, если онкилоны узнают, что их священное озеро исчезло, они будут перепуганы ещё больше и припишут и это бедствие белым колдунам.

— Мы им, конечно, не расскажем!

— Но смотрите не проговоритесь женщинам, где мы были.

— Понятно! Даже Горохову не скажем. Ходили на охоту, добыли барана, видели трещину — и баста.

От озера направились обратно, и шли некоторое время вдоль окраины по опушке. В одном месте большая куча белых глыб и обломков, лежавшая у подножия обрыва, привлекла к себе внимание. Когда подошли к ней, оказалось, что всё это — лёд, свалившийся от толчков с вершины обрыва; это показывало, что наверху местами есть хотя бы небольшие ледники. Но более интересно и важно было открытие трещины у самого подножия стены; она тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз, то суживаясь, то расширяясь, и в ней на глубине пяти-шести метров стояла вода.

На дальнейшем пути вдоль окраины подходили к обрыву ещё раза три, и везде находили трещину у его подножия; по-видимому, на протяжении километров десяти, если не больше, дно котловины отделилось от её западной окраинной стены.

Домой вернулись только после полудня, и на стойбище было уже замечено их отсутствие. Но вид каменного барана успокоил подозрительность онкилонов, и Амнундак пожалел, что оторвал нескольких воинов от работы, послав их на поиски чужестранцев. Развалины землянки были уже разобраны, место очищено, и онкилоны начали ставить остов из тех же брёвен. Пообедав, путешественники явились со своими топорами с предложением укрепить остов так, чтобы землянка не валилась при каждом землетрясении на головы своих обитателей. Но, к их удивлению, онкилоны решительно отказались от помощи чужестранцев.

— Наши предки научили нас строить жилища, — сказал Амнундак, — и мы жили в них спокойно целыми поколениями. Мы не будем строить их иначе. Вот лучше сделайте, белые люди, чтобы земля больше не тряслась, тогда и жилища наши не будут разваливаться!

Никакие уговоры не помогли, и пример землянки путешественников не подействовал.

— Если бы в вашем жилище жили не белые колдуны, а онкилоны, оно бы тоже развалилось! — слышался голос из толпы строителей, столпившихся вокруг чужестранцев при переговорах.

И все остальные закивали головами и закричали:

— Так, так! Верно!

Пришлось вернуться в свою землянку, но обсудить положение здесь не было возможности — женщины уже достаточно понимали по-русски, и в их присутствии нельзя было говорить свободно, так как всё сказанное должно было стать известным онкилонам.

Но чтобы посмотреть, на чью сторону станут их избранницы, путешественники рассказали о своём предложении, о полученном отказе и его мотивах.

— Амнундак правильно рассудил! — воскликнула Аннуэн.

К ней присоединились остальные. Одна только Аннуир стала на сторону путешественников и принялась доказывать остальным на примере устройства их землянки, что глупо отказываться от помощи более умных людей.

— Они не умнее нас с тобой, а только колдуны! — в досаде воскликнула Аннуэн. — Пока они не пришли в нашу землю,

---

наши жилища никогда не разваливались и земля не тряслась так. И если они только захотят, то земля больше не будет трястись.

Спор женщин впервые со времени их совместной жизни принял такой ожесточённый характер и три забывшиеся невежественные и суеверные противницы Аннуир стали говорить такие глупости, что мужчины пожалели, что затеяли этот разговор. Впрочем, это имело и благие последствия, как мы узнаем далее.

Чтобы уговорить женщин, Ордин позвал Аннуир с собой собирать ягоды в лесу. Сейчас же и три другие заявили, что настала пора запастись ягоды на зиму, и, захватив туесы — цилиндрические сосуды из бересты с крышечкой, которая вставляется очень туго и имеет ручку, за которую сосуд можно нести, — тоже отправились в лес, но в другую сторону. Три путешественника остались одни, и воспользовались случаем, чтобы поговорить на свободе.

— Мне кажется, — сказал Горюнов, — что нам не придётся зимовать здесь. Отношение онкилонов становится явно недружелюбным.

— Да, — подтвердил Костяков, — и, если произойдёт ещё что-нибудь скверное, например, новое землетрясение, или буря, или нападение вампу, нам лучше уйти незаметно и поскорее.

— Ничего, обойдётся, товарищи! — заявил Горохов. — Не всякий же день земля трясётся. И зимовать будем!

— Никите здесь очень нравится, — насмешливо сказал Костяков.

— Конечно, нравится! Чем здесь не житьё? Еды вволю, теплота! Скоро женимся, будут жёны хорошие.

— Вот в чём дело!.. — протянул Горюнов и замолчал.

Стало ясно, что Горохов в случае конфликтов, пожалуй, станет на сторону онкилонов или выберет нейтральную позицию. Наступило тягостное молчание. Вскоре Горохов встал и вышел из землянки.

— Я боюсь, — сказал Горюнов, — что, если нам придётся бежать отсюда спешно и тайком, Никита не захочет с нами идти и, может быть, выдаст наши намерения.

— Ну что вы! С чего вы это взяли? — удивился Костяков. — Ведь он тоже колдун, как и мы, и если нам станет опасно оставаться, то и ему тоже.

— Не совсем так. Я заметил, что онкилоны отличают его от нас. Кожа у него смуглая, тип более близкий к ним, говорит на их языке. Белым его назвать нельзя, не так ли?

— Пожалуй! Но всё-таки он пришёл с нами, живёт с нами, имеет те же молнии и громы, и прочие диковинные вещи.

— И всё-таки положение его несколько иное. Моё внимание обратил на это Ордин, а ему сказала Аннуир. Во всяком случае, нам следует быть не вполне откровенными с Никитой.

— Вы правы! А вот что мне кажется: сегодняшняя свара женщин показала, что в Аннуир мы имеем союзницу.

— Да, она безумно любит Ордина, и через неё мы можем узнавать планы онкилонов. А это будет, может быть, очень полезно.

— Интересно знать: в случае если нам придётся бежать, пойдёт она с нами или нет? Один раз она отказалась. Помните, там, на гребне, когда мы смотрели на море?

— Ну, это было вначале. А теперь она, пожалуй, пойдёт за Ординым на край света.

Возвращение Горохова заставило прекратить разговор. Горюнов и Костяков вышли за дверь посмотреть, как идёт постройка.

Оказалось, что остов уже поставлен, и женщины начали его обкладывать дёрном, который частью набрали из развалин, частью нарезали свежий. К ночи род, очевидно, мог уже устроиться на новоселье.

К вечеру вернулись четыре женщины, набравшие полные туесы дикой малины и черники.

Потом пришёл и Ордин с Аннуир, у которой ягод было мало, а глаза заплаканы. При виде её жалкого сбора остальные захихикали и стали спрашивать, что же она делала в лесу.

— Я её бранил за то, что она ссорилась с Аннуэн! — заявил Ордин.

Аннуир в изумлении вскинула на него глаза и покраснела, насколько это было возможно при её смуглой коже. Аннуэн, видимо, была польщена, и мир в землянке водворился.

Когда все женщины в сумерки пошли доить оленей, Ордин хотел было завести разговор о событиях дня, но Горюнов успел ему шепнуть, чтобы он пока воздержался, указав глазами на Горохова, сидевшего на своей постели.

Положение осложняется

Внезапно снаружи раздался знакомый всем протяжный вопль онкилонов, повторённый несколько раз, а затем загрохотал военный барабан. Встревоженные путешественники

выбежали из землянки и увидели, что онкилоны собрались у жилища Амнундака вместе с жёнами и детьми. Сумерки и сгущавшийся туман мешали видеть, что они делают, а зловещий гул барабана — слышать что-нибудь. Они пошли было туда, но наткнулись на бежавшую к ним Аннуир, которая, задыхаясь, проговорила:

— Не ходите туда, вернёмся в наше жилище, пока женщин нет.

Она побежала вперёд, путешественники за ней. Когда они вошли в землянку, Аннуир рассказала, что воины, посланные на розыски путешественников, обнаружили, что священное озеро исчезло, и заметили также следы ног белых людей на плитах обсохшего дна. Отпечатки ног на мягком иле, покрывавшем плиты, не могли ускользнуть от внимания опытных следопытов. Они поспешили назад и сказали Амнундаку, что белые колдуны были у священного озера и высушили его. По этому поводу и был вопль, а барабан передаёт эту страшную весть по стойбищам.

— Напрасно вы туда ходили без онкилонов! — укоризненно сказал испуганный Горохов. — Теперь они не поверят, что не вы высушили озеро.

— Что же они думают делать? — спросил Ордин.

— Они сами не знают, что предпринять; они перепуганы. Воины видели тоже, что вся земля полопалась, — ответила Аннуир. — Вождь послал уже за шаманом и велел пригнать жертвенного оленя.

— Значит, будет ночное моление и вопрошание духов! — сказал Горюнов. — И каково будет внушение, которое получит шаман от духов, неизвестно. Может быть, он скажет, что нас всех нужно принести в жертву духам, чтобы умиливать их?

— Онкилоны не приносят в жертву людей, — заявил Горохов. — Этого нам бояться нечего. Я думаю, шаман скажет, что мы должны уходить поскорее отсюда.

— Ну, это бы ещё не беда! Уйти можно, хотя ещё не время идти через льды, море вскрывается всё шире, — сказал Горюнов.

— Да, не время, и никуда нам уходить не следует, — прибавил Горохов. — Я с ними поговорю, может, дело уладится как-нибудь.

Он вышел из землянки. Аннуир, немного помедлив, шмыгнула вслед за ним, так как Ордин шепнул ей что-то на ухо.

Пользуясь отсутствием Горохова и женщин, Горюнов передал Ордину содержание дневной беседы относительно

Никиты, а Ордин рассказал, что он действительно побранил Аннуир за то, что она слишком горячо стала на сторону чужеземцев и поссорилась с остальными женщинами. Он дал ей понять, что в интересах путешественников ей не следует ссориться со своим племенем, иначе от неё будут всё скрывать; а между тем им ввиду обнаружившегося враждебного отношения онкилонов необходимо иметь верного человека из их среды, который мог бы узнавать своевременно их намерения и планы.

Но плакала Аннуир не из-за этого выговора, справедливость которого она прекрасно поняла, а из-за предстоящего в близком будущем бегства чужеземцев. Она всё ещё колебалась, как ей поступить в этом случае: племенная связь была ещё сильна, а мысль о чужой стране страшна.

— Теперь она хорошенько обдумает этот вопрос, — закончил он, — свыкнется с мыслью и пойдёт с нами. Она меня очень любит, и я её тоже, и расстаться с ней было бы мне очень тяжело.

— А Горохов, того и гляди, сам останется здесь! — прибавил Горюнов. — Ему эта сытая и спокойная жизнь очень нравится.

— Ну, если события будут развиваться дальше так, как я предполагаю, то о спокойной жизни на этой земле говорить не придётся, — сказал Ордин.

— Что же вы предполагаете?

— Знаете, где мы были с Аннуир? Мы дошли до следующей поляны, где находится одно из пузырящихся озёр с периодом в полчаса. Мы просидели возле него больше часа и не видели ни разу поднятия пузыря и выхода пара.

— Вот оно что!

— Сопоставляя это с исчезновением священного озера и с многочисленными трещинами в почве нетрудно сделать вывод, что землетрясение сильно нарушило подземный режим этой котловины. И мне становится жутко...

— Как онкилонам! — прервал его Костяков со смехом. — Если одно озеро вытекло, а другое перестало пузыриться, то нам от этого ни тепло, ни холодно. Всё прочее ведь осталось.

— Подождите смеяться. Нам может сделаться очень холодно, — продолжал Ордин серьёзно. — Чем обусловлен чудесный тёплый климат этой котловины среди полярных льдов? Исключительно подземным жаром, выделяющимся ещё из недр погасшего вулкана. Без этого тепла котловина была бы погребена доверху под массами льдов и постепенно накопившихся снегов.

— А-а-а! — протянул Костяков, и лицо его стало серьёзным.

— Да! И землетрясение, нарушив подземный режим, то есть замкнув трещины, выводящие тепло из недр, может обусловить в ближайшем же будущем резкое изменение климата котловины...

— И гибель всех животных, растений и людей! — прервал его Горюнов.

— Да, гибель всего живого уже в течение предстоящей зимы. Мы знаем, какая мягкая была здесь зима, позволявшая животным добывать корм из-под снега.

— Но ведь главный жар даёт северная часть котловины, а не пузырящиеся озёра. Там, может быть, всё осталось по-старому?

— Сомневаюсь. Первое землетрясение мы испытали именно там. Возможно, что ещё не все трещины, выводившие кипящую воду и пар, закрылись. В таком случае изменение климата будет не такое резкое. Но кто поручится, что следующее землетрясение не докончит эту работу?

— Знаете, нам необходимо ещё раз посетить долину Тысячи Дымов и выяснить, что там произошло.

— Да, это было бы полезно. Но я боюсь, что Амнундак не пустит нас.

— Почему же?

— Потому что первое землетрясение случилось как раз когда мы были там. При суеверии онкилонов...

— Понимаю. Ну, пойдём тайком — всё равно дружба у нас испорчена, хуже не будет.

— Но без конвоя страшновато. Можем встретиться с вампу, — заявил Костяков.

— Они убегут от первого выстрела, а от засады и ночью нас уберегут собаки. Если идти налегке, можно обернуться в два дня и ночевать у последней воды. Очень далеко забираться в долину Тысячи Дымов и не придётся — сразу будет видно, продолжается ли выделение паров и кипящей воды.

— Правильно! — решил Горюнов. — Завтра же в путь, да пораньше. Горохова опять оставим здесь, и женщин, конечно, также.

— Нет, Аннуир я хотел бы взять с собой.

— Зачем это? Она стеснит нашу свободу.

— Нисколько, ходок она прекрасный. И, кроме того, если мы пойдём одни, это возбудит подозрение онкилонов, через стойбища которых придётся идти. Аннуир будет играть роль конвоя.

— Баба в качестве конвоя при трёх мужчинах! — рассмеялся Костяков.

— Ну, проводника, соглядатая онкилонов — — как хотите. На тех стойбищах ещё не знают, что у нас отношения с Амнундаком испортились. Кроме того, она хорошо знает дорогу к последнему стойбищу, откуда она родом, и действительно будет проводником, сбережёт нам время.

— Вы опять правы! Значит, решено: завтра чуть свет в путь! И велите Аннуир потихоньку приготовить нам провизии на дорогу.

— А Горохову ни слова! Приготовим сейчас наши котомки и ружья, пока никого нет.

Едва путешественники успели сделать это, как в землянку вбежала запыхавшаяся Аннуир.

— Никита много говорил Амнундаку и воинам, — сказала она торопливо, — говорил, что земля больше не будет трястись и лопаться и что священное озеро вернётся назад, и что всё будет опять хорошо. Онкилоны сердятся: зачем белые люди делают это. «Мы им всё дали: и жилища, и пищу, и молодых жён, а они не хотят сделать нам доброе». А женщины кричат: «Отнимите у них громы и молнии, и пусть они идут туда, откуда пришли. Без них мы жили спокойно». И Никита опять им начал говорить, а они твердят своё. Амнундак решил — вот придёт шаман, помолится; как скажет — так и сделаем.

— Никита неосторожно наобещал им то, что может и не случиться, — сказал Горюнов.

— И в конце концов дело решит шаман независимо от этих обещаний Никиты, — прибавил Костяков.

— Я думаю, что шаман тоже прислушивается к «гласу народа», — заметил Ордин. — Это хитрый старик. Вспомните, когда он волхвовал в день нашего прихода, он заявил от имени духов, что бедствия, *может быть*, не начнутся, пока белые люди остаются у онкилонов. Он оставил себе лазейку, и оказался прав.

Вошёл Горохов и сказал:

— Я их немного успокоил, а сначала они очень сердились, а хуже всего бабы: «Гоните их — нас то есть — в шею! — кричат. — Мы им и жилище, и пищу, и посуду всякую дали, и лучших девушек своих не пожалели, а они вот что нам делают!». И голосят, и голосят!.. Насилу их Амнундак шаманом успокоил: придёт, мол, и рассудит, как быть с ними. Сейчас пришёл шаман, и мне велели уйти.

— А мы надеялись, что будем присутствовать при молении, — сказал Горюнов.

— Никак нельзя, — ответил Горохов. — Шаман, как подошёл, увидел меня и сказал Амнундаку, чтобы белых людей на молении не было.

— Значит, будет суд в отсутствие подсудимых! — усмехнулся Костяков. — А женщины могут пойти?

— Они уже все там. От них и узнаем прежде всего, что скажет шаман.

Горохов, очевидно, не заметил Аннуир, когда вошёл в землянку, а она за его спиной тихонько шмыгнула за дверь, как только услышала, что пришёл шаман а ему велели уйти.

— А знаете ли, какой холод на дворе? — прибавил Горохов, присаживаясь к огню и протягивая к нему руки. — Я совсем околел, пока там разговаривал. Густой туман, и холодный, словно у нас в Казачьем.

Ордин многозначительно переглянулся с Горюновым, и оба вышли на воздух.

Их охватил такой холод, какого они давно не испытывали, температура, наверное, была едва выше нуля. И тьма была такая, что в двух шагах нельзя было различить друг друга. Свет от костра, выходявший из дымового отверстия землянки, едва освещал висевший в воздухе густой туман.

Из жилища вождя уже доносился грохот бубна и глухой голос шамана.

Собаки, почуяв хозяев, подбежали и стали визжать и проситься в землянку.

— Эге, и они отвыкли от холода! — сказал Ордин. — Ничего, привыкайте, скоро вернётесь на холодную родину.

— Но завтра мы идём на север? — спросил Горюнов.

— Вот узнаем, что вымолит шаман у богов. Может быть, придётся в эту же ночь, пользуясь туманом, бежать отсюда.

— Едва ли мы найдём дорогу ночью!

— А эти твари на что? Они поведут нас, — ответил Ордин, лаская Крота, вертевшегося у его ног.

Когда они вернулись в землянку, Горохов укладывался спать от нечего делать. Выждав, пока он захрапел, путешественники переговорили с Костяковым относительно возможного бегства ночью и отобрали пожитки, которые нужно было взять с собой. Затем уселись к огню в тягостном ожидании возвращения женщин с моления.

Наконец явилась Аннуир, присела к огню и, пристально глядя в него, сказала со слезами на глазах:

— Худо будет онкилонам, шаман говорит. Холод, вода, огонь. Сбывается предсказание предков. Белые люди пришли — бедствия начались. Белые люди уйдут — бедствия оста-

---

нутся. Если могут — пусть помогут. Будем молиться, жертвы приносить. Нехорошо говорил, нескладно говорил. Три раза начинал моление. Теперь лежит, как мёртвый. Онкилоны сидят, ждут, не скажет ли лучше.

Но путешественники остались довольны результатами волхвованья. Их, по крайней мере, прямо не назвали виновниками бедствий, не требовали, чтобы они прекратили их, не изгоняли немедленно из своей среды. А если бедствия дадут передышку на целые недели или даже месяцы, онкилоны успокоятся, и можно будет мирно доживать своё время и уйти, когда это будет удобно.

— Аннуир, — сказал Ордин, — завтра рано-рано мы пойдём в долину Тысячи Дымов, и ты пойдёшь с нами. Но другим ничего не говори.

— Зачем вы опять идёте в это нехорошее место?

— Нужно посмотреть, что там делается, скоро ли кончатся бедствия онкилонов.

— Как вы узнаете это? Шаман не знает, а вы знаете!

— Пойдёшь с нами — и ты узнаешь, мы тебе растолкуем. Пойдём через стоянку твоего рода. Ты знаешь самую прямую дорогу?

— Как не знать — сколько раз ходила.

— И в туман дорогу найдёшь?

— Постараюсь. Для тебя всё сделаю!

— Ну, тогда ложись спать, вставать нужно рано.

Только что они улеглись, как явились остальные четыре женщины.

При виде пустой землянки они сначала испугались, подумали, что белые люди тайком бежали, но сейчас же заметили спящих и, погревшись немного у огня, разошлись по своим местам, откуда вскоре послышался тихий говор. Путешественники наутро узнали, что шаман, очнувшись, сказал, что белые люди не должны уходить, а то будет хуже. Поэтому и женщины вернулись к ним.

Чёрная пустыня

Чуть свет три исследователя и Аннуир, одевшись потеплее и захватив котомки и ружья, отправились в путь. Горохову они оставили записку, что пошли на осмотр озёр и вернутся только на следующий день, а его оставили онкилонам в залог своего возвращения. Туман был очень густ, но Аннуир быстро

нашла прямую тропу к дальним стойбищам и уверенно вела своих спутников. Холод заставил их идти быстро. На траве повсюду лежал иней, и одно из озёр, мимо которого прошла тропа, оказалось покрытым тонким льдом у берегов.

— Никогда ещё у нас не было так холодно в это время! — заметила Аннуир при виде льда.

— Вот мы и идём в долину Тысячи Дымов, чтобы узнать, почему стало так холодно, — пояснил ей Ордин.

Туман рассеялся только к полудню, когда путники дошли до последнего стойбища, где сделали привал для обеда. Оно тоже развалилось при землетрясении, но было уже почти восстановлено. Его население встретило белых людей дружелюбно — до него не дошли ещё настроения и подозрения, развившиеся накануне в роде Амнундака. Они знали об исчезновении священного озера и были встревожены, но барабан не передал, что в этом винят пришельцев.

Присутствие Аннуир, которую её родня любила, отстранило всякое подозрение, что белые люди бежали, а когда три воина, узнав, куда лежит путь, предложили себя в конвоиры и это не было отвергнуто, не осталось даже мысли об отлучке без согласия вождя.

Отдохнув, отправились дальше. Солнце уже пригревало, но день производил впечатление осеннего, а не летнего. Пошли кратчайшим путём на север, и часа через три достигли пояса скудной растительности, а немного позже вступили в пустынную местность. Происшедшая в ней перемена была заметна уже за несколько километров — не видно было многочисленных столбов белого пара на горизонте, и вдали отчётливо рисовалась чёрная стена окраины котловины. Когда вступили в пределы долины Тысячи Дымов, все были поражены. Не осталось ни одного из тысячи столбов, оживлявших местность своими клубами и радугами; в кипящих озёрах вода или исчезла, или стояла спокойно, хотя была ещё горяча. Повсюду, насколько хватал взор, расстилалась голая, чёрная, безжизненная пустыня из лавы с её шлаковатой поверхностью, пересечённой в разных направлениях трещинами; от неё шёл теперь сухой жар, и проносившийся по временам ветерок, подобный дыханию из огромной хлебопекарной или металлургической печи, вздымал чёрную пыль и крутил её смерчами по мёртвой равнине. Накалённый воздух струился по её поверхности и становился непрозрачным, так что чёрные обрывы окраины казались плавающими на поверхности обширного озера и приобретали фантастические очертания. Казалось, что за озером на самом берегу его возвышался огромный город.

С изумлением все созерцали происшедшую перемену. Онкилоны были из тех, которые сопровождали путешественников в прошлый раз, и им стало жутко. Они долго перешёптывались между собой, и наконец спросили:

— Где же тысячи дымов, которые мы видели здесь? Где озёрки, в которых мы варили мясо? Что это значит, скажите, белые люди? Почему подземные духи перестали варить и топить там, в глубине? Умерли они, или заснули, или ушли в другое место?

Горюнов объяснил им при помощи Аннуир, что всё это — последствия землетрясения. Они поняли только наполовину и сделали вывод, неожиданный, но правильный:

— Значит, нам далеко, как прошлый раз, ходить не нужно?

Действительно, проникать в глубь чёрной пустыни не было надобности, да и было бы очень трудно. В накалённом воздухе было трудно дышать. В прошлый раз многочисленные столбы пара, испаряясь в атмосфере, несколько понижали температуру; было жарко, как в бане, но терпимо.

Бросив последний взгляд на мёртвую пустыню и маячивший вдали фантастический город, повернули обратно, и на закате остановились на ночлег у первого из озёр в полосе растительности. Здесь было ещё тепло — северный ветерок приносил жар из пустыни. Расположившись у костра и поджаривая мясо, стали обсуждать положение. Аннуир беседовала со своими родичами — и путешественники могли говорить свободно; они были встревожены.

— Какие выводы можно сделать из того, что мы видели сегодня? — спросил Горюнов.

— Мне кажется, очень серьёзные, — ответил Ордин. — Моё предположение, что землетрясение сильно изменило подземный режим котловины, к сожалению, оправдалось полностью, и грелка Земли Санникова, как с полным основанием можно назвать долину Тысячи Дымов, испортилась. Почва в ней ещё горяча, но она скоро остынет, и в ближайшее время начнётся замерзание котловины, и этот оазис среди полярных льдов быстро исчезнет.

— И ничего другого ожидать нельзя? Это единственный возможный результат? — спросил Костяков.

— Нет, он был бы единственным, если бы послевулканическая деятельность, выражавшаяся в этих фумаролах, кипящих и пузырящихся озёрах, умирала естественной смертью, постепенно ослабевая. Но тогда и гибель жизни в котловине шла бы очень медленно — может быть, целые десятилетия;

зимы становились бы мало-помалу суровее и длиннее, животные, растения и человек долго боролись бы с этим ухудшением жизненных условий.

— А теперь они осуждены на гибель в течение одной зимы?

— Да, если не случится в ближайшие же недели или месяцы восстановления грелки.

— Почему же она может восстановиться?

— По-моему, не может, а должна. Землетрясение закрыло трещины, по которым выделения из потухшего или заснувшего — этого мы не знаем — вулкана в виде паров и газов, весьма обильных, прорывались на поверхность. Эти выделения не прекратились, им только отрезан путь вверх. В глубине они накапливаются, и рано или поздно должны найти себе выход; чем позже это случится, тем катастрофичнее будет прорыв. Поэтому нужно пожелать, чтобы поскорее случилось ещё землетрясение, которое откроет парам и газам старые или же новые пути вверх; это будет самый безболезненный способ разрешения кризиса, потому что, если пары и газы, накопившись до крайнего напряжения, начнут сами прокладывать себе выход, то это может даже кончиться восстановлением вулкана, то есть гибелью населения, но уже не от холода, а от огня.

— Вот так история! — воскликнул Костяков. — Несчастные онкилоны, им всё равно погибать — так или иначе!

— И единственное спасение — в новом землетрясении! — сказал Горюнов. — А они молят богов, чтобы земля больше не тряслась.

— Да, в новом и скорейшем. Так как если оно случится только будущей весной, то уже мало поможет: большинство животных не переживёт зиму с морозами в сорок-пятьдесят градусов и многодневными пургами. Онкилоны в землянках могут её пережить — дров здесь достаточно, но будущим летом они начнут вымирать от голода, так как вся крупная дичь исчезнет.

— А перелётные птицы, а водяные орехи, грибы, ягоды, корешки?.. Вы смотрите слишком мрачно.

— Ну, пожалуй. Всё-таки питаться им придётся меньше и хуже. Разве что займутся хлебопашеством, огородничеством, разведением рыбы, скотоводством. Но для этого им нужно доставить семена, орудия и научить их.

— Следовательно, вернувшись домой, мы должны сказать шаману и Амнундаку, что нужно молить богов о скорейшем землетрясении? А если оно создаст новые пути в южной части котловины?

— Это, конечно, будет хуже, потому что погибнет более или менее крупный участок растительности, может быть, олени пастбища, поляны, землянки. Но всё-таки это лучше, чем полная гибель от холода.

— А что делать нам? — спросил Костяков.

— Нам нужно протянуть время возможно дольше и уходить из котловины в крайнем случае, — ответил Ордин.

— Поживём — увидим, что будет дальше, как изменится погода, каково будет настроение онкилонов. Оставаясь, мы рискуем меньше, чем в случае преждевременного ухода, — подтвердил Горюнов.

Утомлённые далёким переходом, путники скоро и спокойно заснули.

Онкилоны по очереди караулили.

Жертвоприношение

На следующий день путешественники, миновав последнее стойбище, довольно рано возвратились домой. Вокруг землянки вождя они увидели скопление онкилонов, окруживших воинов соседнего стойбища, которые только что привели пленного вампу.

Они рассказывали, что в этот день утром, отправившись на охоту, они наткнулись на пять вампу, по-видимому, разведчиков, высматривавших возможность похищения оленей. Их настигли недалеко от стада. Произошла стычка, во время которой двух вампу убили, два успели бежать, а одного, раненного, взяли в плен и привели в подарок чужестранцам. Воины знали, что последние собирают шкуры и черепа диких животных; во время последней экскурсии в долину Тысячи Дымов взяли череп и кости вампу, съеденного волками, и решили, что живой вампу ещё лучше годится для той же цели. Пленник стоял с крепко связанными назад руками, покрытый кровью из нескольких ран от копий и стрел, и, по-видимому, едва держался на ногах. Его обступили сплошным кольцом женщины и дети, которым приходилось видеть вампу очень редко. Теперь они могли вволю насмотреться на живого вампу.

Когда путешественники заявили, что вампу интересен для них, пока он живой, Амнундак распорядился, чтобы его привязали к дереву. Путешественники решили поторопиться сделать все измерения, которые их интересовали, снять фотографии, а затем попросить вождя отпустить вампу.

Пленник был ещё молодой, мускулистый, как все эти первобытные люди. Измерениям черепа, конечно, мешала спутанная грива волос, наполненных многолетней грязью, и Горюнов решил остричь его. Когда он подошёл к вампу с блестящими ножницами, последний подумал, что его собираются зарезать, и испустил дикий вопль. Операция стрижки производилась под взглядами целой толпы онкилонов, окружившей дерево, — им никогда ещё не приходилось видеть подобное, и самый инструмент был им незнаком. Пленник принял это за прелюдию к каким-нибудь истязаниям и старался схватить своими крепкими зубами руку мучителя, так что пришлось завязать ему рот. Блестящие инструменты для измерения черепа привели его в трепет. Эти измерения, а также обмер тела он, конечно, счёл за какие-то колдовские манипуляции, в результате которых с ним должно было произойти что-то очень скверное. Наконец, когда принесли и поставили перед ним на блестящем треножнике какой-то чёрный предмет и раздался щёлк затвора, он закрыл глаза, вообразив, что сейчас его поразит молния. Поэтому, когда его наконец оставили в покое и с ним ничего не случилось, он, видимо, был удивлён.

Онкилоны с громадным интересом следили за всеми этими операциями; измерения головы и тела были им уже знакомы, так как сначала женщины, а затем некоторые воины и дети уже подвергались им, и всегда эти измерения заканчивались тем же чёрным предметом на блестящей треноге, значения которого онкилоны не могли понять.

Когда всё было кончено, Горюнов попросил вождя отпустить пленника на волю, но получил решительный отказ.

— Сегодня вечером у нас опять будет моление, и шаман узнает решение духов, должен ли вампу умереть, — заявил Амнундак. — До сих пор мы пленных не отпускали никогда.

Уже смеркалось, и путешественники, утомлённые далёкой экскурсией и историей с пленником, были рады вернуться в свою чистую землянку и расположиться у пылающего огня. Туман уже сгущался и снова становилось холодно. От Горохова они узнали, что и накануне, и в этот день туман держался до полудня, а потом, несмотря на то, что солнце было видно, всё время было холодно, «как у нас в Казачьем в эту пору». В этот день был замечен отлёт стрижей на юг, а гуси и утки также собирались к отлёту, побуждаемые наступлением холода. После двух морозных ночей трава на полянах поблёкла и легла, а листья на деревьях, не желтея, начали падать. Онкилоны были удивлены и говорили, что такие холода и

туманы у них бывали только целым месяцем позже, а птицы улетают теперь также раньше обычного времени. По поводу холода в этот вечер и было назначено моление.

Когда стемнело, Горохов пошёл узнать, не пришёл ли шаман и могут ли белые люди присутствовать на молении. Он вернулся с известием, что в этот раз моление будет только в присутствии воинов, и даже женщины и дети будут удалены из землянки.

Ввиду холода Амнундак просил белых людей пустить женщин с детьми на это время в их жилище.

— Мне пришло в голову, что они затевают что-то недоброе! — сказал Ордин при этом известии. — Они удаляют всех женщин, чтобы мы не могли узнать ничего через них.

— Возможно, — ответил Горюнов. — Но помешать им мы не можем, и остаётся только быть настороже. А вот спросите Аннуир, бывают ли у них моления подобного рода.

Аннуир сообщила, что подобные моления бывают перед походами против вампу.

Вскоре землянка наполнилась женщинами и детьми, пришедшими коротать время своего изгнания у костра белых людей. Они и раньше бывали здесь в гостях, особенно во время отлучек чужеземцев; но теперь, явившись целым родом, были смелее, принесли с собой палочки с мясом, лепёшки и начали готовить ужин; их смех и шутки, взвизгивание детей, плач младенцев наполнили землянку. При взгляде на этих весёлых и беззаботных людей, недавно ещё предлагавших гнать в шею чужеземцев и винивших их в бедствиях, предсказанных предками, а теперь болтавших и шутивших с теми же чужеземцами, путешественники не могли не подумать о том, что видели накануне в чёрной пустыне и что грозило близкой гибелью этому первобытному племени, если положение не изменится.

— Я всё думаю и не могу решить... — сказал Горюнов Ордину, уединившемуся с ним в углу землянки, когда смех и шутки женщин начали надоедать, — не могу решить, должны ли мы сказать онкилонам о грозящей им гибели и предложить им уходить вместе с нами на юг.

— Я тоже думал об этом, — ответил Ордин, — но решил, что это преждевременно. Сейчас море открыто и идти им, имея лодок, некуда. А кроме того, неизвестно, оправдаются ли и в каком виде мои опасения. Если восстановится так или иначе грелка Земли Санникова, всё может измениться к лучшему, может быть, на целые десятилетия.

— А если грелка не восстановится и на наших глазах начнёт надвигаться зима?

— И всё-таки говорить им ничего не придётся. Куда они могут идти через льды в полярную ночь, без достаточно тёплой одежды, без топлива, без оленей, которые погибнут от голода через несколько дней пути по льдам? Нет, эту зиму они кое-как переживут, а весной, когда увидят, что снега не тают, что животные погибли, сами могут додуматься до необходимости уйти отсюда.

— Верно! А весной мы можем вернуться сюда с большой экспедицией, которую пошлёт академия, чтобы изучить землю и её население прежде, чем снега окончательно заполнят котловину. Тогда легче будет устроить и исход онкилонов — они поверят в его необходимость.

— А теперь они будут только требовать от нас, чтобы бедствия прекратились!

После ужина женщины по просьбе Горохова устроили пляску. Детей со старухами рассадили по углам, а сами, разоблачившись, по обыкновению, донага, взявшись за руки, пошли хороводом вокруг огня. Пляска состояла в подпрыгивании, поднимании то правой, то левой ноги, в движениях рук, изгибах туловища в разные стороны под аккомпанемент припева простой мелодии. Такими плясками женщины развлекали себя и мужчин в долгую полярную ночь, когда надоедало однообразное сидение в землянке. Сначала припев и движение были медленные, словно плясали нехотя, но постепенно стали живее, и наконец женщины завертелись так быстро, что у зрителей зарябило в глазах и зазвенело в ушах от топота ног, хлопанья в ладоши и взвизгиваний. Смуглые тела извивались в бешеной пляске, косы развевались, ожерелья подпрыгивали на груди, запястья мелькали взад и вперёд, глаза разгорелись, губы раскрылись, обнаруживая блестящие белые зубы. Наконец, дойдя до изнеможения, все попадали на землю и растянулись в разных позах вокруг огня, тяжело дыша и поправляя свои пояски. Чёрно-синие линии татуировки выделялись теперь особенно резко на покрывшихся потом телах, и можно было видеть прихотливые узоры, цветы, листья, солнца, головы животных, изображённые фантазией первобытных художников — старух, занимавшихся этим делом на телах девушек в долгую полярную ночь и старавшихся превзойти друг друга в замысловатости этих украшений. Мы уже описали татуировку женщины со змеями — второй жены Амнундака. У Аннуир тело спереди было покрыто листьями и цветами разных фасонов, а сзади между лопатками сияло солнце, лучи которого расходились до шеи, плеч и поясницы; ниже последней были изображены две луны, обращённые

рогами друг к другу. Раку была покрыта зигзагообразными линиями спереди и волнистыми сзади, причём на лопатках и ниже поясицы эти линии закручивались спиральями. Девушки щеголяли друг перед другом замысловатостью узоров на своём теле, и молодые воины на весеннем празднике также оценивали своих избранниц с этой точки зрения.

Отдохнув, женщины уселись большим полукругом позади огня, против путешественников, и затеяли игру: сидевшая на правом фланге шлёпнула левой рукой соседку по спине с возгласом «первая»; та проделала то же со своей соседкой слева с возгласом «вторая»; так волна шлепков прокатилась дальше до левого фланга; если какая-нибудь сбивалась в счёте, её тузили справа и слева при общем хохоте. С левого фланга волна шлепков, но другой рукой, пошла обратно, опять со счётом начиная с первой, но на половине полукруга скрестилась с новой волной, шедшей справа; таким образом легко было сбиться в счёте, что давало повод к частым потасовкам ко всеобщему удовольствию. Когда эта забава надоела, перешли к другой: женщины присели на корточки, вытянув вперёд руки, одновременно протягивали к огню правые ноги, а затем, очень быстро подтянув их назад, протягивали левые; если которая-нибудь опаздывала или протягивала не ту ногу, соседки при общем смехе опрокидывали её на спину, и обе ноги её мелькали в воздухе. Эта игра так раззадорила женщин, что скоро они начали опрокидывать друг друга без всякого повода, и кончилось тем, что все они лежали на земле ногами к костру и хохотали.

— Эти пляски и игры, — заметил Горюнов, — прекрасная гимнастика, чтобы размять отёкшие от долгого сидения члены в долгую полярную ночь.

— Да, мужчины ходят на охоту, стерегут оленей, рубят дрова, а женщины обречены на домашние работы в землянке, — подтвердил Ордин.

— Первая игра называется у них «ожерелье», а вторая — «лягушки»; есть ещё третья, «испытание», она спокойная, — сказал Горохов и прибавил, обращаясь к женщинам: — Покажите нам «испытание»!

Женщины присели по местам.

— А кто у нас с прошлой зимы остался терпеливой? — слышался вопрос. — Ты, Анну?

— Я! — заявила Аннуэн.

— И я тоже в своём роду! — заявила Аннуир.

— Ты здесь чужая, и тебя нужно сначала испытать, правда ли, что ты терпеливая. Ложись первая, — решили женщины.

Принесли шкуру, положили её недалеко от костра среди полукруга, и Аннуир вытянулась на ней навзничь. Аннуэн взяла чашку, наполнила её до краёв водой и поставила на живот лежащей, затем присела у её ног и стала щекотать её подошвы. Остальные женщины начали громко считать. Испытание состояло в том, что лежащая, несмотря на щекотание, должна была лежать настолько смиренно, сдерживая даже дыхание, чтобы из чашки не пролилось ни капли воды, пока не окончится счёт до десяти. Хотя у онкилонов подошвы были огрубевшие от ходьбы босиком, но испытание, однако, выдерживали немногие, тем более что женщины нарочно считали очень медленно. Выдержавшая получала титул терпеливой и право щекотать подошвы всех нетерпеливых.

Аннуир в этот раз не выдержала, и на девяти захохотала; правда, её соперница в любви щекотала очень сильно.

— Ну, вот ты и соврала! — заявила последняя злорадно. — Никогда ты не была терпеливой!

— Может быть, и ты не была! — запальчиво возразила Аннуир.

— Другие знают! А если не веришь, можешь испытать меня, и даже большим терпением, — гордо заявила Аннуэн.

— Да, она может и это! — подтвердили другие.

— Ну-ка, покажи, Аннуэн! — сказал Ордин.

Аннуэн легла на место Аннуир, а последняя, наполнив чашку, поставила её выше живота, под груди, и стала щекотать живот возле пупка — место самое чувствительное. Но Аннуэн лежала как каменная и выдержала испытание.

— Попробуй-ка выдержать это! — сказала она насмешливо, поднимаясь, и выплеснула воду из чашки прямо в лицо Аннуир.

Это была привилегия выдержавших большое испытание; Аннуир только обтёрлась молча и отошла, пристыжённая.

Одна за другой ложились женщины, и Аннуэн всех доводила до смеха: одних раньше, других позже, и основательно обливала водой прежде, чем они успевали подняться, к общему удовольствию остальных.

Не выдержавшие испытания потом сушились у костра и хохотали, глядя, как со следующими происходило то же. Выдержала только ещё одна из женщин, и, когда все прошли через испытание, Аннуир пожелала подвергнуться ему вторично, но с тем, чтобы её испытывала новая терпеливая. Аннуэн протестовала, но остальные, зная их соперничество, нашли, что Аннуир вправе требовать повторения, раз она прежде была терпеливой. Аннуир согласилась даже на большое ис-

---

пытание и храбро выдержала его, но не воспользовалась своим правом облить водой ту, которая её щекотала. О, если бы на месте последней была Аннуэн! Эта получила бы полную порцию!

— Ну, теперь у вас две сверхтерпеливые невесты! — поздравил Ордина Горюнов.

— И обе ревнивые! — прибавил Костяков.

— В полном порядке вещей, — рассмеялся Ордин, который был доволен, что Аннуир восстановила свою репутацию.

Посидели ещё у огня, болтая, но скоро явился старик из жилища Амнундака и сказал, что женщины могут вернуться, так как моление кончено.

— Что сказал шаман? Что открыли ему боги? Что ожидает нас? — посыпались на него вопросы.

— Завтра узнаете, а теперь идите спать, — уклончиво ответил старик и вышел.

Женщины оделись, подняли детей, спавших по углам, и одна за другой покинули жилище белых людей. Снаружи раздалась их возгласы: «Опять холодно! Ох, как холодно! Какой туман! Держитесь друг за друга, чтобы не заблудиться».

Аннуир пошла с ними, чтобы постараться разведать что-нибудь о результате моления, но очень скоро вернулась и сказала:

— Амнундак и все воины куда-то ушли — провожать шамана, что ли; в жилище никого нет, кроме двух стариков, — один спит, а другой меня обругал за любопытство.

— Очевидно, и нам самое лучшее — лечь спать. До завтра мы ничего не узнаем, — сказал Горюнов.

Если бы путешественники знали, что велели духи шаману и что онкилоны стали немедленно приводить в исполнение, они бы не могли лечь спокойно спать.

Тотчас по окончании моления от жилища вождя, несмотря на туман и холод, на юго-запад отправились все наличные воины; впереди шли несколько человек с факелами, за ними Амнундак и шаман с учеником, далее четыре воина несли на носилках пленного вампу, а остальные онкилоны замыкали шествие, все в полном вооружении и глубоком молчании. Слышался только лёгкий топот ног, постукиванье стрел в колчанах и поскрипыванье носилок. Уверенно находя дорогу в тумане, передовые с факелами вели этот странный картеж через леса и поляны к священному озеру. На берегу последнего пленника, связанного по рукам и ногам, положили на жертвенную плиту, шаман стал у его головы, ученик — у ног.

Амнундак и воины окружили плиту сплошным полукольцом, открытым к озеру, в котором всё ещё не было воды. Все воины теперь зажгли факелы и подняли их над головой; шаман взял бубен, и началось моление перед жертвой. Многочисленные факелы бросали колеблющийся красный свет на чёрную плиту, на распростёртого на ней нагого волосатого человека, на шамана в его странном наряде, с высоко поднятым бубном, издававшим глухой грохот, на полукольцо вооружённых людей с орлиными перьями в волосах, с суровыми лицами, поднятыми к шаману в благоговейном созерцании. Кругом висел и колыхался туман, по временам разрываясь, и тогда показывались чёрные обрывы, дно озера, покрытое камнем, и тёмное жерло. На онкилонов, да и на всякого человека это ночное моление в такой обстановке не могло не произвести глубокого впечатления. Пленник, очевидно, догадавшийся об ожидавшей его участи, дико вращал глазами, и всё тело его вздрагивало мелкой дрожью. После прелюдии на бубне, имевшей целью вызвать духов и обратить их внимание на себя, шаман опустил руки, поднял своё худощавое лицо, изборождённое морщинами, вверх и, устремив взор на волны тумана, глухим голосом начал молить духов.

— Оммолон, Амнунгем, Иргани! — зывал он многократно. — Властелины подземного царства, призываю вас! Мы принесли вам жертву — живого человека, жертву красной дымящейся крови. Примите её, не трясите нашу землю, закройте щели, возвратите воды этого озера! Оммолон, Амнунгем, Иргани! Слушайте, мы призываем вас!

Называя имена духов, шаман повышал голос до крика, и эти странные имена несколько раз повторялись отражением от обрывов, окружавших озеро. Казалось, что это откликались подземные духи, повторяя свои имена. При последнем возгласе шаман внезапно выхватил из-за пояса свой каменный жертвенный нож и, быстро нагнувшись, вонзил его в грудь вампу, испустившего ужасный вопль, также повторённый обрывами. Оставив нож в ране, шаман наступил ногой на лицо умирающего пленника и опять забил в бубен.

Когда тело перестало вздрагивать, шаман вынул нож, вытер его о волосатую кожу вампу и сказал:

— Унесите жертву и бросьте её в глубь входа в подземное царство!

Шесть воинов осторожно подняли труп и понесли его, перебираясь по скользким и наклонным камням к жерлу, другие воины светили им спереди и сбоку. Когда они подошли к жерлу, раздался удивлённый и радостный крик:

— Вода идёт, вода показалась!

Действительно, жерло, только что зиявшее ещё своей чёрной пустой пастью, уходящей вглубь, до краёв заполнилось бурлящей водой.

— Жертва наша принята подземными духами! — возгласил шаман. — Вода возвращается в священное озеро... Привяжите камень к ногам жертвы и бросьте её скорее в жерло! — распорядился он.

Опустив труп на камни, воины развязали его руки и привязали тем же ремнём большой камень к ногам. Потом подняли труп, раскатали его на руках и бросили в жерло, из которого вода выливалась уже на дно озера. Чёрные волны с дрожащими красными отблесками от факелов сомкнулись над головой дикаря.

— Приведите жертвенного оленя! — возгласил шаман. — Принесём жертву добрым духам неба!

Раздвигая ряд воинов с факелами, протискивались вперёд два онкилона, ведущие за рога белого оленя. Его рога были украшены цветными кожаными лентами, а шерсть обрызгана пятнами красной охры. Животное, испуганное многочисленными огнями, упиралось и мычало. Его подтащили к плите, подняли на неё и повалили к ногам шамана.

Снова загудел бубен, и шаман начал призывать добрых духов неба, прося их вернуть онкилонам тепло, прекратить холода и сохранить оленьи стада. Снова сверкнул жертвенный нож, пронзивший затылок оленя, — алая кровь брызнула на белую шерсть, и животное растянулось без движения. Его оставили на плите, отрезав только голову, которую всегда получал шаман.

Вода в озере быстро поднималась, уже заливая глубокую часть дна, когда шаман, поклонившись священным водам, возвращённым из подземного царства, спустился с плиты. В прежнем порядке, но с носилками, украшенными только головой оленя, весь отряд двинулся в обратный путь.

Последние дни у онкилонов

На следующее утро путешественники с удивлением узнали два факта: ночью было землетрясение, и восстановилось священное озеро. Последнее можно было объяснить первым, но почему же они его не почувствовали? По расспросам оказалось, что землетрясение почувствовали только те два ста-

---

рика, которые остались в землянке Амнундака после ухода прочих; они заснули и были разбужены довольно сильным ударом, выбежали на воздух, но так как всё было спокойно, земля только дрожала, они от холода скоро вернулись назад.

— Почему же мы ничего не чувствовали? — удивился Горюнов. — Не приснилось ли это старикам? Ни мы, ни наши многочисленные гости ничего не заметили.

— Пойдите! — воскликнул Ордин. — Не случилось ли это тогда, когда наша землянка вся дрожала от топота плясавших женщин?

— Ну конечно, так! В это время легко было не заметить удар, очевидно, не слишком сильный.

— Но который всё-таки восстановил сообщение священного озера с... — Ордин замялся.

— С чем восстановил?

— Я хотел сказать — с морем, но спохватился, что ведь прежнее озеро стекало в море и высохло не потому, что эта связь прекратилась, а потому, что сильно сократился приток воды из котловины.

— Знаете, это надо обследовать. Это очень важный вопрос, почему появилась вода. По рассказам онкилонов, она стала подниматься из жерла.

— Если мы пойдём туда и окажется, что вода снова исчезла, нас обвинят в новой беде и никаким оправданиям не поверят. Нет, лучше подождём и пойдём вместе с Амнундаком, — заявил Костяков.

И ещё один факт, случившийся ночью, узнали путешественники. Пленный вампу сумел развязать верёвку и убежал, воспользовавшись тем, что карауливший его воин дремал у костра.

Все эти вести принесла Аннуир, первая вернувшаяся с утреннего доения оленей.

— Когда же онкилоны успели узнать, что озеро вернулось, и даже увидеть, как поднималась вода? — удивился Ордин.

— Ночью было моление у священного озера. Амнундак, шаман и все воины ходили туда. Принесли жертву — белого оленя, — и сейчас же вода стала выходить, — сказала Аннуир с радостным видом, очевидно, вполне веря в действенность моления и жертвы.

— Жертва была!.. — протянул Горюнов и замолчал.

Он сопоставил таинственное жертвоприношение ночью, которому предшествовало удаление всех женщин и детей из жилища и исчезновение пленника, и заподозрил недоброе.

Позже, пользуясь отлучкой всех жён и Горохова, он сообщил свои подозрения двум товарищам.

— Непременно нужно узнать, верно ли моё подозрение, — закончил он. — Если они начали приносить в жертву людей, то, начав с вампу, они могут перейти и к нам, если бедствия не прекратятся.

Но узнать что-нибудь об этом факте не было возможности. Воины рассказывали охотно, что шаману на моление духи велели принести в полночь жертву, обычную жертву — белого оленя, на берегу священного озера, после чего вода начала выступать из жерла и залила на их глазах всё дно. Они отрицали, что было землетрясение в эту ночь, очевидно, не заметили его на ходу к озеру или во время моления на берегу.

Прошло несколько дней; была только половина августа, но пахло глубокой осенью: каждую ночь были морозы, туман, иней; листья на деревьях, не успев пожелтеть, валились, трава на полях вся поблёкла и полегла. Перелётные птицы исчезли, и озёра опустели; за ночь они теперь замерзли целиком и едва оттаивали к вечеру. Солнце часто скрывалось за густыми тучами и еле грело. Женщины начали вытаскивать из мешков зимние одежды и спешно чинить их. Мужчины усиленно занялись заготовкой дров. Путешественники опять начали замечать недружелюбные взгляды, которые бросали на них онкилоны при встречах, а женщины, кроме Аннуир, снова стали чаще отлучаться и проводить время в землянке Амнундака. По совету Ордина Аннуир тоже начала уходить вместе с ними, чтобы не выделяться своей преданностью чужестранцам и поэтому легче узнавать замыслы онкилонов.

15 августа с утра подул северный ветер и началась настоящая пурга — валил снег при температуре в несколько градусов ниже нуля. К полудню снег прекратился и, выйдя из землянки, путешественники могли видеть Землю Санникова в полном зимнем наряде: поляну, покрытую толстым слоем снега, оголённый лиственный и украшенный снегом хвойный лес. Онкилоны тоже вышли из землянки вождя и осматривались; женщины сейчас же побежали к ним.

В сумерки к путешественникам пришёл Амнундак, чего не случалось уже давно, со времени размолвки после землетрясения, разрушившего его жилище. Он присел к костру и, грея руки и уставившись взором в огонь, повёл такую речь:

— Что же это будет с нами, белые люди? Зима пришла на целую луну раньше времени. Деревья даже не желтели, а замёрзли. Птицы улетели, солнце не греет. Если снег будет всё

прибавляться, все наши олени погибнут. И быки, лошади, носороги тоже погибнут. Чем онкилоны будут питаться?

Путешественники слушали молча эти сетования: они знали причину преждевременных холодов и знали, что на улучшение нет надежды, пока не восстановятся подземные пути, дававшие котловине тепло. Но кто мог сказать, когда это случится? И чем они могли обнадёжить Амнундака?

Не получая ответа, последний встал и, подняв руку с угрожающим жестом, сказал:

— И всё это сделали вы! Вы пришли к нам из страны снегов и холодов и принесли сюда холод и снег, потому что вам они приятны, вы любите жить на белой земле, белые люди! Холодом и снегом вы хотите погубить онкилонов, чтобы занять нашу землю. Чукчи вытеснили наших предков сюда! Вы, могущественные белые колдуны, хотите погубить нас совсем!

Он круто повернулся и вышел из землянки. Путешественники обменялись встревоженными взглядами, и, когда вождь удалился, Горюнов сказал:

— Теперь, я думаю, медлить уже нечего — нужно уходить завтра пораньше в путь; дует северный ветер, озёра замёрзли, тумана не будет, снег ещё неглубок.

— Да, если он ещё подвалит, нам без лыж трудно будет идти, — прибавил Костяков.

— И зимней одежды у нас здесь нет — всё на складе, — заявил Ордин.

— Вы как знаете, — решительно сказал Горохов, — а я останусь у онкилонов. Этот холод скоро пройдёт, и мы заживём по-прежнему. А вы во льдах пропадёте, не добравшись до Котельного.

Его стали убеждать, но он упорно твердил, что здесь лучше, чем в Казачьем: жизнь сытая, спокойная, жена хорошая, землянка тёплая, — нечего на судьбу роптать.

— А если вас, Никита, зарежут, как зарезали вампу, принесут в жертву богам, чтобы холод кончился? — спросил Горюнов.

— Пустяки говорите! Вампу убежал. Онкилоны людей не режут. Если бы резали, давно бы нас всех прикончили, не стали бы разговаривать, как вот Амнундак сейчас приходил. Просить будут нас, а не резать.

Воцарилось тягостное молчание.

Немного погодя Горохов поднялся и вышел, а через минуту вбежала Аннуир.

— Сейчас Амнундак пришёл от вас к себе и сказал нам: «Белым людям больше женщин не дадим. Пока они не пре-

---

кратят холод и снег, вы живите у меня, туда не ходите, а то вам худо будет». А все мужчины и женщины закричали: «Давно бы так, пусть они поживут без жён, без молока, без лепёшек!». Я только попросила отпустить меня за моим одеялом. Он сказал: «Иди, но сейчас же возвращайся назад!».

Аннуир взяла своё меховое одеяло и сказала Ордину на ухо:

— Ночью, когда там уснут, я приду к тебе, расскажу, что узнаю, дело, кажется, нехорошее.

Она убежала, оставив путешественников в угнетённом настроении

— Да, завтра уходим чуть свет, — сказал Костяков. — Это, очевидно, первый шаг в цепи репрессий, ожидающих нас, чтобы заставить отменить раннюю зиму.

— И если мы будем медлить, то дождёмся, что к нам поставят в землянку караул, и тогда уйти будет не так-то легко, — прибавил Горюнов.

— Пока Горохова нет, приготовим всё к отходу, — заметил Ордин. — Но интересно, куда он пошёл, — не к Амнундаку ли, выдать наши намерения?

Горохов и женщины в течение всего вечера не возвращались. Путешественники сами приготовили себе ужин, сварили чай, уложили котомки, затем ещё долго сидели, обсуждая положение, наконец легли спать. Горохов, очевидно, остался ночевать у Амнундака.

Среди ночи Ордин был разбужен Аннуир.

— Уходить нужно вам скорее, — сказала она шёпотом. — Воины говорят: вот подземным духам принесли в жертву вампу — они вернули воду в священное озеро; духам неба пожертвовали только оленя — они рассердились и прислали зиму. Нужно и им жертву получше. Не говорят, а я полагаю — на вас думают.

— А Никита слышал это?

— Нет, это было раньше. При нём не говорили. Он пришёл и стал говорить, что хочет онкилоном сделаться, от вас уйдёт, будет с нами жить, он им не хочет беды делать. Так весь вечер рассказывал, как худо жить в вашей земле. Теперь онкилоны поняли, почему вы сюда пришли: хорошую землю для своего племени ищите. А Амнундак и скажи: «Значит, они соглада-тай! Но мы их отсюда не выпустим, а то они вернуться с большим отрядом воинов, воевать с нами начнут своими молниями — тут онкилонам конец будет!».

— А Никита не сказал, что мы завтра хотим уйти?

— Нет, не говорил. Он всё только про себя рассказывал. И Амнундак похвалил его и на ночь жену ему вернул. Потом

приказал, чтобы завтра позвали шамана — вечером моление будет насчёт вас, должно быть, и снега.

— Ну, Аннуир, завтра мы чуть свет уйдём. А ты как, пойдёшь со мной?

— Пойду куда хочешь, если я там, в вашей земле, буду у тебя одной, первой женой, — ответила Аннуир.

— Да, ты будешь у меня не первой, а только одной, единственной.

Они ещё долго проговорили, а потом, увидев по часам, что рассвет близок, разбудили товарищей и, наскоро позавтракав, едва начало светать, покинули свою уютную землянку навсегда. Горохову оставили записку с просьбой сообщить Амнундаку, что они пошли за своей тёплой одеждой и вернуться через день. Если он хочет догнать их, то может это ещё сделать: они будут ждать его двое суток на окраине котловины. Предупреждали его, что Земле Санникова грозит ужасная зима и что здесь будет не лучше, чем в Казачьем. Писали, что он может прийти позже с онкилонами и взять запасы мяса, наготовленного Никифоровым на зиму, так как им всего не увезти.

В землянке был оставлен костёр, чтобы выходящий из неё дым до поры до времени показывал онкилонам, что она жилая, постели свои закрыли так, чтобы казалось, что в них спят люди; только Аннуир унесла с собой свою постель и всю одежду, какая у неё была.

Шёл небольшой снег, который скоро мог скрыть их следы. Впрочем, погоню должен был предотвратить Горохов, во всяком случае, до вечера. Ему оставили Пеструху, запретив её в землянке.

Когда стало светло, они были уже в нескольких километрах от стойбища, на соседней поляне, которую с трудом узнали. Как изменилось всё за четыре месяца! Тогда была новизна впечатлений, чудесная новооткрытая земля, полная тайн, ожидавших раскрытия, весенняя природа, молодая зелень. Теперь — оголённые леса, занесённые снегом поляны; бегство от невежественного народа; впереди скучный, опасный и долгий путь на материк; отсутствие одного товарища, до сих пор делившего с ними все труды, а теперь изменившего; опасения за его судьбу, наконец, оставленные женщины, к которым успели привязаться. Только Ордин был веселее остальных — рядом с ним бодро шагала по снегу Аннуир, которая ради него бросила своих родных и привычные условия жизни, покидала родину и шла навстречу чуждому и страшному для неё новому миру, не оглядываясь с тоской назад.

К вечеру добрались до своей базы и очень обрадовали Никифорова, который давно не имел от них известий. У него всё было в порядке, на зиму уже заготовлены большие запасы мяса и дров; собаки сыты и здоровы, не хватало только одной, задавленной на охоте медведем. Казак удивился решению немедленно уходить из этой благодатной земли.

— Пропали зря все мои труды! — сказал он с укором. — Для чего я старался, стрелял, возил, сушил, коптил? Для чего извёл столько тварей? Для чего дрова готовил? Всё останется одним медведям, будь они прокляты!

— Не горюйте, Капитон, не медведи, а люди съедят ваше мясо. Придёт Горохов с онкилонами и заберёт всё к ним на стойбище.

— Как, а разве Никита не едет с нами домой? — воскликнул в изумлении казак.

— Да, он решил остаться. Полюбил тут женщину, говорит, здесь лучше, чем в Казачьем.

— Так и решил? Ах он сволочь этакая. В Казачьем ведь у него жена есть, правда, старая и злющая баба.

— А здесь молодая и добрая. Он тут вроде князя будет.

— А кто же это пришёл с вами? Провожает, что ли? — спросил казак, указывая на Аннуир.

— Нет, это моя жена, идёт с нами на материк, — ответил Ордин.

— Вот оно что! — протянул Никифоров, с любопытством оглядывая смутившуюся женщину, которая недостаточно знала по-русски, чтобы понимать быстрый разговор, но поняла, что говорят о ней.

— Значит, вместо Никиты с нами пойдёт баба здешнего племени! Не знаю, как мы с собаками управимся, — она Никиту не заменит, небось собачек не видывала даже, не то что нартой править. Эх, огорчение!

Долго ещё Никифоров философствовал на эту тему у костра, вокруг которого расположились путешественники. Ловкость, с которой Аннуир справлялась с приготовлением ужина, несколько примирила его с этой заменой, и он в конце вечера сказал даже:

— А жинка у вас славная, работающая, Семён Петрович! И сильно любит вас, если решила от своих в чужие края за море идти... А ваши, видно, не пожелали? — обратился он к остальным двум.

— Да, не пожелали... — ответил Горюнов и вкратце разъяснил Никифорову, как сложились обстоятельства, заставившие их спешно уходить из этой интересной земли. — Весной

мы сюда вернёмся, — закончил он, — если всё будет благополучно.

Никифоров рассказал за ужином, что немедленно уходить из котловины нельзя, так как сугроб за лето порядочно понизился и уже не доходит до гребня обрыва, а только до верхнего уступа, над которым приходилось ещё метров пятнадцать карабкаться по скалам. Для подъёма нарт и груза необходимо было расчистить путь, сделать ступени. Сугроб также требовал подготовки: он сильно обледенел с поверхности, и нужно было вырубить по всей длине ступени.

— За день со всем этим, однако, не справимся, — сказал он.

— У нас есть два дня, — сказал Горюнов. — Мы обещали Никите ждать его двое суток. Авось он раздумает и придёт.

Наводнение

Переночевав в палатке казака, всё ещё стоявшей в ледяном гроте, значительно увеличившемся за лето вследствие таяния, путешественники с утра принялись за прорубку ступеней вдоль гребня сугроба.

Все пятеро работали усердно, и перед вечером очутились на площадке уступа. Она имела от четырёх до десяти метров ширины и тянулась в обе стороны от сугроба метров на сто; далее же быстро суживалась, оставляя место только для прохода каменного барана. Над ней поднималась стена, имевшая в самом низком месте метров десять вышины; она не везде была отвесна, а распадалась на отдельные высокие и низкие уступы, по которым опытный альпинист мог бы взобраться наверх. Но для собак и для подъёма груза уступы были слишком высоки, и нужно было сделать промежуточные, что при слоистости базальтовой лавы не представляло непреодолимой задачи. Работы, во всяком случае, хватало на день.

Осмотрев площадку, Горюнов сказал:

— Как вы думаете, не поднять ли нам весь груз и нарты сегодня же сюда?

— А зачем это? — спросил Костяков. — Внизу ночевать удобнее: здесь можно спросонок и свалиться с обрыва.

— Ночевать мы можем внизу, но всю тяжесть лучше поднять сегодня, и вот почему. Сегодня вечером мы должны были вернуться на стойбище, что, согласно нашей записке, Горохов должен был сказать Амнундаку. Последний, видя, что нас нет, может послать вечером же погоню, — онкилоны дорогу

знают. Погоня придёт сюда завтра рано утром, и, если весь груз будет ещё внизу, нас захватят, — стрелять в онкилонов мы, пожалуй, не решимся. Если же груз будет уже наверху, мы сами быстро поднимемся и можем разрушить дорогу по сугробу, то есть будем в безопасности. Смотрите, срубить верхнюю узенькую часть гребня на протяжении десятка метров недолго, и тогда никто не решится лезть сюда.

— Пожалуй, вы правы! — согласился Костяков.

— Ну, а как же собаки? — спросил Никифоров. — Им на площадке будет тесно.

— Они тоже могут ночевать внизу в своих гротах. Им недолго взбежать порожняком наверх.

Приняв это решение, приступили к подъёму груза, пользуясь остатком дня. Это оказалось не так легко. Поднимать сильно гружёные нарты по крутому уклону, несмотря на вырубленные ступени, собаки сразу не могли, и пришлось сделать это в несколько приёмов. Поэтому провозились до темноты, но в конце концов весь груз, запасы мяса, дров и нарты были сложены на площадке; внизу остались только спальные мешки и посуда для ужина и чая.

Обилие дров, заготовленных на зиму, позволяло не скупиться ночью на костры, чтобы отогнать медведей. По словам Никифорова, они посещали его за лето не раз, и только грот спасал его от объятий косолапых, а мясо, которое привлекало хищников, — от разграбления.

Благодаря бдительности Белухи он своевременно просыпался и, притаившись среди льдин входа в грот, стрелял в ночного гостя, пытавшегося разворотить ледяные глыбы, закрывавшие мясной склад.

За ужином он рассказал также, что во время двух землетрясений ему было очень страшно: он выбежал из грота, опасаясь, что свод рухнет. С обрывов по соседству камни сыпались, словно град, и в земле образовались трещины.

Утомлённые работой, путешественники рано легли спать на площадке между четырьмя кострами и крепко заснули под охраной Крота и Белухи. Но около полуночи их разбудил сильный подземный удар. Приподнявшись в испуге, они стали прислушиваться; из-под земли доносился явственный гул, словно там по неровной мостовой катились тяжёлые вozy; к нему очень скоро присоединился доносившийся уже по воздуху грохот, то близкий, то далёкий, от падения глыб, срывавшихся с обрывов окраин; земля под лежавшими дрожала. Но все эти звуки скоро покрылись неистовым воем собак, запертых в ледяных гротах.

Так как путешественники лежали под открытым небом и достаточно далеко от подножия обрыва, то бежать куда-нибудь им не нужно было, и они продолжали полулежать на спальных мешках в понятной тревоге.

Скоро последовал ещё один удар, более сильный; лежавшие почувствовали, как их слегка подбросило вверх; пламя догоравших костров подпрыгивало, головешки и угли рассыпались в стороны. Где-то поблизости что-то грохнуло, и Горюнов, лежавший против входа в грот, в котором стояла недавно палатка и в котором провели прошлую ночь, увидел, что из свода вывалилось несколько крупных ледяных глыб.

— Наше счастье, что мы ночуем здесь, а не в гроте! — воскликнул он. — Сейчас нас бы там придавило!

— А не может ли придавить и собак в их убежищах? — встревожился Ордин.

— Едва ли. Их гроты небольшие и расположены в самой высокой и толстой части сугроба.

— Если их выпустить, они разбегутся, — заявил Никифоров. — Привязать их не к чему — нарты наверху. Пусть сидят.

Но ещё несколько сильных ударов, последовавших один за другим, заставили путешественников переменить своё решение. Собаки подняли такой отчаянный вой, очевидно, предчувствуя опасность, что Никифоров с топором в руках, пошатываясь, словно на палубе корабля во время качки, побежал к гротам, выворотил ледяные глыбы, которыми закрывал вход, и выпустил животных. Последние вырвались на свободу, словно ошалелые, прыгая друг через друга, но сейчас же перестали выть и, отбежав только несколько шагов, сбились в кучу и, помахивая хвостами, смотрели на своего каюра. Никифоров принёс потяги, привязал к ним собак и развёл все три упряжки в разные места, недалеко от костров, уложив их на землю. Потом он заглянул во все три грота и, вернувшись, сказал:

— Пёсики недаром беспокоились — лёд треснул над их головами, руку можно просунуть в щель. Того и гляди, глыба вывалится.

— Ну, в эту ночь все землянки онкилонов, наверно, опять обрушились, — сказал Горюнов.

— Теперь они припишут это новое бедствие нашему уходу, — заметил Костяков.

— Или тому, что один из нас остался у них, — прибавил Ордин. — И Горохову трудно будет уйти, если он теперь захочет.

Аннуир слушала молча, но со слезами на глазах. Новое бедствие постигло её род и всё её племя, и хотя она от него ушла, но его несчастья глубоко огорчали её.

— Но, может быть, это землетрясение к лучшему, — постарался утешить её Ордин. — Если оно восстановит подземные пути горячей воды и паров, то вернётся тепло, и жизнь онкилонов пойдёт по-прежнему, а землянки нетрудно восстановить.

Аннуир уже знала, почему наступили ранние холода, и предположение Ордина успокоило её; она благодарно взглянула ему в глаза и потихоньку погладила его руку.

— И почему бы им не строить жилища так, как было построено наше? Оно, наверно, не завалилось, — сказала она наконец.

— Может быть, после нашего ухода они и начнут делать это. «Колдуны» ушли, а их жилище стоит и не валится, — заметил Горюнов.

— А не начнётся ли теперь в северной части извержение? — предположил Костяков.

Все невольно взглянули на север. Но небо, покрытое густыми тучами, было черно, и нигде не видно было красноватого отблеска, который мог бы служить указанием, что где-нибудь выступила на поверхность лава.

Удары время от времени повторялись, но гораздо слабее. И наконец усталость взяла своё — все задремали.

Но сон был тревожный, и то один, то другой просыпался, приподнимался на своём ложе и озирался в испуге, а затем, убедившись, что всё спокойно, сугробы не валятся, костры горят, опять опускал голову. Никифоров иногда вставал и подбрасывал дрова в костры. Так проходили часы этой жуткой ночи.

Но вот на востоке тучи посветлели, затем подёрнулись красноватым отблеском лучей не видимого ещё солнца. На фоне туч слабо вырисовались гребень и вершины ближайшей части стены, и забелели на них полосы снега. На севере выступили очертания полосы леса; сугробы словно выросли и побелели, свет костров потускнел. Предрассветный холод разбудил дремавших.

— Не пора ли сварить чай, пока станет светло? — предложил Горюнов. — А потом наверх, за работу, пока не явилась погоня.

— И то правда! — сказал Никифоров, вскакивая. — Уходить, так уходить вовремя!

— Но если восстановилась грелка Земли Санникова, то, может быть, и уходить не нужно? — подумал вслух Ордин.

— А вот за день увидим: если станет тепло и снег сойдёт, ваше предположение окажется правильным. Но путь для ухода проложить нужно, — решил Горюнов.

Стало ещё светлее. Разорвавшиеся тучи окрасились на востоке пышными красками. На севере чёрная полоса леса видна была уже резко. Обрывы котловины тянулись в обе стороны чёрной стеной и казались такими же, как всегда, хотя за ночь с них свалилось немало глыб.

Никифоров, поправив костёр, взял чайник и пошёл к концу сугроба, из которого сочился ручеёк, собиравшийся в маленький бассейн, устроенный для черпания воды. Тотчас же оттуда послышался испуганный возглас казака:

— Батюшки, вода, вода везде!

Все бросились к нему мимо костров, огни и дым которых мешали видеть ближайшую полосу земли. Подбежали — и замерли в изумлении. Там, где на сотню метров от конца сугробов прежде тянулась мелкая каменная россыпь, накануне сплошь покрытая снегом, теперь расстилалась гладкая поверхность мутной воды, которая уходила до опушки кустов, тоже залитых водой. Это новое озеро, возникшее за ночь, тянулось в обе стороны, насколько хватал взор, — казалось, до подножия обрывов, и только южный угол котловины, где были сугробы, не был затоплен. Ручеёк из-под сугроба, шагах в десяти от его конца, впадал, тихо журча, в это озеро, отрезавшее путешественников от остальной котловины.

— Вот те на, вместо лавы вода после землетрясения! — нарушил молчание Костяков.

— Но, смотрите, вода как будто подбирается к нам! — воскликнул Ордин. — Она прибывает!

Все подошли к берегу и увидели, что вода подвигается вперёд; на их глазах снег, устилавший землю, напITYвался водой, оседал, расплзался, и вода, наполненная таявшими комьями, занимала его место.

— Ну, товарищи, мешкать нечего! — воскликнул Горюнов. — Забираем вещи и айда наверх! Через полчаса нашу стоянку затопит.

— Но дальше хода нам ещё нет! — возразил Костяков. — Мы попадём в западню.

— Неужели вы боитесь, что и уступ затопит? Пока это случится, мы успеем расчистить путь дальше — ведь уступ поднят метров на сто над дном котловины.

— Как хорошо, что вчера завезли груз наверх. Теперь бы не успели, — заметил Ордин.

Вернулись к кострам, быстро собрали вещи и подняли их на поверхность сугроба. Потом взяли из склада, которому тоже грозило затопление, порядочный запас мяса на всякий случай, навалили вдоль лестницы по сугробу побольше дров —

всё это можно было постепенно поднимать наверх. Последние поленья несли уже по воде, которая дошла до конца сугроба.

— Ну, поведём теперь собак! — сказал Никифоров.

Собаки уже беспокоились и порывались вскарабкаться вверх по крутому боку сугроба, но скользили, падали и выли. Никифоров, Ордин и Костяков взяли по одной упряжке и погнали их по лестнице наверх. Горюнов и Аннуир шли впереди с частью вещей. Добравшись до верха, они остановились в изумлении. Накануне ещё поверхность снега была почти на одном уровне с площадкой уступа; теперь их разделял обрыв вышиной почти в метр. Очевидно, вследствие землетрясения весь сугроб расползся и осел, или дно котловины опустилось. Приходилось карабкаться. Первая упряжка собак остановилась перед этим обрывом и стала выть. Пришлось брать каждую собаку порознь в руки и подсаживать её наверх. На площадке собаки начали резвиться, подбираться к сложенному на нарте мясу, и Никифорову стоило много труда переловить их и привязать к потягам в одном углу. Остальные мужчины спустились вниз за кладью, оставленной в начале сугроба, а Аннуир занялась приготовлением чая; площадка была покрыта чистым свежим снегом, дававшим запас воды.

Когда все вещи были доставлены наверх, путешественники в ожидании завтрака имели время осмотреться. С высоты уступа видна была значительная часть котловины; насколько хватал глаз — везде стояла вода, все поляны превратились в озёра, а леса тянулись между ними чёрными островами и перешейками. Под лучами проглянувшего солнца повсюду серебрилась вода, и картина не представляла ничего ужасного, даже наоборот: в чёрной раме отвесных обрывов, опоясанных белыми лентами уступов и увенчанных снеговыми вершинами, расстилалось огромное озеро с сетью тёмных островов и полуостровов.

Но при мысли, что на месте этого озера накануне ещё жило целое племя людей и многочисленные четвероногие, становилось жутко. Неужели все они уже утонули? Люди могли ещё найти временное убежище на деревьях, но надолго ли? Если вода будет ещё прибывать, их затопит рано или поздно; но даже если она не поднимется, люди всё равно погибнут от голода и холода. А животным и деваться было некуда — отвесные стены окраин доступны только птицам и каменным баранам. Земля Санникова превратилась в гигантскую западню.

Эти мысли бродили в уме наблюдателей на уступе, и при помощи бинокля они тщательно осмотрели даль в надежде разглядеть где-нибудь укрывшихся на деревьях людей. Вбли-

---

зи их не было, а вдали полосы леса уже закрывали друг друга, да и расстояние было слишком велико.

— Знаете что? — воскликнул Ордин. — Ведь у нас есть байдара! Спустим её на воду и поедем спасать Горохова и кого можно из онкилонов.

Едва он успел сказать это, как сзади его шею обвила мягкая рука, и Аннуир прижалась щекой к его щеке и шепнула:

— Да, да, поезжайте спасать наших, теперь они вам ничего не сделают худого.

— Но как мы проберёмся на байдаре через леса? — спросил Костяков.

— Во-первых, всюду есть звериные тропы, теперь превращённые в каналы, а затем, смотрите, вдоль окраин, где была каменная россыпь, теперь широкая полоса чистой воды, — сказал Горюнов.

Наскоро позавтракали, затем сняли с нарт байдару, соединили её части, сложили в неё руль, багор, вёсла, кучу копчёного мяса, бутылку спирта, немного сухарей из своего скудного запаса, верёвку, топор.

— Ехать всем, конечно, ни к чему! — сказал Горюнов. — Достаточно двоих, иначе мы мало кого спасём. Один на руль, другой на вёсла, будем меняться. Кто хочет ехать?

Никифоров нужен был для присмотра за собаками, Аннуир не умела грести, выбирать приходилось только из троих. Решили оставить ещё Костякова.

— Остающимся тоже есть работа, — заявил Ордин. — Вы должны за день проложить ступени с уступа наверх через скалы.

С помощью верёвок спустили байдару по гребню сугроба на воду, глубина которой была уже около метра. Горюнов сел на руль, Ордин — на вёсла, и лёгкое судно полетело по мутным водам, покрывшим Землю Санникова.

Плавание по земле

Лёгкая, быстроходная, мало загруженная байдара могла развить скорость до десяти километров в час, так что часа через три можно было добраться до стойбища Амнундака. Поехали по чистой воде окраины котловины, но придерживаясь опушки леса, а не подножия обрыва, так как здесь легко было напороться с разбегу на подводный камень и пробить тонкое дно. Быстро скользила байдара по мутной воде, по которой плава-

---

ли в избытке сухие листья, стебли, ветки, мёртвые насекомые — весь многолетний сор, который покрывал почву и теперь всплыл наверх и замутил воду. Время от времени Горюнов мерил багром глубину воды — она оказалась больше метра. Из этого следовало, что и более крупные четвероногие могли уже погибнуть, если не успели спастись в те части котловины, где воды было меньше или где её вовсе не было, предполагая, что такие части были. Этот вопрос очень занимал путников.

— Я всё ломаю себе голову: откуда пришла такая масса воды? — сказал Ордин. — Неужели временно задержанный подземный приток теперь сказался этим наводнением?

— А не проникла ли в котловину вода из моря? Море ведь близко, а сообщение в виде жерла священного озера есть, — предположил Горюнов.

— Тогда вода должна быть солёная. Попробуйте-ка.

Горюнов зачерпнул воды, глотнул и выплюнул.

— Вода горько-солёная, — сказал он, — но не такая, как в море.

— Это понятно: она смешалась здесь с водой озёр и поглотила много снега. Но теперь ясно, что всё дно котловины опустилось, если вода из моря могла проникнуть сюда.

— Но в таком случае она не может подняться высоко. Пожалуй, достигла уже высшего уровня.

— Это зависит от того, насколько дно котловины опустилось, и от соотношения диаметра жерла и площади котловины: жерло ведь узкое, котловина огромная, нужно много времени, чтобы вода поднялась здесь до уровня моря. А насколько опустилось дно, мы не знаем. Трудно думать, что дно осело сплошной массой, как лепёшка; скорее всего, оно разбилось на полосы, которые могли опуститься на разную величину.

— Следовательно, некоторые полосы могли остаться на месте и на них спаслись люди и животные?

— Будем надеяться, что случилось именно так, — это было бы счастьем для населения Земли Санникова.

Байдара скользила сквозь кайму кустов, затопленных до вершины; справа они, повышаясь, переходили в лес; слева расстилалась гладкая поверхность воды до подножия обрывов, где местами над ней островками торчали более крупные глыбы. На уступах обрыва кое-где видны были каменные бараны, которые или стояли спокойно, глядя вниз на воду, или метались взад и вперёд. Этим животным грозила голодная смерть, потому что их корм — моховища и трава — был затоплен, а на уступах почти ничего не росло. На глыбах, торчавших из воды, видны были спасшиеся мелкие животные — пи-

---

щухи, населявшие каменные россыпи, крысы, мыши; иногда среди них великаном возвышался заяц. Тесно прижавшись друг к другу, эти зверьки сидели в ожидании голодной смерти. Вблизи одной глыбы путники были свидетелями, как с высоты камнем упал орёл, подхватил зайца и понёс его вверх, причём часть приютившихся мелких животных с перепугу попадала в воду. Другие хищники также кружили в воздухе, высматривая лёгкую добычу на глыбах. Но надолго ли хватит её, а потом и им грозит голодная смерть. На крупной глыбе заметили сгрудившихся волков и лисиц; одни лежали, другие стояли, провожая глазами проплывавших мимо людей.

Через два часа показалось характерное место священного озера, которое можно было узнать только по той выемке в обрыве в виде полукольца, которая окружила его с двух сторон. Приближаясь к этому месту, Горюнов, сидевший теперь на вёслах, заметил, что стало труднее грести. Остановив байдару, убедились, что навстречу идёт заметное течение, и вода оказалась более горько-солёной и чистой. У самого озера течение ещё усилилось, и над прежним жерлом вода поднималась плоским бугром.

— Видите, приток ещё есть, и достаточно сильный, — сказал Ордин.

Он опустил багор в воду и едва достал дно, а багор имел три метра в длину.

— Не видно даже жертвенной плиты, — заметил Горюнов, — а она возвышалась метра на два над уровнем озера.

Проплыв ещё некоторое время вдоль окраины, путники заметили узкую полосу чистой воды, уходившую в глубь леса в нужном направлении, и направились по ней. Скоро канал сузился, и байдара пошла между деревьями. Странно было видеть этот затопленный лес: оголённые лиственные деревья, зелёные ели и пихты поднимались прямо из воды, покрытой листьями, ветвями и всяким мусором; попадались мёртвые птички и мелкие животные. На ветвях деревьев местами перепархивали птички с жалобным чириканьем; приютившись на развилинах сучьев, сидели мыши, крысы, хорьки, ласки, куницы — хищники рядом с грызунами, на которых они обыкновенно охотились. Солнце, часто прорываясь сквозь тучи, освещало эту необычную и жуткую картину.

По лесу пришлось плыть осторожно, чтобы не наткнуться на какую-нибудь корягу или острый сук. Но вот впереди стало светлее и показалась открытая вода на месте поляны. Выехав на неё, путники стали осматриваться — та ли это, где было стойбище. Очертания леса казались незнакомыми.

Вдруг их внимание привлекло вздутие воды среди этого озера недалеко от них. Вода поднялась бугром, из которого вырвался клуб паров.

— Это не та поляна, где мы жили! — воскликнул Горюнов. — На той озеро не пузырилось.

— И я думаю, что не та, а соседняя к югу, — сказал Ордин. — Но теперь ясно, что топит не только море, но и восстановившийся подземный приток... А здесь вода должна быть пресная, — прибавил он и, желая напиться, погрузил руку. — Почти пресная и достаточно горячая, — заметил он, кое-как утолив жажду.

— Ну, нашей байдаре плавание по горячей воде вовсе не полезно! — сказал Горюнов. — Её замазка и пропитка могут пострадать — нужно держаться подальше от пузырей.

Направились на север по узкому каналу, и вскоре выплыли на поляну, на которой было стойбище; её узнали по разреженному порубками лесу.

— А вот и наша землянка! — воскликнул Ордин.

На противоположном краю озера над водой едва возвышалась высшая, центральная часть землянки; на ней лежали ещё остатки таявшего снега и пласт корья, которым на ночь закрывали часть дымового отверстия. Подплыли к ней. Ордин влез на этот островок и, наклонившись к отверстию, вскричал:

— Сколько здесь добра всплыло!

Он вытащил меховое одеяло, несколько женских курток с панталонами, подушку, деревянную чашку, чёрные головни. Всё это всплыло вверх в пёстрой смеси и пропитанное водой.

— Подушку и одеяло захватим — пригодится для Аннуир, — сказал он. — Только нужно их выжать.

Вытащив вещи, Ордин вернулся в байдару, и они поплыли к месту, где была землянка вождя. Здесь над водой виднелись только четыре центральных столба с частью крыши. Багром нащупали под водой кучу земли и придавленные ею брёвна.

— Но нигде ни признака людей! Мы можем не видеть их среди деревьев, но они-то должны были заметить нас и закричать, — сказал Горюнов. — Давайте покричим сами!

Стали звать Амнундака, Никиту, женщин, имена которых знали. Но никто не откликнулся. Мёртвая тишина царила кругом.

— Не могли же все утонуть. Кто-нибудь спасся бы на дереве, на крыше нашей землянки, — сказал Ордин.

— Очевидно, успели уйти отсюда. Нужно искать их дальше. Может быть, вода прибывала так медленно, что они могли спокойно отходить, — предположил Горюнов.

— Не совсем похоже на это, — возразил Ордин. — Если бы уходили не торопясь, не оставили бы одежду и одеяло — вещи самые нужные в виду зимы.

Поплыли дальше по каналу, который вёл к следующему стойбищу, отстоявшему километра на два. На поляне увидели землянку, правда, полуразвалившуюся, но поднимавшуюся ещё на половину своей высоты над водой. Горюнов смерил глубину, оказалось метра полтора.

— Ну, здесь уже люди утонуть не могли! — воскликнул он. — Очевидно, эта часть котловины погрузилась меньше.

Подъехав к землянке, заглянули через развалившийся бок внутрь: на воде плавали только мелкие предметы, тряпьё, головни, сор, но одежды не было видно.

— Здешние обитатели успели всё ценное унести, — сказал Ордин.

Осмотрели ближайшие деревья, опять покричали — им ответило только карканье стаи ворон, сгрудившейся на нескольких деревьях, вероятно, в ожидании спада воды.

Обследовали ещё две следующие поляны со стойбищами; землянки были разрушены или полуразрушены, но людей нигде не было; глубина воды уменьшилась уже до метра и меньше; местами байдара натыкалась в каналах на стволы упавших деревьев, и приходилось плыть осторожно.

— Я думаю, что мы можем прекратить наши поиски, — сказал Горюнов. — Все онкилоны спаслись, успели отступить в северную часть котловины, очевидно, не погрузившуюся. Следовательно, подавать помощь некому, а если мы подъедем к сухой местности и встретим там онкилонов, то можем попасть в неприятное положение.

— А может быть, дальше глубина опять начнёт увеличиваться, и мы там найдём людей, застигнутых водой во время бегства и нуждающихся в помощи? — предположил Ордин. — Доведем поиски до конца, чтобы совесть не упрекала нас.

Горюнов уступил, и поплыли дальше. Но на следующей поляне байдара стала местами садиться на мель, и из воды выдавались стебли травы, камышей, тростника вокруг прежнего озера. В канале за поляной глубина была всего в полметра и меньше, а впереди видно было, что он еле покрыт водой.

— На следующей поляне можем наткнуться на онкилонов, — заявил Горюнов.

— Ваша правда. Вот виден даже дым костров над лесом, а это доказывает, что они на сухом месте, — подтвердил Ордин. — Пожалуй, услышим и голоса.

Он перестал грести и прислушался: с той стороны, откуда поднимались дымки, действительно по временам доносились человеческие голоса.

— В результате землетрясения и наводнения онкилоны переселились в северную половину котловины, где будут продолжать свой прежний образ жизни, — сказал Горюнов.

— А так как грелка восстановилась, судя по двум пузырящимся озёрам, которые мы видели, — прибавил Ордин, — то нам беспокоиться о судьбе онкилонов нечего. Но вернуться к ним и в случае каких-либо бедствий опять подвергнуться подозрениям и риску сделаться пленниками будет неблагоприятно... Если море будет слишком открыто и не позволит нам переправиться, мы можем вернуться на уступ и дожидаться там холодов, имея вблизи топливо и корм для собак, но вдали от онкилонов, отделённые от них водой. Только вот Горохова оставляем на произвол судьбы; теперь он, пожалуй, переменял своё решение.

— Горохов, может быть, уже на уступе, — возразил Горюнов. — Если наводнение поколебало его мнение о хорошей жизни здесь, он мог воспользоваться берестяжкой и в суматохе поплыть к нам, один или с женой. Он знает, где берестяжка спрятана на озере, так как часто пользовался ею для рыбной ловли. До завтрашнего утра мы его будем ждать, как было условлено.

Во время этого разговора отдохнули и поплыли обратно, но для ускорения выбрали опять на окраину котловины, чтобы не путаться по полянам и каналам. Тем не менее обратный путь занял четыре часа. Проплывая мимо бывшего священного озера, убедились, что приток воды из жерла ещё продолжался, но очень слабо, — очевидно, уровни почти выровнялись. Глубина в этом месте была более трёх метров, багор не доставал дна. Возле сугроба во время их отсутствия вода сильно прибыла, и глубина была здесь больше двух метров.

Оставшиеся на уступе встретили товарищей у начала ледяной лестницы, чтобы помочь им высаживать спасённых.

— Вы никого не привезли? — воскликнул Костяков с удивлением.

— Только зря прокатились? — прибавил Никифоров.

— Все, все утонули? — прошептала Аннуир, побледнев.

Ордин, конечно, успокоил её.

— Вот единственные утопленники, которых мы нашли, — пошутил Горюнов, вытаскивая из байдары женские костюмы и передавая их Аннуир.

Объединёнными усилиями втащили байдару наверх: с подъёмом её на уступ пришлось возиться, так как за день обрыв над сугробом увеличился до двух с половиной метров, потому ли, что сугроб, омываемый водой, стал расползаться, или потому, что дно котловины продолжало медленно опускаться. Для более удобного сообщения казак устроил уже лестницу из ледяных глыб.

За обедом рассказали друг другу события дня. Трое оставшихся проложили тропу-лестницу на обрыв над уступом и побывали уже наверху, видели довольно близко открытое море. Но неожиданно, вскоре после отъезда остальных товарищей, на сугроб с лестницей вылезли из воды два огромных медведя и стали подниматься наверх, очевидно, рассчитывая спастись от наводнения вместе с людьми на уступе. Такое соседство, конечно, было очень нежелательно, и пришлось встретить косолапых выстрелами: один упал на сугробе и скатился в воду, второго убили уже на уступе. Запас свежего мяса на дорогу оказался очень кстати.

В одеяле и женской одежде, выловленной Ординым из землянки, Аннуир признала вещи Аннуэн.

Катастрофа

Перед закатом солнца Горюнов и Ордин поднялись на обрыв посмотреть, что делается вне котловины, стены которой стесняли их кругозор в течение всего лета. Покрытый сплошь снегами — словно лета и не бывало — южный склон Земли Санникова спускался полого к морю, всё ещё скованному льдами километров на пять от подножия. Но дальше видно было широкое, до южного горизонта, пространство открытой воды, по которой плавали льдины и целые ледяные поля. Для переезда в байдаре это море было слишком широко; байдара не могла вместить всех людей, груз и собак. Приходилось или ждать, пока осенние морозы скуют море и сузят открытую воду, или идти на восток в надежде, что там льды тянутся дальше на юг, а с другой стороны держатся вблизи острова Котельного и дадут возможность совершить переправу в два приёма.

— Мы теперь, словно потерпевшие кораблекрушение, на острове, — сказал Ордин. — Сзади вода, спереди вода, а в середине огонь да беда; кажется, так говорится в сказке.

— Ну, пока ещё огня нет, но воды и беды достаточно, — ответил Горюнов. — Оглянитесь назад.

Земля Санникова действительно имела вид огромного озера. В бинокль можно было различить фонтаны гейзеров, бивших в нескольких местах средней части котловины. Накануне ещё в это время перед глазами лежали покрытые зимним саваном поляны и леса; теперь снег был заменён водой, а тёплый ветер, тянувший с севера, показывал, что грелка земли восстановилась.

— Лучшая часть земли всё-таки погибла, — сказал Ордин. — И всё население её, двуногое и четвероногое, сгрудилось в северной части, половина которой бесплодна.

— Да, им будем там тесно, особенно людям, — прибавил Горюнов. — Онкилоны, наверно, начнут теперь войну с дикарями до полного истребления последних, чтобы не иметь таких опасных и близких соседей.

— И наши громы и молнии очень пригодились бы им теперь. Они пожалеют, что дали нам удрасть.

— Ну, у Горохова осталось ещё ружьё.

— Вот что: теперь я вспомнил, что мы забыли в землянке наше запасное ружьё, которое хотели оставить Амнундаку при расставании. Горохов может его поднести вождю в качестве подарка, чтобы задобрить онкилонов.

Когда солнце, спустившись к горизонту, скрылось, кроваво-красное, в полосе тумана, нависшего вдаль над морем, наблюдатели вернулись на площадку и долго ещё сидели у костра. Всем было грустно: они полюбили Землю Санникова и проводили теперь последний вечер в её пределах. Поневоле вспоминался тот вечер, когда они впервые увидели эту таинственную землю с высоты окраинных гор, слышали доносившиеся снизу звуки, гадали о том, что предстоит им увидеть. Видели они гораздо больше, чем ожидали, открыли много чудесного, нашли целый своеобразный мирок вымерших животных и первобытных людей, замкнутый в этой странной тёплой котловине среди полярных льдов. Результаты экспедиции были огромны, все участники целы и невредимы, но вместо радости и удовлетворения они испытывали тревогу, объяснимую разве только событиями последних дней, грозившими этой чудесной земле и её населению преждевременной гибелью.

Ночь была довольно тёплая — и, жалея дрова, не оставили на ночь костёр, чувствуя себя в безопасности на этом высоком уступе, куда не могли забраться незаметно ни хищники, ни вампу, ни онкилоны, отрезанные огромной площадью воды. Ещё днём одна нарта была совершенно уложена, покрыта шкурами и завязана; она содержала все результаты экспедиции: коллекции естественноисторические и этнографические, фото-

---

графии, дневники; она была не тяжела, но объёмиста и стояла поодаль от других, недалеко от края уступа. Возле неё улёгся Костяков, чтобы оградить от покушений собак свежее мясо, разложенное на ней на ночь. Остальные две нарты, нагруженные только отчасти, стояли ближе к собакам, поперёк площадки, и возле них в своих спальных мешках улеглись остальные.

Горюнов проснулся уже за полночь от лёгкого толчка в бок. Ему показалось, что его будят, — он открыл глаза, увидел, что никого нет, и хотел опять задремать, когда его ухо уловило как будто отдалённый гром.

«Ну, дождь для нас теперь совсем некстати, палатку на голом камне не укрепить!» — подумал он, поднял голову и осмотрелся. Небо было чистое, луна поднялась высоко и освещала всю котловину. Он опустил голову и теперь явственно расслышал глухой гул под собой.

«Неужели подземная катастрофа ещё не кончилась? — подумал он. — Днём всё было тихо, казалось, что землетрясение окончилось оседанием дна котловины и прорывом воды. Или это была только прелюдия?»

Резкий удар подбросил Горюнова на ложе и прервал его мысли.

— Опять трясёт! — послышался сонный голос Ордина.

Горюнов присел на мешке и стал смотреть на озеро, вид которого сильно изменился: вода, встревоженная подземным ударом, поднялась волнами, которые разбежались кругами, пенясь и опрокидываясь; склоны волн, обращённые к луне, сверкали длинными дугами, словно блестящая текущая ртуть. Слышался шум прибоя вдоль обрывов и всплески валившихся сверху глыб.

Ещё несколько сильных ударов последовали один за другим. И вдруг Горюнов услышал резкий треск, словно выстрел, раздавшийся рядом с ним, и увидел, каменея от ужаса, не будучи в состоянии двинуть ни одним членом, как в нескольких шагах от него раскрылась чёрная щель и часть площадки уступа, на которой лежал Костяков возле нарты, слегка наклонилась, потом быстро повернулась круче и рухнула вниз. Отчаянный крик смешался с плеском воды, грохотом ломавшихся друг о друга глыб; столб пыли взвился в воздух. Всё это было делом нескольких секунд. Ещё некоторое время слышен был постепенно замиравший плеск волн, поднятых падением огромной массы.

Горюнов с трудом, дрожа всем телом, вылез из мешка. Голос отказывался ему служить — только дрожащие звуки вылетели из горла. В двух шагах от него чернела свежая ломаная

линия отрыва, и на месте восточной части площадки зияла чёрная бездна. Он подполз к краю и глянул вниз — среди волновавшейся ещё воды чернела масса глыб обвала; на сугробе с лестницей зияла широкая брешь, очевидно, выбитая одной из глыб, отскочившей в сторону.

— Что такое, что случилось? — раздался голос Ордина, который спал так крепко, что только треск и грохот обвала привели его в чувство.

— Об... об... обвал... Костяков... нарта... свалились! — с трудом проговорил Горюнов, продолжая глядеть вниз.

Эта страшная весть сразу подняла Ордина на ноги.

— Так нужно же искать, помочь, вытащить! Скорее! — вскричал он, освобождаясь из мешка. — Эй, Никифоров, вставай, сюда! Где байдара?

— Невозможно! — сказал Горюнов с отчаянием в голосе. — Спустить байдару нельзя — сугроб снесён обвалом. А Костякова придавило.

— Да откуда вы знаете?

— Он в мешке и нарта соскользнули вниз, как только площадка наклонилась, и упали в воду раньше, чем вся эта масса рухнула; обвал упал прямо на них.

Ордин подошёл к краю обрыва и стал смотреть вниз.

— Ничего не видно, кроме воды и глыб обвала. Костяков в спальном мешке всплыл бы наверх, как пузырь, если бы его не придавило.

— Какой ужас! — простонал Ордин. — На глазах погиб человек, и ничем помочь нельзя!..

Один взгляд на сугроб показал ему, что спуск без долгой подготовительной работы невозможен, — в гребне зияла брешь метров в пятнадцать ширины и десять глубины.

— Нельзя ли спуститься на верёвке прямо с обрыва к воде? — предложил он.

— Достаточно прочных верёвок у нас наберётся едва на половину высоты — ведь здесь больше восьмидесяти метров, — ответил Горюнов.

— И не удержать нам вдвоём одного человека столько времени, — прибавил подошедший Никифоров.

— Но ведь, кроме Костякова, погибли все результаты нашей экспедиции! — вскричал Ордин.

— Да, погибли! — произнес Горюнов безнадежным голосом.

— Нужно хоть осветить место обвала — оно в тени и плохо видно. Может быть, Костякова отбросило в сторону и он лежит без сознания!

Никифоров принёс из запаса дров большой пук хвороста, обвязал его куском верёвки, поджёг и, нацепив на багор от байдары, протянул над бездной. Ордин и Горюнов прилегли на краю, чтобы свет не падал им в глаза, и стали всматриваться вглубь. Хворост быстро разгорелся и осветил место обвала. Там, в промежутке между сугробом с лестницей и соседним, более низким, видна была только мутная, ещё волновавшаяся вода и поднимавшаяся из неё куча нагромождённых друг на друга базальтовых глыб. Ни на них, ни на воде никаких признаков человека, обломков нарты, вещей. Обвал похоронил всё под собой. Верёвка у крюка перегорела, и пылающий пук полетел вниз, упал на кучу глыб и на несколько минут, догорая, осветил ещё лучше всё место, но ничего нового не показал.

Новый подземный удар заставил лежавших вскочить на ноги; на их глазах от края обрыва отделились ещё несколько небольших глыб и рухнули вниз.

— Отодвинем нарты подальше отсюда! — распорядился Горюнов. — Как бы не повторилось несчастье!

Все трое с помощью Аннуир, молча присутствовавшей при описанной сцене, перетащили нарты, а затем и свои постели подальше от нового края обрыва, к месту спуска на сугроб. Последний своей ледяной массой всё-таки поддерживал отвесную стену базальта, и казалось, что здесь более надёжно. В глубине площадки, у подножия верхнего уступа, также было небезопасно — оттуда уже свалилось несколько камней.

Отдалённый грохот потряс воздух и заставил всех взглянуть на север. Там, над северной частью котловины, клубились столбы дыма или пара, местами озарённые зловещим красным светом, слышались частые и сильные взрывы, которые эхо окраин повторяло без конца. При каждом взрыве почва уступа слегка вздрагивала под ногами.

— Вулкан просыпается! — проговорил Ордин.

— А люди, несчастные люди, спасиесь туда от наводнения! Что с ними будет? — вскричал Горюнов. — Наш товарищ только что погиб здесь, другой погибнет там, и снова мы ничем не можем помочь!

Аннуир прижалась к Ордину и смотрела вдаль; слёзы текли из её глаз, и она вздрагивала от сдерживаемых рыданий.

— Однако пришёл конец этой землице? — недоумевающе спросил Никифоров. — Что там только делается: дым, огонь из земли, глядите-ка!

Там, на севере, не столб, а целая колонна столбов чёрного дыма и белого пара, смешавшихся друг с другом, поднялась много выше окраин котловины, то есть тысячи на три

метров; то тут, то там её прорезывали огненными дугами, словно ракеты, высоко взлетающие раскалённые камни. Иногда туча паров, сопровождаемая рядом взрывов, словно артиллерийскими залпами, вырывалась в каком-нибудь месте и ширилась, вырастая вверх. Зарево на тучах колоннады разгоралось ярче — очевидно, где-то уже прорвалась раскалённая лава. Печальная луна, постепенно склоняясь к закату, освещала по-прежнему котловину и серебрила воды озера, которые всё время волновались.

— Да, видно, конец Земле Санникова! — промолвил Ордин. — Мы её открыли, и на наших глазах она погибает!

— Когда станет светло, посмотрим, нельзя ли спустить как-нибудь байдару и поехать на помощь гибнущим, — сказал Горюнов.

Сидя на своих мешках, они оба и Аннуир, жавшаяся всё время к Ордину, провели время до утра, наблюдая развитие извержения и обмениваясь замечаниями о нём и о погибшем товарище. Никифоров, поглядев некоторое время, лёг опять спать.

Наконец ужасная ночь кончилась, заалел восток, становилось всё светлее и светлее. Аннуир развела огонь и стала варить чай. Ордин и Горюнов могли теперь рассмотреть, что случилось с их площадкой ночью. Вся восточная часть её исчезла, и вместо неё зиял крутым клином, обращённым остриём вниз, отрыв обвала. Последний, очевидно, отделился по трещинам, существовавшим раньше, и толчок землетрясения дал только импульс, преодолевший инерцию массы, которая и опрокинулась частью на сугроб, частью в воду, распавшись при падении на глыбы. В громадной выбоине сугроба лёд был покрыт чёрной пылью, осколками и глыбами; внизу, над водой, поднимался хаос глыб. За ночь муть в воде осела, и с высоты видно было дно; в бинокль можно было осмотреть его повсюду, но ничего, кроме чёрных глыб, не было заметно. Они похоронили навсегда и человека, и все достижения экспедиции.

Осмотр выбоины в сугробе показал, что для того, чтобы перебраться через неё, нужно вырубить во льду отвесной стены ступени вниз и с другой стороны вверх.

— Ну, к обеду мы это выполним, — сказал Горюнов. — Обе части байдары спустим на верёвке вниз и там втащим наверх. Давайте поедим — и за дело!

На севере котловины извержение продолжало разыгрываться, скрытое в тучах паров и дыма, но выдавая себя взрывами, от которых вздрагивала скала площадки. Завеса пара

и дыма скрывала от зрителей катастрофу. При дневном свете видно было только, что эта завеса протянулась поперёк всей котловины. Вдруг в одном месте впереди этой завесы появился огонь и быстро стал распространяться в обе стороны. В бинокль можно было разглядеть, что это горит полоса леса.

— Кажется, дела онкилонов безнадежны! — сказал Ордин. — Теперь ясно, что извержение началось не в северном конце котловины, а в средней части её, приблизительно там, куда мы вчера доезжали, то есть там, куда люди спаслись от воды. Может быть, оно захватило и всю северную часть.

Оба вернулись к нартам; чай был готов. Никифоров понёс собакам, привязанным в западном углу площадки, охапку вяленого мяса, и вдруг остановился.

— Подите-ка сюда! — крикнул он. — Здесь дело неладно!

Горюнов, Ордин и Аннуир, усевшиеся уже возле чайника, вскочили и побежали к казаку. Он стоял возле трещины шириной с ладонь, которая шла через площадку наискось от заднего края ночного отрыва к западному концу. Нарты и люди находились между этой трещиной и внешним краем площадки, собаки — по другую сторону.

— Вчера этой щели не было, — сказал Никифоров.

— Ну, дело дрянь! Подготовлен второй обвал, — заявил Горюнов.

— И достаточно ещё одного хорошего подземного толчка, чтобы он рухнул, — прибавил Ордин. — Его, очевидно, подпирает сугроб, иначе он свалился бы уже ночью с нами.

— Видно, придётся удирать отсюда, как это ни печально! — промолвил Горюнов. — Иначе мы очутимся там же, где лежит Костяков.

— Давайте перетащим вещи за трещину!

Сказано — сделано. Уселись наконец за завтрак, но всё время поглядывали с беспокойством на трещину, черневшую в трёх шагах от них, ожидая, что вот-вот она начнёт расширяться и опять рухнет масса камня, в этот раз прямо на сугроб.

Поев, быстро принялись за работу: двое поднялись по ступенькам на верх стены, захватив верёвки, двое остались внизу; одну за другой втащили обе нарты, байдару, вещи; затем отвязали и погнали наверх собак, кроме одной, которую ночью убило упавшим камнем.

Горюнов, уходя последним с злополучной площадки, подошёл ещё раз к краю, взглянул и прошептал прощальные слова погибшему товарищу.

Приключения Никиты

В день ухода товарищей Горохов проснулся довольно поздно; его разбудили голоса женщин:

— Где Аннуир? Она, видно, сбежала ночью к своему мужу, белому колдуну! Не послушалась запрета!..

— Идите и приведите её сюда! — раздался голос Амнундака.

— Тащите её за волосы, если не пойдёт! — прибавил женский голос.

Тут Горохов вспомнил, что его товарищи собирались уйти в эту ночь, и ему стало тяжело. Он быстро начал одеваться, чтобы узнать, ушли ли они. Но раньше, чем он кончил, вернулась Аннуэн и две другие женщины, посланные за Аннуир, и заявили огорчённым тоном:

— Жилище пусто, нет Аннуир, нет белых колдунов, одна собака осталась!

— Хорошо ли вы смотрели? Они, верно, зарылись в одеяла и спят, — сказал Горохов.

— Мы хотели войти, но собака начала ворчать на нас. Мы покричали — никто не отозвался. Разве умерли?

— Ну, я посмотрю сам, — заявил Горохов, направляясь к выходу.

— Приведи Аннуир сюда! — крикнул ему вождь.

Горохов, идя к землянке, уже не сомневался, что товарищи ушли. Но он надеялся, что они оставили ему какое-нибудь указание, как объяснить онкилонам их поступок; во всяком случае, он хотел обдумать спокойно, что сказать Амнундаку, чтобы не ухудшить своего положения. В землянке его встретила ласковым визгом Пеструха, которую уходившие заперли, чтобы она не увязалась за Кротом и за ними. Его взгляд сразу упал на бумагу, приколотую к одному из столбов. Он прочитал её по слогам несколько раз, чтобы лучше запомнить, и вернулся в землянку Амнундака.

— А где Аннуир? — набросилась на него сейчас же Аннуэн.

— Постой! Дай сказать! Белые люди пошли на своё стойбище за тёплой одеждой. Видишь — снег, холодно, а у них одежда там. И мне обещали принести. Завтра к вечеру вернуться.

— Откуда ты всё это знаешь, если они ушли? — закричал Амнундак.

— А вот здесь написано, они мне оставили письмо. На, прочитай! — сказал Горохов, подавив смех и протягивая бумагу.

Амнундак повертел её в руках, увидел на ней какие-то чёрные знаки и заявил:

— Пошлю это шаману — он узнает, правда ли, что ты сказал.

— А зачем Аннуир пошла с ними? У неё тёплая одежда здесь! — не унималась ревнивая Аннуэн.

— Значит, она сильнее любит, чем ты! — отрезал Горохов.

— Вождь запретил мне любить его — я слушаюсь приказа вождя.

— Вот именно, а она не слушается, потому что больше любит его.

— Она только вторая жена, сама навязалась...

— Довольно, женщина! — прервал Амнундак.

Он сидел ещё с бумагой в руках и не знал, что ему делать: послать ли немедленно погоню за ушедшими или поверить словам Горохова и подождать. В руках у него ещё остался один из пришельцев, и ему казалось, что они не уйдут без своего товарища.

И вдруг у него мелькнула мысль: а не пошли ли белые колдуны к священному озеру, чтобы высушить его, как в прошлый раз, когда они Горохова тоже оставили дома?

Он оделся, вышел из землянки, вызвав с собой трёх воинов, и велел им сходить к священному озеру и посмотреть, не там ли белые люди или не были ли там. Вернувшись, он сказал Горохову:

— Ты оставайся здесь, в моём жилище, пока не вернутся другие.

К обеду посланные вернулись и заявили Амнундаку:

— Белых людей на священном озере нет, но они были там — мы видели их следы на снегу: три больших следа и один поменьше.

— Вот видишь, ты солгал мне, или они солгали тебе в своём письме!.. — вскричал Амнундак, обращаясь к Горохову, а потом спросил воинов: — А священное озеро опять высохло?

— Нет, великий вождь, оно не высохло, оно стало даже больше, вода вышла из берегов, и к жертвенному камню нельзя подойти.

Амнундак нахмурился: он не знал, хороший ли это или худой признак, что озеро вышло из берегов. И, как всегда в затруднительных случаях, понадеялся на шамана.

— Идите и расскажите шаману, что вы видели... Пойдите!.. Как вы узнали, что следы на снегу оставили белые люди? Вы знаете их обувь?

— Следы, собственно, были медвежьи, — ответил старший из воинов, — но мы думаем, что белые колдуны могли превратиться в медведей, чтобы мы не узнали по следу, куда они ходили.

Горохов расхохотался. Онкилоны с удивлением посмотрели на него, а Амнундак спросил сердито:

— Почему тебе так весело?

Горохов спохватился, что для него невыгодно разуверять онкилонов в могуществе белых, и ответил:

— Мне стало смешно, что они и Аннуир превратили в медведицу: ведь их трое, а следов воины видели четыре.

— Да, да, четвёртый след поменьше — видно, женский! — подтвердили воины.

— Хорошо, идите к шаману, — решил Амнундак.

...Вернувшись, посланные сообщили, что шаман сам хочет пойти к священному озеру, а потом придёт сюда на моление, и велел приготовить жертвенного оленя.

Горохов, за каждым шагом которого, по распоряжению Амнундака, следили воины, лежал на своей постели и думал, хорошо ли он сделал, что остался один у онкилонов. Если случатся опять какие-нибудь несчастья, онкилоны начнут их приписывать ему, или уходу его товарищей, или и тому и другому. Могут потребовать от него то, что он сделать не может, начнут угрожать... Мало ли что могут придумать эти люди!

Не уйти ли тоже? Товарищи обещали ждать его двое суток. Только теперь его караулят, и уйти нелегко. А что ещё намолит вечером шаман? Он совсем было приуныл, и только его жена Раку, подсевшая к нему, развлекла его своей болтовнёй.

В сумерки явился шаман, пошептался с Амнундаком, потом сел к огню согреть свои костлявые руки; он глядел упорно на пламя, и губы его беззвучно двигались. Потом поднял голову и сказал:

— Пора пришла!

— Женщины, берите детей и идите в жилище белых людей — оно пустое. Сидите там, пока вас не позовут! — распорядился вождь.

Горохову стало страшно. В последний раз женщин так же выслали из жилища на время моления, после которого последовала кровавая ночная жертва на берегу священного озера. О ней он узнал впервые сегодня от своей жены, которая случайно проболталась.

Не задумал ли шаман и в этот раз ввести озеро в берега посредством жертвы? И этой жертвой будет он! Он похолодел, и сердце замерло в груди.

— Иди и ты с женщинами в своё жилище!.. — обратился к нему Амнундак. — Женщины, смотрите, чтобы он никуда не уходил, — вы отвечаете за него!

Это немного успокоило Горохова. Если бы его хотели принести в жертву, то незачем было отпускать его из жилища с одними женщинами.

Если бы он знал, что Амнундак после его ухода велит двум воинам сторожить землянку снаружи, он не был бы так спокоен.

Женщины наполнили опустевшую землянку смехом и болтовнёй, живо развели огонь и расселись вокруг него. Горохов улёгся на свою постель и сейчас же протянул руку к ружью, которое всегда лежало рядом, у стенки. Ружья не оказалось. Кто его унёс? Неужели товарищи? Едва ли они отняли у него это могущественное оружие. Но они тогда взяли бы и патроны; Горохов пошарил в котомке и нашёл целую пачку. Очевидно, онкилоны по приказу Амнундака сегодня обшарили его постель и унесли эту страшную палку, выбрасывающую громы и молнии, чтобы лишить его возможности защищаться. Дело совсем дрянь; они, несомненно, замыслили недоброе.

Горохов подозвал к себе Раку и под смех и болтовню женщин стал её расспрашивать обвиняками о намерении онкилонов. Но она не могла сообщить ему ничего определённого, только разные глупые женские разговоры о могуществе и пагубном влиянии белых колдунов.

Вдруг Горохов вспомнил, что в последний раз когда они ходили на свою базу, они принесли запасное ружьё, совершенно новое, которое хотели на прощанье подарить Амнундаку. Не забыли ли его товарищи? Вот было бы счастье! Оно лежало в разобранном и запакованном виде в головах постели Горюнова, и онкилоны едва ли догадались, что этот свёрток — тоже палка с молниями. Горохову захотелось сейчас же убедиться в этом. Ведь после моления ружьё может очень понадобиться, чтобы защищать свою жизнь. Он отпустил Раку к остальным, а сам немного погодя перешёл на постель Горюнова, объяснив, что здесь почётное место и веселее, чем в его углу. Он прилёг, стал осторожно шарить, и в глубине изголовья под шкурами и слоем сена нащупал свёрток. Но как его развернуть и собрать ружьё, не обратив на себя внимания женщин? Чем бы занять их? А не проделать ли всё у них на глазах в виде фокуса, который произведёт впечатление? Пожалуй, это будет самое лучшее — они увидят, что из бумаги и кусков вырастает страшная палка.

Вытащив свёрток, он сел на край постели, но не рядом с женщинами, и сказал, что покажет сейчас превращение «вот этой дубинки, взятой у людоедов, в палку, выбрасывающую громы и молнии». Некоторые женщины закричали: «Ой, не

надо!», но любопытство большинства победило. Горохов начал развязывать свёрток, упакованный ещё в магазине в столице; развязав бечёвки, он передал их женщинам, никогда ещё не выдавшим подобного. Бечёвки пошли по рукам, и их разглядывали внимательно. Потом он развернул большие листы обёрточной бумаги, также никогда не виданной онкилонами; и они пошли по рукам; женщины удивлялись «тонкой жёлтой коже». Когда один лист, поднесённый слишком близко к огню, вспыхнул ярким пламенем, раздались крики ужаса и удивления — кожа так не горела. Пока все взоры были устремлены на пылавший лист, Горохов быстро собрал ружьё — это была двустволка центрального боя, с одним нарезным стволом для пули, — взял его на прицел и воскликнул:

— Вот и палка готова!

Ближайшие к нему женщины отшатнулись и взвизгнули, воображая, что сейчас же из блестящей палки вылетит молния. Но Горохов засмеялся и сказал:

— Не бойтесь, молния вылетит только в того, кто захочет сделать мне дурное, а вы все добрые женщины.

Фокус произвёл сильное впечатление: некоторые женщины знали, что у «полубелого» колдуна — так звали Горохова онкилоны между собой ввиду его смуглой кожи, в отличие от трёх остальных, — сегодня унесли страшную палку, чтобы сделать его беззащитным. И вот он у них на глазах превратил какую-то дубинку в новую палку. Это нужно непременно рассказать мужчинам.

Пачку патронов, бывшую при ружье, Горохов спрятал в карман, чтобы зарядить, когда понадобится. Обладание ружьём успокоило его. К нему вернулось хорошее настроение, и, держа ружьё в руках, он сказал:

— А теперь, женщины, потанцуйте, как в прошлый раз, когда вы были у нас в гостях! Я вам дарю вот эти ремешки и эту кожу, а вы потанцуйте, пока там шаман призывает духов.

Приходилось повиноваться колдуну, обладавшему палкой. Но женщины вообще плясали охотно, особенно в долгую зимнюю ночь, а сейчас ведь была уже зима — снег лежал и не таял. И те, которые ещё не разделись, войдя в землянку, сделали это теперь. Начался танец, описанный уже прежде, вокруг весело пылавшего костра, а Горохов, полуразвалившись на постели Горюнова, с ружьём в руках, покуривая трубку, смотрел на пляшущих женщин.

Но в этот раз женщины не успели доплясаться до изнеможения — явился воин и сказал, что моление кончилось и можно вернуться в своё жилище.

— Раку останется здесь, у меня... — заявил Горохов. — Раку, слышишь!

— Амнундак сказал, чтобы и ты пришёл в его жилище, — ответил воин.

— Скажи Амнундаку, что я буду спать в своём жилище и Раку останется со мной! — решительно заявил Горохов.

— Амнундак велел... — начал опять воин.

— Я не онкилон и не подвластен Амнундаку, — прервал его Горохов. — Он не может мне приказывать... Раку, иди сюда!

Одевавшиеся женщины удивлённо переглядывались и перешёптывались; воин был поражён. До сих пор белые колдуны ни разу не говорили таких слов и старались угождать вождю, хотя втайне вредили и создавали бедствия. А тут этот полубелый остался один и завёл такую речь. Раку не знала, что ей делать: уходить ли с другими женщинами или остаться с Гороховым.

— Раку, тебе говорю, не одевайся, а иди сюда, ко мне! — крикнул Горохов.

Этот решительный тон подействовал, и Раку подошла к нему.

— Садись тут, Раку! Когда все уйдут, мы будем ужинать.

Женщины, забрав детей, одна за другой вышли из землянки; воин постоял в нерешительности и наконец ушёл.

Раку села и сказала:

— Амнундак будет очень сердит. Он меня накажет за то, что я осталась здесь.

— Не бойся, он не посмеет ничего сделать тебе. Вот увидишь! А теперь вари чай.

Спокойствие Горохова подействовало на женщину, и она вернулась к своим хозяйским обязанностям. Они спокойно поужинали и собирались уже лечь спать, когда дверь отворилась и вошли четыре вооружённых воина. Старший из них заявил:

— Амнундак сказал: ты не хочешь быть гостем в его жилище — оставайся здесь. Но он велел нам пройти к тебе, чтобы ты не оставался один, без защиты. Мы будем здесь спать, место есть.

«Ишь, как вывернулся, мудрец!» — подумал Горохов и сказал громко:

— Очень хорошо придумал Амнундак! Ложитесь двое там, — он указал на постель Ордина, — и двое тут, — он указал на своё прежнее место. — А я буду на почётном месте, пока не вернутся другие белые люди.

Три воина легли, не раздеваясь, а четвёртый уселся у огня.

— Они пришли караулить тебя, чтобы ты не убежал тайком, как другие белые люди, — прошептала Раку испуганно.

— Они пришли защищать нас от вампу, медведей и подземных духов, глупая! — спокойно заявил Горохов, конечно, вполне понявший намерения Амнундака.

Но на ночь он принял некоторые предосторожности: сам лёг к стене и ружьё положил за собой у стены, зарядив один ствол пульей, другой картечью. Пеструху уложил в ногах постели. Горохов знал, что собака не пустит никого к спящему хозяину.

Ночь прошла спокойно. Воин, сидевший у костра, время от времени сменялся одним из спавших; он поддерживал огонь и дремал, прислонившись к столбу и держа в руках своё копье. Горохов спал крепко, но Раку всю ночь ворочалась с боку на бок: её всё-таки тревожила мысль, что сделает завтра Амнундак.

Когда настало утро, воины ушли, но им на смену тотчас же явились Аннуэн и две другие женщины. Горохов ещё спал, но Раку сейчас же вылезла к ним и стала расспрашивать, что поведали духи шаману, как отнёсся вождь к отказу Горохова и её неповиновению. Но женщины, очевидно, получившие инструкции, ответили:

— Что поведали духи, мы не знаем. Амнундак выслушал воина и сказал то, что передали посланные в ваше жилище; а про тебя ничего не сказал.

Раку успокоилась, но Горохов, проснувшись и узнав результаты её расспросов, не удовлетворился ими — ему важно было узнать, что наколдовал шаман. И в течение дня, который он провёл в своём жилище и возле него на воздухе, Раку несколько раз ходила по его поручению в землянку вождя на разведку, но ничего не добилась. В первый раз она пошла с трепетом, думая, что её женщины сейчас же схватят, разденут и высекут по приказу Амнундака: так обыкновенно наказывали за ссоры, лень, непослушание. Но Амнундак даже не обратил внимания на её появление.

Вечером Амнундак пришёл к Горохову, уселся у огня и сказал:

— Ты не хотел быть гостем у меня, а я вот пришёл к тебе... Вот ты вчера сказал, что сегодня белые люди вернутся. Ночь уже пришла, а их нет. Что скажешь ещё?

Горохов, уже обдумавший за день, что ему делать, ответил спокойно:

— Видишь, снег на земле — идти трудно, лыж у них нет, потому и запоздали. Придут ночью или утром.

— Отчего не взяли лыжи у онкилонов? — спросил Амнундак и, помолчав, прибавил: — Подожду до утра. Если не придут, пошлю воинов искать их — не случилось ли что-нибудь с ними.

Он посидел ещё немного, пожаловался, что снег лежит и не тает, зима наступила на целый месяц раньше времени, чем онкилоны встревожены. Потом поднялся и ушёл. Вслед за ним собрались уходить и жёны отсутствовавших, проведшие весь день в землянке. Уходя, они сказали:

— Раку, иди возьми там своё молоко и лепёшки.

Раку, захватив посуду, отправилась с ними, но не вернулась. Вместо неё снова появились четыре воина на ночлег. Горохов долго ждал Раку и решил, что её не пустили. Обдумав за день своё положение, он нашёл его рискованным и понял, что в одиночестве ему не удастся долго противиться Амнундаку, что силой или хитростью у него отнимут ружьё и тогда сделают с ним всё, что велит шаман. Он мог ещё догнать товарищей, обещавших ждать его двое суток, — срок истекал завтра вечером. И он решил бежать в эту ночь.

Бегство

Ещё в сумерки Горохов срезал дёрн с наружной стороны землянки, против изголовья своей постели, и эту брешь засыпал снегом. Теперь было нетрудно без шума вынуть несколько тонких коротких бревёшек, едва закопанных одним концом в землю, а другим прислонённых к длинным брёвнам откоса и составлявших бока последнего. В эту дыру можно было перед рассветом, когда сон одолевает больше всего и караульный будет дремать, вылезть тихонько наружу. Горохов надеялся, что Раку пойдёт с ним, убеждённая примером Аннуир. Котомка была приготовлена. Раку уже ходила в зимней одежде. Побег заметят только утром, потому что постель останется на месте, Пеструха тоже — она потом прибежит по следу; дыру снаружи заложат. Прежде, чем спохватятся, они успеют отмахать десяток километров; две пары женских лыж были также приготовлены — зарыты в сумерки в снег.

Невозвращение Раку огорчило Горохова — он привязался к ней и из-за неё главным образом остался у онкилонов. Но теперь приходилось уходить, и без неё. Впрочем, она, может быть, и не пошла бы и даже подняла бы тревогу.

Пожалуй, к лучшему, что её нет.

Горохов рано лёг спать и положил Пеструху к себе на постель; теперь её можно было взять сразу же с собой. Укладываясь, он громко сказал, чтобы слышали воины, сидевшие ещё у огня:

— Раку не пришла. Собака завтра меня разбудит и приготовит еду.

Около полуночи сильный подземный удар разбудил и дремавшего караульного, и Горохова. Заскрипели балки землянки, посыпалась земля через щели. Спавшие воины вскочили с постелей, присел и Горохов, — последний в сильной тревоге. Если удар повторится, всё население землянки Амнундака выбежит и будет ночевать у костра под открытым небом; тогда уйти незаметно не удастся. Нужно уходить раньше, во время суматохи.

Пока он соображал, что делать, прокатился второй удар, и вся землянка заскрипела; одно бревно из крыши центральной части сорвалось с места и упало на костёр вместе с кучей дерновин. Горохов стал поспешно одевать тёплую куртку; воины с криком ужаса выскочили за дверь. Но когда волна сотрясения прошла и землянка осталась стоять, один из них вернулся и взял несколько головней из костра; они, очевидно, хотели развести огонь вблизи дверей, чтобы продолжать свои обязанности караульных.

— Ты бы лучше вышел из жилища, — обратился этот воин к Горохову, сидевшему на своей постели, — тебя может придавить, — половина жилища Амнундака уже развалилась.

— Нет, я останусь здесь и буду спокойно спать, — ответил Горохов. — Мой угол не развалится.

Воин покачал головой и вышел. Это только и нужно было якуту. Он тотчас же взял из соседнего отделения одеяло Костякова, свернул его в трубку и положил вместо себя под своё одеяло, так что при первом взгляде казалось, что под ним спит человек. Затем быстро разобрал стенку у своей постели, выставил наружу котомку и ружьё, вылез сам, крикнул Пеструху, заложил отверстие, засыпал его снаружи снегом и осторожно, под покровом тени от землянки, заслонявшей его от костра воинов, направился к ближайшему дереву на окраине поляны, стоявшему шагах в двадцати. Это был старый развесистый тополь, пощажённый онкилонами, так как он не годился ни на дрова, ни на постройку. Спрятав Пеструху и котомку в дупло, Горохов полез наверх и присел, прижавшись к стволу, на толстый сук. Отсюда ему было видно всё, что делалось на поляне, а сам он был скрыт сучьями и ветвями, хотя уже лишёнными листьями. Он сообразил, что переходить

сейчас через поляну нельзя: она была освещена кострами онкилонов и на белом фоне снега его чёрную фигуру сейчас же заметили бы бодрствующие люди. Нужно было выждать, пока они задремлют у костров. Огибать же всю поляну по лесу было слишком долго, и, кроме того, Горохов боялся, что из-за темноты попадёт не на ту тропу, которая шла к базе, и заблудится.

Со своего наблюдательного пункта он видел, что часть землянки Амнундака уже развалилась; женщины суетились ещё вокруг костров и вытащенных вещей и детей, воины торопливо выносили остальное имущество. Вскоре после того, как он уселся, по котловине прокатился новый удар; он почувствовал, как вздрогнул и закачался тополь; в землянке Амнундака рухнул ещё один откос, вокруг костров люди закачались и некоторые упали; опять раздались крики и вопли, а с окраины котловины — грохот обвалов. И тотчас же он услышал где-то поблизости среди поляны сильный треск. Взглянув в эту сторону, он увидел среди белой снежной пелены, чуть выделявшейся на чёрном фоне леса, большое тёмное пятно, на котором быстро мелькали белые пятна.

«Лёд размало на озере! — подумал он. — Нельзя будет идти прямо. Вот напасть!»

Когда гудение земли и грохот обвалов затихли, Горохов расслышал шорох и плеск, доносившиеся с чёрного пятна, которое быстро увеличивалось.

— Нешто вода из берегов выходит? Уж не затопит ли нас тут? Вот беда какая: костры зальёт, люди в темноте останутся! Мне-то лучше будет бежать от них. А вот если на других полянах вода тоже выступила, как же идти-то? Ах ты, несчастье! И зачем я только здесь остался? Вот если бы лодка была.

И тут он вспомнил, что, когда озеро начало замерзать, онкилоны вытащили бывшие на воде две берестянки, с которых он не раз ловил рыбу, и зарыли их в снег на заднем откосе его землянки, оберегая от оленей, которые могли пробить днище, если оставить эти хрупкие лодки на земле. Это успокоило его — лодка совсем близко, только бы онкилоны не захватили раньше, чем он до неё доберётся.

Между тем чёрное пятно быстро росло, и край его был уже шагах в тридцати от костров; разливавшаяся вода пожирала снег и наступала всё дальше и дальше. Тут её заметили и онкилоны. Один подбежал к краю пятна, убедился, что оно движется, и закричал:

— Спасайтесь, вода идёт, вода топит!

Поднялась невообразимая суматоха, крики, плач, суета. Одни кричали: «На деревья, на деревья!». Другие: «Где лодки?». Третьи: «Спасёмся в землянку колдунов!». Воины хватали вещи, женщины — детей.

Амнундак подбежал к караульным воинам у костра перед землянкой чужеземцев и крикнул:

— Где белый колдун? Ведите его! Пусть он остановит воду — или мы его заколем тут же!

Но тут откуда-то с высоты раздался протяжный крик:

— Онкилоны, бегите скорее на север — там воды нет! Спасайтесь на север, на север! Я говорю вам — дух неба!

И тотчас перепуганные люди подхватили это внушение, повторяя:

— На север, бежим на север, скорее!

Толпа воинов, тяжело нагруженных вещами, и женщин с детьми вперемешку со стадом оленей беспорядочно двинулась к опушке леса. Вода уже тушила ближайшие к ней костры, с них валил едкий дым, шипя чернели головни, и гаснул свет.

Амнундак ещё стоял вблизи землянки чужеземцев. Воины, поспешившие внутрь, чтобы вывести Горохова, вернулись испуганные:

— Белый колдун исчез вместе с собакой, вылетел в дымовое отверстие, жилище пусто!

Так доложили они. И Амнундак, всплеснув руками, побежал вслед за своими подданными к северной опушке, сопровождаемый караульными. Когда поляна опустела, Горохов спустился с дерева, подбежал к землянке, стащил с откоса одну из берестянок вместе с привязанным к ней веслом, потряхнул снег и перенёс берестянку к тополи, посадил в носовую часть Пеструху, в середину сложил свою котомку и ружьё, сам сел к корме, взял весло и стал ждать. Крики онкилонов уже замирали вдали, последние костры гасли, вода подступала к двери землянки.

«Эх, — подумал Горохов, — в лодке можно ещё кое-что увезти, ну хоть бы меховое одеяло! Поди, товарищи отдали мой спальный мешок Аннуир, да и плыть ночью холодно будет».

Он побежал к землянке, увидел, что вход в неё уже залит, быстро вернулся к своей заделанной дыре, разбросал бревёшки, вытащил одеяло и, преследуемый по пятам водой, вернулся к берестянке.

«Так-то лучше будет», — подумал он, усаживаясь на одну половину одеяла и закрывая ноги другой.

Вода уже шипела, пожирая снег вокруг берестянки; кругом становилось темнее, только землянка выделялась белой массой на чёрном фоне. Вот берестянка всплыла, и Горохов заработал веслом, отплывая в сторону озера.

— Прощай, наше жилище! — сказал он, проплывая мимо землянки. — Не довелось нам в тебе зимовать, да и никто не будет — всё попортит вода!

Мерно загребало двухконечное весло то справа, то слева, и лёгкая посудина скользила по чёрной воде; глаза привыкали к темноте и различали уже стену леса, отступавшую назад, с двумя белыми горбами землянок, а впереди — простор, откуда с напором стремилась вода. Среди этого простора Горохов скоро различил плоский бугор, и почувствовал, что стало труднее грести. Он догадался, что это вода поднимается пузырьём среди озера, и стал объезжать его стороной, борясь с течением. Когда он его обогнул, течение начало помогать ему. И скоро он очутился у противоположной опушки. Теперь нужно было найти тропу, ведущую на юг; белевшие на фоне леса землянки помогли ему ориентироваться: он помнил, в каком направлении от них должна быть тропа.

Вот он нашёл её и поплыл по узкому каналу между двумя стенами леса; стало темнее, и нужно было плыть очень осторожно, чтобы не пропороть тонкое дно берестянки каким-нибудь торчащим из воды сучком. Горохов перестал грести и предоставил течению нести лёгкую посудину. Но скоро течение ослабело, а потом началось обратное, и пришлось снова взяться за весло; смерив глубину, Горохов нашёл, что она не выше колена.

Едва он начал загребать, как впереди послышался сильный шум, плеск, фыркание и мычание — очевидно, по тропе двигались дикие быки, и встреча с ними представляла страшную опасность. Горохов недолго думая задвинул берестянку в стену леса, в чащу, в двух-трёх шагах от тропы, обхватил одной рукой ствол дерева, другой с веслом упёрся в дно и стал ждать. Плеск и шум быстро приближались, и вот по тропе-каналу мимо его убежища, пыхтя, сопя, фыркая, начала двигаться тёмная масса крупных животных, напиравших друг на друга в своём поспешном бегстве от наводнения на север; они бежали тяжёлой рысью, почти по брюхо в воде, разбрасывая фонтаны брызг и производя волны, расходившиеся в глубь леса. Если бы Горохов не держался за дерево и не упёрся веслом в дно, берестянку неминуемо опрокинуло бы; якут провёл несколько неприятных минут, пока стадо не пробежало мимо и вода не успокоилась.

Не успел он после этого проплыть и сотни метров, как снова послышался шум и плеск, быстро приближавшиеся; опять пришлось укрываться в чаще. На этот раз промчалось несколько носорогов, поднявших такую волну, что Горохов с трудом удержал равновесие лодки; его окатило целым фонтаном воды.

— Прокляты будьте, неуклюжие твари, язвило вас, окаянные! — ворчал он, отирая лицо. — Этак далеко не уедешь, а воду отливать нечем, да и темно.

Не успело улечься волнение, поднятое носорогами, как надвинулся табун лошадей, ещё больше взволновавших воду; они бежали быстрее, чем быки, вставали на дыбы, стараясь обогнать друг друга, фыркали и ржали.

Не доезжая следующей поляны, Горохову пришлось укрываться ещё раз: теперь бежали вперемешку быки и лошади, а вслед за ними ещё десяток медведей. Наконец он выплыл на поляну-озеро и начал его пересекать, огибая среднюю часть, где вода поднималась бугром; когда он выплыл почти на середину, вода внезапно запенилась, поднялась, волнами его чуть не перевернуло. Грохот и плеск, донёсшиеся с окраин, показали, что прокатился новый удар землетрясения. Борясь с волнами, Горохов добрался наконец до следующей опушки, нашёл канал и поплыл дальше, но очень скоро остановился в недоумении: канал делился на три ветви, и ночью не было никакой возможности выбрать надлежащее направление — окраины котловины неразличимы, компаса не было, звёзд не видно.

«Ничего не поделаешь, придётся ждать рассвета, — решил Горохов. — Надо быть, уже недолго: сколько времени я мотаюсь по воде, а затрясло после полуночи».

Последняя речь шамана

Горохов свернул с канала подальше в чащу, куда волны с поляны и с канала могли доходить уже очень ослабленные; привязав берестянку к дереву, растянулся на дне её, завернувшись в одеяло, и заснул, слегка покачиваясь на волнах.

Проснулся он поздно от воя Пеструхи. Раскрыв глаза, он увидел, что поднявшаяся за ночь вода прижала берестянку к ветвям дерева. Собаку так сильно сжало, что она не могла двинуться. Чтобы освободить её, пришлось прибегнуть к ножу и срезать ряд веток. Горохов попробовал смерить глуби-

---

ну и не мог достать дна, а весло вместе с рукой было больше двух метров.

«Ну и наводнение же! — подумал якут. — Теперь уж зверья по пути не встретишь: которые не успели убежать — перетонули».

Пеструха, освобождённая из плена, обнюхивала котомку, виляя хвостом и умильно поглядывая на хозяина.

— Проголодалась, бедняга! — догадался последний. — И впрямь пора поесть, только еды-то у нас малость, и чай варить нельзя. А дичи уже нет!

Он достал из котомки лепёшку и копчёного гуся, захваченного из обильного запаса, который был подвешен под крышей землянки; стал есть, отдавая собаке необглоданные кости и обрезки.

— Эх, последнего гуся едим, Пеструха! — обратился он к собаке. — Ведь наш запас уже затопило — никто не спас, жалость какая!

Этот запас напомнил ему Раку, её заботы о нём, и ему стало грустно. Вспомнил он Казачье и свою старую, сварливую жену, из-за которой он часто уходил из дому к соседям или занимался каюром к купцам на длинные концы. И он подумал, что можно ещё попытаться увезти Раку, — онкилоны, наверно, остановились на первой сухой поляне, спят после ночной тревоги и бегства. Можно подплыть к ним, пробраться на опушку и выждать, когда Раку появится где-нибудь поблизости, окликнуть её, забрать — и в лодку. По воде онкилоны не догонят. Его товарищи сегодня до вечера должны ещё ждать, а если даже ушли, то в первый день далеко не пройдут, по следу их можно скоро догнать. Горохов сообразил, что за ночь он отплыл только до следующей поляны, то есть километра три-четыре, не больше, — значит, возвращаться недалеко.

Приняв это решение во время завтрака, якут отвязал берестянку и поплыл на север. Солнце уже давно взошло и по временам появлялось между тучами и пригревало. При дневном свете картина наводнения не производила такого жуткого впечатления, как ночью. Вода сверкала, струилась, стена леса отражалась в зеркале озера. Горохова удивило лишь обилие всякого мусора, который плавал на поверхности воды в лесу и на каналах; только на полянах, откуда вода растекалась во все стороны, поверхность её была чиста. Добравшись быстро до поляны, где было стойбище, он решил подновить запас провизии — подплыл к землянке, затопленной выше дверей, влез на крышу и через дымовое отверстие снял несколько пар копчёной птицы, подвешенной снизу; на радостях даже

отдал целую утку Пеструхе, которой утром досталось очень мало. Собака, ворча от удовольствия, прилегла и стала грызть птицу.

Потом он поплыл дальше по направлению, по которому ночью ушли онкилоны. По каналу в лесу пришлось плыть среди пелены листьев, веток и всякого хлама, поднятого водой. Попадались мёртвые птицы и мелкие четвероногие; на одном дереве он заметил притаившуюся куницу и, по охотничьей жадности, убил её ударом весла.

— Хоть и летний мех, а на шапку годится, всё равно с голода пропадёт, — пробормотал он, подбирая добычу.

Подвигаясь на север, он заметил, что озёра пузываются меньше и вода не так глубока, весло уже доставало дно.

— Эх, жаль, нет Матвея Ивановича — он объяснил бы мне, откуда столько воды прёт из земли. Разверзлись хляби земные, как сказано в Писании, и начался потоп. Слава Богу, что хляби небесные ещё не топят сверху, это было бы совсем худо.

После полудня вода в каналах и на полянах стала совсем мелкая, видны были верхушки небольших кустов, а вокруг озёр — на полянах камыши; пришлось плыть тихо, чтобы не напороться. Потом берестянка то и дело начала задевать за дно и наконец стала. Горохов вылез и побрёл пешком, но тащил лодку за собой. Скоро пришлось высадить и Пеструху, а котомку надеть на себя, чтобы тащить почти пустую лодку по траве, еле покрытой водой. Наконец он выбрался на поляну, представлявшую мокрый луг; только кое-где во впадинах блестела вода. Поляна была наполнена четвероногими: стада быков, табуны лошадей, косяки оленей, несколько семей носорогов частью паслись, частью отдыхали, лёжа на траве; в кустах хрюкали кабаны, роясь в мокрой земле.

«Ну и дивно их набралось тут! — подумал Горохов. — Намаялись, видно, бедняги, всю ночь по воде хлюпавши без отдыха... А вот и охотники!»

Он заметил, что вдоль опушки за кустами ползут на четвереньках вампу, подбираясь к ближайшему табуну лошадей. Животные вследствие своей многочисленности, очевидно, не были так настороже, как обыкновенно, и вампу были совсем близко от них. Горохов насчитал человек двадцать. Ближайший был шагах в сорока от куста, за которым он наблюдал, зажимая морду Пеструхе, чтобы она не лаяла.

«Эх, попугаю я их! Пусть знают, что молния и громы ещё действуют!» — решил он, и прицелился так, чтобы пуля пролетела над головами вампу. Когда рассеялся дым, вампу уже

не было видно, только колебания кустов показывали, что они скрылись в лес, откуда доносился их крик, постепенно удалявшийся. На поляне выстрел также произвёл замешательство, — лежавшие животные вскочили, одни стада бежали сюда, другие туда.

«Если вампу здесь, значит, онкилоны не так близко, — решил Горохов. — А хорошо, что я их пугнул, а то мог бы сам на них напороться!»

Он потащил берестянку дальше, но скоро стало совсем сухо, на тропе попадались камни, и можно было повредить дно. На опушке следующей поляны он заметил высокий, приметный издали тополь с раздвоенной вершиной, и решил оставить лодку здесь; он поднял её на развилину ствола, сложил туда же котомку и посадил Пеструху, привязав её за ошейник к верёвке берестянки; пошёл дальше налегке. Километрах в двух далее он услышал впереди голоса и почувствовал запах дыма. Осторожно добравшись до опушки, Горохов стал наблюдать. В разных местах поляны горели костры, вокруг которых стояли, сидели и лежали онкилоны; на огне жарилось мясо, и запах его приятно щекотал ноздри якута. Повидимому, здесь собралось всё племя или большая часть его из затопленной местности, и, как всегда, каждый род держался отдельно у своего костра. Наискосок от места наблюдения вокруг одного из костров толпилось особенно много людей, и Горохов решил, что там должен быть род Амнундака. Он подкрался по опушке поближе, очутился шагах в тридцати, и различил Амнундака, окружённого предводителями других родов. Обсуждали вопрос, рассеяться ли по сухим полянам вплоть до бесплодной северной части котловины и приняться немедленно за постройку землянок ввиду близости зимы, или же ждать спада воды, чтобы вернуться на старые, привычные места.

«Вот дураки! — подумал Горохов. — Они ещё надеются, что вода уйдёт куда-то. Не знают, сколько там этой воды».

Тут якут обратил внимание на то, что на поляне совсем не было снега, как не было его и там, где кончилась вода. Очевидно, он уже успел растаять, потому что было совсем тепло — наводнение как будто вернуло лето в котловину.

По другую сторону костра сидели женщины и дети. Горохов различил Аннуэн и других женщин, но Раку не было видно.

«Не вернулась ли она в свой род, как вдова? — подумал он и стал всматриваться в женщин у других костров; у соседнего сидели люди рода, ближайшего к стойбищу вождя, откуда

была и Раку; но и здесь её не было. — Куда она запропастилась? Пошла куда-нибудь или спит? Подожду. Вот они скоро будут есть, тогда должны все собраться».

Немного погодя женщины крикнули, что мясо готово; все разошлись по своим родам и уселись вокруг костров; женщины стали раздавать палочки с мясом и лепёшки. Но Раку не явилась ни в род Амнундака, ни в свой. Это встревожило Горохова, и он подумал, не убили ли Раку онкилоны в наказание за её непослушание приказу вождя. Ничем иным нельзя было объяснить её отсутствие, разве что во время землетрясения Раку придавило в обрушившейся землянке.

— Незадача выходит! — пробормотал он. — Зря я проездился. Нужно скоро уходить — солнце уже склонилось к западу.

Тут его внимание привлекло появление десяти вооружённых онкилонов, вышедших из леса недалеко от того места, где он прятался. Они подошли к Амнундаку и сложили к его ногам несколько дубинок и копий вампу.

— Ты послал нас, великий вождь, обыскать место, откуда недавно раздался гром, — сказал старший. — Ты подумал, что вернулись белые колдуны. Но мы видели там много крупной дичи и нашли вот это, — он указал на дубинки. — Белых колдунов или следов их мы не нашли.

— А всё-таки они бродят недалеко от нас! — сказал Амнундак. — У вампу нет громов. Все хорошо слышали гром.

«Хорошо, что у них нет собак! — подумал Горохов. — Не то меня бы уже выследили».

Но следующие слова вождя сильно встревожили его:

— Скажите предводителям родов, что нужно сейчас выслать всех воинов осмотреть лес вокруг нашей поляны. Белые колдуны близко, и принесли нам новое бедствие.

Воины ушли обходить костры, разнося приказ. Горохов сообразил, что он не успеет уйти достаточно далеко, и решил переждать облаву по соседству, взобравшись на дерево. Он тотчас же отбежал немного в глубь леса, выбрал удобное дерево и влез высоко наверх; оказалось, что сквозь ветви видна вся поляна. Усевшись на развилине, он увидел, как от всех костров потянулись в разные стороны вооружённые воины и, дойдя до опушки, образовали цепь, которая проникла в лес. Правее и левее его дерева также прошли воины, но они искали на земле, лазили в чаще кустов и подлеска, даже шарили копьями, а посмотреть наверх не догадались. Впрочем, якут сидел высоко, прижавшись к стволу, и в тёмном платье; его скрывали ветви, хотя без листвы, но сквозь

их сетку различить его можно было бы, только зная, что он наверху.

Облава продолжалась часа два, и солнце уже спустилось за горы, когда со всех сторон на поляну вернулись усталые воины и расположились у своих костров отдыхать. Горохов слез с дерева и прокрался опять на опушку вблизи рода вождя. Последний сидел рядом с шаманом; ему только что доложили о безуспешности поисков. Он был встревожен и недоволен, а шаман сказал:

— Вели сейчас собрать всех предводителей родов сюда на совет.

Амнундак дал распоряжение, и ко всем кострам побежали воины.

«Что ещё задумал старый колдун? — подумал Горохов. — А Раку и теперь ещё нет. Все женщины поднялись и отходят от огня, освобождая место; всех видно, кроме Раку. Не иначе, что они её загубили, бедную!»

Когда все представители родов собрались и уселись вокруг костра, шаман встал и, подняв голову и протянув руки вперёд, повёл такую речь:

— Великие бедствия постигли наше племя. Сколько раз тряслась уже земля и рушились наши жилища с тех пор, как пришли белые колдуны на нашу землю, где мы раньше жили спокойно! Они пришли и увидели, что здесь хорошо жить, лучше, чем у них, где всегда лежит снег и солнце не греет. Они увидели, что здесь есть леса и всякие травы, хорошие пастбища и много диких зверей, а у нас много оленей. И задумали они истребить наше племя, чтобы завладеть нашей землёй и стадами. Они высушили священное озеро, но мы вернули его кровавой жертвой. Они сделали так, что стало холодно, и зима началась на месяц раньше, и снег не таял. Они думали, что мы все замёрзнем. Этого не случилось — мы держали огни в жилищах и согревали себя. Тогда они решили выгнать нас из жилищ потопом; опять затряслась земля, и вода хлынула из неё и затопила наши поляны и жилища. Мы спаслись: голос духов неба направил нас сюда, где воды нет. Но наши жилища разрушены, наши стада разбежались... Долго ли мы будем терпеть это? Зима близко, мы все погибнем, и белые колдуны возьмут нашу землю. Они ждут этого. Они там, на краю снегов, сидят и ждут, а тот, который остался с нами, выслеживает, куда мы ушли. Он ходит здесь, поблизости, но его не могут найти.

Шаман остановился и перевёл дух; взоры всех были устремлены на него в напряжённом ожидании.

— Нужно покончить с белыми колдунами. Мы приняли их как почётных гостей, дали им жилище, пищу и молодых женщин. Они заплатили нам неслыханными бедствиями... Верно ли всё это, онкилоны?

— Правда, правда всё это! — раздались голоса предводителей.

— Мы уже наказали ослушницу — одну из тех женщин, которых мы дали им и которая хотела изменить своему племени, как сделала та, которая убежала с ними к снегам. И белый колдун, её муж, не защитил её, а скрылся, хотя она звала его на помощь, когда тонула в воде, которую колдуны вызвали из земли. Теперь мы должны поймать всех колдунов и принести их в жертву добрым духам нашей земли. Завтра сто лучших воинов пойдут в поход к снегам. Они сделают плоты и поплывут через воду во главе с нашим вождём; у них есть копья и стрелы, а у него громы и молнии, которые мы взяли у белого колдуна. Теперь у нас равное оружие, и нас много, а их только четверо. Неужели сто воинов не одолеют их? Пусть половина падёт в бою, но наша земля будет спасена, и мы будем жить как прежде. Вода не уйдёт обратно в землю, наши жилища останутся разрушенными и наши стада рассеянными, пока белые колдуны не будут принесены в жертву. Я сказал!

— Ах ты, старый, подлый пёс! — пробормотал Горохов, слушая речь шамана. — Ты утопил мою Раку и теперь хочешь переловить нас и зарезать, как оленей. Но сначала ты сам отравишься к предкам!

Он поднял ружьё и прицелился в шамана, который стоял прямо против него за костром, ярко освещённый в наступивших сумерках, подняв руки и голову, в вдохновенной позе прорицателя. Грянул гром, и шаман упал ничком, лицом в огонь. Поражённые ужасом, Амнундак и предводители словно окаменели; меховая шапка шамана вспыхнула; женщины, стоявшие поодаль, заголосили. И вдруг, словно по внушению, все сидевшие вокруг костра подняли руки к небу, испустили протяжный вопль, взывая о помощи, затем закрыли ими лицо и трижды повторили этот трагический жест. Потом Амнундак встал и произнёс торжественным тоном:

— Молния белых колдунов поразила нашего шамана за то, что он призывал нас сделать им зло! Они могущественны, и мы не можем бороться с ними. Так предсказал великий шаман, приведший наших предков на эту землю... Уберите мёртвого из огня!

Жуткое соседство

После выстрела Горохов пустился бежать, рассчитывая на то, что онкилоны, растерявшись, не сразу организуют погоню, а наступившая ночь позволит ему скрыться — в крайнем случае, опять на дереве. По кустам он выбежал на тропу, по которой пришёл днём, и не останавливался, пока не различил тополь, на котором оставил своё имущество и собаку. Если есть погоня, нужно влезть на это дерево, где котомка, одеяло и провизия позволяли провести ночь без лишений, так как двигаться дальше с грузом уже нельзя было так скоро, а до воды осталось ещё километра два.

Он остановился и прислушался; сначала всё было тихо, но затем послышались голоса и вдали замелькали огни; очевидно, онкилоны с факелами гнались за ним. Недолго думая Горохов влез на дерево и стал поднимать своё имущество выше. Всего больше хлопот доставила Пеструха, которая не могла сидеть спокойно на какой-нибудь развилине; пришлось наладить берестянку на двух толстых сучьях, а собаку и котомку положить в неё. Едва он справился с этим делом, как на тропе вблизи тополя появилось несколько онкилонов с факелами, а правее и левее видны были другие. Миновав дерево, онкилоны вскоре напали на ясный след, оставленный берестянкой на мокрой земле и траве, и, с криками радости, подзвав к себе остальных, побежали по этому следу, надеясь догнать беглеца.

Горохов поужинал копчёной птицей, накормил собаку, выкурил трубку, а онкилоны всё не возвращались с безуспешной погони. Его стало клонить ко сну, и он решил вздремнуть до восхода луны; привязал себя к стволу, у которого сидел на суке, и заснул.

Его разбудило сильное раскачивание дерева. Он чуть не потерял равновесие, и, если бы не привязь, свалился бы вниз; пришлось держать обеими руками и берестянку с её грузом. Горохов не понимал, что такое происходит: кругом всё грохотало и гудело, а на небе светила давно поднявшаяся луна; видно было, как раскачиваются и все соседние деревья, а ветра не было. Наконец он догадался, что опять трясётся земля. Оглянувшись случайно на север, он увидел, что там, где-то очень близко, происходит что-то ужасное: из-за леса появились клубы белого и чёрного дыма, поднимающиеся к небу, и оттуда донёсся такой грохот, что зазвенело в ушах, а потом пахнуло жгучим ветром, от которого захватило дыхание.

— Царица небесная, что там делается?! Земля рвётся, огонь выходит! — взмолился Горохов. — Бежать, бежать надо на воду!

С трудом он стал спускаться вниз по очереди котомку, берестянку и собаку, потому что дерево всё время качалось. На земле едва можно было устоять на ногах. Шатаясь, точно пьяный, Горохов потащил берестянку по земле, а затем и по мелкой воде. Время от времени то справа, то слева что-то падало в воду, ломая ветви деревьев. Грохот не утихал, воздух становился всё горячее и удушливее.

Наконец вода позволила сесть в лодку, и беглец начал отдаляться быстрее от места катастрофы. Выехав на большую поляну, он увидел на севере зарево на фоне клубов дыма и красные молнии, прорезавшие последние то тут, то там.

«Пропадают, видно, бедные онкилоны в том аду! — подумал он. — И опять валят всё на белых колдунов — убили шамана, а потом и весь народ губят».

Мелкая вода волновалась слегка, но чем больше становилась глубина, тем сильнее было волнение, и берестянку бросало из стороны в сторону. Проплыв с десятков километров, Горохов выбился из сил и решил искать где-нибудь приюта до рассвета. На краю большой поляны, на которой особенно шумели волны, он заметил вблизи остов землянки, поднимавшийся над водой; землетрясение ещё до потопа разрушило откосы, но центральные четыре столба с настилом крыши на них устояли, так как были закопаны в землю и связаны перекладинами. Эта платформа стояла почти на метр выше воды, и волны не заливали её.

«Вот место для отдыха!» — подумал беглец, и направил берестянку к платформе. С трудом он выложил имущество, посадил собаку наверх, вылез сам и вытащил свою лёгкую посудину. Разостлав одеяло на мокрый дёрн крыши, он немедленно уснул, несмотря на грохот, доносившийся с севера, и на шум волн.

Он проснулся на рассвете и стал осматриваться, ориентируясь для продолжения плавания. За ночь вода успокоилась, и только мелкая рябь по временам подёргивала зеркало озера. По соседству над последним поднимался второй островок — в виде зелёного холмика. По высокому тополю вблизи него Горохов узнал землянку свою и своих товарищей; на тополе он спасся в ночь бегства; сам он провёл ночь на остатках землянки Амнундака.

Наскоро поев, якут спустил лодку на воду и позвал Пеструху, чтобы посадить и её. Собака стояла возле дымового

отверстия в середине этой платформы, смотрела в воду и визжала.

— Что ты увидел там, пёс, рыбу, что ли? — спросил Горохов и подошёл, чтобы взять собаку, не желавшую сходить с места.

Взглянув в дымовое отверстие, он вздрогнул: из воды были видны пальцы двух человеческих рук возле одного из столбов платформы.

— Господи светы, тут кто-то утоп! — воскликнул он. — Что же он не вылез по столбу наверх?

На одном из пальцев блестело серебряное кольцо, показавшееся Горохову знакомым. У онкилонов серебряных колец не было, и только жёны белых получили от своих мужей такие кольца, и очень гордились ими.

— Ох, палачи, да это Раку! Прочие женщины были там, а старый пёс сказал, что они изменницу утопили.

Горохов спустился в лодку и подплыл к столбу, у которого были видны руки; оказалось, что кисти крепко привязаны ремнём к столбу. Он перерезал ремень и потянул за окоченевшую кисть — над водой медленно поднялась рука, потом появились волосы, и наконец лицо с раскрытыми глазами; эти глаза, как бы полные слёз, смотрели на якута с укором. Он вскрикнул и отшатнулся; кисть утопленницы выскользнула у него из рук, и голова исчезла в мутной воде; но вслед за ней исчезла и рука — труп погрузился на дно.

«Несчастливая! — подумал якут. — Они её привязали на ночь к столбу, чтобы она не убежала ко мне, а потом, когда пришла вода, её забыли в землянке или нарочно оставили, и она утонула».

Он представил себе, что должна была испытать Раку, когда вода ворвалась в землянку и стала подниматься всё выше и выше по её телу; как она извивалась и звала на помощь, а ответом был только плеск воды в жуткой темноте ночи; как вода поднялась до груди, до шеи, до рта и залила наконец горло, издававшее последний призыв. А он был сначала тут поблизости и свободно мог её спасти, как только онкилоны ушли. Но она, вероятно, начала кричать только когда вода проникла в землянку, а он в это время уже плыл по озеру.

Ему захотелось вытащить тело и похоронить его где-нибудь; но багра у него не было, да и хоронить пришлось бы разве в снегах за котловиной. Удручённый, он посадил Пеструху, теперь повиновавшуюся зову, взял вещи и поплыл на юг. Он грёб усиленно, надеясь ещё догнать товарищей, и берестянка летела стрелой по спокойной, глубокой воде озёр и каналов.

Вот впереди показалась окраина котловины с выделяющимися на чёрном фоне утёсов белыми сугробами. А на севере всё время клубились белые и чёрные тучи, и по временам оттуда доносился грохот взрывов.

Наконец лес кончился. Горохов выплыл на чистую воду окраины, омывавшую сугробы. И здесь всё затоплено. Где товарищи? Ушли? Утонули? На площадке над сугробами никого не видно!

Но вот высоко на гребне обрыва на светлом фоне неба появился тёмный силуэт человека. Горохов громко заорал, замахал веслом, Пеструха залаяла.

Его заметили — он спасён!

Он подплыл к подножию сугроба, высадил своего пассажира и кладь, тяжело нагрузился и поднялся по ступеням наверх.

Вдруг перед ним развернулся провал — дальше ходу не было. А за провалом стояли уже Горюнов и Ордин.

— Ох, успел-таки догнать вас! — воскликнул Горохов, сбрасывая свою ношу на лёд. — Ну и натерпелся я всякого!

— Придётся тебе долго ждать, пока мы вырубим по льду спуск и подъём, — ответил Горюнов.

— Вот так ямина! От погони вы, что ли, отгородились?.. Да, перебраться тут нелегко, — сказал Горохов, осматривая брешь, окаймлённую отвесными ледяными стенами в несколько метров вышины. — А прорубаться долгонько... Вот что: несите верёвку и бросьте её мне.

Верёвка была уже захвачена на всякий случай, и конец её, к которому привязали камень, перебросили Горохову. Он перетянул верёвку к себе и начал спускать свою кладь на дно бреша, сложив верёвку вдвое; когда кладь была внизу, он отпустил один конец, тянул за другой, и верёвка возвращалась наверх, а кладь оставалась. Так он спустил котомку, одеяло, и наконец Пеструху, пропустив верёвку под ошейник. Собака, повешенная за шею, задышалась и барахталась в воздухе, но спуск произошёл так быстро, что она не успела задохнуться. Теперь нужно было спуститься самому. Недалеко от края обрыва лежала глыба базальта, прочно врезавшаяся в лёд. Якут обернул её верёвкой и спустился вдоль ледяной стены, а внизу отпустил один конец, потянул другой — и верёвка упала к его ногам.

Подъём не представлял затруднений, так как вверху были два человека, которые вытащили якута, собаку и вещи, — первого с трудом, так как он был тяжёл. Выскочив наверх, он бросился в объятия товарищей:

— Слава Богу, добрался! А я уже полагал, что не застану здесь никого!

Действительно, если бы Горохов выплыл из леса только на несколько минут позже, он не увидел бы своих товарищей. Обе оставшиеся нарты были уже на южном склоне гребня, где Никифоров заканчивал их увязку. Горюнов и Ордин в это время вернулись ещё на гребень, чтобы бросить последний взгляд на котловину Земли Санникова, которой они отдали столько недель труда и которая на их глазах погибала под потоками воды и лавы вместе со своими двуногими и четвероногими обитателями. Им удалось собрать много ценных наблюдений, но результаты их трудов так внезапно погибли вместе с одним членом экспедиции в последние часы их пребывания, а другой товарищ добровольно остался в котловине и, конечно, как они думали, тоже погиб.

Под лучами низко стоявшего солнца серебрилось обширное озеро котловины в чёрной раме обрывов и со щетиной островов и кос тёмного леса, а на севере, за колеблющейся стеной из клубов пара и дыма, разыгрывался последний акт драмы Земли Санникова и племени онкилонов. Ордин запечатлел эту печальную картину на последней уцелевшей ещё фотографической пластинке — картину едва открытого для науки и уже погибающего мирка с последними мамонтами, носорогами и представителями первобытного человечества. Сделав снимок, он пошёл укладывать аппарат, а Горюнов остался ещё на минуту и увидел выплывающий из леса челнок Горохова.

Не будь этой счастливой случайности, якут не скоро догнал бы своих товарищей.

Поднимаясь вверх, Горохов увидел зиявшую трещину, услышал о гибели Костякова и понял, как счастливо он отделался.

— В сорочке, видно, я родился, Матвей Иванович, — сказал он, останавливаясь на гребне. — За эти два дня я сколько раз был на краю могилы, да вот жив и здоров, а бедная Раку, из-за которой я, собственно, и остался, утонула по моей вине. Вечная память ей и Павлу Николаевичу!

Он снял шапку и трижды поклонился в сторону Земли Санникова, ставшей могилой стольких людей.

В этот день путешественники отъехали недалеко, и остановились у подножия южного склона земли. Экскурсия по льду в сторону открытого моря показала, что лёд слишком непрочен и может быть взломан первой бурей. Нужно было идти на восток в поисках более надёжного места.

Через льды и по морю

Целую неделю путешественники двигались на восток в поисках надёжного места для переправы; но везде лёд был непрочен; хотя лето кончалось и тёплые дни постоянно чередовались с морозными, но последние не могли ещё не только сковать море, но даже закрепить старые ледяные поля, разрыхлённые таянием. Приходилось ждать начала зимы, а это было возможно только на острове Беннетта, где была избушка, построенная Толлем, и где по берегу можно было собирать плавник для топлива, а также подновить запас провизии охотой на медведей и северных оленей. К счастью, лёд между Землёй Санникова и этим островом в это лето не был разломан, и путешественники, сделав только небольшой крюк к северу, добрались на десятый день до острова. И было пора: корм для собак, взятый из запасов Никифорова, кончился; три дня уже обходились без дров.

Угрюмый скалистый, почти бесплодный остров Беннетта после весёлой Земли Санникова произвёл на путешественников безотрадное впечатление. Но они рады были тесной избушке Толля, находившейся на восточном берегу, в устье небольшой долины с ручейком пресной воды, откуда можно было подняться на плоскую возвышенность, занимающую весь остров. Плавника было довольно, но надежды на охоту не оправдались: оленей не оказалось, а медведи не попадались. Пришлось начать убивать собак для корма остальных; ввиду гибели одной нарты была лишняя упряжка, которая и пошла на съедение.

Так прожили десять дней, но положение не изменилось; лето всё ещё держалось, несмотря на начало сентября, и лёд продолжал таять и разрушаться. Приходили к концу и запасы пищи для людей. Все четверо, оставляя Аннуир охранять избушку и собак, каждый день ходили на охоту, исколесили и осмотрели остров по всем направлениям — он имеет километров шестнадцать в длину и восемь в самой широкой восточной части, — но приносили только изредка ворону или чайку.

— Вот что, товарищи, — сказал однажды Горюнов. — Ждать дольше нельзя — мы останемся без собак к тому времени, как море замёрзнет, то есть когда они именно нужны. Барометр уже несколько дней стоит замечательно высоко, море спокойно и бури ждать нельзя. Вещей у нас, кроме тёплой одежды и ружей, очень мало, собак осталась половина; если их сократить ещё, оставив только пять-шесть лучших,

---

мы все поместимся на байдаре. Пользуясь тихой погодой, в день-два переплывём на Котельный; там у нас есть запас корма для всех, и там можно выждать зиму, если погода переменится; если нет, поплывём и дальше — вдоль берега Котельного и к матерiku.

Обсудив этот план, пришли к выводу, что он вполне целесообразен: день был ещё достаточно длинный — более двенадцати часов; меняясь на вёслах, можно было переплыть семьдесят миль через море до мыса Высокого на острове Новая Сибирь, ближайшем к Беннетту, в день, в крайнем случае — в два, переночевав на одном из ледяных полей, которые плавали среди моря. Конечно, внезапно налетевший шторм мог потопить байдару; но то же грозило бы и позже, при переправе через едва замёрзшее море, с той разницей, что тогда, в октябре, день длится только часа два-три, а ветры, ломающие лёд, бывают гораздо чаще.

Итак, было решено, что если к вечеру барометр не упадёт, убить лишних собак, накормить остальных до отвала, а на рассвете тронуться в путь, оставив всё лишнее имущество в избушке. С этой целью груз был тщательно пересмотрен.

К вечеру барометр поднялся ещё немного, и несколько собак, служивших верой и правдой, с тяжёлым сердцем были принесены в жертву. Крот, Белуха и Пеструха, конечно, остались в числе живых. Чуть свет путешественники покинули гостеприимную избушку, протащили байдару по льду километра два до открытого моря и затем на восходе солнца отчалили, держа курс прямо на юг. Так как байдара была тяжело нагружена, то плавание шло не так быстро, как надеялись, и до заката проплыли немного больше половины. В середине моря стали чаще попадаться плавающие льды, и продолжать путь ночью было рискованно. Пришлось причалить к ледяному полю, на котором и расположились ночевать. При закате мыс Высокий был уже ясно виден на горизонте.

На рассвете поднялись и продолжили плавание. Когда рассвело, Никифоров и Горохов, всматриваясь в даль, одновременно воскликнули:

— Вот так штука — за ночь нас здорово отнесло в сторону!

— Куда же? Куда? Земли не видно? — спросил Ордин.

— Земля-то видна, да не та, что была вчера.

— Куда же нас могло унести?

— Или на восток — тогда мы видим восточную часть Новой Сибири, — или на запад, тогда перед нами Фаддеевский, или даже Котельный остров, — сказал Горюнов.

— Даль неясна, — заявил Горохов, — нельзя ещё разобрат, какая земля.

— Всё равно, какая бы ни была, плывём к ней; барометр за ночь начал падать, нужно поторопиться! — заметил Ордин.

Когда солнце поднялось выше и рассеялся лёгкий туман над морем, Горюнов взял бинокль, посмотрел на землю и спросил:

— А ну-ка, Никита — зоркие глаза! Какая земля перед нами?

Горохов всмотрелся, прикрыв глаза от солнца, и сказал:

— Котельный остров!

— Верно! И льдина за ночь избавила нас от плавания по очень скверным местам вдоль островов. Теперь мы причалим прямо к нашему складу.

Действительно, к полудню уже не оставалось сомнения, что в виду остров Котельный, — все узнали его очертания, исчез только почти весь снег, покрывавший его весной.

Под вечер причалили к ледяному поясу, окаймлявшему остров, и на протяжении пяти километров пришлось вспоминать весенние дни, перетаскивая нарты через торосы. В сумерки добрались до поварни у подножия северного мыса.

В складе не всё было цело — очевидно, летом промышленники, охотившиеся на острове, пользовались провизией, особенно юколой. Но для небольшого числа уцелевших собак корма осталось довольно.

На следующий день погода была ещё яснее, но барометр сильно падал и предстояла резкая перемена. Не следовало испытывать слишком часто судьбу, и решили выждать. Действительно, вечером началась буря, а утром повалил снег, грянул мороз, и сразу началась зима. Пурга с короткими перерывами длилась до конца сентября, но корма для собак, провизии для людей и топлива было достаточно, и путешественники отсиживались и отсыпались в поварне. Путь домой был ещё далёк, но главное препятствие — открытое море — было уже пройдено.

В один из случайных ясных дней все поднялись на высоты над мысом и смотрели на еле видневшиеся на горизонте вершины Земли Санникова. Что делалось там? Кончилось ли извержение? Ушла ли опять вода из котловины? Или всё живое погибло, и через несколько лет исчезнет в воде или в снегах и лес — последнее доказательство богатой жизни среди льдов Севера. Все смотрели с грустью на эту далёкую землю, где каждый из них оставил нечто дорогое. Особенно Аннуир. Последняя страдала от непривычных для неё сильных холодов,

---

хотя носила тёплую одежду Костякова, пришедшуюся ей по росту. Она часто грустила по покинутой родине, привычным условиям жизни и по погибшим соплеменникам. Она не раз спрашивала остальных:

— Неужели и там, где ваша земля, всё такой холод и ничего, кроме снега и льда?

В начале октября установившаяся зимняя погода позволила продолжать путь, конечно, на нартах. Более тяжёлую нарту тащили собаки, более лёгкую — по очереди двое людей. Дни были короткие, и приходилось идти и ночью, если светила прибывавшая луна. В поварне на мысу Медвежем пришлось пережить пургу, взломавшую лёд, и потом с большим риском идти по тонкому льду до Малого Ляховского. На Большом Ляховском дважды пережидали пургу. Собачий корм был на исходе, провизия также, зато нарты стали легче и двигались быстрее. Только в последних числах октября путешественники, сильно утомлённые, с тремя оставшимися в живых собаками прибыли в Казачье.

Опять у академика

Целую неделю в избе Никифорова путешественники отдыхали от трудов и лишений длинного пути; они просыпались только чтобы поесть, и снова ложились спать. Впрочем, полярная зимняя ночь и жестокие морозы не располагали и остальное население печального края к усиленной деятельности.

На наивную Аннуир жалкое Казачье с его двумя десятками избушек, занесённых снегом, произвело впечатление большого селения; она впервые видела дома с крышами, печи с трубами, окна, столы, стулья, кровати, впервые узнала, что можно спать и сидеть не на земле и есть не с колен; всё это были диковины, к которым приходилось привыкать, хотя иное казалось ей смешным или ненужным.

Собственно, прибытием в Казачье экспедиция, давшая такие открытия, но закончившаяся гибелью одного участника и всех коллекций и записей, могла бы считаться завершённой, и Горюнов мог бы остаться где угодно, послав академику Шенку подробный письменный отчёт. Но слишком велико было уважение Горюнова к этому учёному, доверившему крупную сумму и инструменты неизвестному человеку на почти фантастическое предприятие. Ему хотелось явиться лично и

подтвердить свой рассказ показаниями второго участника. Кроме того, нужно было сдать инструменты и деньги, вырученные при продаже нарт, байдары, ружей, палатки и прочего. Большую часть этого имущества приобрели Горохов и Никифоров, очень ценившие хорошие нарты и ружья.

Собрав около тысячи рублей, включая и остаток денег, выданных Шенком, Горюнов, Ордин и Аннуир выехали через Верхоянск в Якутск. Но здесь встретились препятствия: срок ссылки Ордина ещё не кончился, и губернатор не соглашался его отпустить, а Аннуир одна не хотела ехать, так как дальний путь зимой её страшил. Ордину было разрешено остаться в Якутске, который произвёл на Аннуир уже впечатление огромной столицы с массой диковинных вещей, начиная с кошек, коров и запряжённых лошадей и кончая бальными платьями и граммофоном.

Горюнову пришлось поехать одному и удовольствоваться фотографией Аннуир в её «домашнем» костюме, то есть в татуировке и пояске стыдливости, небольшой коллекцией горных пород с Земли Санникова и острова Беннетта и последней фотографией Земли Санникова, снятой с гребня при отъезде. В конце декабря он прибыл в столицу, и тотчас явился к Шенку.

Последний знал из короткой телеграммы только об открытии Земли Санникова и возвращении участников, и с понятным нетерпением ждал приезда Горюнова, которого хотел представить академии и учёным обществам для публичных докладов о замечательном путешествии.

Но Горюнов попросил выслушать сначала наедине его устный доклад.

И вот в один вечер в той же комнате, как и год назад, за тем же столом Шенк выслушал рассказ Горюнова. Когда дело дошло до мамонтов, носорогов, быков и других «живых окаменелостей», он весь просиял и воскликнул:

— Конечно, вы их измерили, фотографировали и привезли хоть что-нибудь в доказательство этого замечательного открытия!

Существование онкилонов и палеолитического человека также поразило его, равно как и сведения об их жизни и нравах.

Перед тем, как изложить тяжёлые воспоминания о последних днях Земли Санникова и её обитателей, Горюнов сделал паузу. Шенк принял это за окончание рассказа и сказал:

— Вы ведь привезли дневники, фотографии, может быть, даже черепа и шкуры животных, утварь онкилонов и дика-

---

рей? Вот так доклад мы устроим и поразим всех фом неверующих!

— Да, всё это было у нас... Но всё, всё погибло!

— Ну что вы говорите! Так-таки всё, всё?

С волнением выслушал Шенк конец рассказа, рассмотрел фотографии и горные породы, и сказал:

— Итак, мы знаем теперь, по свидетельству четырёх очевидцев, что Земля Санникова существует, находится на север от острова Котельного примерно в ста километрах, представляет огромный кратер вулкана, недавно возобновившего свою деятельность. Вот на основании этих данных я попытаюсь в недалёком будущем побудить академию снарядить экспедицию, достаточно снабжённую средствами и научными силами, чтобы достигнуть этой земли и поскорее изучить то, что ещё осталось от её населения. Вы оба, конечно, примете в ней участие, чтобы своей опытностью обеспечить успех предприятия.

— О, разумеется! Но как теперь с докладом в академии и учёных обществах? — спросил Горюнов.

— Сейчас он только испортил бы дело, — сказал Шенк. — Согласитесь, что всё, что вы мне рассказали, так необычайно, так чудесно и неправдоподобно, что нужны убедительные доказательства, а то, что вы можете предъявить слушателям, слишком недостаточно. Эта фотография татуированной женщины... скажут — это эскимоска или чукчанка, они ведь в жилищах ходят также раздетыми и татуируются, а тип у них такой же. Вот этот базальт с гребня Земли Санникова — чем вы можете доказать, что он взят не с острова Беннетта или с Святого Носа? А эта фотография котловины с озером и извержением вулкана — на ней почти ничего не видно! Почему вы не фотографировали больше и лучше после гибели нарты с результатами?

— Потому что мы израсходовали весь запас пластинок в котловине на фотографии людей, животных, природы, и случайно осталась только одна в кассете. Эту женщину я фотографировал уже в Якутске.

— Обидно! Если бы хоть были снимки Земли Санникова с гребня, а также острова Беннетта, то это были бы доказательства. А так никто не поверит вам.

— Неужели и вы не верите мне? — воскликнул удручённый Горюнов.

— О нет, я вполне верю! — поспешил успокоить его Шенк. — Выдумать всё, что вы рассказали, невозможно... Но другие люди, более недоверчивые, скажут: вот старый глу-

---

пый человек дал деньги каким-то неизвестным ссыльным, наговорившим ему турусы на колёсах. Они эти деньги прокутили и потом сообща сочинили поучительный рассказ для маленьких детей о фантастической земле и её чудесном населении, который и преподнесли доверчивому Шенку для оправдания расходов. Нет, лучше пока помолчим!

— Пока? До каких пор?

— Пока новая экспедиция с вашим участием не посетит эту землю, не найдёт этот огромный кратер, затопленные леса, новый вулкан, кости животных и людей. Тогда и вы выступите со своим докладом, который, подтверждённый документами и участниками новой экспедиции, уже встретит полное доверие и сохранит для науки сведения о жизни и гибели населения злополучной Земли Санникова...

— Да, вы правы! — сказал Горюнов. — Это будет более целесообразно. Дискредитировать вас и себя мы, конечно, не хотим.

— Но, — продолжал Шенк, — время течёт и сглаживает воспоминания. Необходимо на свежую память теперь же составить описание — для меня лично — всего путешествия. Я его сохраню до благоприятного момента.

— Конечно, я сделаю это обязательно, это мой священный долг. Кое-что я записывал на острове Беннетта и во время сидения в поварнях, и в Якутске. Теперь я всё это изложу систематически и представлю вам через две-три недели. А вот и наш денежный отчёт и остатки так щедро отпущенных средств.

Шенк посмотрел отчёт, но деньги вернул Горюнову:

— Я вижу, что вы не положили ни себе, ни Ордину никакого вознаграждения. Это неправильно — всякий труд должен быть оплачен.

— Но ведь мы не привезли вам почти ничего, кроме фантастического рассказа и двух десятков камней, поэтому не заслуживаем никакого вознаграждения.

— Вот то, что вы вернули мне часть денег и не поленились приехать из Казачьего, за десять тысяч километров, чтобы представить эти остатки и свой рассказ, уничтожило бы последнее сомнение в вашей правдивости, если бы таковое у меня было. Нет, вы выполнили очень трудную задачу, и не ваша вина, что результаты погибли. Это случилось уже не раз; тонут корабли, везущие коллекции и отчёты, и сами участники едва спасают свою жизнь. И с вами случилось кораблекрушение. Гибнут коллекции, пересылаемые по почте. Нет, нет, вы должны быть вознаграждены. Кроме того, вы будете

писать для меня отчёт, будете жить ради этого здесь, а жизнь в столице дорога. Возьмите деньги хоть как гонорар за этот отчёт.

Горюнову пришлось взять деньги, чтобы не обидеть Шенка.

Вскоре он представил отчёт, а затем поступил в университет, чтобы лучше подготовиться к предстоящей экспедиции.

К сожалению, она не состоялась до сих пор. Разразилась война с Японией, и академия не могла получить необходимые средства. А по окончании войны Шенк умер, едва сделав первые шаги для осуществления проекта. Не стало ходатая за исследования Северной Сибири, и о ней забыли надолго. Горюнов и Ордин тщетно ждали извещения от Шенка, и занялись другими делами. Но отчёт, сохранившийся среди бумаг Шенка в архиве академии, послужил материалом для этой книги. Может быть, она возбудит интерес к таинственной Земле Санникова в ком-нибудь из нового поколения и побудит отправиться на поиски её среди ледяных просторов Северного моря.

Послесловие

Молодой читатель, познакомившись с описанием приключений Горюнова и его спутников на Земле Санникова, имеет право спросить автора: существует ли вообще эта земля, затерянная среди Северного полярного моря? Ведь эта книга — научно-фантастический роман, придуманный автором для поучения и развлечения юношества.

На этот вопрос читателя автор отвечает: путешествие на эту неизвестную землю действительно придумано.

Вопрос, существует ли в настоящее время Земля Санникова, решён новыми советскими исследованиями Арктики так: эта земля существовала, может быть, более ста лет, как показали наблюдения Санникова и Толля, но не так давно исчезла. В пределах восточной части Ледовитого океана, изучаемого нашими полярными исследователями, обнаружены плавающие острова. Новые исследования советских учёных подтвердили вывод адмирала С. О. Макарова, сделанный ещё в 1899 году, о существовании в Ледовитом океане дрейфующих ледяных островов. Плавая в августе к северу от большого острова Шпицберген, Макаров увидел среди морского льда неизвестный остров. Спутники адмирала нашли на острове валуны и

мелкие камни, а лёд острова оказался не морским, а пресноводным. Макаров установил, что это был огромный айсберг, очевидно, сползший с Шпицбергена, где он составлял конец ледника.

В Ледовитом океане известно довольно много больших гористых островов, имеющих ледники, сползающие в море. Образующиеся айсберги попадают в морские воды и переносятся течениями с места на место во время летнего вскрытия льда. Так, в 1939 году севернее острова Генриетты заметили два крупных айсберга, а в 1946, 1948 и 1950 годах советские лётчики открыли в высоких широтах три дрейфующих ледяных острова значительной площади; они видели ледяные холмы и горы, речки и озёра, возникающие при таянии льда и снега, и огромные валуны — морены ледников. Советские учёные установили, что айсберги откалываются от ледников Земли Франца-Иосифа, Северной Земли и Канадского архипелага, и переносятся морскими течениями даже несколько лет, пока не растают.

Можно думать, что и Земля Санникова представляла такой ледяной остров — айсберг, отколовшийся от какого-нибудь ледника Северной Земли. К северу от Новосибирского архипелага он, очевидно, сел на мель в мелком море и простоял более семидесяти лет, ибо Яков Санников заметил этот остров к северо-западу от острова Котельного в 1811 году, а Эдуард Толль в 1886 году при совершенно ясной погоде видел на том же месте четыре плоско-конические столбовые горы с примыкавшим к ним с востока низким предгорьем. Но возможно, что оба наблюдателя видели не один и тот же остров, а разные, севшие на мель приблизительно на одном и том же месте в разные годы своего образования.

Такие плавучие ледяные острова, конечно, не могли дать приют онкилонам, бежавшим от чукчей с северных берегов Восточной Сибири. На плавучих островах не может быть никакой растительности. Такие острова не могли привлекать и птиц для гнездования. Можно думать, что птицы, прилетающие с юга на лето в северные страны, искали себе более надёжные места для высиживания птенцов, которых было достаточно на архипелагах островов Ледовитого океана.

Молодым читателям этого романа будет интересно узнать следующее о недавнем прошлом области Ледовитого океана: Северный Ледовитый океан вообще очень богат большими и малыми островами во всей его области, окаймляющей берега Европы, Азии и Америки. На этих островах встречаются нередко молодые вулканические породы, а на некоторых, на-

---

пример, на острове Исландия, находятся действующие вулканы. Это доказывает, что предположенный мною в романе большой вулкан, составляющий Землю Санникова, не является чем-то мало правдоподобным в этой области Земли. Геологические исследования уже обнаружили, что восточная часть Ледовитого океана на всём протяжении от Таймырского полуострова до острова Врангеля и на север до 80° северной широты представляла собой в начале четвертичного периода сушу, северную окраину Сибири. Это доказано остатками крупных млекопитающих — мамонтов, носорогов, быков, лошадей, найденных в почве островов. Они не могли бы находиться здесь, если бы эти острова не составляли прежде одно целое с Сибирью ещё в начале четвертичного периода. Исследования показали также, что на некоторых островах ещё сохранились толщи льда — остатки ледников, прежде покрывавших более высокие участки суши.

На острове Большом Ляховском, составляющем часть Новосибирского архипелага, в этом ископаемом льду схоронены многочисленные бивни мамонтов, которые добывались промышленниками, приезжавшими ранней весной с материка, чтобы собирать бивни, вымытые морским прибоем из льда. В старое время на ярмарку в Якутске ежегодно привозили одну-две тысячи пудов бивней; это доказывает, что на бывшей суше в начале четвертичного периода жили сотни этих крупных животных. Такое обилие мамонтов на маленьких островах можно объяснить тем, что на островах, составлявших высокие части прежней суши, мамонты скопились в большом количестве в то время, когда началось погружение бывшей суши под уровень Ледовитого океана, и животные спасались от воды, заливавшей низменные площади. Итак, мы имеем доказательства существования на этой бывшей части суши севера Сибири вулканов, больших стад мамонтов и ледников, и можем определить время опускания этой суши под уровень моря. Это опускание случилось во время или в конце последней ледниковой эпохи: нахождение изображений мамонтов, сделанных первобытными людьми, доказывает существование в это время и этих людей.

Таким образом, предположение моего романа, что на уединённом большом острове среди Ледовитого океана, представлявшем когда-то вершину и кратер большого вулкана, благодаря теплу последнего сохранились с конца ледниковой эпохи мамонты и первобытные люди, не представляется совершенно неправдоподобным. На том же благодатном острове среди полярных льдов могли найти приют и онкило-

---

ны, выходцы из Аляски и родственные племенам индейцев Америки, отступавшие под напором чукчей на острова Ледовитого океана.

Вопросом об исчезновении онкилонов следовало бы заняться Институту истории материальной культуры или Институту истории Академии наук СССР, чтобы выяснить историю этой народности севера Сибири, существовавшей триста или четыреста лет назад. На островах Новосибирского архипелага находили остатки их жилищ своеобразного типа, доказывающие, что представители этого племени некоторое время проживали на этих островах, но больше о них ничего не известно. Полярные исследователи XIX века их на островах не нашли. Вымерли ли все онкилоны от какой-нибудь эпидемии или погибли при попытке переплыть на байдарках или перейти по не окрепшему ещё молодому льду с одного острова на другой?

Остаётся неясным также вопрос о пролёте птиц весной на север и возвращении их осенью на материк, о чём встречаются иногда сообщения в печати. Для решения этого вопроса нужно:

1. Тщательно опросить население всего северного берега Сибири, начиная от устьев рек Оленёка и Лены на западе до устья реки Колымы на востоке, а также зимовщиков на островах Новой Сибири и Врангеля относительно того, продолжают ли перелёты птиц на север весной туда и осенью обратно, а если продолжают, то в каком количестве и в каком составе, то есть какие породы птиц наблюдаются в пролетающих стаях и какие из них преобладают.

2. Если пролёты птиц ещё продолжают, то самолёты, совершающие ежегодные разведочные полёты над льдами океана, чтобы изучить их количество и движение в связи с вопросами успешной навигации по Северному морскому пути, должны постоянно иметь в виду существование неизвестной земли среди льдов и вести наблюдения, чтобы наконец обнаружить её размеры, рельеф и все особенности. Пролёт птиц на север, замеченный ещё в 1938 году зимовщиком на острове Генриетты, доказывает, что в этом году какая-то земля, удобная для летовки и гнездования, на севере среди льдов существовала. Но восточное положение этого острова позволяет сомневаться в том, что эти птицы направлялись на Землю Санникова, которая должна была находиться (если существовала в 1938 году) западнее. Следовательно, среди льдов к северу от архипелага Де-Лонга ещё в 1938 году должна была быть какая-то земля, годная для летовки птиц.

Может быть, кто-нибудь из молодых читателей, сделавшись полярным лётчиком, поставит себе задачей решить загадку этой земли, откроет её под пеленой тумана среди льдов, спустится на неё, обследует и поведаёт нам, что эта земля представляет в настоящее время.

Не следует ли в заключение вспомнить о существовании в Ледовитом океане к северу от Таймырского полуострова архипелага Северной Земли, который был впервые обследован в 1930—1932 годах экспедицией из четырёх человек, в составе которой был геолог Урванцев, описавший эту экспедицию и её открытия в хорошей книге. Но изучение архипелага этой экспедицией оставило ещё много нерешённых вопросов, и повторение её для более полного изучения этого архипелага очень желательно в ближайшие годы.

Владимир Обручев

В огромном творческом наследии Владимира Афанасьевича Обручева (1863—1956) беллетристике отведено скромное место.

Он мечтал о литературском призвании, ещё учась в Петербургском горном институте, однако профессия геолога завладела воображением Обручева гораздо больше.

В 1886 году, окончив институт, он отправился в Каракумы на строительство Закаспийской железной дороги изучать состав песков и способ их закрепления, а в 1888-м уехал в Иркутск и стал успешно заниматься поиском месторождений золота, угля, графита, ляпис-лазури. В 1892 г. Обручев присоединился к китайской экспедиции Г. Н. Потанина и в течение двух лет и на протяжении свыше тринадцати с половиной тысяч километров вёл исследования самостоятельные, чрезвычайно обширные, богатые открытиями. Потом он трудился на забайкальском участке Транссибирской железнодорожной магистрали.

XX век начался с преподавания в недавно открывшемся Томском технологическом институте. От подобной деятельности в Москве и Петербурге Обручев отказывался, но Томск привлёк возможностью и полевой работы. В 1901—1912 годах Обручев заведовал кафедрой геологии, два года был деканом химического отделения, и девять лет — деканом горного, последние три томских года руководил редактированием журнала «Известия Томского технологического института».

В 1905 г. он вступил в партию конституционных демократов, и несколько месяцев возглавлял её местный отдел. Состоя в редколлегии газеты «Сибирская жизнь», он публиковал фельетоны под псевдонимами *Кадет* и *Ш. Ёрш* (последний понимался как «ищи», по-французски — *cherchez*).

Судя по повести «На Столбах» (красноярские Столбы он посетил в 1908 году), Обручев сочувствовал революционерам-радикалам, однако их не поддерживал. Герои повести «дали клятву жить и, если придётся, умереть ради пользы Сибири и ради всех угнетаемых, обираемых, истребляемых коренных жителей её», и «ехать учиться в столицу, чтобы вернуться на родину знающим и полезным работником...» — тут ощутимо влияние Г. Н. Потанина, пиетет к которому Обручев сохранил навсегда.

В 1912 г. Министерство народного просвещения взялось за чистку вузов от политически нежелательных преподавателей, Обручеву предложили подать в отставку, и больше в Томске он не бывал. В Москве он содержал семью на пенсию и гонорары от экспертиз и научно-популярных статей.

При советской власти, в 1918-м, Обручев поступил в горный отдел Высшего совета народного хозяйства, уехал в Донбасс исследовать месторождения угля и огнеупорных глин и после завершения дел остановился во взятом немцами Харькове. Здесь в университете Обручеву без защиты диссертации присвоили степень доктора наук, и он отправился в Симферополь, где два года преподавал в университете. Когда красные одолели белых, Обручев возвратился в Москву.

В 1921 г. его избрали в Горную академию профессором кафедры прикладной геологии: тут он вновь совмещал научные занятия с административными (то декан, то проректор), которые отнимали много сил, и в 1929 г. решил Горную академию оставить.

Литературская популярность пришла к нему поздно, в шестьдесят один год. Рукописи художественных сочинений обычно складывались в стол, и только в 1924 году Обручев надумал опубликовать роман «Плутония» (1915), фантастический, но более правдоподобный, нежели «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна, чьё изображение полой планеты Обручев счёл неверным. Своей задачей он поставил увлечь читателей картинами доисторических эпох, всё более древних по мере путешествия вглубь Земли, и критика упрекала автора в том, что он «ярче воссоздаёт образы вымерших чудовищ, чем людей».

В 1924 году Обручев завершил научно-фантастический роман «Земля Санникова». Поводом к его созданию опять послужило недовольство: Карел Глоух в романе «Заколдованная земля» поместил оазис с первобытными людьми и мамонтами в Гренландии, а такого быть не могло б, поскольку ледники там движутся. Сюжетом Обручев избрал поиск таинственного острова в море Лаптевых, виденного в 1811 г. полярными исследователями Я. Санниковым и М. Геденстромом, и в 1886-м фиксированного Э. В. Толлем как «контур четырёх столовых гор, которые на востоке соединились с низменной землёй».

Жизнь Земли интересует автора никак не меньше, чем жизнь её обитателей. Он может сообщить, что стойбище дикарей «составляет как бы одну семью, потому что прочных связей между отдельными мужчинами и женщинами нет: все

женщины принадлежат всем мужчинам, а дети считаются общими», — но вдруг описывает обычную семью этих вампу. Относительно жизни самой Земли подобных ошибок не найти.

В 1928 г. Обручев издал приключенческий роман «Золотоискатели в пустыне» про быт китайских рудокопов в 1860-х годах, во время восстания дунган (китайских мусульман), а в 1929-м выпустил роман «Рудник Убогий» о разработках золота в Кузнецком Алатау в начале XX века.

В 1929 г. Обручева избрали академиком, он переехал в Ленинград, и по 1933-й возглавлял основанный им Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт. В 1935 г. Обручев опять вернулся в Москву, в 1939-м занял пост директора Института мерзлотоведения, а во время войны руководил на Урале разведкой полезных ископаемых. Геолога равного Обручеву в России не существовало. По словам доктора геологических наук Б. А. Федоровича, Обручев «один был целым университетом геологических и географических знаний».

Наиболее примечательным произведением послевоенных лет стала напечатанная в 1951 году повесть «В джунглях Центральной Азии» о былом путешествии по Китаю.

Но среди опубликованных, неизданных или неоконченных сочинений Обручева лучшим остаётся «Земля Санникова».

В конце 1930-х Обручев посылал к Земле Санникова корабли и самолёты. Остров не находили, и академик сетовал, что, вероятно, «земля была покрыта ещё глубоким снегом и мало отличалась от окружающих льдов». За пару месяцев до смерти он выразил надежду, что Землю Санникова найдут: «...всё-таки плохо её искали». Расставаться с мечтой было трудно.

Полёты птиц на север и возвращение их с потомством оставались не объяснимыми, и лишь после смерти Обручева узнали, что они летят через полюс в Северную Америку. Земля Санникова, как и пропавшая земля Андреева, как и реальные, с растительностью и костями мамонтов, растаявшие острова Васильевский и Семёновский (все в море Лаптевых), существовала, но состояла из льда и грунта, принесённого ветрами с ближайших островов. Она растаяла, и о ней сейчас напоминает лишь огромная отмель.

Николай Серебренников

Содержание

На Столбах

Часть I. Богиня Любви.	7
Часть II. Ангел Смерти.	25

Земля Санникова

Предисловие	55
«А всё-таки она существует!».	56
Исчезнувший народ	61
Дело налаживается.	63
В путь-дорогу	68
Кладбище мамонтов.	72
Между островами Новой Сибири	79
Вдоль острова Котельный.	84
Через Ледовитое море	88
На пороге обетованной земли	96
Первый день на Земле Санникова.	102
Странные животные.	106
Пузырящиеся озёра	114
Первые признаки человека	120
Встреча с онкилонами	126
Жертвы и моления.	133
Священный камень	139
Охота на носорогов.	147
Первое знакомство с вампу	150
Праздник выбора жён.	157
Битва с вампу	167
Кладбище онкилонов	174
Охота на охотников	180
Долина Тысячи Дымов	188
Боги вампу	195
Священное озеро	203
Охота на ленную птицу	207
Тревожные признаки	210
Положение осложняется	218
Чёрная пустыня	224
Жертвоприношение	228
Последние дни у онкилонов	236
Наводнение.	243
Плавание по земле	249
Катастрофа	255

Приключения Никиты	262
Бегство	269
Последняя речь шамана	274
Жуткое соседство.	281
Через льды и по морю.	286
Опять у академика	289
Послесловие	293
<i>Николай Серебрянников.</i>	
Владимир Обручев	298

«Томская классика»

Произведения, включённые в серию, соответствуют трём критериям: содержат местный материал или написаны в Томске; имеют художественную и общественную ценность; известны за границами области.

1. И. А. Куцевский. Николай Негорев, или Благополучный россиянин.

2. Н. И. Наумов. Избранное.

3. Г. Д. Гребенщиков. Избранное.

4. В. Я. Шишков. Избранное.

5. Г. М. Марков. Строговы.

6. М. Л. Халфина. Избранное.

7. В. В. Липатов. Избранное.

8. Вл. А. Колыхалов. Дикие побеги.

9. В. Д. Колупаев. Избранное.

10. К. М. Станюкович. Избранное. Константин Михайлович Станюкович (1843, Севастополь, — 1903, Неаполь) — русский писатель, известен произведениями на темы из жизни военно-морского флота. За три года жизни в Томске написано: роман и многочисленные рассказы. Здесь, в ссылке, за тысячи километров от морей и океанов, Станюкович создавал те произведения о русских моряках, которые в итоге и принесут ему мировую славу.

11. В. А. Обручев. Избранное. Владимир Афанасьевич Обручев (1863 г., Ржев — 1956 г., Москва) — русский геолог, палеонтолог, геоморфолог, географ, писатель-фантаст, академик АН СССР. После революции 1905 Обручев состоял в Конституционно-демократической партии, возглавляя её томский комитет. С 1901 по 1912 преподавал в Томском технологическом институте и был организатором его горного отделения.

12. Н. А. Клюев. Избранное. Николай Алексеевич Клюев (1884, деревня Коштуги, Олонецкая губерния, — 1937, Томск. Расстрелян) — русский поэт, лидер так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века.

13. Ф. И. Тихменёв. Избранное. Фёдор Иванович Тихменёв (1890 г., с. Шерагул, Нижнеудинский уезд, Иркутская губ. — 1982 г., Томск) — один из организаторов в 1932 году литературного объединения в Томске.

14. Б. Н. Климычев. Избранное. Борис Николаевич Климычев (1930, Томск — 2013, Томск) — прозаик и поэт, журналист. Почётный гражданин г. Томска.

Литературно-художественное издание
Владимир Афанасьевич Обручев
Избранное

Редактор книжной серии *Г. К. Скарлыгин*
Редактор-составитель тома *Н. В. Серебрянников*
Технический редактор *А. Р. Рубан*
Корректор *И. А. Сердюк*

Издание Томской писательской организации.
Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания».
Подписано в печать 30.04.2015 г. Печать офсетная.
Формат 140×240 мм. Шрифт Cambria.
Усл. печ. л 18,92. Уч.-изд. л. 15,91. Тираж 1 000 экз.

ТОУНБ имени А.С.Пушкина

13822000358635